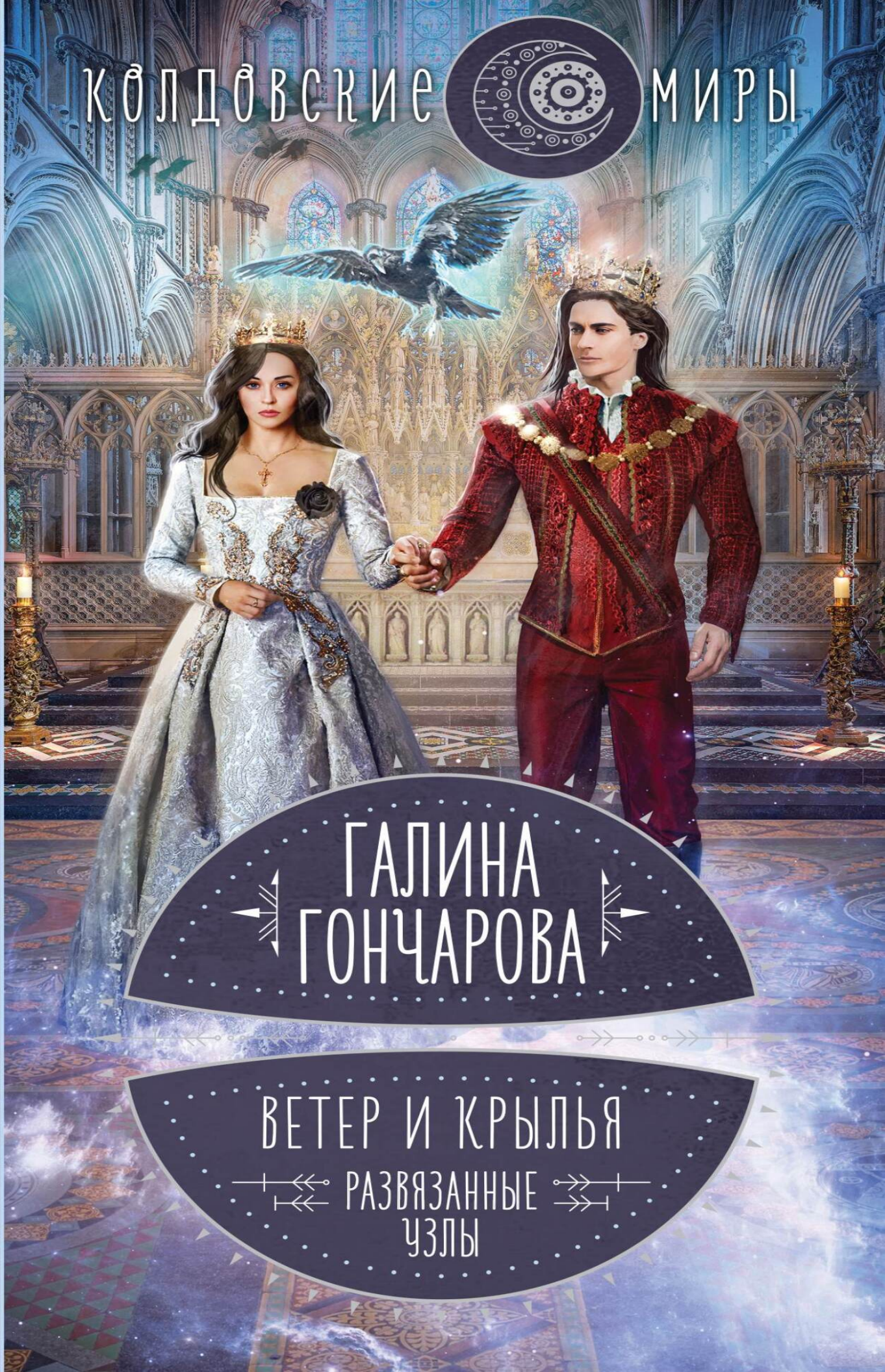

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

ВЕТЕР И КРЫЛЬЯ

РАЗВЯЗАННЫЕ
УЗЛЫ

Annotation

Дороги Эвроны извилисты и запутаны.

Находит свою любовь Мия Феретти. Но будет ли она счастлива? Взаимно ли ее чувство? Ведь кровь метаморфа еще не гарантия крепкого союза.

Во исполнение древнего долга выходит замуж Адриенна. Счастье? Какое может быть счастье во дворце? Там, где интригуют все, где за каждым углом убийца, где приходится следить за каждым словом и жестом, чтобы не выдать себя. А корона давит на виски. И требует... А муж-король любит другую.

Неспокойно и в самой Эвроне. Убийства людей, черные мессы, заговор...

Напряжение нарастает. Дороги извилисты, но рано или поздно они приведут к цели своих подопечных. Дороги плетутся...

- [Галина Гончарова](#)

-

- [Пролог](#)

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

Галина Гончарова

Ветер и крылья. Развязанные узлы

© Гончарова Г.Д., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Комната была небольшой и больше всего напоминала жилище безумного книжника.

Бумаги, бумаги, бумаги...

Свитки, книги, отдельные листы, карты... Они валялись с полок, сползали ленивыми змеями со стола, раскатывались по полу, они занимали чуть ли не каждый квадратный сантиметр поверхности.

Исключением оставалось кресло, в котором сидел высокий мужчина.

Сидел, перелистывал книгу, лениво попирал ногой какой-то свиток.

А в книге...

В книге был рисунок, в котором каждый здравомыслящий человек преотлично узнал бы Леверранское чудовище.

– Сколько усилий!

Рисунок молчал. Чудовище тоже не торопилось отвечать, ибо уже было чучелом и стояло в покоях его королевского величества. В комнате с охотничьими трофеями.

А что?

Он король?

Значит, все, что наохотили в королевстве, – его трофей. На его же земле!

Впрочем, Делука не возражали. Его величество был щедр, а чучело... а зачем им? В родовом замке поставить, пыль собирать?

Или по городам возить, за деньги показывать?

Хоть так, хоть этак – неинтересно. Пусть вот его величество гордится.

– И все впустую. Управлять тобой нельзя, приказывать не получается, сожрать норовишь все, до чего доберешься. Но раньше-то справлялись... только как? Знать бы, что такое «измененная кровь» и как вам ее давать.

А так...

Бессмысленные хлопоты.

Да и пес с ним!

Сбежал – и ладно! Убили – и не жалко.

Новых он будет создавать не раньше, чем разберется со старыми записями. Если поймет, что такое измененная кровь, куда она тут применима...

Сложно!

Даже если у тебя под рукой есть своя, личная ведьма, даже если она тебе полностью подчиняется... все равно – не то!

У этой ведьмы и силенок с гулькин нос, и азарта нет... То ли дело у ее подруги!

Но та испугалась и сбежала... Старуха говорит – померла, но веры ей особо нет.

Ладно!

Будет день – придет и дело. Разберемся и что, и как... и создавать кого-то еще, или так обойдется? Может и обойтись...

Мужчина небрежно перевернул страничку в книге.

Ритуалы на крови.

Красивое заглавие. И ритуалы интересные... позволяют даже поменять пол ребенка во чреве матери. Правда, мать погибнет тогда при родах, но все равно... это много где применимо. Если мужчина очень хочет наследника и не хочет навязанную жену...

Надо почитать.

На пальце мужчины кровавой каплей сверкнул темный рубин.

Глава 1

В столице

– Вы это серьезно?!

Его величество Филиппо Третьего чуть кондрашка прежде времени не хватила. А кто бы на его месте удержался? Это ж...

Да слов таких нет!

Разве что самые черные и матерные!

Как оказалось, вчера вечером в столице умерли два дана.

Ладно еще какой-то Джакомо Феретти... Его величество и знать не знал, что это за Феретти такие и где они водятся.

А дан Густаво Бьяджи? Рубиновый король?

И ладно бы он по уважительной причине умер! Но такое ни в одной пьесе не пропишут, потому как зрители гнилой селедкой закидают.

Дан Бьяджи посватался к племяннице этого самого дана Феретти. Средней. Старшая взревновала – и отравила и жениха, и дядюшку.

Оставила письмо, написала, что после двух грехов третий уже и не страшный, и утопилась. Одежду нашли на берегу моря. Есть там такое место, с водоворотами... самоубийцы обожают с той скалы кидаться. Не выплывешь, даже если передумаешь!

Ньор Лаццо (ладно, эти – купцы, вполне солидные и достойные) уже мается в приемной со своим прошением об опеке над несчастными девочками. М-да... не повезло этим Феретти.

Сначала отец, потом мать, потом брат, а теперь вот дядя и старшая сестра. И остаются две малышки... Но чтобы ньор – и опека над даной?

Так не делают. Но выслушать его всегда можно. Филиппо Третий хоть и был законченной сволочью, но не дураком же! Допустим, он сейчас не выслушает Лаццо и решит все своей волей. И зачем при дворе еще две нищие бесприданницы? Судя по справке казначейства, по перечисленным налогам, Феретти – то еще захолустье! Вешать очередной камень себе на шею?

Может, он и невелик, но – зачем?!

Просто – зачем?!

Особенно если найдется кто-то другой, желающий принять на себя эту обузу?

С этими мыслями его величество и приказал позвать ньора Лаццо. Но, как оказалось, тот пришел не один.

– Дан Эмилио Делука. Ньор Фредо Лаццо.

Его величество милостиво кивнул, разглядывая пришедших... минуту?

– Делука? Тот самый...

– Ваше величество, дан Энрико – мой отец. И эти шрамы – от Леверранского чудовища, – поклонился молодой человек. – Меня выходили в замке СибЛевран, но...

Жест был достаточно красноречивым. Впрочем, лицо молодого человека – тоже.

Жутковатая маска со шрамами.

– Я вас слушаю, – милостиво разрешил его величество. И уже через пять минут был доволен и счастлив.

Как оказалось, дан Делука предлагал замечательный выход из ситуации. Он женится на Серене Феретти. Да, той самой... нет, она не такая красавица. Но приданое ей Лаццо дадут, вот ньор Лаццо подтвердит...

Ньор подтвердил. И даже миниатюру с портретом Серены показал. Девушку они с собой взять не решились: у нее истерика, к ней лекаря вызвали, опасаются мозговой горячки...

Его величество посмотрел на достаточно невзрачную девицу, пожал плечами... ну, мало ли что там дана Бьяджи разобрало?

Его величество тоже не слопал бы столько возбуждающего, чтобы на эданну Ческу влезть, а сыну вот нравится.

Так вот. Дан Делука женится на дане Феретти. Но, поскольку дана еще мала, он пока заключает с ней помолвку. И официально становится ее опекуном... помолвка – это же практически брак! А жить она будет у Лаццо, вместе с сестрой. И тут тоже никто не возразит – родня.

Все приличия соблюдены, все отлично.

Его величество довольно улыбнулся.

Вот, это хорошо, это правильно. И ему делать ничего не пришлось, и все преотлично устроилось... что еще надо?

От этих – ничего. Филиппо дал свое согласие и приказал секретарю отдать указания в канцелярию. Пусть оформляют документы...

Да, по Феретти...

Если в течение трех лет дан Феретти не вернется, то будет признан мертвым. И поместье перейдет в приданое старшей сестре.

Подданные поклонились, в восторге от королевской мудрости.

Его величество милостиво отпустил их и вызвал казначея и канцлера.

Дан Бьяджи умер?

Вот... надо перехватить часть его дела. Понизить их с рубиновых королей до рубиновых ньоров, а то еще зазнаются... дан Бьяджи был хищником, другого такого в его семье нет.

Пожалуй, будь эта самая дана Мия жива, его величество даже сильно гневаться бы на нее не стал. Как-никак, девушка оказала услугу короне. За это ее можно и поощрить было... к примеру – казнить безболезненно.

А что еще можно за ТАКОЕ?!

Только казнь. Но если убийца сама свою душу погубила... да и пес с ней! Не до того!

С этой стороны Мия все рассчитала верно.

* * *

Тем же вечером Серена и Эмилио заключили официальную помолвку, и девочки переехали в дом Лаццо, под крылышко Марии, к малышке Кати...

Барбару не уволили. А вот дану Оливию из дома выставили в тот же день. Не надо им такое добро... пусть идет, куда захочет. Денег дадим, и достаточно с нее.

Комар, по здравому размышлению, решил даже в гости не являться. А зачем?

Все ясно. Все понятно. А больше...

Больше ему ничего и не надо. На похороны к Джакомо он придет, и достаточно будет.

Эх, друг мой Удав...

В храме падре Ваккаро молился за душу даны Феретти.

В ее смерть он не верил. Ни разу. Ни рядом, ни близко, ни далеко, ни низко... никак! Самоубийство? Это не про нее сказано!

И... хоть это и нехорошо, но, ей-ей, за дана Бьяджи он молиться не станет. Знал он, чем развлекается благородный дан, а кое-кого и отпевал...

Может, это и плохо.

Но падре Ваккаро его простил, а вот молиться... нет. Для молитвы нужна искренность, которой у падре и в помине не будет. Лучше он помолится за дану Феретти... ему кажется, они еще встретятся. И это – замечательно.

Столица шумела и гудела. Столица болтала и сплетничала.

Столица пребывала в шоке.

Какие там королевские невесты? До невесты еще дожить надо! А тут – ТАКОЕ! С ума сойти можно – какое...

Ей-ей, гнездо шершней, по которому с размаху палкой треснули, и то гудело бы тише. Такие новости... невероятно!

Мия могла быть довольна. Феретти прославились, если и не на века, то надолго.

Адриенна

– Нет.

– Как так – нет?! – Розалия аж задохнулась от возмущения. – Детка, да почему ж нет-то?!

– Потому что я вас всех люблю. И не хочу, чтобы вам причинили вред. Отца я уже потеряла, я не хочу потерять и вас, – резко ответила Адриенна.

Спор проходил в главном зале СибЛеврана, в присутствии всех заинтересованных лиц. И можно даже сказать, всех – на одного.

На одну Адриенну.

Впрочем, отбивалась дана СибЛевран вполне успешно.

Нет, она никого не возьмет с собой.

Ни служанок, ни Марко... особенно Марко!

Отец?

Дан Марк может ехать с ней, может не ехать... Не едет? Вот и отлично. Дан Рокко вообще обязательно остается в СибЛевране. До нового хозяина или хозяйки, которым он весьма и весьма поможет.

Адриенна отлично понимала, что взять его в столицу – это подписать смертный приговор. Тут он хоть как-то ожил, и есть шансы еще пару лет протянуть. Вон какой довольный, по весне к дочери съездил, на внука полюбовался... аж светится!

И его опять туда? В этот гадюшник?

Нет, не надо...

– Никого ты не потеряешь, – уперла руки в бока Розалия. – Что там – травить кого будут?

– Может, и травить, – меланхолично заметил дан Рокко.

– А?!

– А вот так. В чем-то дана Риен права, – вздохнул управляющий. – Любой человек, любое существо, к которому она проявит привязанность, будет уничтожено. Я не сомневаюсь в эданне Вилеци.

– Да как же так можно?! – аж задохнулась Роза.

– Можно. – Дан Рокко смотрел как-то так, что все понимали: не шутит. – Я жил при дворе, я могу сказать, что дана Адриенна... Дана, вам тяжело, но это, пожалуй, самый лучший выбор из всех возможных. Вы никого с собой не берете, вы ни от кого не зависите, вас ничем нельзя уязвить. Кроме самого СибЛеврана.

– Я уже знаю, кому я его отдам. Поверьте, ничего не изменится, и мне вернут его в любой момент, – отмахнулась Адриенна.

– Вообще отлично.

– На всякий случай – вот мои распоряжения. Дан Рокко, ознакомьте с ними всех присутствующих... потом, когда я уйду.

– Хорошо.

Дан Рокко и так мог бы ознакомить. Все он отлично знал, потому что именно с ним Адриенна советовалась.

По каждому из домочадцев.

Кому-то доставались деньги, кому-то земля, дом... понятно, что никто не обязан уходить из замка.

Но если случится нечто непредвиденное, никто не останется на улице. Они предусмотрели этот вариант.

Разве что дан Марк... но с ним еще придется поговорить. Сейчас. Самой Адриенне.

Дана встала.

– Я еду не выходить замуж. Поверьте, это хуже всякой войны. Считайте, что я буду находиться в тылу врага. Жестокого, безжалостного и изобретательного. А потому... не обижайтесь на мои распоряжения. Я действительно пыталась сделать так, как будет безопаснее для вас всех. Я вас очень люблю. – И пресекла ответные заверения одним легким жестом. – Дан Рокко, огласите. Отец, я хочу поговорить с вами...

Дан Марк поморщился, но последовал за дочерью.

В кабинете Адриенна уселась в кресло, в которое столько раз усаживался он, и посмотрела на отца.

И на миг...

То ли время поплыло, то ли пространство...

Рианна такой никогда не была. Не была и Адриенна. А вот Моргана... На долю секунды дан Марк увидел перед собой именно ее. Моргану Чернокрылую, прародительницу целой династии, женщину, которую действительно боялись на полях сражений...

Страшную?

Нет, внешне она не была страшной. А вот внутренне... это как сидит перед тобой весьма голодная черная пантера и милейшим образом облизывается на твои печенки-селезенки. Еще и примеряется, куда это тебя укусить, чтобы ей повкуснее было, а тебе побольнее.

И так это дану живо представилось...

Он даже руками непроизвольно прикрылся. В стратегически важном месте.

– Я уезжаю, – просто сказала Адриенна. – Мне жаль, что так получилось... отец.

– Я желаю тебе счастья. – Дан Марк кое-как взял себя в руки. Это же его дочь? Ну да... странно как-то ее бояться... даже неправильно.

– Ты действительно не хочешь поехать ко двору?

– Нет. Не хочу. Ты дала позволение Энрико, нам вполне неплохо здесь. Охота, леса, поля...

Адриенна кивнула.

Дала.

Энрико Делука получил разрешение, а поскольку охотником он был хорошим, то никогда не забывал о брачных сезонах и прочем...

Убийство ради убийства?

Нет, это не для него. Но вот уменьшить численность тех же волков, завалить медведя-шатуна, проредить обнаглевших зайцев или уничтожить бешеную собаку...

У охотников тоже много дел. И дан Марк нашел себе хорошее занятие. Все лучше, чем по продажной девке страдать.

Кстати – тело так и не нашли, к большой радости Адриенны. Хорошее она болото подобрала, глубокое...

– Я не оставлю СибЛевран вам, отец. Но жить вы здесь сможете, сколько вам будет угодно.

– Сколько будет угодно новой хозяйке.

– Она моя подруга. И все поймет правильно.

– Надеюсь. Я могу идти?

– Да, – Адриенна горестно смотрела вслед отцу.

Вот так... своего эданна Сусанна добила. Или эданна Франческа?

Они были семьей, а теперь ИХ уже нет. Когда они прошлый раз ехали в столицу, отец любил Адриенну и готов был жизнь положить за нее. А она – за него.

А сейчас...

Сейчас темнота. И пустота.

Это не смерть. Но ведь и близкого человека Адриенна лишилась. Может ли она подвергать остальных такой же опасности?

Ответ один.

Нет. Конечно же – нет!

Она поедет одна, в сопровождении только гвардейцев. И никого с собой не возьмет. И будет строить свою жизнь с нуля.

Прабабка в столице, она подскажет и поможет... хотя бы советом. Чутье тоже от Адриенны никуда не денется. Так что еще надо?

Немножко везения.

Или очень, очень много везения... Адриенна и сама не понимала, что плачет.

Даже если она сюда вернется, это будет уже другая Адриенна. Совсем другая.

Прощай, СибЛевран.

Прощай, мое детство...

В столице

– Милый, я ТАК тебе сочувствую!

В проникновенных интонациях эданна Франческа поднаторела за последние десять лет, могла бы и кого другого поучить. Его высочество растекся киселем.

А что?

Он не достоин сочувствия?

Он-то его и достоин!

Сначала... это... проклятие, потом любовница умирает во время родов... и ладно бы – одна! Так ведь с ребенком! С его, доношенным, только родить осталось – так и с этим справиться не смогла, дура!

Ладно.

Сходил он посмотреть, чего там доносили и не родили. Вышел, протошнился в уголочке и понял, что да. Проклятие – оно работает.

Теперь отец умирает. Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы...

Это – не повод для трагедии?

Напомнить потенциальному Филиппо Четвертому о том, что, на минуточку, он – принц, не голодает, не мечется в поисках пропитания, не... не... не...

Да много чего – не. Любой крестьянин бы ему не посочувствовал, а у виска покрутил. Ты чего – рехнулся, дан? У тебя столько всего есть, а ты еще и плачешься? Тьфу, дурак.

И, если честно, эданна Франческа недалеко от того крестьянина ушла. Потому что примерно так и думала. Чего б не радоваться жизни? Вот дурак-то!

У тебя же самое главное есть!

Власть!!!

А ты?

А, что тут объяснять, все равно не поймет ничего, еще и страдать будет, и обидится. А потому... эданна Ческа нацепила на лицо самую-самую сочувственную улыбочку и принялась убеждать его высочество, что все образуется.

Надо только молиться, и Господь милостив...

Поэтому следующая фраза любовника на нее упала как топор палача.

– Ческа, тебе придется хотя бы на несколько месяцев уехать из столицы. Отец настаивает...

– ЧТО!?! – возопила эданна. Куда и сочувствие делось?

Принц потупился, хотя вины он за собой не ощущал. А что? Он принц, скоро вообще королем будет, его подданные – его воля. Что прикажет, то и будет! А он может и приказать... вообще! Ладно, он еще чуточку потерпит, все же это его любимая женщина. Но слушаться она его обязана! А как иначе, если он ее любит?

– Я женюсь.

– Ч-Т-О!?!

Эданна Ческа ощутила, что воздух закончился. Вот был – и закончился. А вместо него по горлу расплзлись гадкие и колючие ежи... и затеяли там потасовку. А иначе почему она ни вдохнуть не может, ни выдохнуть...

УТЬ!

Его высочество, который заметил, что любовница как-то подозрительно синее и вообще – не дышит, со всей силы треснул ее по спине. Силы там хватало, потому что ежики вылетели и куда-то делись. А Филиппо разъяснил свою позицию:

– Отец желает, чтобы я женился до его смерти. И консуммировал брак – тоже. Поэтому тебе придется пока немножко удалиться от двора. Не слишком далеко, нет. Чтобы я мог регулярно приезжать. Ты понимаешь, дорогая, интересы династии требуют...

Эданна этого понимать решительно не желала. Она уже все претотлично распланировала.

Филиппо Третий умирает.

Филиппо Четвертый пока свободен! До семнадцати лет этой соплячки брак заключать нельзя, так прописано в договоре. А значит, что?

Правильно, Ческа уже и кандидатуру подобрала.

Дан Сильвано Тедеско.

Между прочим – милейшее существо. Так посмотреть – ну чистый ангел! Свежевымытый!

Волосы золотые, локонами по плечам; глаза голубые, огромные; телосложение то ли поэта, то ли легендарного эльфа; и такое же

очаровательное лицо...

Улыбка! Манеры!

А что? Половину придворных дам пере... валял, паразит! Все спальни посетил, до каких добрался! А куда не пустили, там или возраст, или беременность, или родители такие, что дешевле не связываться. Оторвут нечто важное – и только в церковь останется. Натурщиком. Для икон.

При этом вроде и не беден, и не жаден, и не особенно глуп... просто – кобель! Кобелино!

Даной СибЛевран он занялся бы и из чистого интереса, ну и Ческа собиралась ему кое-что пообещать. Принц на свою любовницу не скупился, одаривая ее и деньгами, и землями... найдется подходящий кусочек. Дан Сильвано из младших сыновей: содержание ему выделили, а вот земли не предвидится. Так бы он самостоятельным стал, на ноги встал, мог бы и свой род основать... или вот, СибЛевран – чем не поместье? И удобно, и от столицы далеко, и передается по наследству, а уж эданна Ческа бы к нему от всей души чего прибавила...

И не надо никакой свадьбы!

Ческа и сама может замуж выйти.

А ребенок... Что – ребенок? Его и так можно... усыновить, к примеру. Или она от кого-то другого забеременеет... разберется она с престолонаследием! Ей все удастся, она красивая и умная, она вообще этого достойна! Она в короне будет смотреться намного лучше, чем эта кошмарина СибЛевран!

И в золоте, и в пурпуре, и даже на троне...

Бывало же и так, что королевы странами правили?

Бывало!

И тут вдруг такой... такой эпический провал! Эданна аж зубами закрипела, да так, что Филиппо шархнулся в сторону. Мало ли, еще укусит!

Отец предупреждал – жди истерики. И истерика таки последовала.

Ческа страдала.

Ческа рыдала.

Ческа угрожала убить себя, убить его, убить разлучницу, убить всю Эврону – а что?! Чего она тут стоит, так неудобно, и совершенно

чихать хотела на страдания эданной?

Истерика перешла в слезы, слезы в поцелуи, а поцелуи в нечто более приятное. Эданна пообещала любовнику, что обязательно уедет, только... чуточку попозже. Когда должна приехать дана?

В начале лета?

Отлично!

Дана в столицу, эданна из столицы. У нее тут, совсем недалеко, буквально часов шесть пути, есть отличный замок, мусичек сам же ей и дарил. Вот в нем она своего сладенького помпосика и будет ожидать.

Не есть, не спать, а только ждать, у окна сидеть, косу отращивать...

А лапсик будет приезжать, часто-часто! Правда же?

Лапсик, бусик и помпосик заверил свою лапочку, бусинку и помпошеньку, что так и будет. И с утра отклонялся с громадным облегчением.

Как хорошо, когда тебя понимают! Просто – КАК ХОРОШО!!!

* * *

– Он меня отсылает!!!

– Да не реви ты. – Старая ведьма подсунула эданне носовой платок... не первой и даже не десятой степени залежалости, но эданне было наплевать.

Она рыдала.

А как же?

Кругом столько хищниц, столько стервозин, а Филиппо еще и женится, и король будет против приезда эданной в столицу, и умирает он... как же!

Такая сволочь не помрет! Он раньше на могилки всем остальным нагадит!!!

Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы!!!

Ведьма кое-как успокоила эданну, напоила отваром и вежливо поинтересовалась:

– Так, может, оно и к лучшему? И мужик ребенком обзаведется, наследничком, и тебе рожать не придется? Ты ж сама о проклятии знаешь?

– Я думала... но отсылать-то меня зачем?

Ведьма хмыкнула.

Ответ был прост. Да потому, что ты, сволочь, ни сделать ребенка не дашь нормально, ни выносить, ни родить. Натура у тебя такая, гадюшечная! Ведь прекрасно все понимаешь, а сидишь тут, сопли размазываешь... тебя рядом оставь – не удержишься. Нет, не сможешь удержаться.

Характер такой.

Вот его величество и решил превентивно невестку обезопасить – скажи спасибо, голову тебе не оторвал, как той гадюке! А мог бы... добрейшей души человек, право слово!

Вот ведьма бы нипочем не удержалась, если б рядом с ее семьей такое ползало и шипело. Она ее и как клиентку-то едва переваривает! А Филиппо Третий терпит... и не давится эданна грибочками!

Истинно святой человек наш король!

Уже стяжавший мученический венец при жизни!

– Ты от меня сочувствия ждешь, эданна?

– Нет, чтоб вам! Помощи!

– Короля травить будешь?

– Нет! Мне приворотное зелье требуется! Такое, чтобы принц всегда – от любой бабы – возвращался ко мне! И только ко мне!

– Это дорого встанет, эданна.

– Знаю.

– И не только деньгами дорого будет...

Эданна Ческа опустила голову.

Да, конечно. Будут и жертвоприношения, и ей придется участвовать... и что?!

И ничего!

Плевать ей на это отребье! Плевать ей на любые жертвы! Она желает сохранить свое положение! Она этого достойна! А кто там ляжет под каблучки остроносых сафьяновых туфельек... разве это важно? Вы же не думаете о каждом камне в мостовой?

Вот и эданна не собиралась думать о всяком быdle! У них такая судьба – служить ей!

– Когда?

– Дня через четыре. Как раз подходящее время будет.

– Я приеду, – кивнула эданна. И вышла.

– Я не думал, что у короля все настолько плохо. – Жрец действительно не считал так. Но сейчас, услышав это, считай, из первых уст...

Действительно – короткая дорожка. Эданна Ческа – принц – король. И вряд ли кто-то из них допустил серьезное искажение информации.

– Значит, настолько, – безразлично откликнулась старая ведьма. – Тебе-то что с того, дан? Тебе еще и лучше...

– Я не рассчитывал, что придется начинать так быстро.

– Это я понимаю. Но обстоятельства нас не спрашивают. Надеюсь, ты у меня не будешь просить средство, чтобы устранить дану СибЛевран?

– Глупо.

– Или приворожить? – блеснули ехидными огоньками глаза ведьмы.

– Я что – дурак? Знаю я тебе цену...

Ведьма развела руками.

– Ты знаешь, дан. Илария Кавалли была лучше меня, умнее меня – и чем все закончилось?

– Тем, чем может закончиться и для тебя. А если так, стоит ли брать меньше?

– Стóит, – решительно ответила ведьма. – Я не знаю, где сейчас Лари, но столько я платить не готова. Может, и никогда не буду.

Мужчина пожал плечами, словно бы говоря: «Твоя дурь – твое дело».

– Решай сама. А мне нужно то, в чем ты хороша. Не приворотные, а твои мазилки... афродизиаки. Поняла?

Ведьма кивнула.

– И поняла, и сделаю...

– Вот их изготовь. Да побольше...

Ведьма кивнула. И не удержалась.

– Если для личного пользования, то могу еще и зелье сделать. Чтобы! – Ведьма важно указательный палец, явно намекая на нечто другое. – А если зелья для даны СибЛевран нужны, так я могу и не стараться.

– Почему?

Кажется, для жреца это оказалось сюрпризом. Ведьма только головой качнула.

– Дан... она – Высокий Род! В ней ТА кровь, понимаешь?

– Н-ну...

– Не понимаешь. Это не титул, не звание, не вывеска. Это либо есть, либо нет. Это не продашь, не купишь, не лишишься в результате переворота или болезни. Это либо есть, либо нет...

– Меньше слов!

– А если так... на нее это НЕ ПОДЕЙСТВУЕТ! Никогда! Хоть ты себя облей, хоть ее искупай – не поможет!

– Потому что в ней проснулась ТА кровь?

– Даже если не проснулась, действовать будет гораздо хуже. Словами ее можно обмануть, запутать... как с обычным человеком. А вот магия, зелья... в ее крови они просто растворятся.

– Что?

– Говорили когда-то, что кровь Высокого Рода – высшая магия.

– Эм-м...

– Не в смысле сцедить и выпить. Такое тоже было, плохо кончалось. Среди ведьм передается... Одна из ведьм решила попробовать. Мужчина Высокого Рода, ну и она... сам понимаешь. Все у них было. А потом, когда он уснул, она взяла кинжал, надрезала ему руку, сцедила крови и выпила.

– И?

– Один глоток. Больше не успела.

– Умерла?

– Говорят, рассыпалась в прах.

– Может, врут? – засомневался жрец.

– Может, и врут. Но на себе проверять не советую, – хмыкнула ведьма. – Что-то это, конечно, значит, но что? Если бы нас так не преследовали, если бы не жгли книги, не отбирали знания...

– Вы бы под себя все подмяли, до чего дотянулись! – рыкнул жрец. – Знай свое место, дрянь!

Ведьма усмехнулась.

– Я его и знаю. А ты, дан, думай о том, которое мечтаешь занять. Хорошо думай, потому что с Высоким Родом второй попытки у тебя не

будет. Они не предупреждают, не угрожают, они просто живут. А те, кто желал причинить им вред, – умирают, умира-а-а-а-ают...

Голос ведьмы понизился до шепота. И мужчина не выдержал. Скрипнул зубами, выскочил вон... дверью хлопнул так, что та чуть с петель не слетела. А ведь дуб...

Ведьма откинулась на кресло, вздохнула.

– Дурак ты, дан. Ох, дурак...

Она вспоминала то давнее время, когда они с Лари были молоды. Когда мечтали о магическом даре. Когда хотели... и были готовы отдать что угодно.

И отдали...

Жертвоприношения, в которых участвует эданна Ческа, ведьма вспоминала разве что с улыбкой. Вот дурочка-то...

Козлов резать, баранов, людей...

ТЬфу! Идиотка безграмотная!

Настоящей жертвой можешь быть только ты сама. Ты приносишь себя в жертву Повелителю, ты отказываешься от части себя – и пропорционально этому тебе даруется сила. Две послушницы, отданные в монастырь нелюбимой и нелюбящей родней, они быстро нашли общий язык. Обе были молоды, обе плевать хотели на всех богов мира, обе хотели силы, власти, мести...

Но именно Лари нашла в библиотеке старый ритуал.

Такая уж штука эти монастырские библиотеки. Иногда и монахи, и настоятели не знают, что в них кроется. А им – им достаточно было нескольких слов, которые кто-то нацарапал грифелем на полях старой книги.

Лари всегда была смелее.

А вот Летта... да, когда-то она была даной Дзанелла. Виолеттой Дзанелла.

Так давно, что уже ничего и не осталось. Ни от даны, ни от монастыря... а где еще им было проводить ритуал вызова? Только там. На башне. Наверху, чтобы никто не заметил.

Лари все сделала первой. И Летта с ужасом смотрела на тень, которая поднялась над подругой. На то, как Лари смело отдавала ей себя. Нет, не всю. Но...

Что можно отдать в обмен на силу? Настоящую силу.

А что есть у человека?

Что делает человека – человеком? Наверное, чувства, причем как доброта, забота, любовь, тепло, так и обратные им: ненависть, ревность, зависть... Так мало, ведь это не измеришь деньгами. И в то же время так невероятно много...

Вот это Лари и отдала. Все, до капли... Единственное, что оставило ей чудовище, – любовь к детям. Если она родит когда-нибудь... В издевку? Да кто ж знает...

Летта оказалась не столь храброй.

В круг она вошла. И слова она произнесла. Но становиться холодным чудовищем не пожелала. И отдала совсем немного. Она отдала умение ненавидеть, завидовать... она была глупа и романтична, она хотела найти любовь...

В ту ночь монастырь был разрушен.

Две послушницы оказались среди немногих уцелевших, и семьи забрали их домой, чтобы потом снова отдать в монастыри, только в другие...

Не успели.

Семья Кавалли, семья Дзанелла...

Остались только истории – и могилы. А больше никого. Два рода оборвались в тот же год. Девушки были мóлоды, обижены на жизнь и на свои семьи, они не стали тянуть. А потом...

Двор, блеск, балы, интриги... и семьи.

Лари вышла замуж выгодно, Летта – по любви. А результат?

Один и тот же. Сила прорывается. Ее не удержишь внутри, даже если ее капли, вот по каплям и собирается... Илария ушла раньше. Она понимала, что если на детей падет хоть тень подозрения...

Летта – позднее. И сейчас она иногда позволяет себе такую роскошь – видеть детей, внуков... это они ее не видят. А она проезжает мимо в паланкине, она за них радуется...

О еще одной плате тень не сказала.

О боли. Неизбывной и неумолимой, которая сопровождала их с тех самых пор.

Тень промолчала.

Впрочем, так бывает всегда. Душа – это только часть оплаты. И кто за ней явится – Виолетта Дзанелла знала совершенно точно. Или...

Или – нет.

Смерть подруги она почувствовала. А еще – видела сон.

Странный. Неправильный. Но в этом сне дана Кавалли – такая, как была, молодая и отчаянная – взлетала вверх из тени. Взлетала на вороньих черных крыльях.

И провалиться старой ведьме на этом месте, если не...

Сибеллины.

Моргана Чернокрылая.

Виолетта Дзанелла не знала, как такое получилось. Даже не догадывалась. Но сейчас, когда дана СибЛевран приедет в столицу...

Ей будет что предложить дане.

Если это так – ей будет чем заплатить.

Мия

– Парам-пам-пам-пара-па-пам...

Дана Феретти шагала по дороге. Насвистывала себе под нос, улыбалась...

Хор-рошо-о-о-о-о...

Привал, что ли, устроить?

Тоже отличная идея.

Мия направлялась в Энурию. Да, пешком. Может, потом она ослика купит, но пока спешить ей некуда. После того, что произошло буквально вчера...

Мия сама не могла себе поверить.

Но... она – свободна?!

Как ни странно это звучало, она – свободна!!!

Это было так давно, что Мия даже не помнила – она когда-то была сама собой?

Давно... еще до смерти отца. Еще до того, как ей сунули в руку ладошку Энцо и сказали: ты – старшая сестра, ты обязана.

Это было, но забылось. А сейчас Мия абсолютно спокойно шла по дороге. И не боялась ничего, и не собиралась бояться. Самый страшный зверь здесь – она. Это уж точно...

Может, и не со всеми подряд, но с бóльшим числом проблем она справится. С ее-то подготовочкой!

Дядя постарался...

Джакомо многое в нее вложил. А она чем отплатила? Убила его?

Но выбора-то не было...

Может, Мия и нашла бы потом какой-то другой выход, но тогда... Она попросту вульгарно растерялась. Или наоборот – осознала свою беспомощность?

Она – собака на сворке. У Джакомо...

Просто собака на сворке.

Он решил выдать замуж ее сестру, и она не могла ничего сделать. Сказать, что дан Бьяджи извращенец и подонок? Так Джакомо и сам это преотлично знал. Но выгода для семьи на его весах перевешивала мучения и смерть Серены.

А для Мии – сестра была дороже любых денег и связей.

Умолять не действовать так? Но Мия отлично знала Джакомо. Просто Серена оказалась бы у дана Густаво не явно, а тайно. Исчезла бы, и Джакомо клялся с честным лицом, что представления не имеет... где бы она потом искала сестру? В каком состоянии нашла?

Лоренцо?

Окажись здесь Лоренцо, он бы тоже был в опасности. Джакомо мог бы сделать с ее братом что угодно... И нигде не сказано, что не сделал бы. Просто Энцо был удобен и не опасен. А если бы все поменялось? А?

Могло. И, кстати, дан Бьяджи как раз сработал бы спусковым крючком. Почему нет? Связи есть... признать Джакомо наследником Феретти, удачно женить, ввести ко двору... да много чего можно было придумать. Сейчас этого уже не будет.

Никогда.

И Мия испытывала от этого облегчение.

Никто из власть и деньги имущих не женится теперь на Серене Феретти – не то чтобы плохая примета, но скандал в семью? Для этого нужны очень веские причины. Например, любовь... с поместьем-то еще ничего не известно, и денег якобы у Серены нет. Приданого родители не запасли, а Лаццо... купцы – народ прижимистый, у них и своих детей-внуков хватает. При чем тут родня зятя?

Тем более мертвого.

Мия понимала, что в сложившейся ситуации это было единственным выходом, который ей оставили. Ее, как крысу, загнали в угол, и крыса кинулась. И впилась в горло. Говорят, и такое бывает. Когда змею кормят мышами... иногда мышь может загрызть змею. Вот,

она та самая мышь. Только все равно тоскливо это. И почему-то ужасно несправедливо.

Правильно. Но – нечестно.

При мысли о Джакомо Мия загрустила. Как-то было... тоскливо и неправильно это. Тоска собаки по ошейнику и поводку? Да, в какой-то мере.

Раньше у нее был дом, хозяин, миска, команды, которые она выполняла. Сейчас – ничего. Пустота. Неизвестность впереди. А вот что делать со свободой?

Вот именно, что неясно.

Впрочем, Мия не собиралась унывать. Для начала ей хотелось разобраться со своей кровью и разузнать все поподробнее.

Вспоминались материнские рассказы.

– Прабабка меня не любила. И говорила, что это не по моим мозгам. – Эданна Фьора, такая невероятно красивая, прикалывает в волосы цветок. – Она говорила, что нас создавали защищать, оберегать, помогать. Именно создавали, как выводят породу бойцовских собак. Но кто? Не знаю. Потом случилось что-то неприятное, и наши предки обрели свободу. Вот и все...

– Прабабка... она служила Сибеллинам?

– Да.

Мия посчитала поколения по пальцам. Нет, не сходилось... как-то неправильно получалось. Эрвлины правят королевством сто лет – четыре поколения. То есть прабабка Мии могла служить или Эрвлинам, или... во сколько же она родила тогда бабушку?

Неизвестно.

Или... или было еще одно поколение, о котором не знает мать. Она ведь и правда не в курсе истории семьи. Кстати, а кто мешал Мие?

Ну, в какой-то степени тот же Джакомо. Давать дяде хоть какую информацию о себе и других перевертышах Мие совершенно не хотелось. И так слишком много он узнал, непозволительно много.

Правда, почему бы не отправиться именно туда и не посмотреть церковные книги?

Прабабку звали Эванджелина Бонфанти. Интересное имя, достаточно яркое. Если бы была какая-нибудь Роза Росси, к примеру, найти ее было бы сложно. А Эванджелина Бонфанти...

Тут шансы есть.

Мия сосредоточилась, вспоминая.

Да, мать тоже упоминала, кстати говоря, Энурию. Одну из самых старых провинций королевства. Провинцию, которую покорили практически сразу. Но...

Покорили?

Это как спящий тигр в клетке. Вроде бы все тихо, мирно, спокойно... ну подойди, подойди же к кисе! Она так хочет кушать!

А подойдешь – так и мявкнуть не успеешь. Только когти сверкнут.

Так что определенно – Энурия. Не просто так оттуда приехала прабабка, не просто так там жил мастер Сальвадори... что там говорил мастер Гаттини?

Мия не забывала ничего.

Ньюра Октавия Росса из южной части Энурии, конкретно – из городка Пратто. Так звали тещу мастера.

А прабабка мимоходом упоминала о городе Умбрайя.

Вот, отсюда и надо танцевать. Отсюда и будем...

Примерную карту королевства Мия помнила. Если так прикинуть... Умбрайя поближе. Бонфанти жили именно там... не в самом городе, мать говорила, что вроде как рядом...

Наверное, как Адриенна СибЛевран. Она тоже живет не в Альмонте, но ведь СибЛевран рядом...

Мия зачесала кончик носа.

М-да... ей предстоят серьезные изыскания. Но, может, это и к лучшему?

Если так прикинуть... она искренне надеялась, что все участники ее истории – люди благоразумные. То есть поступают так, как лучше для них самих. Ну и немного для окружающих. Но ведь это же люди!

Разумно, если Фредо отправится к королю и возьмет на себя опеку над девочками. Это правильно и логично. Но тут ему не даст свернуть с пути Мария.

Разумно, если Эмилио сделает предложение Серене. Это тоже логично и выгодно им обоим.

На это Мия рассчитывала почти со стопроцентной вероятностью. А вот дальше начинались сплошные вопросы.

Поверят ли в ее смерть?

Лаццо не поверят, это уж точно: среди них идиотов нет. И сестры не поверят: она обещала девочкам вернуться – с такими словами не топятся.

А вот что дальше?

Скажут ли они об этом кому-то постороннему? К примеру, королю? Там и намек достаточно, чтобы Мию Феретти начали искать. Понятно, не найдут, но могут потрепать нервы, могут отобрать дом, могут поинтересоваться, откуда деньги и чем занимался дан Джакомо...

Это невыгодно и ей, и всем остальным. Но Мия вынуждена учитывать такой фактор, как человеческая глупость.

Или... Комар.

Если честно, короля Мия боялась меньше. Машина правосудия – она такая: хоть и безжалостная, но ей можно и песочка в шестеренки сыпануть... золотого, и проскользнуть меж жерновами.

Это вполне вероятно.

А вот у преступников свои законы и свои правила. И, останься Мия в столице, Комар вынужден был бы ее убить. Кодекс такой. Удав – его друг.

Либо Мие пришлось бы откупаться: вполне вероятно – собой, ничего другого, сравнимого по ценности, у нее просто нет.

Либо... либо Комар вынужден был бы объявить на нее охоту. Выбора не осталось бы.

Джакомо не просто его подчиненный, хотя и это важно. Джакомо его близкий друг. И этого друга убивает пигалица... пусть ученица Удава, пусть сама Змейка... да, кое-какую известность в уголовном мире Мия завоевала. Но Комара заставили бы ее уничтожить.

Сейчас же...

Он разумный. Втихую Комар может и искать ее, и удавить, если найдет. Но это потом, потом... а пока он делает вид, что Мия тоже утопилась – и забудет о ее существовании. И семье ее мстить тоже не будет.

Не за что.

Мия заметила неподалеку от дороги весьма удобный ключик и свернула туда.

Сейчас она посидит на берегу ручья, вымоет руки, покушает, потом пойдет дальше. Путешествовать хорошо, когда у тебя есть

деньги, когда ты можешь за себя постоять, когда ты умеешь работать и зарабатывать... Кстати – когда тепло: тоже немаловажно.

К зиме она найдет где остановиться. А лето...

Летом она будет гулять по королевству. И это – здорово.

Кстати, и искать ее в Энурии никто не будет, и найти не сможет. Ее можно связать с Альмонте, с СибЛевраном, вот она туда и не пошла.

Адриенну втягивать в это не стоит. Письмо Мия ей отправила, но когда оно еще дойдет, то письмо? И что скажет подруга?

Хотя Мия и так подозревала, что знает. Адриенна и приняла бы ее, и прикрыла от всего мира, и помогла, и защитила...

Такая уж у них дружба. Но подставлять Адриенну? У которой и так жизнь не мед с вареньем? Нет, нельзя...

Лучше пока она будет путешествовать сама по себе. И инкогнито, как некая Леонора Белло. А через пару лет можно будет и домой вернуться.

Много воды утечет, много всего перевернется... может, и Комара прихлопнут, может, и Лоренцо вернется... вот и приедет к нему кузина.

А еще посмотрим. Кто что скажет, насколько разумные люди ее окружают – это тоже стоит знать заранее.

Ручеек, протянувшийся по небольшой ложбинке, тихо шептал ивам что-то романтическое. Рядом даже небольшая площадка была утоптана, и место для костра оставлено, и бревнышко подходящее лежит. И дрова есть – мало ли что? Потом, когда Мия будет уходить... Хотя она костер разжигать не будет – так... всухомятку перекусит.

Мия поудобнее устроилась на бревнышке, пожевала хлеба с мясом, глотнула сидра из фляжки.

Хорошо...

Достала лютню и попробовала подобрать мелодию так, чтобы она совпала с журчанием ручья. Оттеняла его, переплеталась...

Получалось неплохо.

Как же давно она никуда не спешила.

Как же давно не была просто Мией...

И невольно... лютня была осторожно прислонена к дереву, а Мия опустила на колени. Привычные слова молитвы на ум не шли, но разве они вообще нужны? Самое-то главное Господь и так услышит!

Спасибо тебе, что ты сотворил и нас, и весь этот восхитительный мир! Спасибо за то, что я живу!

Спасибо...

Ты лучший в этом лучшем из миров... и я тебя за все благодарю...

Мия не замечала, что плачет.

А ручеек бежал, шептал, разбрасывал на листья ив веселых солнечных зайчиков, шелестел опущенными в него ветками...

Все пройдет.

И то пройдет, и это, и все остальное пройдет... ты не расстраивайся, главное ведь ты поняла! Мир прекрасен, ты живешь на этом свете, ну и что тебе еще надо? Ничего...

Главное – ты поняла. Это и есть бриллиант. А остальное – так, оправа...

* * *

– Комар! Это против нашего закона!

– Тебе ли, Гнус, говорить мне о законе?

Мужчина действительно чуточку гнусавил. После давнего перелома нос у него был постоянно заложен, но Сопливым его прозвать попросту не решились – жить хотелось. Поэтому – Гнус.

Опять же, такого гнусного характера и вообще гнусной сущности (суЧности) еще поискать было... и не найти во всем Грязном Квартале. Может быть, именно поэтому он был затычкой в каждой бочке и лез куда просят и не просят.

Вот и сейчас...

– Почему бы и не мне? Закону рот не заткнешь! Удав мертв...

– И что?

– А его убийца...

– Ты, Гнус, отстал от жизни. Его убийца – мертва. На мысе Самоубийц нашли записку, Мия Феретти не пожелала жить с таким грехом на душе.

– Да соврала она небось... у нее таких грехов – что собак недорезанных...

– Молчать! – шикнул Комар, воздвигаясь со своего кресла. Вот в такие минуты можно было понять, как этот средних лет мужчина

правит своей частью квартала. Вроде бы и спокойный, и мирный, но сейчас... Спорить с ним? Да тут не описать бы, как щенку!

Гнус и заткнулся. Прекрасно понял, что еще одно воззвание к Закону – и все свитки с оным заколотят ему... в лучшем случае – в горло. В худшем – сзади, но до самого горла.

– Я. Еще раз. Повторяю. Дана Мия Феретти мертва. Она прислала мне письмо, можете ознакомиться... законники, – рыкнул Комар.

Пергамент полетел на стол.

Этот вариант Мия тоже предусмотрела, и сейчас Комар испытывал почти отцовскую гордость. Да, они с Удавом вырастили чудовище!

Но какое!

Гнус послушно взял пергамент.

Ну да, то, что принесли письмо от Мии Феретти, знали многие. А вот сколько пергаментов в конверте... это уже вопрос.

«Комар!

Я знаю, что я виновата перед Богом и законом.

И знаю, что только моя смерть сможет избыть эту вину.

Сегодня я ухожу. Навсегда.

Надеюсь, что мою семью вы не тронете, они ни о чем не знают и ни к чему не причастны.

Дана Мия Феретти».

Коротко и по делу.

Гнус прочитал это, потом потер лоб.

– Так энто... она и правда, что ль, утопилась?

– Кретин, – коротко высказался Комар. – Неужели ты думаешь, я оставил бы смерть своего друга неотомщенной?

Ну... не думал. Но вдруг бы удалось подловить Комара на каком-то нарушении? Да использовать в своих интересах?

Хотелось. Не получилось. И Гнус заткнулся. Вряд ли надолго, характер такой, но... не убивать же его! Глупого врага иметь приятно! Всегда знаешь, на чем он споткнется, всегда предугадаешь его действия... прелесть! Даже убивать пока не хочется.

Комар поступил как разумный человек.

Но втихаря он, конечно, Мию поищет. И рассчитывать на пощаду ей не стоит. Удава он прощать не собирался. Даже собственноручно

выращенному чудовищу.

Лоренцо

– Люблю тебя... пожалуйста, не отталкивай... умру...

Кто бы смог после таких слов оттолкнуть девушку?

Да никто! И Лоренцо Феретти исключением не оказался! Особенно учитывая, что девушка лежит в его палатке, прижимается к нему плотно-плотно, так что между ними и перо не просунешь, а еще она голая. Вообще. Как палец...

Тут сначала у мужчины инстинкты включаются, а уж потом мозги изволят работать.

Вот у Лоренцо Феретти так и произошло. Тем более что в темноте не видно... гхм... рожи. Другого-то слова милое личико Динч и не заслуживало.

Как есть – рыба морда.

Может, при свете дня у Энцо и духу не хватило бы на такой подвиг, а может, возраст плюс определенная смелость (на арене и львы были, и кто пострашнее) сработали бы. Но – не пришлось.

Динч все рассчитала верно.

Тем более уже две недели в пути, почти месяц без женщины...

Движение бедрами у Лоренцо получилось почти инстинктивно. А потом... потом было уже и поздно. Процесс пошел.

И неожиданно ему понравилось. Динч, кажется, тоже... она глухо стонала и крепче прижималась к парню. И так – несколько раз.

Хорошо было обоим. И ему, и ей... ушла она уже под утро.

Пора было вставать, собираться в дорогу...

У их маленького костра ждал Зеки-фрай. На костре он успел уже сварить кофе, а кашу взял из общего котла. Мальчишки носились по стоянке каравана... где-то там.

Мужчина посмотрел на Динч серьезным взглядом.

– Ты уверена?

Женщина ответила злым блеском в глазах.

– Ты собираешься мне мешать?

– Нет. Ты для него хороший вариант, – спокойно ответил Зеки-фрай. – Ты умненькая, серьезная, а что старше... и это не страшно.

Перемелется со временем... да и детей ты ему родить можешь.

Динч кивнула.

– Могу.

– Только... ты знаешь, что у него есть любимая женщина? В Эрвлине?

– Знаю. Адриенна СибЛевран.

– Поэтому постарайся забеременеть сейчас. Своего ребенка он не бросит – ответственный. Да и эта девушка вряд ли такое простит.

Динч кивнула.

– Я постараюсь.

– Я мешать не буду, помогу, если нужно, – кивнул Зеки-фрай.

В бескорыстие Динч не верила никогда, а потому...

– Буду должна.

– Будешь, – согласился мужчина. – Иди ухаживай за своим будущим мужем... держи полотенце.

Динч одарила его благодарным взглядом и отправилась ухаживать. Помочь Лоренцо облиться водой из ведра, вытереть его полотенцем, лишний раз провести рукой по мышцам, которые змеями перекачиваются под тонкой атласной кожей... ох... как это она так... ногтями неосторожно!

Остричь их надо!

Совсем она руки за время пути запустила. Ну да ладно, еще займется. В дороге действительно не до того.

Лоренцо встряхивал угольно-черными волосами, рассыпая вокруг себя бриллиантовые капельки воды.

Динч помогала ему – и вспоминала.

На то, чтобы вы́ходить гладиатора, у них ушло больше пятнадцати дней. Раны были не слишком серьезными, но и двигаться свободно Лоренцо не мог. Да и к чему спешить?

Лучше полежать, пока уедет Кемаль-бей, злой, как целое гнездо шершней.

Зеки-фрай он не нашел, гладиатор по кличке Ангел тоже как сквозь землю провалился. Поиски и допросы результатов не дали.

Позвали Ромео. Тот честь по чести отчитался. Да, дружил. Если это можно так назвать. Ланиста приказал приглядывать за Ангелом, я и старался. Чего еще-то больше?

Он тоже это понимал, поэтому особенно не откровенничал. Да и не принято такое в среде гладиаторов.

Парой синяков Ромео по результатам разговора обзавелся, но и только. Кемаль-бей дураком не был и понимал, что на месте Ангела поступил бы так же...

С остальными гладиаторами Лоренцо и того меньше общался.

Зеки-фрай?

Его искать было проще, о нем все и всё знали. Родня жены, его родня...

Только вот родня ланисты жила в другом городе. А родня его жены... вот не срослось. Бывает такое, когда теща свято уверена, что муж «ее кровиночку» со свету сжил. И не надо тут обманываться кажущейся беспомощностью арайских женщин. Это такие гадюки... даром что домашние! Кого угодно сожрут без гарнира!

Зятю приходить в гости к родне супруги было ну очень неудобно. Там слушок, тут шепоток – и результат печален. С ним уже стараются и не связываться.

Вот и не знали кое-каких вещей. А Зеки-фрай был предусмотрителен. И молчал о многом. Знал он своего хозяина, и жить ему хотелось. Очень...

Бема-фрайя?

Про нее Кемаль-бей тоже узнал. Только вот связываться не захотел.

Женщины... они опасные и сами по себе, а уж тут... она, кстати, тоже искала Ангела. Хотя и с другой целью.

Если он свободен...

Динч была в курсе планов хозяйки. А именно – Беме не хватало в охрану... ну, читай, в постоянные любовники именно такого красавца. Но Динч это решительно не устраивало. Ищи себе кого другого, хозяйка, а этот – МОЙ!

Личный и неприкосновенный! И не отдам!

Немного люди Кемаль-бея последили за домом Бемы-фрайи, но массажистку ни они, ни их хозяин, ни сама Бема в расчет не приняли. Такой вот провал на ровном месте.

Рабыня же!

Что она может?

Чего она там хочет, кого это интересует? Да никого! Плевать на нее три раза... мнет она спины, вот и пусть мнет.

А Динч тем временем готовила побег. Пока Зеки-фрай не мог покойно перемещаться по Ваффе, она нашла и скотину, и одежду, и даже план разработала.

Лицо у нее подходящее, телосложение тоже – такое... костлявое. А вот Зеки-фрай – кругленький, невысокий... уютный такой. Поэтому...

Будет семья!

Отец с лицом потомственной рыбы, мать в чадре – и двое детей.

А вот Лоренцо придется выбираться самостоятельно. Но с этим он справится, Динч знала, где можно перелезть через стену Ваффы.

Контрабандисты этим лазом давно пользовались, стража давно закрывала на него глаза – ко всеобщему громадному удовольствию. Может, оставайся Кемаль-бей в Ваффе, стражники и подумали бы его перекрыть, но владелец арены уехал несолоно хлебавши, а люди остались. И контрабандисты, и стражники...

Так что Лоренцо ночью выскользнул из города, один, налегке, а утром на дороге его догнали попутчики.

Мигом перекинули вьюки с одной из лошадей (их так специально и крепили: вроде бы объемные, а на деле – и нет ничего), оседлали – и маленькая кавалькада из пяти человек двинулась по дороге.

Чтобы спустя три дня влиться в караван почтеннейшего Мехмед-фрая.

Стоило это достаточно дорого – серебряный в день с человека, три медяка со скота, – но все было предусмотрено.

Охрана – более чем достаточно.

Горячая пища за счет Мехмед-фрая, три раза в день. С утра, конечно, каша, хлеб, сыр – ничего сложного. В обед простой перекус – готовить-то, считай, и негде, – а вот вечером, на привале, там уж по полной. И мясо, и суп, и печево какое...

Хватало всем, кормили вкусно и обильно, хотя и достаточно дешево, скотине хватало и овса, и сена, за ней тоже был присмотр... проще уж заплатить – и двигаться вместе со всеми.

Теперь уже никто ничего не изображал.

Зеки-фрай на всякий случай отрастил бороду и изобразил на лице несколько бородавок. Чтобы не приглядывались.

Так-то мы людей рассматриваем, а вот бородавка или шрам – они на себя внимание отвлекают. Их в первую очередь видят, остальное как бы проходит мимо глаз...

Мальчишек обрили налысо – оказывается, очень меняет внешний вид. Да и кто там к ним присматривается?

Динч...

Тут было проще всего. Чадра – и точка. А уж что под ней... вот не принято здесь заглядывать под чадру к женщине, за такое и убить могут. И убивают.

Будет ли Бема-фрайя искать беглянку?

Кто ж ее знает?

На всякий случай перед побегом Динч несколько дней «ревела в подушку» – табака не пожалела, чтобы глаза покраснели, а лицо опухло.

А потом оттащила на берег свою одежду, ну и предсмертную записку оставила.

Не могу жить в рабстве, лучше умереть...

Вопрос дискуссионный, но не она первая, не она последняя. Бывало и такое.

И, забегая вперед, Бема-фрайя ее не искала. Ну умерла! И что? Массажистку найти всегда можно – и такую, и лучшую. Умерла – и ладно. Вот Лоренцо...

Ах, Ангел!

Но его-то как раз Бема-фрайя найти и не сумела.

Самого Лоренцо, кстати, перекрасили в темный цвет. Взяли басму, наложили погуще... пару раз черный выходил с зеленоватым отливом, потом получили-таки каштановый.

Все тело тоже пришлось с ней вымыть. Дорога же!

Как-то интересно получится: на голове волосы темные, а там... да, именно там – светлые? Так не бывает! Ладно еще, мужчина блондин, а борода рыжая. Это видели, это случается. Но вот такие «черно-белые»? Не-ет... такого в природе точно не растет. Так что Лоренцо был вымыт с хной, потом с басмой – в результате чего приобрел своеобразный, но явно смуглый оттенок кожи и темный цвет растительности на всем теле.

Сейчас он мог спокойно мыться, справлять малую нужду – и не думать, что его разоблачат... правда, на ближайшем постоялом дворе

обработку придется повторить.

Блондинов в Араие мало. Вообще практически нет, почему-то даже если привозят наложниц-блондинок, то дети от них получаются черноглазые и черноволосые, смуглые и с характерным арайским разрезом глаз. Сильная кровь – говорят местные жители.

И платят громадные деньги за рабов со светлыми волосами.

Ангела точно не пропустили бы, именно по этой примете. А сейчас...

Самый обычный мужчина: волосы темные, глаза... карие глаза как раз в Араие встречаются. Обычно темно-карие, но и такие, как у Лоренцо, – тоже не редкость. Бывает...

Это в сочетании со светлыми волосами они эффектно смотрятся, а когда волосы темные, кожа смуглая – всем всё ясно. Ничего необыкновенного.

И вот уже вторую декаду караван двигался в сторону гор.

Осуществить свой план Динч решила только сегодня.

Сначала она расспрашивала Лоренцо о нем самом, о семье, о планах на жизнь. Услышала про Адриенну СибЛевран, увидела подвеску в виде ворона – ух, как же она разозлилась!

Это ЕЕ мужчина! Личный!

А тут какая-то фря титулованная... да как он смел!?

Как она смела?!

Мысль о том, что вообще-то Лоренцо и Адриенна друг друга полюбили, когда Динч и рядом не было, в голову «умной рыбке» не приходила. Она уже рассчитывала на Лоренцо, она уже включила его в свои планы. И отдавать просто так?!

Вот еще не хватало!

Пару дней она поплакала в подушку, а потом и решила.

Если Лоренцо кого и не бросит, это мать своего ребенка. Он добрый, он ответственный, заботливый... в самом худшем случае ей снимут дом и будут навещать. Он ведь не жестокий, ее Ангел. И отобрать ребенка у матери... нет, у него просто рука не поднимется!

Динч сумеет на этом сыграть.

А может, и клин вбить между Лоренцо и его невестой... Ну что там свистушки в пятнадцать лет понимают?! У них же все на эмоциях...

Любовь – обман – предательство – ненависть, и все это в истерике, и все это навечно... а она, Динч, умная и опытная, она много чего нахваталась, пока в гареме жила, она обязана справиться. Она борется за достойную жизнь для себя и своих детей. Она же достойна!

Вопрос, почему достойна именно она, ей тоже в голову не приходил. Даже и мимо не пролетал: наверное, испугался, что скушают, как рыбка – комарика. Ам – и крылышек не останется.

И вот сегодня...

Она решилась. И теперь робко подошла к Лоренцо, протягивая полотенце. Мужчина принял его и улыбнулся. Динч под чадрой перевела дух.

Все. Если не сердится, значит, потом и поймет, и осознает, и полюбит... и вообще!

Никуда мужчина не денется от умной женщины, если та захочет.

Что, у мужчины тоже есть ум?

А вот это не всегда доходит даже до самой умной женщины. За что она и огребает по умной-то головушке. Динч пока тоже была в неведении. А вот как оно будет дальше... кто знает?

Пока караван шел к горам.

Лоренцо понимал, что это небыстро, что дома он окажется хорошо если к осени, но хоть так! Раньше и надежды на это не было! Домой... он двигался домой.

Адриенна

В этот раз дану СибЛевран столица встречала пасмурной погодой и морозящим противным дождичком. Таким унылым и жутко тоскливым.

Да-да, аккуратно под стать настроению самой Адриенны.

А чему тут радоваться?

Она... у нее отнимают не то что моменты счастья – даже иллюзию свободы! И что будет теперь – бог весть.

Но столица столицей, а вот встреча была организована достаточно торжественно.

Если прошлый раз ее не встречал никто, то сейчас его величество решил отправить навстречу Адриенне кортеж во главе с кардиналом

Санторо.

Адриенна смотрела на него в полном шоке.

Музыканты, придворные, всадники, которые осыпают кортеж лепестками роз, куча цветов...

И – она.

Они...

Ладно еще, их заранее предупредили, и Адриенна успела привести себя в порядок. Кое-как умылась от дорожной пыли еще на стоянке и переоделась в черное с серебром.

Нет, это не вызов.

Но... вы же хотели Сибеллина?

Вот и получите! А что пораньше? И такое бывает... это не я к вам рвалась, это вы меня вызвали.

Да и...

Погода такая... выглядеть мокрохвостой кошкой Адриенне не хотелось, а на черной ткани практически не видно пятен. И ей этот цвет к лицу, она знает.

Кардинал спешился, поклонился ей и улыбнулся.

Прошлый раз он смотрел на Адриенну, как на мышшь, которая упала в кастрюлю с супом, а сейчас?

Как-то странно... может, у него зубы болят? Но спрашивать Адриенна не стала. Вежливо спешилась и поздоровалась.

Кажется, все-таки зубы. А может, и печень.

И чего он так смотрит? Точно... зубы.

* * *

Кардинал Санторо ждал чего угодно.

Он преотлично помнил дерзкую девчонку, которая смотрела невероятными синими глазищами и даже не думала его бояться. Помнил... так, смутно.

Особенно там ничего интересного и не было, кроме глаз и смелости.

Видели вы вороньего слетка?

Уже не птенец, но и не красивая мощная птица. Так... непонятное нечто. Ни на землю, ни в воздух... не разбери-поймешь...

страшненькое и растрепанное.

А вот сейчас...

Как-то оно само собой так получилось.

Кортеж двигался навстречу дане СибЛевран. Холмистая местность, солнце... они как раз были у подножия холма, а Адриенна со свитой выехала на холм и принялась спускаться вниз.

Пасмурно, и серо, и хмарно, и на долю секунды кардиналу черный плащ Адриенны показался черными крыльями прабабки за ее спиной.

Моргана Чернокрылая...

И словно острым клинком рассекает непогоду.

И лицо у нее такое...

Есть песня о древних стражах, которые выезжают из холмов, объезжают края, в которых рождены, и каждое утро возвращаются обратно. Даже из могилы они берегут родную землю.

Вот на долю секунды и Адриенна показалась ему таким же стражем.

Холодное спокойное лицо.

Равнодушие ледяного клинка. А потом... хватило всего секунды.

Солнце на какую-то долю минуты прорвалось сквозь тучи, ударило ей в лицо, но девушка не зажмурилась, как ее спутники, не отвернулась... она смотрела громадными глазами вперед, прямо на огненный диск в вышине, и улыбалась.

И была такой...

Нет, это не красота. Это нечто большее... Высокий Род?

Это – Чудо!

Где можно найти такого художника, который запечатлеет это на холсте? Или хотя бы изваяет в мраморе?

Нет, нереально...

И реальна ли она сама? Или это фантом, созданный из ключев тумана и сияния солнечных лучей?

Кто бы сказал кардиналу, что он будет поэтом? Смеялся бы Анджело Санторо долго и со вкусом. Но вот сейчас...

Сейчас он смотрел на девушку, которая стояла рядом с ним и была на голову ниже, и слов найти не мог. Выручила сама Адриенна. Как привыкла с падре Санто, она попросту подошла под благословение. А уж по заученному и у кардинала разум включился.

– Да благословит тебя Бог, чадо... его величество приказал встретить вас, дана СибЛевран, и доставить к нему.

– И вот это... – Адриенна не стала показывать пальцем, она же дана! Не быдло какое... ей и взгляда хватило. Более чем красноречивого.

– Дана, вы будущая королева. А я буду венчать вас и его высочество. Все естественно... давайте я помогу вам сесть в седло.

– Уместно ли это? Вы кардинал...

– Но я ведь и мужчина? – решил напомнить дан Санторо. А вдруг собеседница не заметила...

– Вам точно не будет тяжело?

Дан едва зубами не скрипнул.

Нет, ну что такое-то?! И ведь не издевается ни на минуту, она абсолютно серьезно о нем... заботится?

Пожалуй, что да!

Сначала о его статусе, теперь о возрасте... да ему всего-то тридцать пять! Он мужчина в самом расцвете сил и возможностей! И дети у него есть... ладно, незаконные, но признанные, и он о них заботится! А эта девчонка...

– Прошу вас, дана...

Кардинал легко посадил Адриенну в седло, взлетел на своего коня, едва коснувшись стремени, – да, вот он как может! Смотри!

Восхищайся! Что – опять мимо?

Получалось, что да. Дана СибЛевран смотрела на кардинала так... даже не на самого кардинала, а мимо него. Сквозь него. И даже улыбалась так... равнодушно. Протокольной улыбкой.

Если чего-то и не хватало, чтобы «добить» мужчину, так это было именно оно.

Даже эданна Вилеци не оставалась равнодушна к его обаянию! А тут...

Кардинал ощутил, что внутри его возникло и стихийно разрастается какое-то чувство. Причем он-то этого вовсе никак не планировал! Вот совершенно!

Но...

Восхищение красотой девушки, и ее спокойствие и равнодушие, и его желание произвести впечатление... любовь и не с таких вещей начиналась! Она вообще не спрашивает, просто приходит,

располагается поудобнее и просит: «Нацедите-ка мне пару литров кровушки, а я тут пока посижу, посмотрю».

Вот и пришла... любоваться. А кардинал Санторо только и мог, что зубами заскрипеть.

А вот как тут быть?

Что тут сделаешь?

Хотя... сделать-то он как раз и мог. Очень, очень многое. И собирался... планы придется менять на ходу, но, как истинный политик и слугитель матери Церкви, кардинал никогда не ограничивался одним планом. Так что...

Где там этой девочке устоять! И не такие крепости сдавались!

* * *

Адриенна ехала по столице.

Интересно, где здесь дом Лаццо?

Мия написала ей и предупредила, что вынуждена уехать. Она вернется, обязательно вернется, а пока, если Адриенна сможет, пусть проследит за ее сестрами. И Лоренцо, она верит, жив...

Обстоятельства побега Мия тоже скрывать не стала.

И Адриенна собиралась поговорить с королем.

Посмотрит, конечно, как его величество себя чувствует, как выглядит, а там...

Посмотрит, ага...

Планы – это прекрасно, но не одному ж кардиналу удивляться? И не одному кардиналу почувствовать себя идиотом...

Адриенна себя так и почувствовала, глядя на Филиппо Третьего.

Желтого, словно его под лимон покрасили, какого-то высохшего и словно осевшего вниз, одутловатого, несмотря на худобу, страшного, с запавшими глазами и щеками...

В их прошлую встречу это был вполне себе моложавый мужчина, который выглядел не хуже ее отца.

А сейчас?

Адриенна даже принюхиваться не стала. Она и так могла сказать, что королю осталось недолго.

Месяц?

Нет, пожалуй, побольше. Может, месяца три или четыре... уж точно не больше полугода.

Есть такое... Адриенна отлично видела вдаль, могла смотреть на солнце часами и не щуриться потом от зеленых кругов в глазах, а теперь еще и запахи добавились.

Как пахнет смерть?

Тленом и могильной землей. Такой очень характерный и специфический запах, который нельзя описать, можно только ощутить. Почувствовать...

И тогда его уже ничем замаскировать нельзя. Он пробьется сквозь любые благовония, сквозь любые ароматы... скрыть свое потрясение Адриенна не смогла.

Его величество улыбнулся краешками губ.

– Добро пожаловать, дана.

– Ваше величество, – поклонилась Адриенна.

Филиппо остановил ее ласковым движением руки.

– Нет-нет, дана, не надо. Мы скоро будем одной семьей... вот и мой сын, кстати говоря.

Адриенна промолчала.

Желание сына быть с ней «одной семьей» тоже сомнению не подвергалось. И пахло от него любимыми духами эданны Вилецци, та своих вкусов не поменяла. И лицо у принца было мрачное.

Но поклонился Адриенне он честь по чести. И дана ответила глубоким реверансом.

– Ваше высочество...

– Дана СибЛевран...

Его величество подхватил под руки и сына, и будущую дочь и без церемоний развернулся в сторону замка, увлекая их за собой.

Адриенна привычно нашла взглядом Воронью башню.

И улыбнулась, несмотря на то что щемило сердце.

Вороны вились над ней, как и всегда.

Кричали... они были рады ее приезду. Они – и Моргана.

Но Моргана не могла, а вот вороны приветствовали свою хозяйку.

Ты дома... ты здесь... ты вернулась.

Адриенна готова была поклясться, что они говорят именно об этом. И... будь ее воля, туда бы она сейчас и отправилась. Уселась рядом с башней, прильнула к грубым серым камням, погладила их...

Пришла к Моргане...

Все она понимала. И что прабабка втравила ее в эту историю. И что Адриенна сейчас фактически платит за чужие грехи. Но и сердиться на Моргану она не могла.

И на Филиппо Третьего – тоже...

Можно ли злиться на того, кто умирает?

Можно, конечно. Смерть ведь не сделает человека из сволочи, кто мерзавцем был – таким и уберется на тот свет. Только вот именно здесь и сейчас Адриенна не могла злиться. Не получалось...

В своем кабинете Филиппо Третий привычно опустился в кресло, кивнул молодым людям – мол, садитесь. Адриенна послушалась, Филиппо Четвертый отошел к стене и встал рядом с ней.

Не протест.

Но выражение... скорее, своей позиции. Или правильно сказать – позиции эданны Вилеци?

Филиппо Третий оценил.

– Сынок, ты не дашь мне несколько минут поговорить с невесткой? Наедине?

Его высочество скрипнул зубами – и согласился. И чего они так зубами скрипят? Может, тут двор заражен глистами? Адриенна решила на всякий случай выпить отвар... кто их знает?

Филиппо-младший вышел из кабинета в сад, а Адриенна посмотрела на короля.

– Ваше величество?

Филиппо Третий улыбнулся ей. А глаза были все такими же. Жесткими, холодными, внимательными.

– Вы и сами все поняли, Адриенна. Я умираю...

– Я вижу, ваше величество, – согласилась Риен. А чего тут удивляться?

К немалому ужасу власть имущих, иногда они осознают, что смертны. А иногда и внезапно смертны... и кишки у них такие же, и кровь идет... невероятное открытие, но факт!

– Не будете меня утешать, Риен?

– Нет, ва...

– Называйте просто Филиппо, Риен. Все же мы скоро будем одной семьей...

– Именно поэтому? – просто спросила Адриенна.

– Да. Я не знаю, как поступит мой сын после моей смерти, Риен. Может быть, он женится на вас. А может, и нет. Эданна Вилецци... да вы и сами все понимаете.

– Ваш сын ее любит.

– Он – да. А вот она... – поморщился Филиппо Третий. – Ну да ладно. Я приказал отослать ее от двора. Наведываться сын к ней все равно будет, но какое-то время я вам дам. Вы сможете попробовать наладить отношения.

Адриенна скромно промолчала. Хотя вопрос: «Какого черта?!» у нее не то что на языке крутился, он прямо-таки дорогу себе просверливал сквозь стиснутые зубы. Ее в это втянули, и она же должна стараться?!

Да она с огромным удовольствием уберется к себе, в СибЛевран... потому как его высочество, похоже, собирается опять дуться и страдать!

Вот что за люди!?

Есть «хочу». А есть – «надо».

Они практически никогда не совпадают, так уж получается. Но люди умеют как-то примирять себя с хотелками, потому что живут в обществе.

Хочешь ты бриллианты?

Поди заработай и купи!

Хочешь отнять? Тогда прости, есть законы... их надо соблюдать, а не хотеть или еще что-то...

Это правильно и логично. Но почему никто этого не объяснил его высочеству? Просто – почему?!

Кажется, все это было так явно написано на лице у даны, что Филиппо Третий даже чуточку изумился.

– Дана, вы...

– Я сделаю то, что должна, ваше величество, – бесцветным тоном отозвалась Адриенна.

– Это выгодно и вам. Вы станете королевой...

Королевой...

Игрушкой на троне.

Куклой в жестоких руках...

Единственное, что держало Адриенну... Да в гробу она видела ту власть! А его величество явно считал, что это перевешивает все

остальное! Адриенна просто не хотела обрекать на муки и смерть своих собственных детей!

Она понимала, что, пока не родится потомок, который будет нести в себе кровь обоих родов, она обречена. Увы... только вот к чему об этом знать Филиппо Третьему?

Адриенна поглядела ему прямо в глаза.

Змея и птица – кто сильнее?

Есть и такие птички, которые преотлично закусят даже самой ядовитой змеей. И не поперхнутся. Но и змея змее рознь...

– Ваше величество, нам не оставили выбора. Уже давно... я выполню свой долг. И надеюсь, его высочество тоже понимает, в чем он состоит.

А вот это уже не в бровь, а в глаз.

Понимает?

Да как бы сказать... Понимает, но не желает, не принимает, не хочет, не любит... и позволяет себе все это показывать. Хотя его величество регулярно прорабатывал отпрыска с песочком.

Видимо – не с тем. Или не так... упрямство у сына, увы, тоже фамильное. Эрвлиновское.

Филиппо Третий вздохнул, прикрыл лицо руками.

– Вы меня ненавидите, Риен?

Адриенна прислушалась к себе.

Ненависти не было. Поэтому она качнула головой.

– Нет, ваше величество. Я не могу вас ненавидеть... не знаю почему, но не могу. Хотя и стоило бы. Вы с моего рождения распланировали мою жизнь, вы все решили за меня, а я все равно не могу возненавидеть. Странно, правда?

– Нет, Риен. Когда-то колесо ненависти должно остановиться. Обязано. Или оно раздавит даже солнце.

– Может быть, ваше величество. Может быть...

– Может, вам на роду и написано закончить эту страшную вражду, Адриенна. Столько лет, столько смертей, столько людей...

Адриенна в герою совершенно не рвалась. Только вот... выбора снова не было.

– Ваше величество, я пойду попробую поговорить с вашим сыном?

– Идите, Риен. И подумайте, что я могу подарить вам на свадьбу.

Адриенна подняла брови, и Филиппо улыбнулся.

– Я уверен, что вам не нужны бриллианты. Это слишком дешево для вас...

Девушке оставалось только вздохнуть. И неожиданно для себя...

– Ваше величество, мне жаль, что я выхожу замуж не за вас. Мы бы смогли понять друг друга.

И такой же неожиданный ответный взгляд темных глаз.

Лукавый... и искренний. На пороге смерти даже змеиные глаза иногда могут становиться человеческими.

– Вы не поверите, Адриенна, но сейчас я тоже об этом сожалею.

И девушка вышла из кабинета.

* * *

Дежавю?

Адриенна просто не знала этого слова, не то обязательно употребила бы. Кажется, это было, это уже было... И даже взгляд все тот же, раздраженный, недовольный...

– Вы уже поговорили с моим отцом, дана?

Адриенна кивнула.

– Какие у вас планы на мой счет, ваше высочество?

– Планы... разве у меня могут быть планы? Готовьтесь к свадьбе, дана, вот и все...

– А потом?

– Потом вы будете мне рожать детей. Много...

Адриенна вздохнула.

– Ваше высочество, вы забыли. Если я забеременею до семнадцати лет, я просто могу умереть.

– Забыл, – честно сознался Филиппо. – Но это уже детали. Брак мы заключим, брак мы консумируем, чтобы его никто не оспорил, а потом... потом будете жить при дворе. Повторим, когда вам исполнится семнадцать, – и так до зачатия ребенка. Потом второго и третьего.

«Прекрасные» перспективы!

Адриенна едва удержалась, чтобы не заскрипеть зубами... так, отвар можно не пить, она поняла, отчего тут все... Скрипят.

– Эданна Вилецци будет третьей в нашей постели? Или вы просто будете ее посещать?

– Полагаю, что это не ваше дело, моя дражайшая будущая супруга, – процедил его высочество. – И откуда у вас вообще такие сведения?

– От эданной Сусанны Манчини, – злорадно сказала Адриенна. – Лишившись сына, она выпивала и начинала болтать о том, что эданна Вилецци любит и мужчин, и женщин. Пару раз даже эданна Сусанна...

– Молчи!

Его высочество оказался рядом с Адриенной, схватил ее за плечи и потрянул.

– Молчи, дрянь!

Адриенна кивнула.

– Суть наших отношений я поняла. Благодарю, ваше высочество.

– Чтоб тебя черти взяли!

Принц оттолкнул девушку подальше от себя и почти бросился из сада. Адриенна вздохнула, прошла по дорожке, коснулась виноградного листа...

М-да. Вот и поговорили.

С другой стороны, а чего она ожидала, если сознательно провоцировала влюбленного дурачка? Говорить можно что угодно, а вот сейчас... сейчас она видела, насколько он любит эту гадину.

Любит.

До безумия.

Принц может говорить что угодно, и клясться он ей будет тоже в чем угодно. Но... до первого жеста эданной Вилецци.

Стоит королю умереть, и эта гадина приползет в столицу.

Стоит Филиппо Третьему даже просто слечь, выпустить бразды правления из своих рук... А еще принц достаточно несдержан, не умеет себя контролировать, не способен осознать свою выгоду...

Осознать-то способен. А вот сделать так, чтобы выгода не удрала с диким визгом...

Э, нет!

Это для него уже слишком сложная задача. Он уверен, что все будет его, просто потому что он – принц. Ну, король...

А вот что с этим делать самой Адриенне?

Что ждет ее в таком раскладе?

Ответ прост.

Ничего, кроме больших проблем. А вот как их нивелировать...

Адриенна покусала ноготь. На тропинку перед ней опустился крупный ворон.

– Кар-р-р-р-р!

– Моргана? – безошибочно угадала Адриенна.

– Кар-р-р-р!

– Она меня хочет видеть?

– Кар-р-р-р!!!

– Я тоже буду рада с ней повидаться. Этой же ночью. Я постараюсь прийти... Если не получится, то на следующую ночь.

– Кар-р-р!

И провалиться Адриенне было на этом самом месте, если ворон не сказал: «Я доложу»! До чего ж умные птицы! Невероятно умные!

Потрясающие!

Моргана...

Да, прабабушка хочет ее видеть. А ведь она... минутку... Адриенна напрягла разум, вспоминая все, что читала или слышала о Моргане. Благодаря дану Рокко она знала историю, и достаточно неплохо.

Моргана правила вместе с мужем.

Правила в его отсутствие.

Правила, когда он болел...

То есть... То есть и так тоже можно?

Адриенна решительно развернулась и направилась в кабинет. Филиппо Третий встретил ее почти укоризненным взглядом, но Адриенне было на это наплевать.

– Ваше величество. Поскольку мой муж безумно влюблен в другую женщину, никогда ее не бросит и всегда будет ей потакать... я знаю, что хочу получить свадебным подарком.

Глава 2

Мия

Город Умбрайя не огорчил и не порадовал. Так, видела Мия города и симпатичнее.

Тот же Альмонте, кстати. Но там проходит торговый путь, а здесь вообще захолустье – темное, нестриженое.

На главной площади лужа, в ней две хрюшки валяются, из окна мэрии выглянул какой-то чиновник и запустил в свинюх огрызком яблока. Те и не дернулись.

Судя по королевским размерам и лужи, и свинюх, для того чтобы они пошевелились, тех яблок надо бы пару ведер высыпать. Тогда – может быть.

Церковь?

Есть и она. Маленькая, обшарпанная, замызганная вся... Вот свинтусы! Это уже о местных жителях.

Мия крепко усвоила, что храм – лицо города. Есть три места, в которые надо обязательно заглянуть, чтобы определить, какая в городе власть. Первое – мэрия. Второе – церковь. Третье – рынок.

Первые два места сразу показывают, ворует местный чиновник умеренно – или вовсе уж оборзел на своем месте, сотрудничает ли он с храмом – или не особенно...

А на рынке...

О, на рынке вам столько новостей и подробностей отсыплют, только успевай поворачиваться!

Местный мэр явно воровал. Ну наглость же! Мог бы хоть площадь гравием засыпать! Ладно, мостить мостовую и сложно, и дорого, в Энурии вообще плохо с камнем. Здесь с лесом хорошо. И почвы песчаные. Ладно-ладно, если и гравия жалко, то хоть бы на деревянные мостовые расщедрился! Здесь-то это вообще рию стоит! За десяток солиди тебе столько леса навезут – выбрать не успеешь!

Следить придется, менять регулярно...

С другой стороны, или местные жители очень тихие и ленивые, или сама местность такая... вон, помост у виселицы грязью покрыт настолько, что сразу ясно: сюда года два никто не заходил. Никого не пороли, не вешали, дерево, сразу видно, подгнившее.

Мия пожалала плечами, но в мэрию заходить ей не хотелось, да и незачем. А вот в храм...

Мия коснулась заскрипевших дверей.

М-да, первое впечатление ее не обмануло. Скамейки давно бы пора обновить, да и покрасить, иконы – хоть ты заново рисуй, такие они все закопченные... перед ними мясо жарили, что ли? С чего они так потемнели?

И полы бы отмыть. Что, у них тут вода, тряпки и ведра в дефиците?

Куда мир катится!

Вот у Джакомо был друг, так он очень и очень гордился своей набожностью! Выражалась она в том, что мужчина лично, раз в декаду, мыл полы в храме. Ручками.

И никогда не забывал рассказать об этом всем окружающим!

Мия с таким трудом язык прикусывала, кто б знал! Так и тянуло поинтересоваться на тему гордыни, и вообще... может, есть в этом что-то лицемерное?

Вчера помыл полы в храме. Сегодня изменил супруге. Два раза. Завтра разорю конкурента, пусть повесится, гад... После знакомства с падре Ваккаро Мия была уверена, что настоящие верующие ТАК не думают. Но ведь полы-то он мыл?

А тут? Ни одного лицемера на весь город?

– Что ты забыл здесь, мальчик?

На скрип двери вышел местный священник. Мия вспомнила, что она путешествует сейчас в облике менестреля, сорвала шляпу и поклонилась. Достаточно низко.

– Благословите, отче...

Священник чуть расслабился. И благословил Мию вполне искренне, и улыбнулся...

Мия приглядывалась к парню. Нет, не могла она его назвать пастырем... вот как хотите! Молодой, нескладный, больше всего похожий на журавленка-переростка... и волосы растрепаны, и солидности пока не наел. Правда, добрый. Это видно. И улыбается

хорошо, и вообще... сволочи с котами на руках к прихожанам не выходят. А у священника на руках сидел здоровущий черно-белый кот.

Еще и мурлыкал, когда ему грудку почесывали.

Это решило дело.

Мия улыбнулась мужчине.

– Отче, позвольте на храм пожертвовать? Немного, но авось на благие дела пойдет?

– Жертвуй, чадо, – согласился священник.

– Только просьба у меня будет малая...

– Слушаю тебя, чадо?

– Я бы и сам купил ему вкусенького, – Мия указала на кота, который потянулся и зевнул во всю здоровущую клыкастую пасть, – но не знал. Может, вы ему от моего имени рыбки купите?

В руки священника перешел приятно звякнувший мешочек. Мия туда уложила несколько серебряных дариев и пару десятков сольди.

Мужчина принял дар и покачал головой.

– Куплю, конечно. Но... ты ведь и сам небогат, чадо.

– Меня Мио зовут, отче.

– А меня можешь называть отец Адольфо...

– Спасибо. А почесать вашего красавца можно? Как его зовут?

– Мэр Мур. Это не мой, предыдущего священника, но отец Просперо его любил до безумия... как тут выкинуть...

– Никак, – согласилась Мия.

Кот предупреждающе прикусил ее за палец. Взгляд зеленых глаз был умным и всепонимающим.

«Ты – метаморф, – говорили кошачьи глаза. – Я это вижу, но пока не буду на тебя охотиться. Ты пришла с миром. Я потерплю, но недолго...»

Надолго Мие и не надо было.

Что-что, а разговаривать с людьми она умела. Лоренцо рядом с ней был несмышленьшем, он-то сам учился, а Мию учили. Серьезно и целенаправленно.

Ремесло убийцы такое... не соберешь информацию – не поохотишься. А чтобы собрать – умей говорить с самыми разными людьми. Мия и разговаривала.

Через полчаса отец Адольфо Лупи сам принес ей церковные книги.

Мия уже знала о нем все, что могла и хотела. И о том, что он в городе совсем недавно, и что предыдущий священник, отец Просперо, долго болел, потом помер, вот... только кота оставил, теперь это кот отца Адольфо... дьявольское животное?

Вот еще!

Если кошка может на короля смотреть, то и на Бога – тоже! Он тварей живых создал, и кошка тоже Его творение! А кто говорит иначе – глупец! И его самого надо... того! В бочке со святой водой притопить, чтобы Дьявол из дурака вышел! Или хотя бы внутри чуточку ума залилось, хоть через нос, хоть через уши.

Да, конечно, сложновато пока. Солидности никакой, паства не привыкла, кое-кто и хихикать прилаживается... это все преодолимо.

Мия кивала, поддакивала и потом уже, под конец, бросила пару слов, что ее предки тоже в этих краях жили. Вот, говорят, некая Эванджелина Бонфанти...

Слово за слово – и оказалась Мия с кучей книг. И листала их.

Медленно, вдумчиво, благодаря про себя священников с четким и разборчивым почерком.

Браки, рождения, смерти...

Ну-ка? Эванджелина Бонфанти?

Книг было много, невероятно много. Мия и не рассчитывала, что у нее что-то получится с первого раза. Дней в десять бы уложиться – уже неплохо. Мия и не расстроилась. Не повезло с первого раза? Ну так что же... она переживет! Она просто будет искать дальше и дальше...

И в Пратто съездит, поищет, и по дороге в каждый город заходить будет... Здесь храм один, и книги хранятся именно в нем...

А если в мэрию наведаться? Может, там что интересное попадется?

Мия подумала какое-то время, потом вышла из храма, потеряла виски...

Голова реально гудела. Церковные книги хоть и пишутся красивым почерком, но за столько-то времени? И чернила повыцвели, и страницы кое-где мышами поедены... да и книги еще не все!

Когда к власти пришли Эрвлины, очень многие церковные книги времен Сибеллинов были изъяты. Здорово, правда? И историю пришлось писать заново...

Правильно.

Хочешь переделать людей в свиней – начни с их памяти. Убей врага! И, не знающие ни корней, ни прошлого, люди будут только радостно хрюкать на ведро помоев в кормушке. Это логично...

Год смерти?

Тоже нет. И вообще... ничего нет. Словно и не было здесь никаких Бонфанти.

– Чего ищешь-то, дочка?

Мия подняла глаза и даже недоуменно поглядела на пожилого мужчину: лет... сколько ж ему? Древность древняя, столько и не живут, наверное...

– Эм-м-м... ньор...

– Какой я тебе ньор! Так и зови – дедушка Марио, – отмахнулся мужчина.

– Мио, – представилась Мия.

– Ишь ты... а в мое время девушки в мужских-то штанах и не ходили... тебе так надо, что ли?

Мия кивнула.

Да, надо, важно, серьезно...

– Ну ладно. Мио – так Мио. Ищешь-то кого, а?

– Бонфанти, – созналась Мия. – Эванджелину. Не слышали?

– А то как же... слышал. А для чего ищешь?

– Попросили узнать, – отрезала Мия.

– Хм, странно, что никто тебе не рассказал. Эва – она ж в нашем городке, считай, легенда... хотя кто тут что расскажет? Падре этот молод еще, а в мэрии и дела никому нет. Тут старики нужны...

Намек был понят, в пальцах Мии блеснул серебряный дарий.

Дед Марио сгреб его, уселся поудобнее на нагретое солнышком надгробие и кивнул Мие на соседнее.

– Ты присаживайся, история будет долгая...

Мия не возражала.

Долгая? Ну... послушаем, покушаем...

* * *

Семья Бонфанти жила неподалеку от Умбрайи достаточно долгое время.

Тихая и спокойная семья...

Ровно до того момента, как Лора Бонфанти выкинула с башни свою старшую дочь, схватила младенца и выпрыгнула за ней сама. В живых осталась только средняя – Эванджелина, которая где-то пряталась от матери.

Андреа Бонфанти от такой «радости» запил по-черному и в два года свел себя в могилу.

Мия подумала пару минут – и уточнила, сколько лет было старшей дочери.

Оказалось – двенадцать с хвостиком.

Что было дальше с Эванджелиной?

До двенадцати лет она жила с отцом, тихо и спокойно: он спивался, дочь пыталась привести его в чувство – ничего нового или интересного. А вот потом...

Когда Андреа умер, у девочки образовались аж три шикарные возможности.

Панель, церковь и свадьба. Правда, ни одна из них юную Эванджелину не устроила. Наверное, потому, что подвернулась четвертая. Через Умбрайю проезжала невесть какой волной занесенная сюда королева Маргарита Сибеллин.

Конечно, все сбежались посмотреть на королевский кортеж! Еще бы!

И тут случилось непредвиденное.

Кони взбесились, понесли, могли бы затоптать принца, который выпал у кормилицы... Эванджелина кинулась вперед и спасла юного тогда Лоренцо Сибеллина, рискуя собой. За что и была взята ко двору.

У Мии слов не осталось.

ПРАбабка?

А не прапрапра? Мать ничего не напутала, а?!

Помня эданну Фьору... она могла, и еще как! Это ж бабке за сто лет было, когда она ее навещала, не иначе!

За СТО лет?!

Та-ак... расспрашиваем дальше.

И Мия превратилась в слух.

Эванджелина домой не вернулась. Сама. А вот примерно через десять лет в ее дом... Своего-то поместья у Бонфанти не было, считай: Андреа все заложил и пропил, а девочка и выкупать не стала, кому ж такое захочется... память-то какая гадкая...

Так вот. В городской дом Бонфанти вернулась кормилица и сын Эванджелины. Паоло.

Мальчик жил там, рос, как самый обычный постреленок... Эванджелина иногда приезжала, вся в шелках, в бархатах... Она была доверенным лицом королевы Маргариты Сибеллин.

И его величество Лоренцо, говорят, ей доверял.

Говорили, да...

Прошло еще десять лет.

Мальчик вырос, женился... первой у него родилась дочь. Анна Бонфанти.

Бабка приехала, посмотрела на нее – и забрала. Почти ультимативно. Уж что она нашла в малышке, кто ее знает... но это, наверное, и спасло девчущку.

О том, что Бонфанти – сторонники Сибеллинов, знали все. И когда пришли Эрвлины...

Да, именно так.

Паоло Бонфанти с женой были показательно казнены, их имущество отторгнуто в казну... Дети? Нет, малышку забрала Эванджелина, а что с ней дальше было – кто ж знает? В Умбраю она больше не возвращалась.

Разве что дом их сгорел.

Кстати – вместе с новыми жильцами, которые активно участвовали в казни старых.

И мэр померши...

И священник...

А больше никто ничего и не знал. Вообще...

Мия искренне поблагодарила старика золотым лорином. А сама уселась в дальнем углу кладбища и принялась размышлять.

Итак... получается, что у нее выпадает одно поколение.

Про Анну Бонфанти она ничего не знает.

Мать – Фьора, бабка – Паола, кстати говоря, а вот прабабка...

Про Эванджелину Мия знала. А про Анну – нет.

Но картина пока складывалась непротиворечивая. Во всяком случае, Мия понимала, что именно произошло.

Почему она лично не едет верхом, а идет пешком?

А потому... кто-то забыл, как на метаморфов реагируют животные?

Плохо. Особенно если себя не сдерживать... Несет их. То есть кони могли понести... при условии, что Эванджелина – метаморф.

А если она была метаморфом, то, надо полагать, и ее родные... нет, не мать. Тогда не было бы истерики, и прыжка из окна не было бы...

Допустим, несчастная Лора Бонфанти увидела то же, что некогда увидела Фьора Феретти. Просто – допустим. Если девочки начинают менять внешность, уронив первую кровь... понятно?

Вполне.

Плюс младенец. То есть после родов.

Воля бы Мии, она бы на каждую беременную и недавно родившую женщину, табличку вешала.

«Опасность! Осторожно!!!»

Смешно вам?

Если бы мужчины знали, как сильно действуют на женщин беременность и роды, они бы молчали – и отползали. Сами и БЫСТРО!

Между прочим, никто не удивляется, когда добрейшая сука, оценившись, вдруг становится злее цепного пса, а злющая кошка, окотившись, приходит за лаской. А женщины – другие?

Говорить они, конечно, могут, но... далеко не всегда сами осознают, что с ними происходит. А тем не менее...

Беременность, роды... все это так бьет по мозгам (понятия «гормональный стресс» Мия просто не знала, а то бы зааплодировала), что неудивителен поступок Лоры.

Просто допустим.

Она недавно родила, и вдруг ее дочь начинает меняться. Из этого что следует?

Две вещи. Первая – что в ее роду ничего такого не было, иначе она бы знала или хоть как-то предполагала... была лучше подготовлена. Как сама Мия.

У Серены, кстати, ничего такого не проявилось и не проявится. И Мие казалось, что у Джулии – тоже. И это логично вписывалось в общую версию...

Если допустить, что старшая дочь Бонфанти была метаморфом, и средняя тоже... Вот старшая не уцелела.

Средняя пошла посмотреть на королеву... и от нее взбесились животные. Запросто! И взбесились, и понесли, и что хочешь... и спасти малыша она могла.

Мия помнила себя.

Она тоже была сильнее, умнее и быстрее сверстников. Так что...

Могла.

Дальше все было логично. У нее родился сын... от кого?

Да это как раз и не важно! Что не от Сибеллина – это точно, король был еще малышом в то время. Что там лет десять – ерунда!

Итак, у нее родился сын, жил здесь... Надо полагать, мать его содержала. А вот дара у него не было? Ни как у Лоренцо, ни как у нее?

Могло быть и такое.

Почему Паоло Бонфанти не жил при дворе? Да почему угодно!

К примеру, там было опасно из-за Эванджелины и ее службы королеве, там над ним издевались, потому что он незаконнорожденный, его нельзя было представить ко двору из-за его отца... Мия подозревала, что этого никогда точно не узнает. Вплоть до того, что ему просто не нравилось в столице. Это только то, что первое пришло в голову. А вариантов может быть уйма.

Тем не менее Паоло вырос, женился...

И мать приезжает к нему. И забирает внучку.

Почему?

Ответ прост.

Если Эванджелина что-то о себе знала... если могла почувствовать метаморфа... А вдруг?

Могла? Вполне! Мия уверена, что Джулия не будет метаморфом, а если Эванджелина ЗНАЛА, что Анна будет метаморфом?

Могла она захотеть изолировать, увезти малышку от отца и матери? Которой еще невесть что в голову ударит?

Вполне могла. А уж как она это обставила... сама Мия могла бы сказать, что малышка болеет и ее надо лечить, что малышку можно отвезти ко двору, если там у короля или принца есть дети...

Опять-таки, придумать можно многое.

А там и грянуло.

Война, убийство Лоренцо Сибеллина...

И вот сюда отлично вписывается то, что Эванджелина осталась жива. Мия тоже захотела бы отомстить. Так что...

Город цел?

Какая прабабка добрая была! Это что-то! Мия бы за свою семью... Стоит только вспомнить Джакомо и Серену. Джакомо был принесен в жертву без размышлений и терзаний, стоило ему только подумать о причинении вреда Серене Феретти.

Ну да ладно. Итак, идем дальше.

Анна.

Про Анну Мия ничего не знала. Но... допустим...

Просто допустим, что Анна родилась, она была... а времена тогда были сложные. Сибеллины ушли, Эрвлины пришли... Если бабка не старалась помочь последним Сибеллинам... Да Мия себе хвост бы отгрызла по самые уши, если это не так!

Или...

Или она ничего не могла сделать, потому что у нее на руках был маленький метаморф?

А ведь могло быть и такое. Если ОБЫЧНО начиналось все это с первой кровью... могло ли начаться раньше?

Да запросто!

И начаться раньше, и... А правда, что случилось с Анной Бонфанти?

У нее явно была дочь, Паола... Вне всякого сомнения, дочь, названная в честь своего отца. Несчастливого Паоло Бонфанти. У Паолы Фьора, у Фьоры Мия... Ну, примерно сходится по годам. Особенно если Анна родила дочку не в пятнадцать, а позже... Лет в двадцать – двадцать пять...

Могло быть и такое.

Фьора, когда упоминала о бабушке, говорила, что она – младшая дочка. И бабушка родила ее поздно, чуть ли не в тридцать лет, – ей не везло с детьми.

Или не сходится? И Мия пропустила еще одно поколение?

Но где его искать? И как его найти?

Мия даже не представляла, как ответить на этот вопрос.

Бонфанти... что ж, надо искать дедушку Марио. Пусть подскажет еще кое-что...

* * *

К большому, даже громадному сожалению Мии, дедушка Марио ее сильно разочаровал.

Бонфанти были хоть и местными, но...

После того случая с несчастной Лорой... поместье свое они продали. А если у них что и было – семейные книги, Библия и прочее... – все было уничтожено. Тогда, при пожаре.

Мия только головой покачала.

Вот почему-то ей казалось, что она еще многое пропускает. И, может быть, не только несчастную Анну?

Кстати...

– А как фамилия Лоры? Той, что вышла замуж за Бонфанти?

– Диматтео. Лауренсия Диматтео.

– А они?..

– Живут неподалеку.

Мия хищно потерла руки.

«Диматтео, говорите? Эванджелина, говорите? Ну, я спокойнее, мне известность не нужна. А вот знания нужны. И я их получу».

* * *

Поместье Диматтео так живо напомнило Мие родное Феретти, что девушка аж глаза рукой потерла.

Вот один в один!

И крыша кое-где просела, и стены подновить не помешало бы, и хозяйственные постройки... м-да.

Явно здесь живут братья по разуму ее отца, земля ему пухом. Дядя, при всем сволочизме, до такого никогда не скатился бы... у него и характер был, и стремление к комфорту и уюту...

А тут что?

Мия, недолго думая, перебрала струны лютни – и те рассыпались задорным говорком.

На звуки музыки из дверей выглянула кухарка и замахала на Мию полотенцем, которое небось еще Эванджелину помнило.

– А ну пошел, пошел отсюда!

– Красавица! – воззвала Мия, нещадно греша против истины (в кухарке не меньше семи пудов живого свиномяса было). – И не совестно тебе меня гнать? Я ж ничего и не прошу, разве что в тенечке передохнуть да водички попить!

– Ага-а... – Кухарка явно не собиралась доверять незнакомцу. – Сначала попить, потом пожрать, а потом и переспать! Знаем мы вас таких... а ну пошел!

Мия отметила краем глаза, что на втором этаже открылось окно – и решила пойти ва-банк. Кухарка ее все равно прогонит, а вот хозяева, может, и оставят?

– Ты б, красотка, на себя оборотилась! Или хотя бы вокруг себя! Какое переспать! Ты ж во сне повернешься, а меня потом и не отскребут...

– Ах ты... – Кухарка взвизгнула – и рванула на Мию, грозно потрясая половником.

Девушка могла бы сейчас скрутить эту клушу. Оглушить. Убить. Да что угодно бы сделала. Но вместо этого весело ударила по струнам – и принялась скакать по двору под задорную музыку. Увернулась раз, два, потом ловко свернула к колодцу, возле которого скучала себе грязная лужа. Кухарка следовала за Мией, подбадриваемая веселыми коленцами...

Мия-то увернулась.

А вот кухарка с размаху влетела в лужу, поскользнулась на влажной глине – и только чвякнуло.

Со второго этажа раздался хохот и аплодисменты.

– Эй, мальчишка!

– Мио, менестрель, к вашим услугам, благородный дан, – поклонилась Мия.

– А заходи, пожалуй что! Потешись душеньку песней. Говоришь, тенек и водички?

– Раз уж сказал – больше и не попрошу. Но если благородные господа предложат, то и отказываться не буду, – блеснула глазами Мия.

Ответом ей был тот же самый смех – и девушка вошла в дом.

Кухарка злобно выругалась и попробовала вылезти из лужи самостоятельно. Ага, как же!

Кто не пробовал, лучше и не надо так экспериментировать. Особенно когда вешишь ты ой-ой-ой сколько. Размокшая глина – штука скользкая, и держит отлично, и плывет под пальцами...

Примерно через десять минут из лужи выползла большая глинистая черепаха. Кухарка, к восторгу всех видевших это, перевернулась на четвереньки, окончательно угваздавшись, и так поползла на кухню.

Какими словами она при этом крыла бродягу-менестреля... Мухи дохли на подлете.

Мие очень повезло, что дан Диматтео пригласил ее за свой стол. Не то кухарка бы ей точно яда подсыпала.

* * *

Дан Диматтео оказался мужчиной в годах, лет пятидесяти. И ему было здесь откровенно скучно. Дочь он замуж выдал, сын сейчас служил в гвардии, а сам дан...

Понятно, кто-то и хозяйством заниматься должен, но в этой глуши...

Рехнешься ж со скуки!

А тут такое развлечение! И поговорить, и послушать, и музыка, и песни...

Так что время все провели с пользой. Все три следующих дня.

Хорошо было дану – его развлекали по первому требованию. Бродячий менестрель оказался и отличным рассказчиком, и прекрасным слушателем, так что Патрицио Диматтео получал двойное удовольствие. Такое редко бывает, обычно поговорить люди любят, а вот послушать уже нет. А тут...

Дан соловьем разливался. И Мия слушала.

А там...

Слово за слово, подходящая песня, подходящая история... и – вот оно! Поклевка!

– В нашем роду тоже интересная история была, лет сто тому назад, – рассказывал дан. – До сих пор понять не можем, что и как... Представляешь, баба родила, а потом старшую дочь с башни выкинула и сама за ней прыгнула.

– Бабы после родов с головой не дружат, – со знанием дела поведала Мия. – Хоть такие, хоть сякие, хоть благородные... уж простите, дан, сколько видел, все одно и то же. Куда нам, бедным мужикам, деться от их капризов?

Дан Диматтео кивнул.

– Так оно, так...

Саму историю Мия уже знала. А вот о продолжении...

– Так что ты думаешь? Бабская дурь – она по наследству передается...

– Разве?

– А то ж! Точно знаю... у той Лоры одна дочка уцелела... вот у нее внучка была. Анна...

– Анна? – изобразила интерес Мия.

Дан Диматтео только рукой махнул, мол, давние дела.

– Когда Сибеллины ушли... Ладно уж, сейчас и кости истлели, чего б не посплетничать?..

– Сейчас это уже история. И Филиппо Третий правит мудро, да хранит его Господь, – перекрестилась Мия со всем возможным уважением.

Дан Диматтео покивал головой.

Но рассказать семейную историю ему хотелось.

– Так вот... когда Паоло с женой убили, его мать забрала ребенка.

Мия подняла брови, но от вопроса «А разве это не раньше получилось?» воздержалась. Понятное дело, сто лет прошло. Вы себе представляете, сколько за это время воды утекло? Тут, что год-то назад случилось, иногда не раскопаешь, а сто лет?

Очевидцы умерли, а пересказ – он и есть пересказ... с чужих слов, художественный свист...

Могло быть и так, и этак...

С одной стороны, и Эванджелина могла почуять метаморфа.

С другой... разве нормальные родители свое дитя отдадут? Да кто ж его знает, как оно там было?

– Вроде как родителей убили, девчонку бабка спасла... в последний момент из рук убийцы вырвала – говорят, там кровь потоками лилась... Анна получилась помешанной. Что-то с ней крупно не в порядке было... Эва с ней возилась, как же, единственная кровиночка, другой уж не будет...

– А разве ее не?.. – удивилась Мия.

Дан Диматтео ухмыльнулся.

– Говорят же, темнее всего – под пламенем свечи. Все думали, Эванджелина уехала, а она осталась. Тут рядом есть монастырь. Вот она и попросила убежища... а когда девчонке то ли двенадцать стукнуло, то ли еще сколько, она тоже с башни выпрыгнула. В этом самом монастыре.

– И монастырь после этого не закрыли?

– Пощипали прилично, но не закрыли. Так и стоит... монастырь Святой Франчески...

Мия поблагодарила дана Диматтео. И честно отказалась от любой оплаты ее труда. Она дана развлекала, он ей новую ниточку дал.

Монастырь Святой Франчески, говорите?

Наведемся, никуда он от нас не денется...

Спустя три дня Мия распрощалась с даном и направилась в монастырь.

Если Анна погибла, когда ей было двенадцать, – откуда взялась прабабка Мии?

Дана Эванджелина, вы свинья, а не метаморф! Вот! Совести у вас нет – никакой! Вы не могли рассказать Фьоре историю рода, чтобы Мия тут не моталась, как блоха на хвосте у бешеной собаки?

А с другой стороны...

Мия бы точно ничего не рассказала Фьоре Феретти. Так что...

Монастырь, говорите?

Ну... помолимся, сестрие...

Адриенна

Что удивительного, если молодая девушка хочет помолиться?
Даже не просто помолиться – провести ночь в храме?

Кардинал Санторо это очень одобрил (набожными управлять легче) и разрешил. И даже сказал:

– Может быть, дана СибЛевран, я составлю вам компанию в этом ночном бдении?

Адриенна, которая собиралась вовсе даже не бдеть и уж точно не в храме, качнула головой:

– Ваше высокопреосвященство, умоляю понять меня правильно и не обижаться. Потом – вполне возможно. Но здесь и сейчас мне надо побыть одной и подумать... прошу вас...

– Вы никогда не останетесь одна в храме, – мягко поправил ее кардинал. – Там всегда будет Господь. Рядом с вами...

Адриенна покивала и вечером пришла в храм. Служанку она оставила за дверями.

По приезде она сразу поинтересовалась Джованной, своей бывшей горничной. Но та сейчас не служила. Сидела дома беременная... Этот вопрос Адриенна еще обдумает. А пока...

Джованна – это потом, потом...

А вот Моргана...

Адриенна с трудом дождалась, пока за ней закроется тяжелая дверь и в замке повернется ключ.

Примерно до полуночи она тихо сидела на скамейке. Даже придремала чуток. А когда часы отзвонили полночь, встала.

Дорогу она не забыла. Нажала на плитку, коснулась глаза святого – и вступила на открывшуюся лестницу. Ей очень нужно было в подземелье.

Сейчас было уже не страшно. И даже спокойно как-то... уютно?

Да, наверное...

И вниз, вниз...

Та же округлая пещера, словно бы и не рукотворная, а сама собой возникшая в камне.

Тот же алтарь – острый, резкий, похожий своими гранями на наконечник стрелы... Адриенна приложила к нему ладонь – и снова потекла кровь.

В этот раз времени потребовалось меньше. Моргана появилась почти сразу... и она улыбалась.

– Правнучка...

– Прабабушка, – в тон ей ответила Адриенна. И улыбнулась в ответ.

– Я смотрю, кровь в тебе запела в полный голос? – Моргана одобрительно оглядывала внучку.

– Да... ты знаешь, что планирует для меня Филиппо?

– Не до конца. Расскажи сама, – попросила Моргана.

Вот уж чего Адриенне не было жалко – это рассказа. И как она жила, и что делала, и про отца, и про эданну Сусанну, и даже про зверя...

Вот про Леверранское чудовище Моргана слушала внимательнее всего. А потом даже ссутулилась как-то, вздохнула.

– Бедняга...

– Да?! – изумилась Адриенна, которая подозревала, что бедняга тут не оборотень, а те, кого он разорвал и сожрал.

– Да... что может быть печальнее одичавшего спутника?

– А подробнее можно? – попросила Адриенна.

– Конечно, – Моргана грустно улыбнулась. – Ты же не думаешь, что мы приходили в этот мир нагими и босыми? Наивными и беззащитными?

– Н-нет?

– Нет. С нами были спутники.

– Это кто?

– Это... мы называли их тысячеликими. Они могли принимать любой облик, они могли быть и людьми, и животными, по своему выбору, мужчинами и женщинами, они были помощниками и защитниками.

– Не люди?

– Сложно сказать. Я ведь тоже не совсем человек, – развела руками Моргана. – Скажем так... люди, но немножко улучшенные с помощью нашей крови.

– Расскажешь? – Адриенна смотрела на прабабку, как ребенок, который слушает волшебную сказку.

Моргана не стала разочаровывать девушку.

– Представь себе, что рядом с тобой человек... не важно, мужчина или женщина. Важно другое. Это как продолжение тебя, твой друг, близкий человек, который всегда поймет, всегда подскажет, всегда защитит и поможет... вы как две части единого целого.

– Такое тоже бывает?

– Бывает. – Моргана смотрела грустно. – Мы делились кровью и были настроены друг на друга. Как родные...

– Как любимые?

Моргана качнула головой.

– В этом еще одна трагедия. Я объясню на конкретном примере. Я пришла сюда не одна. Со мной был мой тысячеликий – Фабрицио.

– Так...

– Он мог принимать любое обличье, он был привязан ко мне кровью, он готов был защищать меня от всего мира, носить на руках, любил до безумия... собственно, он погиб, защищая меня.

– А ты его не любила?

– Как друга, как брата... но не как мужчину. И в этом было главное горе. Вместе нам было невозможно, а порознь... Мы могли жить без них, а вот они без нас – уже нет.

– Почему?

– Они зависели от нашей крови. И без нее им грозило безумие. А если они пробовали заменить нашу кровь чьей-то человеческой... тогда происходило вот то, что ты видела. Вместо человека появлялся монстр.

– Волк?

– Видимо, разум приказал телу принять именно такую форму. Мог быть и дракон, и химера, и кто угодно... полуразумные и полубезумные. Страшные в своей одержимости кровью... *нужной* кровью.

– Моей?

– Не знаю. Может, и твоя могла бы помочь. Но ДО того, как это существо попробовало чужую кровь.

– Пара капель крови – и гибель? То есть девушка оцарапалась, парень поцеловал ее царапину, слизнул кровь – и все? – удивилась Адриенна. – Гибель?

Моргана покачала головой.

– Нет. Конечно, все не так просто. Опять на примере. Мой тысячеликий попробовал мою кровь, когда нам было по пятнадцать лет. ДО совершеннолетия. И его, и моего. Произошло запечатление, и чужая кровь на него больше не действовала. Хотя ведрами ее пить все равно не стоило бы.

– Так... – задумалась Адриенна. – А если после совершеннолетия?

– Для мужчин до двадцати пяти лет. Для женщин до зачатия и рождения ребенка. Как только женщина затяжелела – все. Кровь уже не подействует, запечатления не будет.

– И – безумие?

– Не обязательно. Живи спокойно, главное – не употребляй человеческую кровь. Вот и все... И можешь прожить долго и счастливо...

– Ага, – сообразила Адриенна. – а если попробовать чужую кровь ДО запечатления?

– Зависит от ее количества. Можно и сойти с ума, а можно и не сойти. Как повезет.

– Понятно. А в чем была трагедия?

– Тысячеликие любили нас, мы – их, но детей у нас быть не могло. Это... было невозможно. Наша кровь выжигала их, вот и все.

– Ох-х-х, – сообразила Адриенна.

Брак?

Запросто. Но что страшнее? Обречь любимого человека на бесплодие – или себя на его (ее?) неверность? И так больно, и этак...

– Поняла? Кровь тянула нас друг к другу, но – и только. А дальше... дальше – пустота, – горько улыбнулась Моргана.

– И уйти больно, и остаться невыносимо.

– Именно. И еще... мы-то без тысячеликих выжить могли. А им позарез была нужна наша кровь. Так уж было задумано.

– Кем?

– Я тоже не все знала, – развела руками Моргана. – Я была еще девчонкой, для меня логично было, что так есть, и было, и будет... когда я ушла к вам, сюда. И мой Фабрицио вместе со мной. И... он погиб, а я осталась. И встретила свою любовь. Настоящую...

– Смертную, – вздохнула Адриенна.

– Лучше прожить сто лет вместе, чем тысячу лет, не зная счастья, – отрезала Моргана. – Ты уж мне поверь, я бы и дня из своих не отдала. Ни единого!

Выглядела она так, что Адриенна поверила.

И принялась рассказывать о том, о чем не хотела.

– Мия... ее зовут Мия Феретти...

Моргана внимательно слушала. А потом подвела итог:

– Да... ты права. Она той же крови. И этот ее брат... даже если запечатление проходило с кем-то другим – а такое вполне может быть, я ведь не единственная в этом мире, – их могло потянуть к тебе. Сколько уж лет прошло, сколько раз смешивалась кровь...

Адриенна кивнула.

– То есть я могу просто дать им потом свою кровь – и они будут защищены от безумия?

– Да.

– Но... совместных детей у нас с Лоренцо быть не может?

Моргана лукаво прищурилась.

– А вот тут – не знаю. Понимаешь, мы ведь видели все... Скажем, огонь и вода не могут существовать вместе. Но свеча-то может гореть в тумане?

Адриенна подумала и сообразила.

– Вы хотите сказать, что из-за разбавленной крови...

– Может быть и так, и этак. Не стану тебя обнадеживать, но вполне возможно, что на вас бы это не сработало. Жаль, проверить не получится.

– Но Лоренцо жив.

– А ты откуда это знаешь? Ну-ка, подробнее?

– Тебе бы, прабабушка, в дознаватели, – огрызнулась Адриенна. Но про свои сны рассказала. Хотя и задумалась о времени. Сколько она уже тут? Ее не хватятся?

– Все в порядке, – развеяла ее сомнения Моргана. – Еще и вторые петухи не пропели^[1].

Про сны Моргана выслушала внимательно. И подвела итог:

– Вполне возможно, что вы с Лоренцо Феретти запечатлели друг друга.

– Но... такого не могло быть!

– Неужели? А если подумать, по минутам вспомнить все ваши встречи, разобраться...

Адриенна побледнела. Потом покраснела.

Вспомнила, как на них напали в переулке. А ведь могло... могло тогда быть...

– Но...

– Да, скорее всего, у вас произошло запечатление. – Моргана читала по лицу правнучки, как по пергаменту. – Не переживай, это ни на что не повлияет.

– То есть... я его не люблю? А он меня?

Призрак только головой покачал. Вот ведь... дети!

– Почему ты сразу думаешь о самом плохом? Потянуло вас друг к другу, потому что кровь позвала – и кровь откликнулась. Но вы ведь не животные! Вы – люди. И я готова спорить, что ваши чувства возникли ДО запечатления.

Адриенна кивнула.

Да, и это тоже верно.

– Не думай о себе самой плохо. Допустим – просто допустим, – что Феретти позвала к тебе кровь. Но ты-то от нее не зависишь!

– А если бы я его кровь попробовала?

– А как иначе? Ты – ему, он – тебе... даже не сомневайся. Так и происходит. Но никакая магия не может повлиять на чувства.

– А приворот?

– Это не магия. – Моргана выглядела откровенно... брезгливой, вот сейчас плюнет. – Это грязь... она пачкает и того, кто делает, и того, с кем проделано... и на нас, кстати, не подействует.

– Хотя это хорошо. А вот что мне делать с его высочеством?

– То, что ты уже сделала, – даже не стала сомневаться Моргана. – Все правильно, все в порядке.

– В порядке?

– Ты изначально знала, что у него есть другая женщина. Что вас связала не любовь, а проклятие. Найди того, кто будет за это благодарен?

– Но мне-то тоже это не нравится! И не нужно...

Моргана качнула головой.

– Правильно. Только вот есть люди, которые твердо уверены, что власть искупает все. С их точки зрения, тебе незаслуженно повезло – ты же получаешь корону!

– Им бы такое везение!

Моргана прислушалась к чему-то.

– Пропели вторые петухи. Тебе пора уходить, девочка.

– Я могу вернуться?

– В любую минуту. Прошу – будь осторожнее. Двор – это корзина ядовитых змей. Очень злых и активных...

Адриенна горько усмехнулась. Вот в этом она и не сомневалась.

Попрощалась и отправилась прочь из зала.

Что ж.

Особой ясности Моргана не внесла, помочь она ничем не может. Но хотя бы про Феретти все ясно. Они... Хм, а как к этому отнесется Мия?

Адриенна уже закрыла за собой дверь и опустилась на колени. Пусть пока так...

Ей очень ярко представилось, как она рассказывает эту историю подруге. Мол, ты не совсем человек, это потому, что такие, как вы, должны стать охраной и защитой для таких, как я.

Здорово?

Даже замечательно.

Главное, чтобы у подруги в этот момент в руках ничего тяжелого не оказалось. А то получит ее будущее величество по умной головушке... раз десять. Или двадцать.

А что тут сделаешь?

Адриенна плюнула на все и принялась молиться. Все равно ничего хорошего в голову не лезло, а до утра о всякой гадости думать...

Ох, прабабушка... вроде и сердиться на тебя не за что. Но как же это... сложно! И как неудобно!

– Господи милосердный...

* * *

Именно такой Адриенну и увидел кардинал Санторо.

Да и его высочество, хоть и выглядел недовольным...

– Молится?

– Да.

Бледное лицо почти светилось в полумраке часовни, черное с серебром покрывало оттеняло черные же волосы, громадные синие глаза смотрели – куда?

– Что вы надеялись увидеть, ваше высочество?

Принц сморщился.

Что-что... да хоть что бы!

Его величество сегодня хорошенько проработал сына с песочком, напоминая, что это – единственный шанс. И нечего его так по-глупому упускать.

Принц все понимал. Кроме...

Вот как так получается? Вроде бы он с отцом согласен, и понимает все, и принимает, а потом... потом его словно бес какой под локоть толкает! И все начинается снова!

Подумать, что эданна Ческа знает его вдоль и поперек и ей-то как раз ссора между ним и невестой выгодна... ладно. Допустить он это мог!

Но она ж ничего такого не говорила!

Вот правда-правда... мысль о том, что умная женщина никогда и ничего не скажет напрямую, но всегда вложит в голову мужчине нужные мысли, к нему как раз и не приходила. Слишком уж много эданна Франческа вкладывала, для посторонних мыслей места и не оставалось...

– Не знаю. Она не казалась мне набожной.

– Может быть, вам к ней спуститься? Совместная молитва сближает...

Его высочество качнул головой.

– Нет. Пойду спать... спасибо, кардинал.

– Я был рад помочь, ваше высочество.

Кардинал Санторо отлично помнил, что на смену королю всегда приходит принц. И стелил соломку заранее, так что его высочество твердо был уверен: кардинал ему друг. Хороший.

Может, даже и настоящий.

Просто занудный он очень... ну что такое? На охоту не вытацишь, по бабам с ним не пойдешь, на пирушке ему сложно... сан не позволяет...

Но это ведь мелочи? Конечно! Настоящая дружба на такое внимания не обращает! И вот сегодня: стоило принцу только намекнуть, что хотелось бы посмотреть, как там его невеста молится, и кардинал тут же согласился провести его в часовню потайным ходом.

Адриенна серьезно рисковала. Если бы мужчины узрели пустую часовню, а потом и то, как она появляется из подземного хода...

Хотя – нет. Риск был в пределах допустимого. Моргана почуяла бы чужое присутствие, но лучше все равно до такого не допускать.

Принц ушел, а кардинал еще раз бросил взгляд на тонкую фигурку в полумраке.

– Она не набожна. Она божественна!

Может, принц и считал его своим другом. Но это ничуть не мешало кардиналу считать его высочество редкостным идиотом.

* * *

– Джованна!

Адриенна приветствовала свою бывшую служанку радостной улыбкой.

– Ваше выс... ой, то есть дана СибЛевран! – Джованна едва не оговорилась, но быстро закрыла рот рукой. Нельзя, пока – нельзя. Пока еще не состоялась помолвка...

Адриенна улыбнулась еще шире и обняла служанку.

– Как у тебя дела? Не хочешь вернуться ко мне?

– Ваше...

– Просто – дана Адриенна, как раньше, – попросила Адриенна.

– Хорошо. Дана Адриенна, я замуж вышла. Я теперь Джованна Кальци!

– Погоди-ка... Матео Кальци? Садовник?

– Да! – Джованна улыбалась так, что могла затмить солнышко. – Мы про черные розы поговорили, а потом слово за слово... он замечательный! Очень умный, добрый, заботливый... только его никто и никогда не слушал. А он цветы любит... они для него все как живые.

– Они просто живые, – кивнула Адриенна.

Сама она за цветами ухаживать не умела, да и не слишком любила, если честно. Вот животные – другой вопрос. Животные, люди... А с растениями ей было сложно.

– Вот! Вы тоже понимаете! – Джованна кивала. – Я бы и рада, но я сейчас... видите?

Она натянула ткань платья, и та отчетливо обрисовала маленький животик.

– Ой! Поздравляю! – обрадовалась Адриенна. – Когда надо ждать?

– К весне. Дана Адриенна, а вы в крестные пойдете?

– Если его величество не запретит прямым приказом, обязательно, – кивнула Адриенна. – И... наверное, ты права. Я была бы рада тебя видеть, но и ребенок, и... ты сама понимаешь. Мало что изменилось с прошлого раза. Его высочество по-прежнему любит эданну Ческу, а я... я – так.

Джованна сочувственно вздохнула.

Да, есть и такое у женщин. Когда они несчастны, они готовы загрызть весь мир вокруг себя. А когда счастливы... это ведь неправильно, что рядом останется кто-то несчастный! Не осчастливленный...

– Дана Адриенна, а если вам позвать мою подругу?

– Подругу?

– Ньора Розалия Меле, – назвала имя Джованна. – Вы не думайте, Роза – она хорошая. Она умненькая, серьезная, только очень занудная. Но вас это как раз и не смутит.

– Нет, не смутит, даже порадует.

Адриенне тоже свойственно было определенное занудство.

– Вот. В остальном она не предательница, не сподличает, не напакостит, всегда скажет, если кто-то или что-то...

Джованна отлично понимала, что именно важно для Адриенны.

А еще...

У ньориты Розалии был главный плюс. Ни семьи, ни детей, две сестры где-то в провинции, брат в море, сама Роза трудом и горбом выбивалась... ладно, еще дядя помог, он стражником был. Но дядя два года уж как помер...

Если кто-то решит шантажировать Розу, ему будет намного сложнее.

Джованна куда как более уязвима. У нее и Матео, и ребенок...

Адриенне она это излагать не стала, она и так получила от даны одобрение.

– Да, пожалуй... пусть придет.

– Дана Адриенна, а вам, наверное, как королеве, будет двор положен?

– Двор? – Адриенна об этом как-то не задумывалась. Но ведь и верно...

– Ну да... четыре телохранителя, трое слуг-мужчин, обязательно четыре дамы при опочивальне, двенадцать фрейлин.

– Зачем столько?

– Ну как же... следить за вашими нарядами, украшениями, одевать вас, причесывать, раздевать, помогать укладываться, прислуживать днем и ночью...

Адриенна застонала.

Джованна улыbnулась лукаво и весело...

– Дана Адриенна, да тут уже такие интриги разворачиваются! Кто на вас ставит, кто против... Но дочерей ко двору пристроить – это ж милое дело! Глядишь, они тут и мужей найдут, и повыгоднее, чем дома...

– Ы-ы-ы-ы-ы...

– Чего вы так пугаетесь? Не надо, не переживайте. Это же не они вам, а вы им нужны... поговорите с Розалией, кстати говоря.

– Кстати?

– Ну да. Если вы ее назначите старшей... фрейлины могут ей и не подчиняться, но это вам нужна будет еще камер-фрейлина – дана, строгая, серьезная...

– Джованна, ты меня убиваешь!

– Ну... Я полагаю, его величество вам даст хороший совет на эту тему, – в глазах Джованны плясали бесенята. – А я бы советовала вам обратить внимание на эданну Сабину Чиприани.

– И что в ней такого примечательного?

– Хотя бы то, что эданну Франческу она на дух не переносит.

– И все еще при дворе? – удивилась Адриенна.

– У нее муж был военным. Поди убери ее... у нее и пенсия есть, и характер соответствующий... может, муж ее и командовал полком, но жена точно командовала мужем.

– Я не муж, мной командовать не получится.

– Зато фрейлинами – за милую душу. Субординацию она тоже понимает, – подмигнула Джованна.

Адриенна потерла виски.

– Я... я подумаю. Если его величество предложит. Мы пока с ним об этом не говорили.

– А еще поговорите с даной о другом. Если это еще не определил его величество, то, возможно, она сумеет поторговать местами и

выбить что-то полезное?

– К примеру?

– Откуда ж я знаю, что вам, дана, на пользу пойдет? – удивилась Джованна.

Адриенна застонала. Зная короля...

– Вот не сойти мне с этого места, его величество меня в это бросит, словно щенка. И посмотрит, выплыву я или потону.

– Так и что в этом страшного? – подбодрила Джованна. – Дана Адриенна, начинать-то с чего-то надо!

– А то как же, – кивнула Адриенна. – Например, с простого вопроса. Его величество с тобой уже поговорил – или потом поговорит?

Джованна даже не покраснела.

– Вот я точно знала, дана, что вы догадаетесь! Так и сказала его величеству!

– Так-таки и сказала?

– Да, – Джованна посмотрела Адриенне прямо в глаза. И девушка не уловила лжи. – Я сказала, что вы умная и не поверите во все подряд.

– А во что я должна верить? В эту... эданну Чиприани?

– В том числе. Вы посмотрите на нее и поговорите с его величеством. Вдруг да понравится?

Адриенна только головой качнула.

– Ладно. Я и посмотрю, и поговорю... А если честно и по старому знакомству, ты мне ничего сказать не хочешь?

Джованна потерла лицо руками.

– Даже не знаю, дана. Вот честно... даже не будь у меня ребенка, я бы в эту свару не полезла. Эданна Ческа вам никогда не простит... сама она – пустоцвет, но власть любит, за нее вас рвать будет когтями и зубами. Постарайтесь поберечься, вас здесь никто жалеть не будет.

Адриенна это и сама преотлично знала.

– И насчет Розалии я тоже не врала. Она хорошая, просто зануда и невезучая. Приглядитесь, вдруг да понравится?

Адриенна только рукой махнула.

Ладно, поживем, посмотрим...

Сегодня его величество выглядел ничуть не лучше, чем вчера. Даже, может, еще и похуже. Мешки под глазами, хоть ты туда репу складывай, осунувшееся желтое лицо...

– Доброе утро, дана.

– Доброе утро, ваше величество.

– Судя по вашему лицу, Адриенна, вы не хотите сказать мне спасибо? – от души развлекался Филиппо Третий.

Адриенна вздохнула.

– Ваше величество, когда вот так, достаточно бесцеремонно лезут в твою жизнь... Это ведь все будут ваши люди! Ваши, не мои...

– Но у вас и нет пока своих людей, разве не так, Адриенна? Я знаю, кое-кто хотел поехать с вами, но вы оставили всех в СибЛевране.

Адриенна тряхнула головой.

– Да.

Это было чистой правдой. И хотели, и она была против – и причина была более чем уважительная.

– Вот и отлично. Это те люди, которым не нравится эданна Вилеци. Дальше объяснять?

– Не надо, – вздохнула Адриенна. – Я попробую найти с ними общий язык.

– Попробуйте, Адриенна. Это действительно необходимо. И идемте сейчас со мной...

– Куда?

– Куда вам и хотелось. В казначейство.

Адриенна кивнула еще раз.

– Дан Брунелли еще занимает свое место?

– И занимает его более чем по праву. Даже мой сын вряд ли его тронет. Бенвенуто – гений в том, что касается денег.

Адриенна кивнула.

Именно это она вчера и попросила у его величества.

Поучить ее управлять государством. Вот так, как он учил сына. Как будто ей тоже надо принимать дела...

Понятно, что так не получится.

Понятно, что реальной власти Адриенне никто не даст.

Но она сможет понимать, как и что происходит. А там, возможно, и что-то менять?

И не вредить, нет...

Это ведь и ее дело тоже! Не СибЛевран, но ее дети будут сидеть на троне Эрвлина. Найдите хоть одну нормальную мать, которая хочет своим детям плохого. Нет?

То-то же.

Есть, конечно, странные существа, которые и к своим детям безразличны, и кого угодно готовы принести в жертву своей выгоде... ну так это просто не матери. Утробы.

Выносили, выродили и из головы выкинули. О таких и думать не стоит – ни к чему.

А еще... это хоть какая-то иллюзия... страховки? Контроля?

Адриенна понимала, что будет практически полностью зависеть от супруга и его отношения. Но... но мало ли что? Мало ли как повернется жизнь?

Деньги, война, интриги... с двумя последними компонентами ей точно не справиться. Но хоть что-то она должна знать? Почему бы и не казначейство?

* * *

Дан Бенвенуто ничуть не изменился с прошлого раза.

Такая же уютная и обаятельная булочка. Сидит себе в кабинете, улыбается... кабинет, ага. Да казначейство целое здание занимает, и не самое маленькое! И кабинет у дана соответствующий. И статусу, и, кстати, булочности. Все такое теплое, золотистое, песочное, уютное... Но сейчас Адриенна еще меньше была склонна к самообману.

Булочка, ага...

Укусишь – без зубов останешься. И без головы.

– Дан Брунелли. – Его величество улыбался самым добродушным образом. – Дана СибЛевран – моя будущая невестка.

– Ваше величество...

– Как будущая королева, она должна разбираться в финансовых вопросах.

– Ваше величество? – искренне удивился дан Брунелли.

Филиппо Третий махнул рукой.

– Венто, мы с тобой сколько уж друг друга знаем?

– Долго, государь.

– Вот... последний раз, когда сын пытался читать твои отчеты, он что сказал?

Дан Брунелли только вздохнул.

– Может, у Адриенны что и получится? Хозяйство она вела, с бумагами работать привыкла, с числами тоже ладит. Понимаю, где поместье, а где королевство, но умеешь командовать тремя – справишься и с сотней. Так что... пусть попробует.

– Как прикажете, ваше величество.

– И не обижайся, Венто. Я не вечный.

Дан Брунелли кивнул.

– Как будет удобно ее высочеству? Я могу называть так дану?

– Да. Помолвка уже была, о дате свадьбы будет объявлено со дня на день, – кивнул его величество. – Итак, дан?

Адриенна подумала несколько минут.

– Дан Брунелли, вам будет удобно, если я стану приходить в казначейство, скажем, к семи – восьми утра? И уходить около полудня? Понимаю, многое за этот срок не сделаешь, но хоть какое-то представление получить о происходящем?

– Давайте попробуем, ваше высочество. Сегодня...

– Вот сегодня и начните. А завтра у даны Адриенны все будет расписано чуть ли не по минутам, – кивнул его величество. – Завтра познакомитесь с эданной Чиприани, поговорите с ней насчет фрейлин, служанок...

– Да, ваше величество.

– Отлично. Оставляю вас с даном Брунелли.

* * *

Когда его величество ушел, Адриенна молча посмотрела на дана.

Тот, недолго думая, достал отчет за декаду. Такие они всегда составляли для его величества.

– Давайте начнем с этого, дана. Почитайте, посмотрите, что будет непонятно, а я объясню.

Адриенна кивнула.

Уселась с папкой на углу стола и углубилась в чтение.

Потом попросила грифель и принялась что-то отмечать.

Потом начала задавать вопросы.

Дан Брунелли, вообще-то, не любил женщин, которые лезли в его дела.

Еще меньше он любил женщин, которые воображали себя умными.

Но для даны СибЛевран он, кажется, сделает исключение. Глупых вопросов она не задавала, чисел не боялась, думать умела...

Может, и получится у нее что-то хорошее? Кто ж знает?

Посмотрим...

В столице

Нотариус выглядел так, как и положено выглядеть добропорядочному нотариусу. Не слишком высокий, сухощавый, в черном дублете и гауне и удивительно серьезный...

– Здравствуйте, ньор Лаццо.

– Добрый день, ньор Николози. Чем обязаны?

– Исключительно завещанием дана Феретти.

Фредо Лаццо помрачнел.

Да... это действительно было... сложно. Чего уж там.

Осознавать, что в твоей семье, под самым твоим носом... и вот такое?!

Тут спасибо хоть без сердечного приступа обошлось. А могло бы и с ним... Страшно это. Действительно страшно...

– Кого я должен собрать для оглашения завещания, ньор Николози?

– Вас, вашего сына, вашу супругу, дан Мию, Серену и Джулию Феретти. Катарину Феретти.

– Полагаю, вы знаете, что дана Мия Феретти...

– Да, я в курсе, ньор Лаццо. Поэтому хотел бы видеть остальных лиц, указанных в завещании.

Поскольку все лица сейчас были и жили в доме Лаццо, собрать их было несложно. И потребовалось-то каких-то полчаса.

Когда все пришли и расселись в гостиной, нотариус откашлялся и начал хорошо поставленным юридическим голосом.

– Я выражаю последнюю волю моего доверителя, дана Джакомо Феретти, изъявленную им в здравом уме и твердой памяти. Дата завещания...

Само завещание было очень и очень кратким.

Фредо Лаццо возвращались деньги, которые тот дал в приданое за Катариной.

Паскуале Лаццо – доля в деле.

Дане Мие Феретти завещалась коллекция оружия и пятьдесят тысяч лоринов.

Дане Серене Феретти и дане Джулии – кое-какая мебель, посуда и те же пятьдесят тысяч лоринов на каждую.

Остальное имущество, выраженное описью, при виде которой Фредо только присвистнул, отходило ньюре Катарине Феретти, удочеренной Джакомо Феретти. Девочка в одночасье стала одной из самых богатых невест столицы. Да и Джулия с Сереной... Поскольку убийца не может получить выгоду от убитого им человека, деньги, завещанные Мие, отходили пополам к ее сестрам. Коллекция оружия – к Лоренцо Феретти, буде он вернется. Также ему было завещано пятьдесят тысяч лоринов.

Джакомо больше верил Мие и ее чутью.

Сказала девушка, что ее брат жив? Ну, может, и правда жив. Подождем пока вычеркивать его из завещания. Это всегда успеется... Умереть Джакомо и вовсе даже не рассчитывал.

– Откуда у моего зятя такие деньги? – не выдержал Фредо.

Нотариус молча развел руками.

– Я не в курсе дела, ньор Лаццо.

Фредо только вздохнул.

Нотариуса он проводил честь по чести. И с родными разговаривал, и вида не показывал... и только оставшись наедине с супругой, решил дать волю чувствам.

– Ох, Мария...

Сгорбился, ссутулился и внезапно стал очень и очень старым. И жутко усталым.

– Все в порядке, Фредо. – Жена присела рядом, обняла мужа за плечи, прижалась покрепче. Это ведь важно иногда – просто быть рядом. Чтобы человек знал, что он не один...

– Не в порядке. Я ведь знал, что с Джакомо не все чисто. Знал... но закрывал на это глаза. Лишь бы меня оно не касалось.

– Я тоже знала, – сознаясь ему Мария. – Не удивляйся, родной, Феретти ведь на моих руках, считай, выросли. Я и Фьору знала, и малышей видела... я понимала, что со старшей девочкой что-то не так. Серьезно не так. Но Фьора... она умоляла меня в это не лезть. Я и не стала.

– Фьора что-то знала?

Мария потерла лицо руками.

– Сложно сказать. Фьора... ты ее не успел узнать. Она была именно такая, как и казалось. Легкая, беззаботная, избегающая малейших трудностей. На моей памяти она только один раз проявила твердость, даже жесткость. С Мией. Лично разговаривала с девочкой, уделяла ей больше времени, чем всем остальным детям, вместе взятым...

– Вот даже как.

– Да. И потом, когда Джакомо подружился с Мией, я не удивилась. И сама Мия... она знала, что делает, знала, на что идет...

– Она тебе что-то рассказывала?

– Нет. Просто сказала, что ради младших готова на все. И точно знаю, отдать нам Кати убедила Джакомо именно она.

– Даже так...

– Да, дорогой. Мия была под стать своему дяде. Жесткая, упрямая, очень сильная... внутренне сильная. Я никогда не поверю, что она утопилась, это глупости. Я вполне верю, что она отравила Джакомо и дана Бьяджи. Ты знаешь, какие слухи ходили о его женах?

– Знаю...

– Если скажешь, что это глупости, – стукну кувшином, – предупредила любящая жена. – Вот только посмей...

Фредо хмыкнул в ответ на это заявление.

– Не посмею. Все я понимаю...

– А раз понимаешь... Мия сделала все возможное, чтобы обезопасить и себя, и сестер, и нас всех. Я не знаю, когда она появится, но у меня она всегда найдет и защиту, и помощь. Это понятно?

– Более чем, дорогая супруга.

Мария кивнула и поднялась с дивана.

– Джакомо играл с огнем. Он считал, что может укротить пламя, – и сгорел. Я так не считаю. Я уверена, что Мия жива, что она здорова, что с ней все будет хорошо. А остальное... пусть будет так, как будет.

– И что ты собираешься делать?

– То, что положено. Воспитывать малышку Кати, вести дом, готовить Серену к роли супруги, ну и Джулию заодно, и подходящего жениха ей приглядывать... ждать Мию и Лоренцо. Я верю, что они вернуться рано или поздно.

– Не было бы слишком поздно.

– Не будет, – уверенно предрекла Мария. – Пойдем спать, супруг и повелитель. Я устала.

Фредо послушно поднялся с дивана, обнял жену за плечи.

– Я правильно на тебе женился.

– Конечно, правильно. Или есть сомнения?

– Никаких, – рассмеялся Фредо, чувствуя, как с его плеч падает тяжелый груз безысходности. Может быть, в его жизни не все так хорошо и падре его исповедь не одобрит. Но вот что все правильно...

Все очень и очень правильно. А остальное – переживем.

Глава 3

Мия

В данный момент Мия не думала ни о дяде, ни о родственниках. Она стучалась в двери монастыря Святой Франчески.

Правда, уже в женском виде.

Было у нее подозрение, что мужчину сюда на ночлег не пустят. А ей-то не только на ночлег, ей бы еще и задержаться... так что...

Стучим.

И снова стучим...

Долго ждать не пришлось, к воротам вышла послушница.

– Здравствуйте...

– Добрый вечер. Не позволите ли переночевать в монастыре? Могу или заплатить, или отработать ночлег, – дружелюбно улыбалась Мия.

– Этот вопрос надо решать не со мной. Матушка настоятельница...

Мия вежливо подняла брови.

– Я могу с ней поговорить?

– Я не знаю... давайте я провожу вас к сестре Бьянке, а уж потом...

Мия кивнула и зашагала за послушницей. По дороге она расспрашивала девушку – чего зря время терять?

Кто такая сестра Бьянка?

Правая рука матушки настоятельницы. Та часто болеет, а монастырем руководить надо. Вот сестра Бьянка и занимается...

Как зовут матушку настоятельницу?

Мать Норма. Она уже давно болеет, ей лет семьдесят...

Библиотека?

Да, в монастыре есть и библиотека, там работает матушка Паола. Она одна из немногих грамотных монахинь... очень умная... ей около пятидесяти лет.

Мия расспрашивала бы и дальше, но дорога закончилась рядом с кругленькой монахиней, которая командовала в трапезной.

– Ровнее! Да что ж вы такие-то...

Мия хмыкнула про себя.

Если это – сестра Бьянка? Ох, что-то подсказывает Мие, что ей такой родни не надо. И даром не надо, и с доплатой не возьмет... Какая-то это уж очень родня... взгальная. Вздорная.

Монахини вроде как должны быть выше всех этих мирских забот, а эта вон как командует – генерал в рясе. Когда монахиня повернулась, Мия лишний раз уверилась в своей правоте.

Лицо у сестры Бьянки было такое, что девушка порадовалась своей предусмотрительности.

Мия, идя в монастырь, пригасила свою внешность. Изменила цвет волос с золотого на невнятно-темный, сделала себе курносый нос, усыпала лицо веснушками и родинками, добавила широкий, словно бы жабий, рот... Но не стала менять общие очертания, глаза и лоб – все равно при таком раскладе на них внимания уже не обращали.

И правильно.

Увидь такая, как эта Бьянка, настоящую Мию – из вредности б рогами уперлась. С места бы не сдвинули даже упряжкой...

Сама сестра была чуточку симпатичнее козы. Ну так, ненамного.

Коза все-таки грациозная, обаятельная, и цвет глаз у коз красивый, и характер есть... хотя тут тоже характера – лопатой не отгрести. А вот с обаянием сложно.

– Это кто такая? – в голосе сестры зазвучали такие козлячьи нотки, что Мия задавила желание пошарить по карманам.

А вдруг где морковка завалилась? Даже лицо у сестры Бьянки было вполне себе козлиным. Но шерсти и обаяния не хватало решительно.

– Мия Ферро, – представилась Мия. – Я иду к тетке, в Умбраю. Если можно у вас передохнуть пару дней, я оплачу или отслужу. А то ногу сбила – сил нет...

– Ногу сбила?

Мия молча показала ногу, которую вытащила из деревянного башмака.

Да, пришлось пойти и на такие жертвы. И башмаки купить в ближайшей деревне... Изобразить язву было несложно. Мия вообще

всю свою внешность меняла, что ей какая-то язвочка?

Ха! И снова – ха!

Монахиня сжалилась и кивнула.

– Не знаю уж, чем тут отработаешь, с такой-то ногой... если только сидя...

– Я могу заплатить. А чтобы не сидеть сложа руки – я грамотна, могу в библиотеке помочь, – спокойно отозвалась Мия. – Переписать что или еще как-то...

– Шесть сольди. Три дня. Келью отведем и будешь помогать в библиотеке, – отрезала сестра Бьянка.

Не то чтобы она стала лучше относиться к Мие, нет. Скорее, просто решила, что опасности гостя не представляет, пожалуй ее можно... ну и выгоду тоже получить – не лишнее.

Мия помялась, подумала – и вытащила из кармана сольди. Отсчитала шесть монет, протянула монахине.

– Возьмите, сестра.

Бьянка сунула монеты в карман рясы и чуточку смягчилась.

– Завтракать, обедать и ужинать вместе со всеми. Встаем с третьими петухами на молитву, потом завтрак, потом послушание. Где библиотека – тебе покажут.

– Да, сестра Бьянка.

Мия могла бы раскатать вредную бабу в блин. Потом закатать обратно, добавить начинку по вкусу и сожрать, но зачем? Вот просто – зачем?

Ей не самоутверждаться надо и не побеждать каждую вредную тетку, а добиться своей цели. И идти дальше. Так что...

Пусть живут.

* * *

Ужин в монастыре в основном состоял из молитв. Еще был черный хлеб (жевать который так же приятно, как и кусок глины) и тушеные овощи.

Кажется, прошлогодние.

Мия подумала, что три дня – это максимум. Потом она превратится в дракона и сожрет к чертям пороссячим местную

кухарку. Или у кого там послушание на кухне?

Нельзя же так издеваться над продуктами!

Или это умерщвление плоти? Начинается с желудка?

Келья тоже была... кошмарной!

Темной, сырой, холодной, одеяло вообще – огрызок счастья, подушка не предусмотрена, деревянная скамья пытается притвориться кроватью... Одно утешение: на ней даже тюфяка нет.

То есть – нет насекомых.

Кусать некому, но спать все равно невозможно. Мия лишний раз порадовалась, что надела на себя несколько юбок и две безрукавки под низ – так проще, чем все время показывать нужную толщину. Завернулась в плащ так, что из капюшона даже носа не торчало, и крепко уснула.

Лавки там, не лавки...

Попробуй походи весь день! Тут и на гвоздях уснешь...

* * *

Утро ознаменовалось криком петуха, столь же бездарным завтраком из непроваренной овсяной крупы (оказывается, и так можно, чтобы с одного края подгорело, а с другого не сварилось – вот талант-то!) и молитвой.

В храме было так холодно, что Мия даже во всех своих одежках замерзла. А монахини?

Вот где жуть-то жуткая! Так годик-два поживешь – да и на встречу с Господом. От чахотки, от еще чего... тут в принципе, что ли, не топят?

Ладно, это Мию тоже не касалось.

А вот библиотека и матушка Паола...

Вот матушка Паола выглядела вполне приличным человеком. Достаточно добрая, спокойная, не сплетница, к большому сожалению Мии...

Она, недолго думая, проверила почерк и посадила Мию переписывать какую-то ерунду. Житие какой-то святой...

Может, раньше Мия и отнеслась бы к этому серьезнее. Но сейчас?

Она – не человек. А грехов на ней столько, что хорошо еще крыша монастыря на Мию не падает. И молнией ее не разразило.

А могло бы...

Так что не думаем о продуктивности, думаем о своем.

И Мия попробовала втянуть монахиню в разговор.

Это оказалось достаточно быстро и просто. Но...

О том, что интересовало девушку, матушка Паола не имела ни малейшего представления. Ни кто останавливался в монастыре, ни когда... Какие-то книги? Кто и что жертвовал на монастырь?

Да, безусловно, ведутся списки. Но это только у матушки-настоятельницы. У нее вообще много чего хранится, в ее состоянии одна радость и осталась – книжку почитать. Или побеседовать с кем... вряд ли, конечно, Мию к ней позовут. Где матушка, а где Мия...

Но вдруг?

Мия подумала, что не станет ждать милостей от природы, осторожно выяснила, где находятся покои настоятельницы, – и перевела разговор на пергамент и чернила.

Не знаешь ты чего-то?

И не знай, тебе так будет жить проще, а мне – спокойнее. И убивать не придется, лишний грех на душу брать.

Тем более что о случившемся в Умбрайе – о гибели семьи Бонфанти – монахиня точно ничего не знала. Мия спрашивала. Ну и пусть живет с миром.

Вечером Мия отдала ей свою работу и получила в качестве благодарности очередное благословение. Как следует померзла в храме. А в качестве ужина выдали рыбную похлебку. Единственная радость, что горячую. Но лучше б горячей воды просто дали – по консистенции похоже, а опасности отравиться вроде как нет. Как-то эта похлебка пахла... странновато.

Когда она отсюда выберется, она пойдет в трактир и нажрется. Мяса.

Много.

Что она – свинья, что ли? Да на таком рационе и свинья-то подохнет! Они хоть и всеядные, но не настолько! Тьфу!

Спрашивать благословения?

Просить отвести ее к настоятельнице?

Или еще какие-то глупости устраивать?

Мия о таком и не думала, и думать не собиралась. Ей надо?

Она пошла. Или – она пришла.

Правда, каким чудом мать Норма не скончалась, обнаружив рядом с собой постороннего человека... Это уже другой вопрос.

Она действительно была старой, эта женщина. Старой и больной. Лет семьдесят, не меньше...

Выпавшие зубы, побелевшие волосы...

Мия решила принять свой собственный облик и теперь смотрела холодными глазами на мать Норму.

– Доброй вам ночи.

– И тебе, дитя.

Когда тебе за семьдесят, начинаешь спокойнее относиться к жизни. Мало ли что может делать посторонний человек в твоей келье?

Может, у него важное дело?

Мия не стала тянуть.

– Скажите, мать Норма, знакомо ли вам имя – Эванджелина Бонфанти?

Как оказалось – знакомо. Да настолько, что настоятельница ахнула, подавилась слюной и чуть не отправилась на встречу со Всевышним. Преждевременно.

То есть Мия не возражала бы – пусть помирает, но сначала расскажет, что и как. А потом уж что захочет, то и делает.

Прокашлявшись, монахиня посмотрела на Мию серьезным взглядом.

– Пожалуйста, подойди поближе. Хочу тебя увидеть... ты на нее похожа?

– Не знаю, – честно ответила Мия.

– Это – твое настоящее лицо?

Мия подняла брови.

– Вы и об этом знаете?

– Знаю. Дана Бонфанти была моей подругой. Она похоронена на нашем кладбище.

Оп-па!

Вот могилу прабабки Мия встретить не рассчитывала. Но...

– Она точно умерла?

– Она умерла у меня на руках. И похоронена здесь, рядом с внучкой...

– Та-ак... – Мия почувствовала, что где-то здесь нелогичность. – Мать Норма, вы не могли бы рассказать мне все, что вы знаете о моей прабабке? Пожалуйста...

Монахиня кивнула, ничуть не удивляясь просьбе.

– Я знаю не так много. У нее была сложная и длинная жизнь... во многом благодаря ее крови. Так что вы, юная дана Бонфанти, можете жить долго, если вы такая же, как ваша прабабка.

Мия кивнула.

– Называйте меня Мия. Так будет проще.

– Хорошо, Мия. Что ж, начнем с начала. Вы знаете, что, когда вашей прабабке было десять лет...

Большую часть истории Мия знала. И о королеве, и о службе Эванджелины... Оказалось, что верны были два предположения Мии. Эванджелина, во-первых, родила сына от женатого мужчины с весьма и весьма ревнивой супругой, а во-вторых, мальчику было тяжело при дворе. И подстроить несчастный случай могли – супруга была ревнива, – и травить его начали, когда он стал понимать, что такое «ублюдок». Поэтому сына Эванджелины отвезла в свой родной город.

Там у нее была кормилица, там были надежные люди, которым она могла доверить малыша... и это оправдалось.

До смерти последнего Сибеллина.

В каком-то смысле были верны все версии... Эванджелина действительно забрала внучку у родителей. Не потому что почуяла в ней какую-то там кровь, нет. Просто малышка постоянно кашляла, и любящая бабушка решила отвезти ее на лето на воды. Вот и все.

Родители не возражали.

Когда Эванджелина узнала о случившемся и бросилась в Умбраю – ей остались только угольки. Конечно, она отплатила за смерть сына и невестки, но разве это вернет любимых людей?

Увы...

Женщина осталась рядом с кучей могил. И... почему бы нет?

Деньги у нее были, было и желание отсидеться. И она попросту пришла в монастырь.

Там росла маленькая Анна, там спокойно жила Эванджелина.

Нет, способностей у малышки не было. Никаких. А вот желание посвятить себя Богу – появилось.

Для Эванджелины это было... ну, если и не крахом жизни... принять такое решение от ребенка она попросту не могла. Смирения не хватало. Или хотелось внуков... ладно. С учетом того, что Анна была внучкой, – правнуков.

Анна настаивала на своем, Эванджелина злилась... Договорились так: если в двадцать лет Анна еще будет хотеть пострига, Эванджелина обещала с этим смириться.

Не пришлось.

Монастырь, увы, не крепость. Нет, совсем не крепость...

И люди тут случаются разные, и всякое бывает... в том числе и бродячий менестрель, который попросту обольстил Анну Бонфанти. Что уж он пел, что говорил... крепость пала к его ногам.

Только вот... менестрели не заводят семей, за редчайшим исключением. Попел лето, да и ушел. А Анна поняла, что беременна. И кинулась к матери.

Тогда ей было как раз девятнадцать лет.

– Мне кажется или Эванджелина сама нашла того менестреля? – уточнила Мия.

Ну... она бы точно так поступила. Но собеседница глухо кашлянула, отрицая.

– Мы с Эванджелиной разговаривали. И она не врала мне... нет, она думала об этом, но в кои-то веки решила положиться на Бога. Она как раз болела, плохо себя чувствовала... ей было не до того.

Мия сомневалась. Но – вдруг?

– А что было дальше?

Мать Норма вздохнула.

– Анна Бонфанти похоронена на нашем кладбище. Она родила девочку, которую также пожелала назвать Анной, чтобы та заменила бабушке ее саму. И умерла от родильной горячки.

– Вот ведь...

Мия только головой покачала, сочувствуя Эванджелине.

Потерять сына, невестку, внучку... получить на руки младенца... и это, по прикидкам Мии, в возрасте, когда приличные люди уже гроб обживают...

А рассказ продолжался.

По словам матери настоятельницы, Эванджелина очень сильно винила себя в смерти Анны. Якобы она что-то не сделала для нее, не смогла, или... тут Эванджелина не вдавалась в подробности. Она попросту взяла маленькую Анну и ушла из монастыря, сказав, что второй раз такой ошибки не допустит. Хватит с нее!

Дальше?

Тогда еще мать Норма была просто послушницей. Постриг она приняла потом.

Мало кто знает, но в монастырях можно было и жить. Иногда – годами.

Трудник?

Это слово к Эванджелине было неприменимо. Она жила как гостья, платила за постой, делала что пожелает, могла не соблюдать посты и не ходить на службу. А Норма убирала в ее комнатах.

Послушница же?

Вот и слушайся...

Но даже в монастыре нужно с кем-то поговорить. Так и получилось, что Эванджелина начала откровенничать с юной Нормой. Слово за слово...

Да, она рассказала и про свои способности. И даже показала кое-что... она могла.

И меняться полностью, по желанию, и выглядеть и как мужчина, и как зверь...

Мия задумалась.

Волком, к примеру, она обернуться не пробовала. Хотя... и не хотелось, если честно. А вдруг обратно не получится? Страшновато...

Эванджелина говорила, что везде есть свои условия. Какие? Она не уточняла, говорила, что Норме ни к чему.

В монастырь она вернулась, когда выдала замуж праправнучку. Потом уезжала еще несколько раз. Куда?

Не рассказывала.

Мия полагала, что увидеть Анну, увидеть Фьюру, понять, что ребенок НЕ метаморф... может, для чего-то еще...

Кто знает?

– Она ничего не оставляла?

– Она оставила мне на хранение семейную Библию Бонфанти. Остальные вещи она завещала монастырю.

Мия едва удержалась от удивленного бульканья. Че-го?!
Какая семейная Библия? Она должна была погибнуть в Умбрайе...
вряд ли Эванджелина забрала ее с собой? Но...

– Я могу выкупить ее у вас.

– Ни к чему. Просто откройте стол и достаньте. Если бы вы не пришли, я передала бы ее следующей настоятельнице.

– Я пришла, – кивнула Мия. – Эта?

Библия легко легла в ее ладони. Бархатный переплет, скромные медные уголки, никаких украшений...

– Эта.

– Спасибо вам. Я могу завтра посетить их могилы?

– Можете, конечно. Я... я знаю, зла в Эванджелине не было. Она была достаточно злой, жизнь ее не слишком-то баловала, но она не была Злом. И радовалась бы, что ее род продолжен. Что ее способности воплотились в вас.

Мия тряхнула головой.

Она знала, как назовет свою дочь, если у нее когда-нибудь будут дети.

Хорошее имя – Эванджелина. Стойкое...

Настоящее.

* * *

С утра Мия посетила кладбище.

Положила цветы на могилы обеих Бонфанти. И от души пожелала Эванджелине и ее внучке спать спокойно. Пусть ничто не потревожит их сон.

Потом сделала пожертвование на благо монастыря и покинула его навсегда.

Библию она даже не открывала.

Потом.

Однозначно – потом.

Если уж она так примерно угадала, о чем думали ее предки... ну так позвольте и еще раз угадать.

Вы стары, больны, живете при монастыре, ваши таланты не воплотились в ваших детях, внуках и даже правнуках... скоро умирать.

Что бы захотела сделать сама Мия?

Да все просто.

Предупредить. Написать письмо. Оставить маячок для тех, кто будет искать... Эванджелина понимала, если ее способности проявятся в потомстве, кто-то обязательно начнет копать. Вот и вернулась именно сюда. Хотя могла бы выбрать по стране любой монастырь, но поди найди ее там!

Нет, она вернулась сюда вполне осознанно. Хотя вряд ли ей тут нравилось.

А если уж думать дальше...

Мия была уверена, что Библия – и есть зашифрованное послание потомкам. Но точно так же была уверена, что Эванджелина допускала все: и что книга попадет в чужие руки, и что руки могут быть злыми...

Вывод?

Можно не раздирать переплет и не искать письмо в корешке книги. Мия бы точно так не поступила, а Эванджелина точно не глупее прапраправнучки...

Если и есть что-то, это будет шифр. А на то, чтобы с ним разобраться, чтобы просто его найти, нужно будет время. Может, еще и кто-то поумнее Мии. Девушка не обольщалась – она не гений. Убить она может, а вот с шифрами раньше дела не имела.

Ну и ладно.

Разберемся потихоньку.

Сюда она приехала не зря, и историю семьи хоть чуточку, но узнала. А если расшифрует послание Эванджелины, может, и что-то новое узнает о себе.

Но это потом.

А пока – зеркала мастера Сальвадори.

Итак – в дорогу! Ее ждет городок Пратто и некая ньора Октавия Росса. Эх, вот что плохо... Бонфанти – фамилия редкая, да еще с таким именем. А Росса...

Искать загрызешься...

Ничего, Мия упорная. Она поищет. Она – найдет.

Адриенна

– Здравствуйте, эданна Чиприани.

Эданна с интересом осмотрела Адриенну. Качнула головой.

– Дана СибЛевран, здравствуйте. Но вы должны привыкать – не здороваться первой. С вашим статусом это просто не принято.

Адриенна пожала плечами.

– Полагаю, мало у кого хватит набраться наглости, чтобы сделать мне замечание.

Замечание попало в точку. Эданна Чиприани подняла ухоженную бровь.

– Хм... интересно. Когти есть, зубки есть, полагаю, эданну Вилеци ждет неприятный сюрприз?

– Даже не представляю, – развела руками Адриенна. – А кто эта дама?

И невинный взгляд больших голубых глаз.

Эданна Чиприани закашлялась, пытаясь скрыть смех.

Ну да... все и всё знают, но заявить ее высочеству в лицо, мол, это любовница вашего супруга? Ну-ну, эданна Чиприани посмотрела бы на этого героя. Недолго...

Эданне Сабине было около пятидесяти лет. Не слишком высокая, с округлыми пышными формами и доброй улыбкой, она на первый взгляд напоминала чью-то ласковую бабушку.

Ровно до момента открытия рта.

А вот потом...

Уничтожить парой слов она могла кого угодно. И характер у нее был далеко не ангельский. Эданну Франческу она, кстати, терпеть не могла. Есть такое у женщин, которые любят своих мужей. Вот почему-то... странный такой перегиб...

Да, они любят, они счастливы, они... они все равно терпеть не могут шлюх!

Потому что у каждой женщины есть братья, отцы, сыновья, наконец. Которые преотлично могут испортить себе жизнь. Кому-то повезло, а вот как остальным придется?

К тому же эданна Франческа была хитрой, наглой... и... ладно уж! Честно признаемся себе, что были у эданны Сабины и личные причины... пару раз дан Чиприани позволил себе восхититься эданной Франческой. И даже...

Мужчины!

Помните о технике безопасности и никогда, вот НИКОГДА не сравнивайте двух женщин. Или хотя бы делайте это в пользу той, которая находится сейчас рядом с вами. А то и пострадать можно.

Серьезно так...

Супруг эданны Сабины почти не пострадал, пару бриллиантовых браслетов и кольцо он бы и так жене купил, но...

Но как такое оставлять без внимания?!

Нельзя!

Эданна Сабина запомнила. И не простила.

Уж и супруга нет, а злость осталась. И укунить эданну Ческу она не откажется.

Адриенне она это не объясняла. Но и не нужно было. Чувствовала людей девушка и сама по себе неплохо. И понимала, что ей сейчас не лгут.

Да, хотят получить свою выгоду... Какую?

А, вот оно что!

Дочь эданны Сабины, Паола Чиприани, пока не замужем. И если дана Адриенна не возражает, то одна из фрейлин уже есть.

И вторая. Кузина Паолы, дана Бьянка Варнезе.

Адриенна пожалала плечами и утвердила обеих. Почему бы нет?

А потом решила подойти к делу уже серьезно.

– Эданна, я прошу вас составить списки тех, кто желает стать моими фрейлинами. Это первое. Второе – кратко об их семьях.

– Что именно вас интересует?

– Кто будет пристраивать ко мне своих племянниц и дочек.

– Я и так вам скажу: все, – рассмеялась эданна. – Место же выгодное, а как королева умерла, так и фрейлин распустили.

Адриенна побарабанила пальцами по столешнице.

– Эданна, вы не понимаете. Мне не нужны конфликты, мне вполне хватит эданны Чески. Поэтому, чтобы не взять девочек из семей, которые, к примеру, связаны кровной мезтью... или, я знаю, у эданны Вилеци есть какие-то родственники...

– Поняла, – кивнула эданна. – Я соберу для вас сведения.

– Вот и отлично. Еще один критерий отбора – достаток.

Эданна не изменила выражение лица, но... неужели в смысле – что с кого получить? Странно...

– Должность фрейлины потребует расходов. Не хотелось бы разорять чьи-то семьи...

– Согласна. – Эданна Чиприани подумала еще и о том, что нищая фрейлина – легко продается. Это в сказках пишут и в песнях поют о гордых и чистых бесприданницах. А вот при дворе таких не водится. Не выживают они здесь.

При дворе его величества Филиппо Третьего покупаются и продаются все. Кое-кто добровольно, а кто-то и принудительно.

– Впрочем, я поговорю с его величеством. Может быть, мы сможем взять двух или трех девушек на благотворительных началах. К примеру, если их семьи бедны, но родители оказали большую услугу Короне. Одеть, дать должность, приданое, выдать замуж...

– Хорошая идея, дана СибЛевран.

– Дана Адриенна. Я приняла совет его величества, эданна Чиприани. И вы станете моей камер-фрейлиной, но я надеюсь, что вы меня не подведете.

– Да, ваше величество.

Адриенна посмотрела эданне прямо в глаза.

– Я – не прощу.

А вот это эданне было совершенно ясно. Она и сама прощать не умела...

– Мы найдем общий язык, дана Адриенна.

– Вот и отлично. Приступайте к составлению списков, эданна Чиприани. Считайте, что вы приняты официально, указ его величество подпишет сегодня же вечером. А мне сегодня надо еще поговорить со служанками.

* * *

Служанок Адриенна отобрала достаточно быстро.

Не стала сильно заморачиваться выбором, взяла тех, кого посоветовал его величество. Почему бы нет? Все равно за ней будут следить, все равно будут доносить о каждом ее шаге. Только вот эти – королю.

А другие кому?

Проверять это на себе Адриенна не хотела, поэтому и рисковать не стала.

Филиппо Третий оценил ее уступчивость и задал правильный вопрос, подписывая указы:

– Адриенна, возможно, вы сами кого-то хотите пригласить?

Адриенна вздохнула.

Мия Феретти...

Вот кого бы она пригласила и не задумалась. А больше подруг у нее не было.

– Нет, ваше величество. Но у меня есть серьезная просьба.

– Чего вы хотите, Адриенна? Что я могу сделать для вас?

– Так получилось, что я свела близкое знакомство с семьей Феретти...

– Феретти... да, я помню. Эта история на всю столицу прогремела. Что я могу сделать, Риен?

– Я принимаю участие в этой семье. И мне хотелось бы, чтобы девочки были устроены, – просто ответила Адриенна. – Не надо тащить их ко двору, им это будет не в радость, Серена и Джулия – тихие домашние малышки. Но возможно ли как-то помочь?..

Филиппо кивнул и улыбнулся.

– Это вполне возможно. Я помогу немного семье Лаццо и намекну, что их благосостояние напрямую зависит от хорошего отношения к девочкам.

– Благодарю вас, ваше величество.

– Это несложная просьба, Риен.

Адриенна только руками развела.

– Ваше величество, а что еще я могу попросить? Чувства не в нашей власти, разум... я надеюсь, что он возобладает у моего будущего супруга, но...

Но эданна Вилеци сделает все, чтобы ее любовник думал не головой, а головкой. Увы.

– Возобладает, – мрачно пообещал Филиппо.

Сына он еще с песочком проработает. Нет, ну что это такое!

Хороший ведь вырос человек, неглупый и в делах разбирается, но до чего ж он...

Слабовольный?

Нет.

К примеру, бойцовый пес – существо совершенно не слабовольное. Но хозяина эта зверушка себе выбирает один раз, на всю жизнь, и подчиняется ему безоговорочно.

Вот и его высочество... Выбрал.

Ругайся не ругайся, но... даже если порвать эту сворку... Адриенна его не сможет удержать. Его величество горько подумал, что надо было решать эту проблему раньше.

Жестко.

А сейчас...

Сейчас уже для всего поздно.

И потер бок, в котором под алым бархатом все сильнее и сильнее болела печень. И белки глаз желтеют, и кожа, и... поздно.

Для всего поздно.

Как же это... неправильно!

Лоренцо

– Пустынный Смерч!

Вот уж чего Лоренцо не хватало вишенкой на торт, так это еще разбойников.

Да-да, под страшным и ужасным прозвищем «Пустынный Смерч» скрывался именно что разбойник.

Промышлял он на караванной тропе уже третий год, после себя оставлял только трупы, трупы и снова трупы, забирал все имущество несчастных и уходил.

Куда?

Неизвестно...

Ни куда, ни кто он, ни где у него гнездо...

Изловить негодяя пытались все беи. И Амирух-бей, и Фарран-бей, и Шарнах-бей...

Султан гневался, из столицы шли возмущенные письма, но пользы от них не было никакой. Негодяй уходил от любых облав, словно заколдованный.

А может, и правда... того?

Кто ж его знает, авось и поворожила какая ведьма...

Энцо слушал и морщился. Вот ведь...

Он домой едет! Его дома ждут!

И тут какой-то разбойник? Да... просто – ГР-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р!!!

Если бы Пустынный Смерч видел выражение лица Лоренцо Феретти, он бы решительно передумал не то что нападать на караван – вообще в этом году из дома выходить. Но – увы.

И не видел, и не передумал...

– Будем надеяться, обойдется. – Зеки-фрай тоже оценил выражение лица Ангела и успокаивающе похлопывал его по руке. – Не злись... да, такое бывает. Везде есть эти негодяи...

Лоренцо это не слишком утешало.

– Нам до гор осталось всего ничего. Дней десять, может, двенадцать. Но эта сволочь регулярно здесь нападает...

– Может, нам повезет и он не нападет. Не обязательно ж сейчас. И Фарран-бей со своими людьми недавно здесь проезжал...

Лоренцо только вздохнул:

– Может, и повезет. А может, и нет...

Разговор вообще начался с рассказа трактирщика о последних «подвигах» подонка. Если можно назвать таковым словом издевательства и убийства беззащитных и ни в чем не повинных людей. Кого сразу убили, кого разорвали лошадьми, кого... тех, кто сопротивляется, могли вообще закопать в песок и так оставить – чтобы одна голова наружу. Мучительная смерть...

Смысл был все равно один: бросайте оружие и сдавайтесь! Тогда – может быть – вас не станут мучить перед смертью. Или вообще в рабы продадут. Это если очень, очень повезет.

Лоренцо такие рассуждения заранее не нравились. Вот еще не хватало! А потому...

– Кольчуга у нас есть. В ней я и поеду. И оружие не забуду. Раз уж предупредили. А ты... если что, бери мальчишек, бери Динч – и прячьтесь под телегой. Понял?

– Да.

– Чтобы вас стрелами не достали, да и оттуда не достали сразу. Пока я буду порядок наводить.

Зеки-фрай помолчал пару минут.

– Справишься?

– Смотря сколько их будет. Не всех положу, так хотя бы уполовиню, – пожал плечами Лоренцо. Помнил он, как подействовал

на пиратов. Да и свои подвиги на арене – тоже.

Зеки-фрай серьезно кивнул. Благо они сидели в дальнем углу, никто их не слышал, да и кому они нужны – нищелюды? Идут с караваном, вот и пускай идут, вреда не будет – и ладно. Не купцы, не богачи, не беи... просто обычные люди. Все медяк прибудет...

– Я не спрашивал после арены. Но... что с тобой было и чем я смогу тебе помочь?

Энцо не стал таиться и озвучил версию, которую придумал давно. Еще с Мией.

– У нас в роду были вирканги. Знаешь о таких?

– Берсеркеры, – сообразил Зеки-фрай. Он и сам о чем-то таком догадывался, но ведь когда тебе подтверждают, оно куда как лучше звучит? Правда?

– Они самые. Как следует контролировать я это не могу, оно само... когда есть смертельная опасность. Потом уйдет, а я упаду, как на арене. Полутрупом.

– Понял, – сообразил Зеки-фрай.

А чего тут непонятного? Лечить, кормить, поить вином с медом... дело совершенно житейское.

Правда, берсеркеры – существа весьма редкие. Но вот ведь встретился же!

Значит, надо его использовать. Благо Лоренцо на их стороне.

– А...

– Что ты еще хочешь узнать?

– У тебя кто-то... отец, дед...

– Нет. Это по материнской линии пришло, – качнул головой Лоренцо. – Поэтому учить меня было некому. Сам что смог, то и нашел, как получилось, так и выучился.

– Вот оно что... только при смертельной опасности?

– Да.

Впервые за столько времени Зеки-фрай засомневался.

Динч ему вдруг стало... жалко? Да, можно и так сказать. Одно дело – обычный человек. Другое... вот такое.

Вряд ли Динч справится с берсеркером. На арене был один такой... Зеки-фрай знал и на что он способен, и каков он в обычной жизни.

Полубезумный...

И мужчина говорил, что берсеркеры этим заканчивают – ВСЕГДА!

Лоренцо Феретти на него не похож, но там же разница в возрасте чуть не вдвое?!

Впрочем, свои мысли Зеки-фрай оставил при себе. И горячо помолился, чтобы разбойник им не встретился. Обойдутся они без такого счастья...

* * *

То ли молился Зеки-фрай не так, то ли не там...

Пустынный Смерч свои появления обставлял весьма и весьма торжественно.

Караван шел.

На бархан выехал мужчина во всем черном. Свистнула стрела, ударила у ног идущего первым... перья тоже выкрашены черным.

Знак остановиться.

Остановиться, сложить оружие, встать на колени, подставить горло...

Или...

На барханах медленно вырастали такие же черные фигуры с луками. У всех замотаны лица, все на черных конях...

– Ну! – рыкнул Лоренцо.

Зеки-фрай схватил сына и нырнул под телегу. Второго мальчишку точно так же схватила Динч. Кажется, еще и собой прикрыла, Лоренцо уже этого толком не видел.

Ты хочешь красивых жестов?

Их есть у меня...

Чем всегда гордится любая шайка – это удалью атамана. Всегда... где бы дело ни происходило, хоть в лесу, хоть в пустыне, атаман должен принимать вызовы.

Или...

Или он перестанет быть атаманом.

Лоренцо Феретти стукнул коня пятками – совсем легонько. Конь у него, даром что низкорослый и лохматый, был еще и потрясающе умным. Какие шпоры? Какие хлысты?

Он сам все преотлично понял.

А еще, когда конек хотел, разгоняться он мог – всем на удивление. Никто и ахнуть не успел, как Лоренцо оказался рядом с ведущим каравана, поднял стрелу – и переломил пополам. Причем показательно.

На глазах у всех.

А потом спрыгнул с коня, сделал несколько шагов вперед и выразительно поманил атамана к себе.

Мол, имел я тебя в виду!

Выходи, если не трусишь!

Переоценивать «благородство» подонков, у которых его отродясь не водилось, тоже не стоило. В красивых романах атаман выехал бы один на один, был бы побежден, наказан, может, еще бы раскаялся и стал служить добру. Серена и Джулия над такими книжонками слезами уливались.

Лоренцо тоже иногда пролистывал, чтобы уснуть побыстрее...

С холма раздался свист, и на Лоренцо устремились сразу... сколько?

Ага, пятеро разбойников.

Наивные...

После арены они Лоренцо были... ну, если и не на один зуб, то и серьезных проблем не вызвали бы. Да, пятеро. Но в том-то и суть, что одновременно на человека может напасть трое... ладно, максимум четверо конных. Так что пятый...

Ан нет!

Пятый чуть позади... и это как раз их хозяин. Вон и золотые бляхи на сабле, и плащ с золотой отделкой...

И ведь никто в шайке ему не возражает.

А что это значит?

Впрочем, об этом Лоренцо уже не думал. Он действовал.

Неблагородно? А плевать! Но первая же лошадь получила в морду жменю крошеного в кармане нюхательного табака с перцем. Заржала, шарахнулась – и Энцо тут же полоснул ее по боку мечом.

Конскую шкуру прорезать легче. А вот когда конь падает...

Тут уже проблемы у всадника. Чтобы не придавило, да и грянуться можно неслабо... Энцо бы его добил, но не успел – налетели еще двое. И вот тут ему уже пришлось крутиться и уворачиваться.

Скользнуть под брюхо одной лошади, ударить кинжалом, увернуться от копья, добавить коротким мечом, к которому привык...

Стрела бьет совсем рядом... Кто у нас там такой меткий? В азарте боя Энцо ее и не заметил сразу... а проскочил-то как удачно! Аккурат до первого спешенного, которого и чиркнул по горлу мечом. Едва достал, самым кончиком, но этого хватило.

Кто не видел, как бьет фонтан крови из перерезанных артерий... Выглядит это откровенно страшно. Разбойники остановились, буквально на секунду, но Лоренцо этого хватило.

Поднести меч к губам и слизнуть кровь.

И...

Словно на арене, словно на корабле – замедляются люди. Замедляются кони.

Замедляется само время.

А вот Лоренцо движется как обычно. Как привык...

Просто никто не успевает за ним. Такое тоже бывает.

И его цель – вожак.

* * *

Зеки-фрай смотрел с восхищением.

Да, он надеялся, что судьба обойдет их стороной, что Пустынный Смерч промышляет сейчас в другом конце пустыни, что...

Понадеялся?

Облизнись!

Судьба все-таки уготовила им встречу с негодяем. И Лоренцо предупреждал его совершенно правильно. Зеки-фрай схватил сына, какой под руки попался, нырнул под телегу, рядом так же поступила Динч... ну и не только они одни. Остальные женщины, дети – тоже прятались.

А Лоренцо действовал.

Сначала проехал, вызывая негодяя на бой. Наивный... кто ж из разбойников на такое пойдет?

Но... пятеро? Это много, очень много... справится ли он?

Зеки-фрай смотрел и понимал, что пятеро – это мало. Если бы Лоренцо ТАК работал на арене... Кемаль-бей приехал бы намного

раньше. Это уж точно.

Потому что сразу же положить одного коня, спешив противника, а потом убить еще одного и добить спешенного...

Это – мастерство!

И это потрясающе красиво...

Что-то заорал главарь разбойников, всадники метнулись со всех сторон... смерть? Да... это на черных конях неслась смерть, жестокая и беспощадная.

А потом Лоренцо Феретти поднес к губам клинок и слизнул кровь.

И... и больше Зеки-фрай ничего не видел.

Смерч?

Вот теперь-то люди и поняли, что это такое.

Лоренцо если и двигался, то это можно было понять только по следам – глаз за ним следить просто не успевал.

Просто – он шел, а они падали...

Кровь лилась, брызгала, текла реками, а он шел прямо по крови и, кажется, даже облизывался. Хотя это уж вовсе странное предположение – кто там и что мог увидеть?

Падали с подрубленными конечностями или вспоротыми боками лошади, жалобно кричали, но встать уже не могли.

Падали люди.

И целые, и фрагментами... мимо Зеки-фрая прокатилась чья-то отрубленная голова.

Падали, падали...

А потом все закончилось. И Лоренцо остался стоять, словно изваяние, посреди вот этого... безумия. Изваяние из алого гранита, и потеки, и...

И красоту его нарушали только стрелы, которые пробили кольчугу насквозь и засели в теле...

– Аллах! – выдохнул кто-то.

Кажется, это испуганное слово и оказалось последней каплей.

Лоренцо осознал, что все закончено, врагов не осталось, – и упал. Как стоял – навзничь.

Лекарь пожевал губами, покачал головой...

– Не знаю. Прямо даже и не знаю...

– Так скажи, что знаешь! – рыкнул караван-баши. Он-то прекрасно осознавал, от чего именно спас их Лоренцо Феретти.

Убили бы всех. В лучшем случае – быстро. В худшем... мечтали бы о смерти. А тут...

Перебита вся шайка. Двадцать шесть человек. Может, кто-то и удрал, но вряд ли. Только спасителю это обошлось очень и очень дорого.

– В нем четыре стрелы. Чудо, что ни одна не задела сердце, чудо, что раны не смертельные. – Лекарь явно удивлялся. – Сломана левая рука. Не знаю, как именно это произошло, но кости я соединил, лубки наложил. Порезы есть, они незначительные. Самый серьезный – лезвие прошло вскользь, по ребрам, швы я наложил, забинтовал, но шансов выжить у несчастного практически нет.

– Почему? – требовательно спросил Зеки-фрай.

– Наверняка начнется горячка. А после такого... одной раны и то хватило бы, а тут – четыре! Нет, не выживет...

– Иди отсюда... – потерял терпение Мехмед-фрай. – Вот как выйдешь, так и иди... коновал!

– Мое дело – предупредить, – поджал губы лекарь. Но за дверь вышел и даже прикрыл ее за собой.

Мужчины переглянулись.

– Энцо-фрай меня предупреждал, – честно сказал Зеки-фрай. – Мы надеялись, что этого удастся избежать, но он сказал, если на нас нападут, он не позволит положить людей. Сам выйдет.

– Он...

– Вирканг. Берсеркер.

Благо светлые волосы, да и телосложением Лоренцо куда как... расширился. А что глаза карие, так всякое бывает. Вирканги обычно сероглазые, но случается разное. Волосы были покрашены, но и корни уж отросли, и краска частично смылась. Это под тюрбаном не видно, а сейчас все наружу.

Караван-баши и не усомнился. О виркангах он слышал, о берсеркерах тоже... повезло им, значит. Хотя пока еще и не до конца.

– О чем он говорил?

– Он не умеет правильно силы рассчитывать. Прадед вроде как умел, – на «голубом глазу» лгал Зеки-фрай. – Но то прадед, а сам Энцо-фрай просто выплескивает все – и падает.

– Вот оно как.

– Да. Его несколько дней надо с ложечки кормить, поить, если получится, потом может пойти на лад, а может и не...

Мехмед-фрай задумался.

– А раны?

– Не важно. То же самое... первые несколько дней он сам даже пить не сможет.

– Двадцать. Шесть. Человек.

– Я тоже не ожидал.

Мужчины понимающе переглянулись. Уничтожена вся шайка, которая несколько лет грабила караванные тропы. Пустынного Смерча нашли. Опознали по черной с золотом маске, по такому же плащу... он и не скрывался особенно. И разговор сам начинал...

Договорился.

Мужчинам было о чем подумать. Там, на караванной тропе, когда оттаскивали в сторону трупы разбойников, когда грузили Лоренцо, когда...

Голову Пустынного Смерча Мехмед-фрай с собой не прихватил. Хотя и объявляли за него награду.

Не надо нам такого.

Потому что это был Амирух-бей. Как раз один из трех беев, чьи владения проходили в этих местах. Мехмед-фрай его в лицо знал, так уж получилось, караван-баши много чего и кого знать обязан. Зеки-фрай не знал, но ему и не надо было. Хватило взгляда на ухоженную бороду, на тонкие пальцы рук... Благородное происхождение – видно.

Да что там! Запаха хватит!

Вы знаете, сколько стоит унция благовоний, которыми покойный Амирух-бей умастил свою бороду? Будешь тут караваны грабить...

Именно потому Мехмед-фрай и не взял его голову.

И решил промолчать.

Не было их там. Наверное... а если и были...

Караван-баши много кого знал, в том числе и местных жителей. Пара слов кому надо...

Он был уверен, что уже через два дня ни тел, ни следов не останется. Одежду и что там на телах ценное осталось – прихватят местные жители. А в качестве компенсации бросят трупы в пустыне.

Шакалам и гиенам наплевать, кого жрать – хоть бея, хоть фрая, – они все съедят и добавки попросят!

Оставался один вопрос.

Лоренцо Феретти.

С одной стороны, Мехмед-фрай был ему благодарен. Жизнью и караваном обязан.

С другой...

– Зеки-фрай, у меня к тебе есть деловое предложение.

* * *

– Горе!!! На кого ж ты меня поки-и-и-инулто-о-о-о-о-о!!!

Была Динч так, что крыша дрожала. Проявляла недюжинные способности плакальщицы... Хозяин постоянного двора сокрушенно качал головой, потом принес белую простыню, помог завернуть в нее тело и даже сам помог вынести.

Динч продолжала убиваться.

Да так, что Зеки-фрай покачал головой и сообщил, что они дальше с караваном пойти не смогут.

Никак...

Может, с кем другим? Если уважаемый Мехмед-фрай вернул бы им часть денег, а то и порекомендовал кого...

Конечно, Мехмед-фрай это сделал.

Люди в караване подумали – и тоже пустили кошелек по кругу. Набралось вполне прилично, и этот кошелек они вручили Зеки-фраю.

Парень их всех спас. Хоть так ему добром за добро отплатить...

Со двора доносился вой Динч. Женщина страдала, пока покойника не отнесли на кладбище и не зарыли. И потом продолжила, так что ехать вместе с этим караваном Зеки-фрай действительно не сможет. Все отнеслись с пониманием.

Бабы... это ж и так ясно!

Одно слово – женщины.

На следующий день Динч смотрела в окно. Караван уходил.

Зеки-фрай даже не смотрел.

Лежащие герои, простите, хоть и не едят, а в туалет все равно ходят. Да, под себя.

И убирать это приходится... Брезгливости у него и в помине не было. Ему два раза жизнь спасли, ему и его детям, а он ручки запачкать побоится? Так что ли?

– Ушли, – нарушила тишину Динч.

– Вот и отлично. Спустись, попроси, что ли, бульон ему сварить? Может, бульоном напоить попробую, вроде как и еда, и вода?

– Сама сварю, покрепче, с кореньями. – Динч подхватила и помчалась вниз по лестнице.

Зеки-фрай посмотрел на Лоренцо Феретти.

М-да...

Горячка во всей красе.

Может, и выживет.

А может...

В любом случае он не бросит своего друга. Да, друга. Не хозяина, не повелителя, не господина – просто хорошего человека. А вся эта сцена с похоронами...

Это еще и чтобы обезопасить караван.

Скажем честно, хоть Амирух-бей и поступил как последняя скотина, но он ведь – бей! То есть пропал... до султана дойдет, расследование начнется, что и где выплывет – да кто его знает? Где угодно, когда угодно... но тут все концы в пустыню канули.

Кто убил? Некто Энцо-фрай.

Что с ним случилось? Так тоже умер. Все видели, в тот же день и похоронили, четыре стрелы, шутка ли? Такое пережить невозможно...

Вот несчастный и не пережил. Оплакали, похоронили, погоревали, пошли дальше...

Мехмед-фрай обещал возвращаться другим путем – так, на всякий случай, – и до весны тут не появляться.

До весны, да...

Зеки-фрай подумал, что в этом году никуда они из селения не денутся. То есть вообще никуда. Выздоровление займет не меньше

месяца, а может, и побольше. Если... если вообще оно будет – выздоровление. А потом приходиться в себя...

Может, удастся тут у кого домик снять? Да и готовить лучше самим, и зимовать как-то надо будет... деньги, увы, заканчиваются, а заработать тут будет сложно. Село ведь...

Не позволяя себе думать о смерти друга, Зеки-фрай планировал почти семейный бюджет.

Вернулась Динч с чашкой супа...

Присела рядом с Лоренцо, достала ложку, обтерла ее... приподняла голову парня и попробовала влить в него хоть глоток жидкости.

– Адриенна...

Ложка замерла, равно как и сама Динч.

– Энцо?

– Адриенна...

Динч поглядела на Зеки-фрая.

– В беспамятстве... и зовет...

Мужчина развел руками.

– Бред ведь.

– Энцо говорил, что ее любит, но чтобы так? – Минутный ступор прошел, и Динч снова принялась поить Лоренцо супом. Хотя бы попытаться – жидкость большей частью выливалась на подушку, платье, постель...

Зеки-фрай качнул головой.

Говорил, не говорил... чего тут непонятного? Можно и так догадаться. Не просто любит. Больше жизни и больше смерти. Но лично он не дурак – такое бабе озвучивать. Нет-нет, себе дороже...

– Мало ли что в бреде почудится? Может, он тебя за нее принял?

Динч чуточку расслабилась. Может, и так... ну что такое? Не успеешь найти подходящего тебе мужчину, а он уже занят! Или влюблен, что не лучше!

Отвратительно!

Адриенна

Адриенне снился сон.

Не совсем обычный. Скорее, это была реальность, в которую ее затащило каким-то образом.

Она видела все глазами Лоренцо Феретти. Твердо знала, что это происходит с ним. Знала, что ему плохо, больно, что он может погибнуть...

Она – видела.

Видела, как он сражается где-то там, далеко.

Видела, как падают под его ударами люди, словно скошенная трава.

Слышала, как кричат умирающие. Звери ли, люди... иногда это совершенно неотлично. Когда живое существо не желает умирать, когда плохо, страшно и больно...

Лоренцо тоже было страшно.

Берсеркерство?

Нет, то, что с ним происходило, было чем-то иным.

Берсерки сходят с ума, они могут накинуться даже на своих, поэтому их и пускают вперед, на прорыв. И помрут – не жалко.

А вот с Лоренцо все не так...

Боевой транс...

Почему-то Адриенне казалось, что ответ ей шепнул бабушкин голос. И смысл у этих слов был.

Не боевое безумие, нет. Напротив – ледяная рассудочность боя. От берсерков здесь только скорость и ярость. Все остальное – от таких, как Моргана.

Холодный расчет, жестокое равнодушие очеловеченного клинка. Да, именно такими и были идеальные защитники.

Сто человек?

Если бы вышла сотня, справились бы и с сотней. И с двумя... наверное.

Адриенна видела, как ударяли в землю стрелы... они били мимо, мимо... но – не всегда. К сожалению.

А вот обратная сторона боевого транс...

Адриенна знала: когда-то давно этим могли управлять. Могли контролировать. Могли... Лоренцо здесь и сейчас не мог практически ничего. Даже чтобы сорваться в транс, ему нужна была чужая кровь. Раньше такого не было.

Наверное, это потому, что его собственная кровь была сильно разбавлена. Вот и получилось...

Фабрицио, *запечатленный* Морганы, мог входить в транс по своей воле. И выходить из него – так же. А не ждать, пока кончатся силы.

Мог этим управлять, мог рассчитывать... он был хозяином своего тела. Не наоборот, как у Лоренцо.

Здесь и сейчас Энцо был беспомощен перед своими способностями. Он вызывал их к жизни, когда не было другого выхода, но... но серьезно платил за это.

Во сне Адриенна знала и еще кое-что.

Они действительно связаны.

Моргана правильно угадала, Адриенна не знала, где и когда произошло запечатление, но...

Оно случилось. И теперь жизнь и смерть Адриенны была жизнью и смертью Лоренцо. Но – не наоборот. Нет...

Вот это работало так же и тысячу лет назад, и сейчас...

Есть дающий кровь – есть принимающий кровь. Адриенна дала кровь и силу, Лоренцо их принял. Он запечатлел ее образ.

Теперь они связаны, и у каждой связи есть свои темные стороны. К примеру, сейчас.

Адриенна знала, Лоренцо потратил очень много сил. И она...

Да, вот так.

Как на корабле, как на арене... если она решит поделиться с ним силой – он может выжить. Но сама Адриенна будет болеть. Ей будет плохо, больно, она вообще может умереть, если не рассчитает, сколько отдаст.

Как тогда...

После ночи в ледяной воде она очень долго болела. Именно потому, что держалась до последнего. Она могла разорвать связь раньше, она – могла! Лоренцо мог умереть при этом, вполне, но какое ей дело? Умер и умер, ничего страшного...

Только вот Адриенна так поступить не могла. Думать об этом? Положим, даже святым приходили в голову такие мысли, от которых и черти краснели. И называлось это красиво – искушение.

Думать можно о чем угодно. Только в жизнь претворять всякие мерзости ни к чему.

Вот и сейчас...

Адриенна отлично понимала, что может не делиться силой. Отказаться, оттолкнуть, пожалеть себя, разорвать контакт... ведь может?

Да запросто!

И – никогда!

Она протянула руку и коснулась руки Лоренцо. И тихо-тихо замурлыкала старую колыбельную песенку, которую ей напевала Роза...

*Тихо-тихо входит сон,
много звезд приносит он,
сыплет звезды на порог,
открывает сто дорог,
расправляет все пути,
нам с тобой по ним идти...
Мы с тобой сейчас уснем,
на рассвете в путь пойдём,
будет солнце нам светить,
будет ветер говорить,
не придут беда и зло,
нам с тобою повезло,
мы пойдём рука в руке,
только солнце вдалеке...*

Немудрящая песенка сделала свое дело.

Адриенна почти физически ощутила, как из ее тела изливается... нечто.

Невидимое, но для нее это выглядело так, словно из вскрытой вены льется кровь. Только почему-то не алая, а прозрачная. Почти бесцветная...

И Лоренцо впитывает эту сущность всем телом. Ни капли не пропадает.

Своих сил у него не осталось, но Адриенна может с ним поделиться. Может...

Чем больше она отдаст, тем меньше у нее останется, тем лучше будет Лоренцо, тем хуже ей самой... только вот когда ее останавливали

такие мелочи?

Она просто не могла допустить, чтобы Лоренцо умер.

Вот не могла – и все тут!

Она понимала, что выходит замуж за другого мужчину, что Лоренцо тоже вынужден будет жениться, что им не быть вместе... и что?! Пусть не ее! Пусть!

Но пусть он – будет!

Пусть встречает рассветы и провожает закаты, растит детей и гоняет коней по росе, пусть даже признается в любви другой женщине.

Это – не важно!

Главное, чтобы он БЫЛ!!!

Любовь? Или запечатление, как говорила Моргана?

Кровь позвала – и кровь откликнулась?

Может быть, и то и другое. Что-то послужило началом чувства, но развивалось оно само по себе. И проросло. А любовь, настоящая любовь, не понимает эгоизма. Она терпит, прощает, она готова на все, лишь бы любимому было лучше.

А уж силы ему отдать и поболеть какое-то время?

Право же, это такие пустяки...

И Адриенна щедро делилась. Пусть Лоренцо берет ее силы, пусть...

Живи, любимый!

* * *

Она не знала, что с жалобными стонами мечется по кровати, что испуганная служанка, которая заглянула в спальню, с криком ужаса побежала за лекарем, что прилетевший быстрее ветра дан Виталис попробовал вывести Адриенну из этого состояния...

Куда там!

Ни жженые перья, ни пощечины, ни нюхательные соли, ни ледяная вода – не помогало ничего!

Даже ожог, который дан Виталис сделал раскаленными щипцами, осторожно, чтобы не слишком сильно навредить дане Адриенне...

Но – нет. Не помогло ничего.

Дан Виталис искренне испугался, когда у Адриенны хлынула носом кровь, когда она побледнела и обмякла в его руках.

Но потом...

Потом обморок перешел в самый обычный сон.

Дан Виталис облегченно вздохнул и решил до утра просидеть у постели Адриенны.

Увы, это не помогло.

Утром обнаружилось, что у даны СибЛевран сильная горячка. Адриенна пришла в сознание, она вполне разумно разговаривала, улыбалась и даже попробовала съесть несколько ложек бульона, но... Но девушка просто горела в огне. И причины дан Виталис не знал.

Спросить?

Он честно попробовал. Адриенна даже отвечать не стала, шепнула, что плохо себя чувствует, зарылась в подушки и уснула.

Она отлично знала причину. И знала, что где-то там, далеко, Лоренцо, получив все ее силы, тоже мечется в горячке. Да, она могла бы разорвать их связь.

Могла пожалеть себя. И он бы умер.

Она этого не сделала и теперь расплачивается. Но разве это важно?

Нет. Она отлежится, отоспится, и все будет хорошо.

Спать, спать, спать...

А дан Виталис отправился на доклад к его величеству.

* * *

– Ее отравили?

Да, первый вопрос его величества был именно таким. И, судя по тону, подозреваемые у него уже были.

– Нет, – качнул головой дан Виталис. – Ручаюсь.

– Точно не яд? – прищурился Филиппо Третий. – Мало ли что?

Его высочество, который тоже присутствовал в кабинете, впился глазами в лекаря.

Вот только скажи, только попробуй обвинить... мы же все понимаем... Но дан Виталис выдержал его взгляд с полным равнодушием.

– Это – не яд. Или мне пора на покой, пиявок разводить.

Выдохнули оба. И его величество, и его высочество.

– Тогда?..

– Что-то неизвестное науке. Может быть, нервы, может быть, болезнь... не случилось ли у даны таких приступов раньше?

Филиппо задумался.

Дан Рокко регулярно присылал ему отчеты, и его величество знал все о состоянии здоровья будущей невестки. А то как же!

– Нет. Не так давно она простудилась, и сильно... да, это было весной.

– Этой, ваше величество?

– Прошлой.

– Тогда опять не сходится. Если бы этой весной, было бы понятно. А прошлой... С тех пор таких приступов не было?

– Нет. Пару раз дана болела, но это как раз неудивительно.

Лекарь кивнул.

Весна, осень... лучшее время для развития всех и всяческих болезней. И вот самое забавное, что молодые люди часто болеют тяжелее. Когда человек в возрасте, он уже понимает, что можно остановиться, пролечиться, а уж потом геройствовать.

А молодежь...

Здесь рукой махнули, там не подумали – и результат? И болезнь, и осложнения – все разом. Адриенна, похоже, была именно из таких. Не пролечилась, не подумала, и вот – результат.

– Тогда имеет смысл поговорить с даной... дня через два. И побережь ее, конечно. Сейчас болезнь не так страшна, но если бы дана, к примеру, ждала ребенка...

Намека хватило обоим Филиппо. Его величество отослал лекаря к пациентке и повернулся к сыну.

– Дай мне слово. Пока Адриенна будет беременна, чтобы твоя гадюка к ней не подползала.

– Отец!

– Ты не понимаешь? Конец тебе, мне, династии... ты своими руками хочешь убить своих детей? От единственной, кто может их родить?

– Может, не единственной...

– Тебе мало даны Алесандры? Еще надо?

Филиппо насупился. Отец ударил в больное место.

И – да. Эданна Франческа имела свободный доступ к дане Алессандре. А что уж там было, как оно было... Принц был уверен, что нарочно она не вредила. Но слова?

Как часто мы недооцениваем силу слова?

Да не заговор, не магию какую, а обычные слова! Ими тоже претлично можно ранить, а иногда и вообще убить. Но кто об этом задумывается, пока не станет слишком поздно?

Да никто!

– Я... обещаю.

– Вот и отлично. А теперь иди, сходи проведай невесту. Когда дан Виталис разрешит.

Филиппо насупился, но отец выглядел очень внушительно. И его высочество, скрипнув зубами, отправился к лекарю.

Ему повезло.

Адриенна как раз пришла в себя и сейчас сидела в подушках, пила горячее молоко с медом.

* * *

– Доброго дня, дана, – брюзгливо произнес Филиппо, опускаясь на кровать.

Невольно он сравнивал Адриенну со своей возлюбленной.

День и ночь. Или точнее – ночь и день.

Адриенна – невысокая, худощавая, грудь там надо искать только на ощупь, кожа бледная, словно лягушачье брюхо, словно мелом ее с ног до головы обсыпали.

Волосы черные как смоль.

Синие глаза – красиво, конечно, но ему и это не нравится. Слишком уж они холодные и спокойные. Слишком жестокие. То ли дело глаза его любимой! Глубокие, влажные, черные... только не жесткие, а нежные, ласковые... и он в них тонет, растворяется...

И волосы у Чески золотые, и фигура такая... руки сами тянутся.

Даже одежда!

Франческа, чтобы его порадовать, одевается в белое, алое, золотое... рядом с ней пасмурный день светлее становится.

Адриенна СибЛевран даже сейчас сидит словно ворона. Во всем черном. Просто фу...

Мысль о том, что ему и ангел небесный не понравится, особенно если жениться на оном насильно, Филиппо даже в голову не пришла. Побоялась призрака эданны Франчески.

– Ваше высочество. – Адриенна сделала еще глоток молока. – Простите, не могу встать и приветствовать вас как подобает...

На последнем слове ее разобрал кашель, и пришлось опять глотнуть молока. Филиппо поддержал кружку, чтобы девушка не разлила половину. Все же он не был ни злым, ни жестоким намеренно...

– Что с вами случилось, дана? Еще вчера вы были здоровы?

– Полагаю, я просто перенервничала, – выбрала самый простой ответ Адриенна. А зачем вдаваться в подробности?

Она даже не врет.

Она жутко перенервничала. За Лоренцо.

Сейчас ему лучше, и он обязательно выживет, но это же – сейчас! А ночью она еще не была в этом уверена.

Рука сама по себе сжала медный крестик... Филиппо заметил это движение, нахмурился.

– Медь? Вам не подобает носить такую дешевку.

– Прошу оставить мне ее, чтобы я помнила о своем долге перед людьми. – Адриенна не переживала. Она даже была спокойна... и снова – не лгала. На ней долг перед Мией.

Серьезный долг.

За того же Леонардо, за оборотня, за слишком предприимчивого купца...

– Если вы так хотите. Но украшения, подходящие вашему статусу, извольте носить. Я прикажу прислать. – Филиппо решил, что королевские гарнитуры все равно валяются в сокровищнице.

Изъять их оттуда для эданны Чески отец не давал, но, может, со временем?

Адриенна вежливо поблагодарила. Хотя Филиппо видел, что украшения ее не слишком занимают. Подумаешь, радость жизни...

– Что говорит лекарь? – перешел к следующему пункту принц.

– Надеется, что я скоро буду здорова.

– К свадьбе?

– О да. Но с ребенком действительно хорошо бы подождать до семнадцати лет. Пожалуйста, ваше высочество...

– Почему нет? – вздохнул Филиппо. – Ждать уже недолго осталось.

Адриенна поежилась.

Как-то даже думать об этом было неприятно. Ребенок же... А для этого надо... не просто за руки держаться, а вообще... вот все, что между мужчиной и женщиной... Да, Адриенна видела, как это происходит, и знает, и за эданной Сусанной, чтоб ее черти вилами растащили, подсматривала... хоть ты благодари гадкую бабу за просвещение, но...

Когда видишь – это одно.

А когда самой?

Как-то неприятно и страшновато...

Принц вздохнул.

Все эти мысли так явственно были написаны на лице Адриенны, словно она вслух говорила. А Филиппо, при всей его бесхарактерности, не был плохим человеком.

Слабым – да, зависимым, ведомым. Но напрасная жестокость не была ему свойственна.

Напрасная.

При необходимости он бы с кого угодно шкуру содрал. Но здесь и сейчас...

Мужчина аккуратно коснулся руки девушки.

– Не бойтесь, Адриенна. Да, вы мне очень не нравитесь, но я постараюсь не обижать вас намеренно.

Адриенна потерла лоб свободной ладонью.

Может, не перенервничай она так за Лоренцо, не чувствуй себя так отвратительно...

– Ваше высочество, вы мне тоже не нравитесь. До отвращения.

– А?!

Вот такого принцу точно еще выслушивать не приходилось. Адриенна искренне старалась сдерживаться, а тут вот... пробрало.

– Неужели вы считаете, что я слепая и тупая? Ну не любите вы меня! Да, так бывает! Любите вы другую! Но ведь и я вас не люблю, и моя бы воля – с радостью осталась бы в СибЛевране. Вышла бы замуж за кого-то из соседей и всю жизнь лошадей разводила. Не нужна мне

власть! И корона не нужна, и прочие побрякушки... понимаете? Нет здесь ничего такого, чтобы я всю жизнь за это отдавала, просто – нет!

Не понимал.

Это было видно воочию. Как так?

Кто-то не хочет власти?!

Да разве такое вообще бывает в этой жизни? Власть... это ведь все! Это альфа и омега, это самое-самое ценное, когда ты хозяин жизни и смерти других людей, когда...

Адриенна едва не застонала.

– Ваше высочество, я ведь женщина! – Может, так дойдет? – Мне дом, семья нужны, дети мои...

Все. Сообразил, додумался.

– А-а...

Ну да! Курица не птица, баба не человек, и власть ей ни к чему. Гнезда и яиц достаточно. Адриенна, конечно, так не считала, но и другими словами уже донести свою мысль не могла. Сколько можно-то?!

Она этого так же не хотела, она бы жила спокойно – и она, и Лоренцо... За них все уже решили! Кровь, проклятая кровь!

Адриенна потерла лицо руками.

– Я знаю, вы меня не любите и не полюбите никогда. И я вас тоже. Но хотя бы уважительно мы можем друг к другу относиться? Если бы я завела себе любовника?!

Принц сверкнул глазами. Хватка на запястье девушки стала мертвой, словно капкан.

– Казню!

Адриенна выдернула руку.

– Не нравится? – На запястье медленно проступали алые пятна, скоро они станут синяками. – А мне должно нравиться ваше отношение? Я не говорю о любви, но хотя бы элементарное уважение... Если вы хотите от меня детей, то как, как потом вы внушите придворным почтение к ним? Отношение ко мне перейдет и на них! Даже не сомневайтесь... Или вы расскажете всем о проклятии?

– Ты знаешь?! Откуда?!

Адриенна вздохнула.

– Знаю. И кто такие Сиблевраны – тоже. Бастарды, ублюдки... побочная кровь. Не каждый ведь день его высочество женится на

никому не известной девице из захолустья... Я узнала, что мне требовалось. И... не одобряю случившегося.

– Не одобряешь?!

– Предки были не правы. – Адриенна не стала вдаваться в подробности. Хотя искренне считала, что, если бы не подонок, приказавший ударить в спину, ничего и не случилось бы. Моргана знала, что такое война. Она бы помиловала, если бы ее правнук пал в бою. Это – другое.

А вот предательство, подлость... кто бы тут сдержался на ее месте?

Филиппо потер лицо руками.

– Я... не думал об этом – так.

– Ваше высочество...

– Филиппо. Можешь называть меня именно так.

– Хорошо, Филиппо. Вы – мужчины. Для вас власть – это самое высшее счастье. А я другая, мне ничего такого не нужно. Окажись я на троне, первая взмолилась бы о пощаде. Я просто хочу спокойно жить, растить своих детей... можно и не при дворе...

– Да?

– Конечно. Вы не продержите эданну Вилеци в провинции долго. А я не хочу жить в столице. Возможно, найдется замок рядом, я буду жить там с маленьким двором, вы наезжать ко мне время от времени... а эданна будет царить в столице?

– Хм-м...

Филиппо задумался.

В чем-то Адриенна была права. С другой стороны...

– Если я так поступлю... это будет неправильно.

Адриенна безразлично пожала плечами.

Правильно, неправильно... какая ей разница, кто и что подумает? Она предлагала реальный выход... по крайней мере, ей не пришлось бы тратить время на тупую придворную возню.

– Адриенна, брак должен быть заключен. Потом, запирайте вас где-то до семнадцати лет... это будет выглядеть странно. Я понимаю, что вы не станете мне изменять, но злые языки...

Адриенна кивнула.

Она бы действительно не стала. Но... кто и что скажет? А уж сколько всего придумают?

Она обязана быть рядом с его высочеством... потом величеством. Чтобы не было сомнений в законнорожденности ее ребенка.

– И потом... допустим, я вас отослал.

– Эданна Вилецци будет счастлива.

– Безусловно. Но опять же... пока ребенок не родится, да и потом... мне нужно будет *несколько* детей. Трое или четверо...

Адриенна кивнула.

Ну да.

Детей – делают. Не за один раз. И королева обязана находиться рядом с его величеством. Иначе...

Слухи, сплетни... потом можешь оправдываться, сколько тебе угодно будет, никто не поверит.

– Тогда у нас серьезная проблема.

Именно – у нас. Не порознь. Филиппо и сам не заметил, как это получилось, но девчонка на кровати из врага превратилась в союзника. А Адриенна мысленно поблагодарила прабабку.

Именно Моргана сказала, что Эрвлины думают только о власти. А если нет... им об этом не просто сказать надо – поленом по голове стукнуть, чтобы дошло. Вот, вроде как дошло.

Адриенна выглядела откровенно виноватой. Ну да, она не хотела, но так уж получилось...

– Я могу быть рядом с вами. И буду показывать влюбленность, и что угодно. Но... эданна Франческа... она не поймет.

Продолжать не требовалось.

И не поймет. И начнет устраивать истерики, и все остальное... Адриенна посмотрела на его высочество.

– Я не прошу удалять ее от двора. Или как-то обрывать ваши с ней отношения. Но ради ваших будущих наследников... пусть она ведет себя аккуратнее.

Филиппо насупился.

Его любовь... и попытка задеть? Или нет?

Вдали от эданны он становился похож на человека и даже вполне обучаем. Жаль, ненадолго.

– Не показывает на людях, насколько вы близки, – пояснила Адриенна. – Старается не избегать меня, это по меньшей мере странно, но ведет себя подчеркнуто почтительно... понимаете? Мне не

нужно ее уважение или одобрение, но я полагаю, ей важно ваше счастье?

А вот в этом его высочество не сомневался.

– Да... ради меня...

– Вот. Не сомневаюсь, ради вас эданна готова на определенные... уступки? Ее ведь не просят отказаться от любимого мужчины, ее просят только не причинять вред вашим будущим детям.

Вот под таким углом его высочество этот вопрос не рассматривал.

– Вред...

– Меня эданне любить не за что. Но в случае открытого конфликта или вы поддерживаете меня и сильно обижаете любимую женщину – это плохо, – или вы поддерживаете ее и ослабляете позиции ваших детей. Ведь если вы не уважаете их мать, кто будет уважать принца? Ладно бы я была из знатной или богатой семьи. Тогда... да, за мной бы стоял род. А за мной – никого. Ни клана, ни денег... просто девушка с окраины королевства. Из этого можно сделать красивую сказку для простонародья, кстати говоря.

Его высочество задумался.

– Я поговорю с эданной. И придумаю, как все это лучше сделать... я рад, что вы идете мне навстречу.

Адриенна вздохнула.

– Я... мне это не так важно, как вам. Но я хочу жить в сильном королевстве. А этого можно добиться, только если действовать заодно. Я обязана показывать всем, что люблю и уважаю своего мужа. Его величество наверняка говорил, что, когда королевская семья крепка, она служит примером...

Дальше Адриенна не продолжала. Его высочество многое отлично додумал сам.

– Это верно. Я поговорю с эданной. Если вы согласны выполнять свои обязанности, я смогу ее убедить.

Адриенна вздохнула про себя.

Убедить!

Мальчик, да тебе достаточно просто приказать! Ты – принц, будущий король, а она просто продажная девка. Она за тебя зубами и когтями держаться будет, на любых условиях... твой отец это понимает, а ты – нет.

Именно Филиппо Третий и подсказал Адриенне, на что давить. Он своего сына знал.

А Адриенна...

Как же ей хотелось закричать, ударить, уничтожить...

Нельзя.

К сожалению – нельзя. Не все можно решить силой, а как иногда хочется... если бы вы только знали! Вот и сейчас приходится сидеть, разъяснять, уговаривать... тренироваться!

Филиппо Третий был безукоризненно честен.

Пока он жив, он поможет. Потом... потом эданна Франческа сделает все, чтобы подмять под себя его сына. Это не пойдет на пользу никому. Ни сыну, ни стране.

Придется Адриенне уже сейчас учиться манипулировать своим мужем, а мужу привыкать, что все будет именно так.

Сейчас, пока Филиппо Третий еще жив, еще в силе, он сможет повлиять на наследника.

Надолго ли этого хватит?

Кто знает. Но даже убивать эданну, к сожалению, поздно. Другая найдется. Еще более гадкая.

Кстати, вот с этим Адриенна была согласна. Филиппо Четвертый относился к той породе людей, которые не могут жить сами по себе. Своим умом...

Адриенна смогла бы, его отец мог, дан Рокко... да много кто! Живут они и живут себе. А этот выбрал себе хозяйку, да такую, что нормального человека с души воротит. Но уберешь ее – появится другая. От этой хоть ясно, чего ждать.

Бедный Эрвлин!

Да и себя Адриенне тоже было жалко. Хотя бы потому, что ее Филиппо никогда хозяйкой не выберет. Впрочем...

Если нет выбора – она будет учиться управлять супругом. А выбора уже сто лет ни у кого нет.

Глава 4

Мия

Пратто утопал в зелени.

Причем зелень многое говорила о его обитателях. Вот кто и что сажает на улицах города? У себя в палисадниках?

Кто-то высадит елку или можжевельник. Красиво, никто не спорит, но что с той елки толку?

Кто-то цветы. Тоже красиво, но много хлопот, а выгоды... разве что коза их пожует.

А вот Пратто утопал в яблонях.

Во всех садах, на всех улицах, везде, всюду...

А еще городок славился своим яблочным сидром, уксусом, вареньем из яблок же... ага? Практичный тут народ живет. И заодно – красиво же! Весной, когда яблони цветут. А потом наливаются плоды, и весь город пахнет спелыми яблоками, и это, наверное, очень вкусно. Жаль, Мия попала сюда в неудачный момент.

Сады уже отцвели. Яблоки еще не созрели. Жаль...

Итак, откуда же начать поиски?

Мия сильно не задумывалась. Она не была голодна, она недавно перекусила хлебом и ветчиной, поэтому могла себе позволить не искать кров и пищу сразу же. И направилась в церковь.

Кто бы сомневался: дом священника был рядом. Туда Мия и постучала.

Во дворе звонким лаем откликнулась собака.

Ждать пришлось недолго, священник вышел почти сразу.

Средних лет, среднего роста, со спокойной теплой улыбкой...

– Доброго дня... ньор?

– Здравствуйте, падре. – В Пратто Мия пришла в облике менестреля. – Меня зовут Мио.

– Я падре Исидоро Наполли, Мио. Что привело тебя ко мне?

– Благословите, отче.

– Да пребудет мир в твоей душе, чадо. Что привело тебя сюда?

Мия не стала юлить.

– Падре Наполли, друг попросил меня о любезности. Его родные некогда жили в этом городе, и он хотел бы знать, может быть, у него остались здесь близкие люди. А если нет, то хотя бы побывать на могилках, заказать молебен...

Падре закивал с полным пониманием.

А то как же? Молебен – это деньги, это хорошо... провинция ж! Одними яблоками сыт не будешь!

Мия это отлично понимала, потому в руки падре перекинул симпатичный маленький мешочек с деньгами.

– Это аванс, падре...

Падре это понравилось еще больше.

– Как звали родных вашего друга, Мио?

– Ньор Пьетро Росса, ньора Октавия Росса. Их дочь, Анна Росса вышла замуж за мастера Гаттини. Еще у них были дети... Джульетта, Оливия, Пьетро-младший, Паоло... кажется, так.

Мастера Гаттини Мия трясла часа полтора, да и на память никогда не жаловалась.

Падре кивнул.

– Сейчас пойдем посмотрим книгу, но, кажется, я знаю эту семью. Правда, там остался только Пьетро Росса. Паоло уехал, девушки вышли замуж и тоже разъехались... вот, сейчас глава семьи – Пьетро-младший, как ты сказал. И еще брат Октавии жив, Джорджо.

– Благодарю вас, падре! – Мия даже поклонилась.

Вообще-то мог и не пустить. И ничего не сказать.

Бродячих менестрелей народ любит, а вот священники – не очень. Мешают, понимаешь, им менестрели паству обрабатывать. Ты им о Боге, о страхе, о геенне огненной (с гиеной не путать, хотя тоже приятного мало), а потом пошли они по своим делам, пришел менестрель – и развлек. И думают они уже вовсе даже не про Бога, а про любовь. Или про какие приключения...

Но этот падре, кажется, правильный.

Мия нащупала в кармане золотой лорин.

Надо будет сказать человеку спасибо... так, потихоньку. Чтобы никто не видел.

Лорин Мия оставила в церковной копилке. Не в руки же отдавать: странно, когда у менестреля такое богатство!

Оставила и отправилась по указанному адресу, искать дом с красной черепичной крышей. Белый такой...

Нашла не сразу. Но все-таки через час стучалась в нужные ворота.

– Кого там несет?

Тут явно гостей не ждали и радоваться им не собирались.

– Добрый день! – Мия решила импровизировать. – Я от мастера Гаттини.

– Чего?

– Ваша сестра, ньора Октавия Росса, вышла замуж. У нее была дочь, она вышла замуж за мастера Гаттини, – четко объяснила Мия. – Дальше поговорим или я на всю улицу орать буду?

Угроза сработала.

Калитка отворилась.

Перед Мией стоял крепкий такой, кряжистый старик.

Старость бывает разная. Бывают старики дряхлые, бывают все какие-то легкие, почти воздушные, а бывают и такие. Решительно приземленные.

Словно вырастающие из земли, словно ее продолжение. Словно одна из древних яблонь решила выдернуть корни, да и выйти... нет, яблоня не подходит, она все же ньора, а вот дуб...

Да, дуб – в самый раз.

Узловатый такой, серьезный...

Такой старик еще сорок лет простоит... то есть проскрипит...

– Добрый день, – вторично поздоровалась Мия.

– Менестрель, – скривился старик.

Мия развела руками.

– Уж простите. Так говорить мне – или как?

– Пошли в дом, – махнул рукой старик. – Соседи у меня любопытные до ужаса.

– Не бойтесь, что украду чего? – не удержалась Мия.

– Вон туда посмотри...

Два здоровущих черно-подпалых кобеля Мию не напугали. Наоборот, она сделала шаг вперед.

– Цып-цып-цып...

И руку протянула.

Джорджо Росса, который уже было хотел пальцем покрутить у виска, молча опустил руку.

Он не удивился бы молчаливому рывку кобелей. И порванному в ключья менестрелю – тоже. Цып-цып?! Собакам?!

Очумел, болезный!

Но вместо рывка собаки заскулили, хвостами вперед полезли в будку... и явно демонстрировали, что хоть цып-цып, хоть кис-кис, хоть му-му... им – плевать! Они в домике!

– Ишь ты, – с каким-то даже уважением пробурчал старик. – Ну... пошли.

Мия послушно пошла за ним.

В доме оказалось прохладно, чисто и тихо.

– Жена умерла, дети разъехались, один живу, – пояснил Джорджо, хотя Мия об этом и не спрашивала. – Может, вот сын со мной поселится. Посмотрим...

Мия молча кивнула. Она не спрашивала, но...

Понятно, чего ее пригласили. С тоски-то еще не так взвоешь. Не то что с менестрелем – с собаками заговоришь.

Мия решительно достала из мешка футляр.

– Я перед вами буду виниться, ньор Росса. Соврал я вам.

– Да?

– Да. Меня не мастер посылал, а его клиент.

– Вот как?

– Он зеркало купил у мастера, а оно оказалось такое... с историей. Скажите, вам вот это зеркало ни о чем не говорит?

И Мия открыла футляр, показывая зеркало мастера Сальвадори.

Один из немногих предметов, которые она забрала с собой.

* * *

Несколько минут Мие казалось, что ньор Росса сейчас выхватит у нее зеркало, да и грохнет об угол. А потом еще сверху по осколкам потопчется. Понятно, позволять ему такого она не собиралась, но вдруг?

Осторожнее надо.

Зато сразу ясно: штучка ему знакома.

Наконец, ньор Росса отмер и разразился нехорошими ругательствами. Мия подняла брови.

– Не понял?

– Чего ты не понял, мальчишка?

– Мастер Гаттини упоминал, что зеркало ему от тещи досталось. А ей, надо полагать... не вполне хорошим путем? Если вы так ругаетесь?

– Тьфу...

– Ньор Росса, да вы не переживайте так! Я никому не скажу, мне самому важно знать, – принялась уговаривать Мия.

Она чутьем понимала: денег предлагать не стоит. Ни к чему. За такое предложение и ее выгонят, и зеркалом вслед запустят. Хорошо еще, если не ночным горшком.

– Вы поймите, такие вещи покупают... это ж зеркало работы мастера! А если оно краденое? Дан Бьяджи, – дану было уже все равно, а Мие хоть какая с него польза, – хотел его королю подарить, но вдруг оно краденое? Тогда ж головы никому не сносить!

Ньор Росса постепенно успокаивался.

Прошла пугающая краснота, выровнялся сердечный ритм, даже запах стал лучше.

– Погоди, мальчишка. Сейчас...

Он накапал себе в рюмку какое-то лекарство, горько и резко пахнущее травами, залпом выпил.

– Достань там... закусить. И себе возьми.

Мия отказываться не стала. Поблагодарила и с удовольствием зажевала кусок вяленого мяса. Пусть кто другой конфетки-цветочки кушает, а она – хищница!

Кусок мяса ей! Можно побольше! И прожаренный...

– Это зеркало действительно Октавии подарили. Было дело.

– Да?

– Давно уж... лет сорок тому назад, кабы не больше... хорошо помню. Октавия тогда с даном Тициано Демарко закрутила. Да как!

– Как?

– Так, что эданна Демарко к нам приезжала... позора было – на весь город!

Мужчина смотрел куда-то в стену, говорил тихо... вспоминал.

Он помнил, как эданна Демарко плакала в гостиной, а мать ее утешала. Словно и не эданну, а самую обычную бабу, которой муж рога наставил.

Помнил, как кричала прибежавшая Октавия.

Как кричала на нее эданна: мол, чего ты добиваешься, дрянь?! Муж меня все равно не бросит!!!

Помнил скандал, от которого ежилась мать и ходил, ссутулившись, отец...

Помнил, как сестра ходила злая, словно оса, но потом...

Нехорошо это – лезть в чужую семью. Лад там или не лад, но все равно нехорошо. Люди и осудили. А когда их много... ну, тут поневоле получается так, что к ним надо прислушиваться. Может, если бы дан Демарко взял Октавию да и уехал куда?

Но – нет. Настолько он ее не любил. Побаловался, подарил зеркало, вот это самое, да и расстался. Октавия потом рыдала, два раза едва из петли вынуть успели... может, потому мать рано и померла, с такой-то доченькой! А потом сестричку замуж выдали за кузена – больше никто ее взять не соглашался. Она уж тоже померла, дочь осталась, Анна. Та замуж за Гаттини и вышла, зеркало с собой взяла.

А зеркало разбередило воспоминания.

Недобрые такие, тоскливые...

Ими Джорджо и поделился с Мией. Не все ж в себе таить... иногда выплеснуть тоже хочется.

Мия слушала, кивала. И подвела итог.

– Значит, зеркало не ворованное. Все равно... надо бы к дану Демарко пойти... вы ж понимаете, ньор Росса, такие подарки... Это серьезно.

Ньор Росса понимал.

– Сегодня пойдешь – али как?

– Пойду...

– Туда два дня пути. Если пешком... на юго-восток из города и иди себе. Дорога прямая.

– Спасибо, ньор, – поблагодарила Мия. – Вы уж не сердчайте, что рану растравил... не хотел.

Джорджо только рукой махнул.

Неожиданно он почувствовал себя... не так и плохо? Ему определенно стало легче. Словно груз с плеч свалился, серьезный

такой, тяжеленький...

Выговорился – и легче стало.

– Как там Анна? Она ж домой так и не приезжала с той поры...

Мия пожала плечами.

– Как у людей. Была счастлива, насколько я понял, муж ее если и не любил, то и не обижал. Детей четверо. Внуки... она, правда, умерла в эпидемию, но тогда много кто в столице умер.

Ньор Росса кивнул.

– Спасибо тебе, менестрель. Значит, правильно родители тогда решили... хоть и бесилась Октавия, а все они сделали, как у людей.

Мия кивнула.

С ее точки зрения, вот то самое «как у людей»... оно для людей и было. А ей не подходило совершенно. Но не говорить же об этом ньору?

Пусть живет себе как человек.

– Да, ньор. Все правильно.

– Схожу свечку за нее поставлю, – решил мужчина. – А ты... возьми на дорогу?

И Мие в ладони легли пироги.

Вкуснющие, уже по запаху чувствуется, с капустой...

– Соседка прибегает, – усмехнулся ньор.

– Вдовая?

– Вдовая...

– А что ж вы такое сокровище упускаете? – Судя по пирогам, это была серьезная ошибка. – Или чтобы все как у людей? Так им такие пироги и не снились... большинству.

Ньор Росса хотел было дать нахалу подзатыльник, а потом передумал, да и махнул рукой.

– Иди ты...

Мия и пошла. Задумчиво жуя по дороге вкусный пирог.

А что она? Ей хорошо... Говорите, дан Демарко?

Мы и до дана Демарко доберемся...

Если бы она знала, что после ее ухода ньор Росса сначала сходил в храм, помолился за сестру, обстоятельно побеседовал с падре, а потом пошел в гости к соседке, да и пригласил ту к себе пожить, – она бы за него сильно порадовалась.

А что на всех-то оглядываться? Если б не та история, давно бы он уже того... пригласил бы. А Джорджо все боялся.

Шума, скандала, того загадочного «люди скажут»...

А чего бояться-то?

На каждый чих не наздравствуешься, а тут... всем только хорошо получилось. Но Мие было не до того. Она шагала к замку дана Демарко и принимала свой настоящий облик. В дороге зачем зря силы тратить?

А если кто случится, у нее и капюшон на плаще есть, и минутка-то всегда будет...

Успеет замаскироваться.

Итак, Тициано Демарко. А на данный момент его сын – Рикардо Демарко.

Адриенна

Паола Чиприани, Бьянка Варнезе, Джина Симонетти, Леонора Роберто, Патриция Петто, Николетта Джойя, Орсола Лолли, Челия Санти, Марта Дамиано, Теодора Джулиани, Розалия Брешиа, Барбара Коста.

Все даны, красавицы, умницы... наверное.

Как их всех запомнить, Адриенна даже не представляла. А ведь придется, это ее фрейлины.

Поэтому Адриенна для начала и мучиться не стала.

– Даны, я рада вас видеть и с вами познакомиться, но давайте для начала заведем такой обычай. Пока я вас не запомню, входите ко мне и называете свое имя. Хорошо?

Даны закивали.

– Эданну Сабину Чиприани слушаться, как меня. Правила она вам объяснила?

– Да, – закивали наперебой девушки. – Ваше... выс...

– Можете пока называть меня дана СибЛевран, – разрешила Адриенна. – Высочеством я стану после брака.

Хотя это уже скоро.

После случая с Лоренцо Адриенна проболела почти целую декаду. Встала только недавно, и вот сейчас Сабина Чиприани представляла ей

фрейлин.

Девушки смотрели по-разному.

Кто-то опасливо, кто-то нахально... но вроде бы откровенной злости ни у кого не было. Но это и понятно. Свадьба состоится уже через месяц, а в такой ситуации злиться на Адриенну смертельно опасно.

В комнату зашел его величество, подошел и поцеловал руку будущей невестке.

– Адриенна, я надеюсь, ты довольна, дочка?

Судя по глазам фрейлин – проблем и дальше не будет.

Пока его величество жив, так точно...

– Благодарю вас, ваше величество. Я надеюсь, мы найдем с девушками общий язык, – согласилась Адриенна.

– Я в этом даже не сомневаюсь, – строго посмотрел король.

Девушки как присели в реверансах, так вставать из них и не торопились. Король же...

– Могу я тебя ненадолго отвлечь, дорогая невестка?

– Да, конечно, ваше величество. А девушки пока...

– С вашего позволения, – перехватила инициативу эданна Чиприани, – девушки сейчас будут заниматься своими непосредственными обязанностями. Я распределю кого и куда, а если вашему высочеству не понравится, мы все поменяем.

– Благодарю вас, эданна Сабина. – Адриенна улыбнулась эданне, которая действительно распорядилась, как настоящий полководец. И командовала примерно так же...

У такой не забалуешь.

Филиппо Третий подтвердил ее инициативы своим благосклонным кивком и увел Адриенну.

– Что случилось, ваше величество?

– Опять Филиппо к этой гадине поехал. Чует мое сердце, вернется сам не свой...

Адриенна только вздохнула.

А что поделать?

Эданну Франческу она воспринимала как... как неизбежное зло. Вроде плесени или вшей – сколько ни выводи, а все равно пролезет, пакость гадкая. Но бороться надо. Даже необходимо бороться, выводить, не пускать на самотек...

– Как я должна поступить, ваше величество?

Король довольно кивнул.

Молодец, девочка, соображает. Приятно все же работать с умными людьми... ему немного осталось, но невестку он натаскает.

– Пойдем поговорим об этом в кабинете.

Адриенна послушно шла под руку с королем. И... и, сосредоточенная на высочайшем собеседнике, не заметила другого взгляда.

Жадного. Голодного.

Откровенно похотливого.

Впрочем, человек проводил ее взглядом, развернулся, да и пошел в другую сторону.

Еще не время. Хотя уже скоро, очень даже скоро... он свое не упустит! Дурак он, что ли, как его высочество?

* * *

Его высочество в это время чувствовал себя вовсе даже не дураком, а самым счастливым человеком на свете. Эданна Франческа расстаралась по полной.

Тут тебе и роскошно украшенная спальня, и вкусная еда, и благовония, и массаж с заморскими маслами, и, конечно, сама эданна, во всем тонком, белом, прозрачном...

Его высочество пребывал на седьмом небе от счастья.

Когда наконец все закончилось и он вытянулся на кровати, ощущая, как успокаивается бешено бьющееся сердце, эданна прильнула к нему.

– Любимый... я ТАК скучала... до безумия!

– Я тоже соскучился, – честно ответил Филиппо.

– Я могу вернуться в свой дом в столице. И ты будешь меня навещать чаще, – тут же предложила эданна.

Филиппо качнул головой.

– Пока не стоит.

– Почему? Невеста тебе запретила? – невинно поинтересовалась эданна.

– Глупости какие, – фыркнул Филиппо. – Никто и ничего мне не запрещал и не запретит. Просто эта соплюшка от переживаний разболелась. А увидит тебя – вообще помрет от горя. На ком тогда жениться?

– На мне, разумеется...

– Ческа, ты же знаешь, мне нужны дети.

– Я тебе тоже могу их родить!

– Я знаю. Но договор дороже жизни. – Истинную причину Филиппо называть не собирался.

Ческа надула губы.

– Ну и ладно. Буду тут грустить без тебя... а ты любуйся на эту бледную немочь при дворе! Вот!

– Да, что страшенькая, то правда, – согласился Филиппо. – Рядом с тобой ее вообще не поставишь, от нее зеркала шарахаться будут.

Соврал, конечно. Зато получил нежный поцелуй в награду.

– Но я могу хоть иногда приезжать?

– Ческа, милая, после свадьбы мы решим этот вопрос, – пообещал ей Филиппо.

– А до свадьбы?

– Отец будет против.

– В том числе и против моего присутствия на свадьбе. – Эданна Франческа говорила нарочито расстроенным голосом.

– Любимая, ну кто же будет тогда смотреть на невесту? Если ты придешь?

Комплимент был услышан, но не засчитан.

– Это несправедливо... я так тебя люблю...

– Милая... так хочет его величество.

Увы, эданну Франческу это не убеждало.

Она страдала.

Она рыдала.

Она требовала утешения. И как, как можно было оставить эданну в такой тяжелый для нее момент? Правильно, никак!

В результате в столице его высочество оказался на сутки позже, чем планировал, усталый и мечтающий как следует отоспаться. Да, и для полной картины с коллекцией засосов на шее.

С таким к невесте точно не сунешься... ну и не надо!

Потом поговорит, никуда она не денется. А пока – в кровать и спать...

Увы, до кровати надо было еще добраться. А как это сделать, если на дороге кардиналы водятся? От кардинала Санторо и его величество-то не уходил, если это было нужно его высокопреосвященству, а уж его высочество и подавно.

– Ваше высочество, умоляю вас уделить мне буквально пару минут.

Филиппо мысленно послал его в черную дыру человеческого организма, но только про себя. Скажешь такое вслух – он же и пойдет! И порвет тот самый организм на ленточки!

– Слушаю вас, кардинал.

– Ваше высочество, я не хотел бы тревожить вашего отца подобными вещами...

– Какими именно? – насторожился Филиппо.

– Как мне доложили, недавно под столицей была проведена черная месса.

* * *

Филиппо мгновенно подобрался.

Таковыми вещами не шутят, знаете ли... и понятно, почему кардинал не стал отягощать его величество. Королю и так последнее время плохо.

Да и Филиппо принимает у него дела все чаще и чаще.

И с этим он тоже справится.

– Где?!

– Что самое ужасное, ваше вел... высочество, именно в том направлении, в котором вы ездили.

– Простите?

– На север от столицы, в Фонтино.

Филиппо аж головой затряс.

– Фонтино?! Но там же...

Да, неподалеку находился замок эданны Франчески.

– Почему она мне не сказала?! Она могла пострадать!

– Потому что, ваше высочество, эданна Франческа попросту об этом не знала. Вы же не думаете, что она...

– Нет, конечно! – возмутился Филиппо. – Как о таком можно вообще подумать?!

– Вот... но возможно, что она была целью, потому и месса проводилась неподалеку от эданны.

– Целью?! – встревожился Филиппо за любимую женщину.

Это еще... как?! Он не согласен... ее, наверное, надо оттуда забирать? И побыстрее?

Но... куда?

В столицу точно нельзя, отец будет гневаться... или пусть его?

Кардинал качнул головой.

– Ваше высочество, я понимаю вашу тревогу. Возможно, имеет смысл переезд эданны в другое место? К примеру, замок Эстанса?

– Эстанса? Хм...

Кардинал промолчал. Он свою идею высказал, теперь надо дать его высочеству время на обдумывание. А заодно...

– Ваше высочество, я счастлива видеть вас в добром здравии.

Его высочество едва зубами не закрипел на потеху публике. Нет, ну надо ж такому случиться!

Кардинал, чтоб его... привел! Как раз на галерею!

Вот такого! Растрепанного, в засосах... и тут – Адриенна! А он все же обещал... и в результате невеста смотрит на него...

Недобро она смотрит. И у нее есть повод.

Только вот признавать себя виноватым Филиппо не собирался и предсказуемо разозлился и на невесту, и на кардинала. Но гадостей наговорить не успел.

Адриенна скользнула к нему и почти невесомым движением поправила платок на шее.

– Осторожнее, ваше высочество. Ветер с реки, вы простудите горло.

Засосы скрылись под куском яркой ткани.

Принц понял, что сейчас ему голову отрывать не будут, и осторожно поцеловал девушке руку.

– Эданна, я счастлив, что вы думаете обо мне.

– Заботиться о вас – мой священный долг. Ваше высокопреосвященство. – В синих глазах блеснули опасные огоньки. –

Умоляю, будьте внимательнее. Его высочество не должен так рисковать своим здоровьем.

Филиппо едва воздухом не подавился. Он как раз понял все правильно, да и кардинал тоже...

– Гхм...

– Ваше высочество, надеюсь, ваша поездка была удачна. И мечтаю вскорости увидеть вас, – пропела Адриенна и ускользнула.

Четыре фрейлины следовали за ней, словно приклеенные. Одна вообще одарила Филиппо таким жарким взглядом, что принц даже слегка задымился... наверное.

Горячая штучка, сразу видно...

– Кардинал, вы...

– Я не знал, что дана Адриенна здесь, – отперся кардинал. – Иначе нашел бы другое место для разговора, ваше высочество. Но вы подумайте, если что – замок Эстанса к вашим услугам.

– Я подумаю, – согласился Филиппо.

И отправился в свои покои, размышляя: нарочно кардинал или нет?

И если нарочно, то зачем?

Адриенна, кстати, об этом не размышляла. Она твердо знала, что кардинал нарочно. Но вот зачем?

Кардинал улыбался, глядя на парк с дворцовой галереи.

Он знал зачем. Но делиться этим знанием не собирался ни с кем. Вот еще не хватало.

* * *

Единственное, о чем не знал никто из собеседников...

В розарии из земли выметнулись темно-зеленые плети с острейшими шипами. Гнев и боль Адриенны отзывались на ее земле определенным образом. Пока она не знала, не приняла свое наследство – это одно.

А сейчас...

Черные розы Сибеллинов готовились зацвести.

Матео Кальци, который пришел с утра в розарий, только ахнул.

Сортовые?

Снежно-белые?

Кремовые? Чайные?

Какие-какие, простите, розы?

Кусты, которые выползали из земли, могли принадлежать только одному виду. Черным розам. Только им...

И что теперь делать? Доложить его величеству? Или... разве его заинтересуют такие мелочи? Он и так знает, что черные розы цветут снова. Так что Матео решил не докладывать. И взялся за рассаживание кустов. Пусть цветут...

Белые, розовые...

Это – неинтересно! А вот черные только у них. Достопримечательность, вот!

Мия

Шум Мия услышала заранее, но менять внешность или прятаться и не подумала. Тоже проблема – три человека?

А, нет.

Не три.

Пять.

Какая прелесть!

Четверо на одного? А чего так мало?

Двое мужчин держат на прицеле стоящего на дороге третьего, арбалеты на взводе, еще один отсекает путь назад, последний стоит перед окруженным, замыкая классическую «коробочку», и вещает со всей возможной пафосностью.

– ...если мне придется продырявить тебя в трех местах!

Окруженный мужчина ответил некрасивыми словами. Лица его Мия не видела, но со спины... простой синий дублет, черные волосы стянуты заколкой в длинный хвост...

Стоящий перед ним покраснел от ярости и потянул из ножен меч. Мие это не понравилось.

Она вообще не любила такие ситуации – четверо на одного?

Фу!

И сами мужчины ей не понравились. Это явно были не разбойники – кто-то другой. Разбойников Мия видела. А эти

ухоженные, чистые, в достаточно дорогой одежде... Менять лицо Мия уже не стала. Просто накинула капюшон плаща.

И так сойдет!

– А почему так мало? – протянула она со всей возможной манерностью, подходя к стоящему сзади.

О, как удачно он обернулся!

– Мало?

Никто и не понял, что случилось. Да и как тут было понять, если Мия со всего размаха ударила несчастного сначала между ног, а потом, добивая, в горло?

Не хотела убивать, но рука сама дернулась. Все же тренировали ее именно на это... натаскивали на убийство, как собаку на дичь!

Брюнет тоже не стал рассуждать. Он кинулся на своего «собеседника».

Краснолицый увернуться не успел, и два тела покатались, сцепившись.

В то место, где стоял брюнет в синем, ударили сразу два арбалетных болта, но было поздно. Непоправимо поздно, потому что на одного из стрелков обрушилась Мия.

Кинжал уже был у нее в руке – чего стесняться? Она уже ударила.

Уже убила.

Трупом больше, трупом меньше... какая ей разница? Джакомо шутил, что после десятого начинаешь убивать спокойно... Оказывается, это правда.

Удар правой рукой по корпусу, отвлекая внимание, удар левой, с кинжалом, в солнечное сплетение – и отпрянуть. Нет-нет, кинжал Мия не вытаскивала. Она и так прекрасно знала, что попала в печень. При такой ране, во-первых, будет болевой шок, во-вторых, умрет несчастный через пару-тройку минут.

Но... если сейчас вытащить клинок, ее окатит кровью – это неаккуратно. Отстирывайся потом... ей так не хочется!

И Мия развернулась к оставшемуся.

Четвертый не напал. Он бросил и арбалет, и все... и собирался сбежать?

Вот еще не хватало!

Мия кошкой прыгнула к брошенному оружию... сам дурак! Болт она прихватила по пути – что там с ним делается, если он просто в

глину ударил?

Да ничего!

И в гнездо преотлично лег, и полетел куда надо...

Незадачливый беглец взмахнул руками – и упал на бегу.

– Правки не требуется, – хмыкнула Мия.

И посмотрела, чем там занимается брюнет.

Мужчина как раз убил своего противника и повернулся.

Солнце ударило ему прямо в лицо. И Мия замерла...

Красивый?

Она никогда не смогла бы ответить на этот вопрос, никогда. Просто смотрела и понимала, что другого мужчины для нее на этой земле – нет. Смотрела, впитывала его движения и улыбку каждой клеточкой тела... красивый?

Не понять...

Хотя мужчина действительно был великолепен.

Черные волосы, большие синие глаза, высокий лоб, тонкий прямой нос, твердый подбородок, красиво очерченные скулы... там было на что посмотреть! Он был невероятно, потрясающе хорош. Мию можно было понять, но то, что с ней случилось...

Мое...

Капюшон ее плаща словно сам собой упал на плечи, и теперь пришла пора замереть уже мужчине. Мия была достойной дочерью эданны Фьоры. И фигура, и точеное, словно фарфоровое лицо, и улыбка...

Шаг, другой...

Мия никогда не думала, что поцелуй – это так... так сладко, так невероятно, так искренне...

Даже если целуешься на пыльной дороге и в окружении четырех трупов.

И плевать!

На все, на всех... Мию от этого мужчины и рота солдат не оторвала бы.

Да и мужчина не собирался останавливаться. Скользил руками по телу девушки, гладил, прижимал к себе...

Прошло не меньше пятнадцати минут, прежде чем они оторвались друг от друга. И то – не по своей воле. Невдалеке заржала лошадь, в глазах мужчины мелькнули искры осознания.

– О, черт!

Мия не оскорбилась. Она бы сейчас эту лошадь и похлеще обругала.

И что с того, что они на дороге? Ее это совершенно не волновало, вот еще! Даже проедь здесь королевский кортеж, она бы не остановилась. По счастью, мужчина быстрее пришел в себя.

– Прости... я... кто ты такая?

– Мия. – Остатками разума Мия понимала, что называться своим именем не лучшая идея. Особенно после столицы. – Мия Романо. А ты?

– Рик. Рикардо Демарко.

А вот это имя сделало больше, чем все остальное. Мия тряхнула головой.

– Дан Демарко?

– Ты обо мне слышала?

Мия решительно кивнула головой.

– Я шла именно к тебе.

– Мне повезло, – хмыкнул Рикардо.

Прохладный воздух все сильнее охлаждал и тела, и головы. И Мия понимала, что откровенничать надо до определенного предела. Хотя...

Да, ее тянет к этому мужчине, как не тянуло еще ни к кому. Но значит ли это, что он – тоже?

Вдох, выдох, успокоиться...

Уроки Джакомо Феретти не прошли даром, девушка огляделась по сторонам и наконец заметила трупы, три четверти которых она сотворила сама.

– Кто эти люди?

Мужчина пожал плечами.

– Местные...

– И что им надо было?

Рикардо закатил глаза.

– Его сестра, – кивок в сторону мужчины, которого он убил лично, – его сестра решила, что я – любовь всей ее жизни. Бегала за мной, потом я решил уделить ей внимание... Наверное, спьяну. Иначе это никак не объяснишь...

– И?

– И вот результат. Эта дура натравила на меня братца, он прихватил друзей... уж не знаю, чего они хотели...

– Или кастрировать – или женить? – невинно предположила Мия.

Рикардо от души рассмеялся.

– Первое мне не нравится. Но если выбирать между кастрацией и свадьбой с Бьянкой... убивайте! Мучиться меньше буду!

– Все так ужасно? – поддразнила Мия. Стеснения у нее не осталось еще со времен борделя, вот и сейчас о нем не вспомнила. – Надеюсь, она вас не изнасиловала, благородный дан? Или в постели с ней вы кричали от ужаса?

Дан фыркнул. Видимо, ему такая манера общения тоже была в новинку.

– Не могу сказать, что было легко! Но настоящий мужчина должен преодолевать любые трудности!

Мужчина и женщина поглядели друг на друга – и звонко расхохотались.

Первой, правда, опомнилась Мия.

– Дан, а что мы будем делать с трупами?

– Мы? – искренне удивился дан Рикардо.

– А кто? Сами по себе они не уползут... а еще проблемы могут быть.

Рикардо махнул рукой.

– Не могут.

– У вас. А у меня?

– Мия, неужели кто-то может поверить, что вы... вы могли убить этих людей?

Мия подумала пару минут.

– Может. Наверняка.

Рикардо задумался.

Что ж, все когда-то бывает впервые.

К примеру, кантовать трупы благородному дану еще не приходилось. И грузить их на лошадей, которым совершенно не нравилась Мия, и не нравились трупы, и вообще весь комплект не нравился.

И везти их в лес не приходилось.

И закапывать под большим выворотнем в подходящей яме... ладно, закапывать – это громко сказано. Но ветками их закидали на

совесть.

Мия очень рассчитывала, что их спишут на разбойников или кого-то еще немирного. Или вообще найдут после того, как телами полакомятся волки и лисы и они станут неопознаваемы...

Может, их и опознают. Но кто там, как и кого убил – уже не разберутся. Что и требуется.

Да, и заметать следы, даже в буквальном смысле, веником из веток благородный дан еще никогда не пробовал. И ему это времяпрепровождение совершенно не понравилось.

Устали оба.

Увазюкались оба.

И стоило ли удивляться, что благородный дан пригласил очаровательную ньориту (Мия не спешила объявлять о своем благородном происхождении) к себе в замок?

Отмываться?

И – да!

Он может помочь потерять ньорите спинку... там грязь засохла...

Мия не возражала.

* * *

День и ночь для девушки были полны открытий.

Она не знала, что может быть – так.

Что тебя может тряссти от волнения, что пальцы скользят по гладкой коже твоего мужчины, исследуя рельеф, что от запаха туманится голова, что хочется тереться о любимого человека всем телом, словно кошка, – и впитывать его в себя, как воду.

Что он нужен тебе больше жизни... потому что именно сейчас он и есть твоя жизнь.

И смешиваются дыхания, и сплетаются тела... и что это на губах такое соленое?

Пот?

Слезы?

Мия не знала, потому что не было – ничего.

Она и Рикардо. Или Рикардо и она? Сейчас это было не важно. Ничего не важно, только он... только здесь и сейчас... и у него гладкая

грудь, и забавная дорожка волос от пупка, и неожиданно мягкие и ласковые губы, и волосы словно шелк...

И такие руки...

Мие не было плохо с принцем. Но и по-настоящему хорошо ей никогда не было. Она и не знала, как может запеть ее тело в руках любимого мужчины.

И когда схлынуло безумие и два тела прильнули друг к другу, соленые от пота...

Мия поняла, что она отсюда никуда не уйдет. Не сможет.

Жить без этого мужчины? Просто жить?

Нереально.

Впрочем, и мужчина не собирался ее отпускать. Рикардо Демарко было... откровенно скучно ему было! А тут – такое!

Слов нет, одни эмоции!

Красавица!

Менестрель!

Умница, да еще какая...

И людей убивать умеет. Рикардо отлично понимал, что без Мии... стоял бы он сейчас в храме и клялся в верности Бьянке. А не хотелось...

Собственно, и Бьянку-то захотелось только от скуки! Вот чем заняться молодому дану в провинции?

Нечем.

Попросту – нечем.

Скучно до слез. Уехать – нельзя, отец болеет и не разрешает сыну уезжать. Сейчас случись с ним чего... соседи точно воспользуются и свой кусок урвут. А не хотелось бы.

Вот помрет он, тогда пусть Рикардо и делает что пожелает.

Хотя Рикардо претлично знал, чего ему хочется. Наймет он управляющего – и в столицу! А там...

Или невесту себе найдет хорошую, или в гвардию пойдет, или... да мало ли в столице возможностей для честолюбивого человека?

И все это едва не накрылось из-за какой-то соседской девки!

Ну подумаешь... играли они когда-то вместе с Марко, ее братом. И Бьянка тогда была маленькой, это сейчас она выросла... вот с та-акими... отрастила себе вымя, как у коровы. У Мии намного красивее,

и в ладонь помещается идеально. А там... брр! Все трясется, колышется, обвисает – нет, некрасиво.

Рикардо уже и забыл, как ему все это нравилось не далее как месяц назад.

И как Бьянку обхаживал, тоже позабыл, и как в любви ей клялся... И что? Он мужчина свободный и хозяин своего слова! Тем более клятвы.

Захотел – поклялся. Захотел – разлюбил! Понимать же надо!

А Марко почему-то не понял. И вопил про обесчещенную сестру... да там кто еще кого... того! И до Рикардо там явно кто-то отметился! Может, Бьянка и была девушкой, но очень опытной... кое-чего даже Рикардо не знал! Слышал, но ни с кем не пробовал.

А вот Мия...

Она была раскованна и свободна. Она ничего не боялась и делала все, что пожелает. Она была страстной и в то же время опытной. И явно не начнет кричать про бесчестье.

Может, предложить ей пока остаться в замке?

Рикардо решил, что предложит.

Менестрель – создание полезное, зиму она тут прекрасно проживет, а дальше будет видно, что и как... И он выкинул из головы все мысли и о друге детства, и о Бьянке... да плевать на нее три раза!

Обесчестили?

Авось найдут какого дурака грех прикрыть! А и не найдут...

В монастырь отправят!

Марко?

И тоже не беда... там еще два сына есть, только младше... одному одиннадцать лет, второму шесть, так что и тут семья не сильно потеряет. Вот кто Марко под руку толкал? Кто его заставлял подкарауливать Рикардо на дороге, да еще с дружками, да еще в церковь тащить?

Брр!

Свадьба!

Есть ли слово страшнее для молодого и честолобивого дана? Навсегда похоронить себя в этой глуши, привязать к тупой корове...

Нет!

Он создан не для этого!

Его ждет столица, и двор, и новая, лучшая жизнь! Он этого достоин! А что, кто-то сомневается? Смешные...

Даже не так.

Вот идиоты-то!

Сомневаться в его высоком предназначении может только человек очень неумный и местами даже сумасшедший. Рикардо-то ни в чем отродясь не сомневался. И были на то причины.

Очаровательный ребенок, единственный сын в семье, обожаемое всеми родными и близкими чадушко.

Потом такой же очаровательный подросток, успешно миновавший стадию «гадкого лебедя» – это когда с прыщами, пятнами и реденькой порослью.

Потом невероятно красивый юноша – все легко дается, все удается...

И кто бы сомневался, что Рикардо был в себе уверен?

Никто. И меньше всех – сам Рикардо.

Он притянул Мию к себе поближе и предложил:

– Детка, ты не хочешь остаться со мной?

Мия задумалась.

Остаться, да...

Она хотела. Но... С другой стороны, а что она теряет?

Зеркало мастера Сальвадори? Лежало оно у Мии пару лет и еще полежит. Получится найти ответы – хорошо, не получится – тоже неплохо.

Она куда-то спешит? Да нет, не спешит. Не торопится, и идти ей некуда. Так она стала бы искать пристанище на зиму. Но сейчас...

– Остаться?

– Почему нет? Мне хорошо с тобой, ты чудесная и замечательная.

И тебе со мной неплохо...

Мия пожала плечами.

– Почему бы нет?

– Вот и отлично. Я закажу для тебя подходящие платья.

Скупым Рикардо не был никогда. Может, еще и потому, что все хозяйственные дела лежали на плечах его отца. А Рикардо было попросту скучно вчитываться во все эти закорючки и циферки... вот что с них пользы? Ску-учно...

Мия кивнула. И честно предупредила:

– Я не смогу выйти за тебя замуж. Никогда.

Рикардо хотел сказать, что вообще-то и не предлагал, но потом передумал.

А зачем такое говорить?

Если женщина сама честно предупреждает о том, о чем он тоже хотел бы ее предупредить. Просто бабы – они такие странные... Он и Бьянке честно сказал, что не женится. А она чего? «Да, дорогой, конечно, дорогой, мне ничего не нужно, только бы видеть тебя, только бы ты...»

Вот и получила что хотела! А потом почему-то ей этого стало не хватать.

Почему?

Странные эти бабы.

Вот, и эта тоже... не может она выйти за него замуж! Дорогуша, да кто ж на тебе женится-то? Когда ты неизвестно где шляется и по каким дорогам? Может, и найдешь какого-нибудь идиота, и наврешь ему с три короба, но это уж точно будет не Рикардо!

Он умный! Он себе цену хорошо знает и всякое тут... подбирать не станет. Ладно еще поразвлечься. Это можно, удаль молодцу не в укор. Но жениться?

Тьфу, дура!

Мия, не зная о мыслях человека, в которого так опрометчиво влюбилась, погладила его по груди, ладошка скользнула ниже, и мужчина забыл про свои рассуждения.

Интересно же...

И – да. Хочется.

Надо повторить!

Про убитых людей, про Бьянку, про весь остальной мир молодые люди в этот день так больше и не вспомнили.

Адриенна

– Дана СибЛевран, мое почтение.

Кардинал улыбался так, словно за каждый показанный зуб ему по лорину обещали. Адриенна поклонилась в ответ.

– Ваше высокопреосвященство. Я рада вас видеть.

– Возможно, вы согласитесь составить мне компанию и прогуляться по саду? Говорят, черные розы зацвели...

Адриенна пожала плечами.

– Почему бы и нет, ваше высокопреосвященство.

Кардинал улыбнулся еще шире, демонстрируя, кажется, уже и голосовые связки, и предложил Адриенне руку.

– Скажите, дана, вам нравятся розы?

– Черные или обычные?

– Сначала – черные.

– Нравятся, – честно созналась Адриенна. – Они красивые.

– И цветут только здесь.

Адриенна пожала плечами.

– Может, тут земля подходящая. Или вода. Я не знаю точно... В СибЛевране один человек хотел фруктовый сад устроить, а ему сказали, что на том месте водяная жила проходит, деревья болеть будут... Может, здесь тоже что-то такое проходит? Наоборот?

– Вполне возможно. Чудеса Господни неисчислимы.

Адриенна точно знала, что это работа Морганы. Но спорить не стала – зачем?

– О да.

– А обычные розы вам нравятся?

– Я все цветы люблю.

Адриенне ближе всего были первоцветы, которые знаменовали окончание зимы и начало тепла. Но вслух этого она говорить не стала. И сорванную собеседником белую розу приняла с благодарностью, и кардиналу позволила приколоть ее к черным волосам – почему нет? Это же кардинал... то есть служитель Божий. Ну... не мужчина.

Черные розы действительно и цвели, и пахли на весь сад, хотя было еще откровенно не время. Но розам было плевать на все.

Наверное, они и среди зимы зацветут...

– Дана Адриенна, его высочество ведет себя отвратительно и недопустимо, – наконец перешел к делу кардинал.

Адриенна подняла брови.

Допустим. Но вам-то какое дело? Не вы же за него замуж собираетесь через месяц? Так и чего переживать, если это вас никак не касается?

Его преосвященство дураком совершенно не был.

– Дана Адриенна, так уж получилось, мы с эданной Ческой друг другу совершенно не нравимся. А его величество... вы понимаете, кто станет следующим королем.

Адриенна кивнула.

Что ж, это она понимала. И тогда логично, кардинал просто ищет союзников.

Только вот...

– Ваше высокопреосвященство, что может нелюбимая, ненужная, навязанная отцом супруга?

– Дана Адриенна, вы себя недооцениваете. Вы красивы, умны, вы в два раза моложе эданны... за что она, кстати, ненавидит вас в два раза сильнее...

Адриенна рассмеялась незамысловатому комплименту.

– Ваше высокопреосвященство...

– Дана Адриенна, для вас – дан Санторо, если вы не против?

Адриенна против не была. И все же, все же...

– Дан Санторо, вы прекрасно понимаете, что его высочество сделает со мной все, что пожелает.

– Вы, дана Адриенна, будете законной супругой. Перед Богом и перед людьми. А у нас не языческая страна какая, вроде той же Арайи, где можно нескольких жен иметь. И разводов у нас нет.

Почему Адриенну это совершенно не утешало?

Кардиналу она ни о чем говорить не стала. Вместо этого милейшим образом улыбнулась и заговорила о важных делах.

Конечно, важных!

Девушки-фрейлины приехали во дворец из самых разных уголков страны. И у них были свои духовники. Но нельзя же при дворе без пастырского наставления, благословения...

Никак нельзя!

Кардинал покивал. И согласился, что надо, надо приставить кого-то к девушкам.

Исповедь ее высочества... а в будущем и величества, надо полагать, он лично примет, не поленится, а за каждой фрейлиной следить...

Да, он обязательно кого-нибудь назначит.

Адриенна хлопнула ресницами.

– Ваше высокопреосвященство, могу ли я умолять о милости?

– Дана Адриенна, конечно. Для вас я сделаю все, что смогу.

– Мне рассказывали о падре Норберто Ваккаро. Говорят, умный человек и очень порядочный.

Кардинал только что ресницами хлопнул. Кстати, ресницы у него были на зависть любой девушке: длинные, с красиво изогнутыми кончиками.

– Падре Ваккаро? Что ж... если он согласится. Но он постоянно занят со своими бедняками...

Адриенна пожалала плечами.

– Дан Санторо, я полностью полагаюсь на ваш выбор. Как сложится, так и сложится.

Кардинал кивнул. И не удержался.

– А от кого вы слышали про падре Ваккаро?

– От дана Вентурини. И от его дочери. – Ответ был давно продуман у Адриенны.

Она уже наслушалась сплетен про Мию и двойное убийство. Ох, чего только злые языки не несли! И ляпали, и ляпали...

Убивала бы таких!

Не знаешь? Так молчи, дрянь, все грязи в мире не прибавишь!

Так нет! И метут, и метут языками, и все собирают, чего не знают, то придумают... тьфу!

Паразиты! И паразитки!

Ничем таких не заткнешь. Просто – ничем.

Поэтому о своем знакомстве с Феретти и Лаццо Адриенна решила разумно промолчать. Дан Рокко обещал отписать Фредо Лаццо. Потом Адриенна с ними еще раз познакомится, потом она с радостью поможет старым друзьям.

А пока – молчим, от греха подальше.

Кардинал еще раз пообещал поговорить с падре Ваккаро. А потом честь честью проводил Адриенну в ее покои и откланялся.

Девушка потерла лицо руками.

Боже мой!

Ну почему это все на нее?! Просто – ПОЧЕМУ?!

Как бы ей сейчас хотелось оказаться в Сиблевране! Но вместо этого...

– Дана Сиблевран, – служанка была исполнена почтительности, – его величество требует вас к себе.

Филиппо Третий сидел за столом в кабинете, когда вошла Адриенна.

– Ваше величество?

Синие глаза встретились с темными, и Адриенна лишней раз заметила, как постарел король. Болезнь никого не красит.

И кожа желтеет, и зубы выпадают, и волосы седеют... под короной плоховато видно, но все же... и седеют, и редуют, и белый наряд только подчеркивает эту картину. Здание разваливается.

Постепенно рушатся высокие стены – и падают, падают, падают камни...

– Адриенна, у меня для вас есть подарок.

– Ваше величество?

Король кивнул на черную кожаную шкатулку рядом с собой, на столе.

– Сможете открыть?

Адриенна задумалась.

– А что там?

– Ваше наследство, – улыбнулся Филиппо. – Корона вашей прабабки.

– ЧТО?!

– Да, Адриенна. Та самая корона династии Сибеллинов. Женская, правда.

Адриенна даже головой замотала.

– Разве ее не уничтожили?

– Не посмели. Жить хотелось...

Адриенна невольно коснулась руки, на которой так никто и не видел ее настоящего кольца. Черного, с двумя серебряными крыльями...

– Ваше величество, я не понимаю?

– Это давняя история, Адриенна. Когда мой прадед вошел в столицу... вы в курсе, как обстояло с проклятием?

– Да, – кратко кивнула Адриенна, не вдаваясь в подробности.

Она – в курсе.

Более того, она лучше короля знает и что было, и как... он-то бумаги читал, а она разговаривала непосредственно с Морганой.

– Корона короля досталась им там, на поле боя. Корона королевы – здесь. В столице.

– А... это тогда?

– Возьмите шкатулку и посмотрите.

Адриенна послушно подошла, провела рукой по гладкой коже, подошла к окну, чтобы освещение было лучше.

И вдруг...

Словно письма побегали по черной коже – от тепла ее тела, от света солнышка...

– «Проклинаю тех, кто прикоснется, не имея права. Моргана»^[2], – прочла она вслух.

– Вот именно, – невесело откликнулся король. Одного проклятия династии Эрвлинов хватило. С лихвой. Быстро поумнели.

Адриенна пожала плечами.

Она-то право имела. Но... стоит ли открывать некоторые ящики?

– Там корона?

– Да. Корона, которой короновали вашу далекую прабабку, Моргану Чернокрылую. Или – ваша корона.

– Вы ее отдадите мне?

– Да.

– После коронации?

– Мое слово, Адриенна.

– Не будете ее ломать, или заменять, или... ваше величество, я ведь понимаю...

Филиппо покачал головой.

– Нет. Не буду. Не хочу... Сейчас, когда появился шанс все это прекратить, я не стану рисковать из-за бабского украшения, бабской дури... просто вам все равно нужна корона. Почему бы и не эта?

– Хорошо.

Адриенна повертела ящичек.

Ключа нет.

Отверстия тоже.

А вот выемка достаточно говорящая. На крышке точь-в-точь отпечаток ее кольца.

Адриенна медленно повернула руку и приложила кольцо к отпечатку. Снимать не хотелось.

Надавила.

Что-то сухо щелкнуло, и крышка открылась.

Корона была совсем простой. Если бы ее кто-то увидел... ну и что тут такого? Сейчас украшения для волос делают куда как роскошнее! А это...

Тоненький серебряный обруч. Над переносицей вправлен небольшой черный камень размером с ноготь большого пальца. Похоже, тот же, что и в кольце.

Обруч украшен гравировкой, но тоже не особенно затейливой. Так, линии, но если приглядеться...

Адриенна вдруг почувствовала себя под облаками.

И крылья несут ее вдаль, оставляя росчерки на облаках. Легкие, стремительные...

Так они и выглядят.

Попробовать надеть?

Но... нет. Это будет неправильно. Вот здесь и сейчас этого делать нельзя. А когда?

Там и тогда.

Филиппо Третий наблюдал, как Адриенна положила корону обратно. Погладила рукой коробку, словно зверушку приласкала.

– Не хотите примерить?

– Нет, ваше величество.

– Я выйду.

Адриенна пожала плечами.

– Ваше величество, дело же не в этом. И не жду я ничего – корона и есть корона. Просто я пока не имею права на трон.

И вот сейчас эти слова были абсолютно правдивы.

У нее не было права на трон. Не потому, что ее надо короновать.

Не потому, что она не замужем.

Нет.

Что-то другое, что-то важное, что-то такое...

Что-то должно произойти, чтобы сила признала Адриенну окончательно достойной. А вот что?

Но Филиппо Третий понял все по-своему и даже улыбнулся.

– Что ж, Адриенна. Тогда вы примерите эту корону в храме. После свадьбы.

– Да, наверное, так будет лучше, ваше величество, – согласилась Адриенна.

– Вы умная и красивая девушка. Это редкое сочетание.

– Вы мне льстите, ваше величество.

О короне Адриенна больше не говорила. Просто отметила себе поговорить с Морганой. Потом...

У нее еще будет время.

* * *

Дан Рокко проглядывал баланс, когда в кабинет управляющего постучала ужасно расстроенная чем-то Роза.

– Дан Рокко, умоляю, помогите!

– Что случилось? – Кормилицу Адриенны дан Рокко любил, ценил и уважал. И, уж конечно, не хотел, чтобы она ходила и плакала.

А она вон едва слезы сдерживает... это еще что за новости?

– Дан Рокко, Марко... он...

Действительно, а что – он?

А вот то!

Рози не стала скрывать всех обстоятельств дела, дан Рокко выслушал, поругался и попросил позвать к себе Марко. А когда парень пришел, впился в него с энергией первого весеннего клеща. И не оторвался, пока не высосал всю доступную информацию.

А нечего тут!

Парню уж семнадцать, жениться пора, а он...

Да по уши был влюблен несчастный Марко в свою молочную сестру. А родство-то близкое!

Какое тут жениться? Если двоюродным братьям-сестрам еще можно о таком подумать, конечно, после получения специального разрешения, то здесь...

Она – дана, он – ньюр. Еще и брат-сестра...

Какие уж тут свадьбы? Даже и не смешно...

Только вот когда эти соображения останавливали молодых идиотов? Хорошо еще, дана Адриенна на молочного брата в этом смысле и вовсе внимания не обращала. Даже и не подозревала ничего.

Но он-то?

Этот герой твердо решил, если им не судьба быть вместе, так он хотя бы поедет в столицу, служить своей Прекрасной Даме.

Что мог сказать на эти заявления дан Рокко?

Да только одно.

Тьфу, дурак!

Только вот... когда это останавливало хоть одного рыцаря? То-то и оно... Дан Рокко потер лоб.

Адриенне он был сильно и серьезно обязан – почти так же, как его величеству, а может, и больше. Где работа, а где твоя жизнь, твое здоровье, жизнь, здоровье и счастье дочери и внука, еще один внук и будущий ребенок, письмо о котором прислала Джас.

Это величины несопоставимые.

Но и... как удержать?

Разве что связать, заковать и бросить в темницу. Откуда молодой «герой» сбежит и кинется в столицу. Где крепко подставит подругу детства.

Впрочем, долго дану Рокко размышлять не пришлось. И Марко он изложил ту версию, которая больше всего подходила в данный момент.

Хочешь ты спасти свою любимую? Да, отлично! Спасай!

Только с умом, пожалуйста...

Как именно?

А вот так. Сам понимаешь, принять тебя ко двору Адриенна права не имеет. Это все в королевской воле. А если она пойдет за тебя просить... как ты думаешь, какие вопросы возникнут у людей?

Марко примерно это представлял. Так что понурился и ссутулился.

Дураком он не был.

Да, для него Адриенна – весь мир и свет в окошке. Но когда и кому это мешало поливать человека грязью? Никогда.

Никому.

Но если ты хочешь что-то сделать для своей сестры... хочешь? Или только языком поболтать и проблем ей доставить?

Марко хотел.

Дан Рокко кивнул.

– Ну, коли так... ты спокойно живешь до предзимней ярмарки.

– Да?

– Да. Сюда приезжают Лаццо, и я поговорю с ними. Поедешь в столицу?

– Я? Но...

– Ты. Я попрошу, чтобы Паскуале Лаццо взял тебя на работу. Вместо племянника. Будешь на побегушках, то там, то тут...

– И...

– Какое это отношение имеет к Адриенне? Ты это хотел спросить?

– Да.

– Вот и подумай. Купцы много чего знают. Много видят, слышат... ты можешь собирать для нее информацию. Адриенна неглупа, она найдет возможность связаться с Лаццо. Мы с ней это обговаривали, и Фредо я написал. Со временем... Она девочка умная и благодарная.

Марко закивал, подтверждая этот факт.

– Вот... ты парень неглупый, и услышать что-то сможешь, и у Адриенны будет друг в городе, к которому она сможет обратиться при необходимости... мало ли что?

Марко кивнул еще раз.

– Да! Я согласен!

Дан Рокко улыбнулся.

Согласен он... вот кто бы сомневался?

И Роза будет спокойна за старшего сына, и Лаццо польза, и самому Марко... вот не сойти дану Рокко с этого места, найдут мальчишке подходящую партию. Через три-четыре года у него к Адриенне только братская любовь и останется. И это правильно.

Он же не слепой...

Мальчишка любит, а вот Адриенна в нем видит только брата и друга. Но пусть.

Пусть Марко едет в столицу, пусть развеется, пусть...

Так оно и правильнее будет.

Глава 5

Лоренцо

Третий раз в своей жизни Лоренцо чувствовал себя так же мерзко. Или четвертый?

После пиратов, после ледяной воды, после арены, ну и – вот.

Мысли и те болели.

Кажется, в голове у несчастного Энцо поселилось стадо ежей и они кололись, кусались и гадили, гадили, гадили... судя по привкусу во рту.

А еще топотали так, что в голове гудело и грохотало.

Стон получился едва слышным, но...

– Энцо! Жив!!!

Сильная рука поддержала за затылок, в губы толкнулось что-то холодное, и Энцо невольно сделал глоток.

Вкус был неопишимо мерзким. Таким... Приторно-сладким. Вроде корня солодки, который как-то раз заварили несчастному дану. И ведь не отплюешься – даже на это сил нет. Пришлось глотать.

После шестого глотка сил прибавилось, и Энцо попробовал шевельнуть ресницами. И надо же!

Получилось!

Рядом с ним сидела Динч. Сидела, поила его из какой-то пиалушки...

– Слава богу!

Энцо хотел бы знать очень многое, но Динч лишний раз доказала, что не дура.

– Лежи и молчи. Если захочешь что-то узнать – моргнешь, будем разбираться. Тут лежишь почти декаду. Мы тебя через высушенный стебель поили, у местной знахарки такой нашелся. Заломила, зараза... ну да ладно! Зато в тебя удавалось воду вливать и отвары. Кормить не получалось, но пить ты пил. Поэтому горло болеть будет – могли ободрать.

Горло действительно болело.

Зар-раза...

– Разбойников всех собрали в кучку и свалили в пустыне, караван ушел. Тащить тебя с собой Мехмед-фрай не решился – боялся, что ты умрешь в пути. Кроме того, главой разбойников оказался Амирух-бей. Мы решили, когда султан прикажет расследовать дело... лучше, чтобы ты якобы умер от ран. Так все и скажут.

Энцо медленно прикрыл тяжелые веки.

Что ж, это правильно, это он понимал и одобрял. Но...

– Знахарка говорит, ты еще не меньше двух месяцев проваляешься. Через горы нам нельзя, поэтому зимовать будем здесь. Зеки-фрай купил небольшой дом, уже курочек приобрел, пару коз, чтобы тебя молоком поить. Денег хватит, до весны проживем, а там и пойдем через горы. Сам понимаешь, что до самого конца весны или начала лета – никак.

Что есть – то есть.

Арайские горы отличались на редкость пакостным характером. Осыпи, оползни... Арайцы вообще были воинственным народом, но в сторону Эрвлины даже не смотрели.

Даже купеческие караваны через горы ходили крайне редко.

Энцо в породах скал не разбирался, но, если бы его спросили, ответил бы сразу.

Что там за камень?

Паскудный! Чуть что – обвал. Чуть чихнешь – оползень. А то и лавина... вести караван через горы, считай, потерять половину. Поэтому торговля обычно велась морем^[3].

Энцо рассчитывал проскочить, все же пять человек могут и справиться. Но это все равно надо делать летом, когда пройдут дожди, когда устоится почва...

– У тебя куча ран, переломы, чудом не началась горячка... так что лежи. Кто-то из нас постоянно будет рядом с тобой, заметим, когда будешь приходить в себя. И не переживай, деньги у нас действительно есть. Караваном скинулись... считай, из твоих даже на прожитье не берем.

Энцо расслабился.

Ладно... возвращение домой пока еще откладывается.

Но он жив.

И Адриенна жива.

И он вернется. А время...

Ничего.

Они друг друга подождут.

Он не знал, что каждый день в горячке звал Адриенну. Не знал, что Динч слушает его, ревниво кусая губы. Не знал и не помнил.

Но даже сейчас...

– Адриенна, – сложились в улыбку его губы.

И Динч подумала, что убьет. Вот возьмет и убьет эту девушку! И не пожалееет!

Дряннь какая! Нет уж! Жирно ей Лоренцо будет! Пусть кого другого ищет! А Динч для себя все давно решила. Она – достойна лучшего! Лоренцо Феретти – ее!

Адриенна

– Странно все это как-то...

Подслушивать, конечно, нехорошо. Но Адриенна просто осведомлялась. Мало ли кто и что говорит? Надо знать, особенно если речь идет о твоих личных фрейлинах. Две девушки сплетничали самозабвенно. Перебирали ее платья – в ее же гардеробной – и заодно болтали. Такое милое, дружеское гадючье шипение.

– Не то слово – странно. Вот что она... кто она вообще такая?

– Какой-то СибЛевран, какая-то провинция... Да кто бы знал, где это вообще находится? – Голос девушки был просто неопишумем.

Это ж вообще жуть-жуть-жуть! Приличные люди или родятся в столице, или вообще не появляются на свет. В крайнем случае тщательно скрывают свое «подлое» происхождение. А тут что?

Ужас-ужас!

Какое-то захоlustье, и дана этого даже не стесняется!

– Окраина королевства, – продемонстрировала осведомленность вторая собеседница.

– Еще и окраина! И его величество приглашает ее, выбирает эту вульгарную девицу для своего сына...

Вульгарную? А что в ней вульгарного?

Удивиться Адриенна не успела, потому как тут же и разъяснения получила.

– Да, черные волосы... это сейчас так немодно! И лоб она не подбривает, и брови у нее... зачем она их так некрасиво подрисовывает?

Адриенна едва не сплюнула.

Вот идиотки! Черные волосы вам не модно? А что с ними делать? Ладно светлые – их можно во что угодно покрасить, но ее-то вороную гриву?

Бесполезно.

И даже если она решит носить парики, все равно с ее белой кожей будет выглядеть просто нелепо. И брови она никогда не подрисовывала... нет, некоторые люди... просто идиоты!

И еще ей лоб подбривать не хватало!

– Ой, и эти ее платья... юным данам подобают пастельные тона, ну или хотя бы белый цвет. А эта... особенно черное платье! Ужас!

Адриенна ничего ужасного в черном платье не видела. Но разьяснить это она уж точно не собиралась.

– Может, у нее траур? Ну, потеряла кого?

– А синяя лента тогда где? Она ничего такого не носит... и алое у нее есть. С золотом. А она почему-то его ни разу не надевала.

Потому что алый цвет решительно не шел к коже Адриенны. Она тут же начинала напоминать себе привидение. Но кому это интересно?

– И все равно его высочество женится. Почему?

– Может, она его околдовала? Или приворожила?

– А короля?

– Ведьмы – они и не такое могут... я точно знаю. Вот у нас старуха Сванна жила, она вообще могла посмотреть на человека, пошептать, а назавтра тот просыпался кривым или косым...

– Ой, жуть какая!

– У матушки знакомая ей даже деньги платила.

– За что?

– Ну чтобы это... ей мужчина нравился, а он собирался жениться на другой... вот старуха и наслала на ту девицу порчу. Бедняга вся прыщами покрылась, да серьезными такими, словно ее пчелы покусали...

– Ой, жуть! И свадьба не состоялась?

– Состоялась, но позже...

– Тогда это не настоящая ведьма. Они же всякое такое могут... она бы ту свадьбу вообще могла расстроить.

– Что ты! Еще какая настоящая! И злоющая, как собака...

Адриенна только головой покачала.

Вот идиотки?

– Думаешь, дана СибЛевран тоже ведьма?

– Да кто ж ее знает... может и такое быть! Глаз у нее точно дурной... как посмотрит своими синими лупешками, аж мороз по коже продирает...

Адриенна аж задохнулась от такой несправедливости. Вот сейчас она как...

Как – пришло раньше. В виде весьма решительной эданна Чиприани.

Гардеробная-то комната большая, и выходов там два. Один – из королевских покоев, чтобы сразу из спальни пройти и взять что нужно, а то как ее величество одевать?

Второй – с другой стороны, потому как платья надо осматривать, чинить, вешать на место... и делают это фрейлины, ну и служанки. И бегать через королевскую спальню по каждой нужде?

Ай-яй-яй...

Королева спать может, болеть, быть не в настроении, быть с королем – да много чего! Так что входов обязательно должно быть два^[4].

Вот вторым из них и воспользовалась эданна Чиприани.

– И что это я тут слышу?

Ответом ей было дружное «ой».

– Сплетничаем, значит...

– Э-э-э-э-э...

– Ведьма, значит...

Голос у милейшей эданна был настолько нежным, что столкнусь с ней сейчас лев или тигр – бежали б киски без оглядки. И хвост бы поджимали, чтоб не оторвали на прощание.

– Дана Патриция Петто, дана Орсола Лолли, следуйте за мной.

Распоряжение было отдано настолько жестким тоном, что спорить не возникло желания ни у кого. Даны хмуро потащились за эданной Чиприани. Адриенна передумала выходить.

Если без нее так хорошо обошлось, может, и дальше не спешить?

Авось и еще раз обойдутся?

Надо посмотреть, послушать...

Эданна Чиприани не сплеховала. Две девицы вылетели в гостиную, словно из катапульты запущенные. И рассусоливать она не стала.

– Собирайте вещи.

– Но я...

– Я же не...

– Тем, кто позволяет себе подобные рассуждения, не место при дворе. С данной Адриенной я поговорю сама.

– Вы не смеете! – задрала нос Орсола, которая, будучи очень дальней родственницей канцлера, примерно так семиюродной сестрой по линии троюродной прабабушки, искренне считала себя выше остальных фрейлин. А что? Она же не какая-то тут! У нее вон семья какая! И деньги есть, и вообще, она красивая, так все говорят.

– Это я-то не смею? – нежно уточнила эданна Чиприани. – Ваш дядя, дана Лолли, будет поставлен в известность о вашей вопиющей глупости. И запомните раз и навсегда: глупый язык отрубает вместе с головой!

– Ой... – отозвалась эхом вторая фрейлина.

Эданну Чиприани она не разжалобила. Мало ли таких девиц? Ловят их «на горячем» – и они сразу такие примерные-примерные... аккурат до следующего промаха!

Нет, этих двух надо гнать поганой тряпкой, просто потому, что дуры. Сплетничать во весь голос там, где их может услышать кто угодно? Да не просто так, а *опасно* сплетничать?

Этим-то двум свистушкам – что? А Адриенне они могли бы жизнь сломать... Ладно, Адриенне – не могли бы. Не тот случай.

Но любой другой девушке – запросто. Такие сплетни при дворе расходятся влет, еще и приукрашиваются. А сейчас... дойди такие ценные сведения до его величества, и, считай, влетели. И свистушки, и их семьи.

Филиппо Третьего вот не просто так прозвали Змеиным Глазом, характер там тоже откровенно гадючий. Так что...

– Собирайте вещи, и чтобы сегодня же духу вашего при дворе не было.

– Что случилось, эданна Чиприани? – Адриенна не удержалась и решила вмешаться. А кто бы на ее месте устоял?

Эданна Чиприани подозревала, что дана Адриенна немного в курсе дела, но...

– Дана Патриция Петто и дана Орсола Лолли не могут больше вам служить, дана Адриенна.

– Почему же?

– Дана СибЛевран! Заступитесь! – взвыла дана Патриция, благополучно забыв, как поливала Адриенну еще пять минут назад. А что?

Адриенна-то не слышала? Вот и скажем, что ничего не было... она ж добрая, она поверит! Разве нет? Патриция ведь не дурочка, просто ну как тут не посплетничать?

Понимание, что сплетничать надо не обо всем, а иногда и вовсе раздвоенный язычок втягивать в то место, на котором сидишь, к ней пришло далеко не сразу. И уж точно не сейчас. Потому что Адриенна прищурилась:

– Эданна Чиприани, отправьте письма семьям девушек. От моего имени. И напишите, что даны отставлены от двора за вопиющую глупость.

– А... – подавилась воздухом дана Патриция.

– Полагаю, подробности они своим семьям сообщат лично, – синие глаза Адриенны метали молнии.

Эданна Чиприани кивнула.

Она уж было испугалась, что дана Адриенна помилует мерзавок. Но – слава богу! – нет. Девушка выглядела так, что на нее ни слезы не действуют, ни сопли, сразу видно... Это хорошо. Без определенной решительности при дворе никуда.

– Дана! – теперь уж взвыла и Орсола.

– И добавьте мой запрет появляться в столице два года, – нежно улыбнулась Адриенна. – Его величеству я все объясню, а данам пора бы узнать, что в провинции тоже люди живут. Или стоит еще и конкретную провинцию выбрать?

Даны поняли, что дело плохо, и послушно уползли к себе в комнаты, шипеть и собирать вещи.

Адриенна обвела взглядом оставшихся.

– Если кто-то считает, что прислуживать мне – ниже ее достоинства, можете уйти. Я никого не держу. Эти две дурочки дешево отделились, со следующих буду спрашивать по всей строгости. Вопросы есть?

Вопросов ни у кого не было.

Да и выглядела Адриенна так...

Жутковато она выглядела.

Синие глаза горели на бледном лице, поднялась на миг за спиной черная крылатая тень, словно плеснули громадные крылья, обдавая присутствующих холодом...

Моргану не просто так боялись на полях сражений. А Адриенна унаследовала ее кровь.

Фрейлины закивали, наперебой демонстрируя, что их все устраивает. А эти... они ж просто дурочки из переулочка, вот, выбежали невесть откуда...

Адриенна развернулась и вышла из комнаты.

Первой перевела дух эданна Чиприани. И тут же цыкнула на девчонок, вверенных ее попечению. Согласно заветам супруга... солдат должен быть ВСЕГДА занят делом. Или он его себе найдет, да такое, что потом не спасешься...

– У кого-то нет работы?

Работа была у всех. Эданна Чиприани оглядела свое девичье стадо взглядом опытного пастуха, еще раз кивнула и направилась к его величеству.

О некоторых вещах лучше докладывать самостоятельно. Не накажет он этих идиоток еще сильнее, она это понимает. Им уже от даны СибЛевран нагорело, и от семей добавочка выйдет...

А рассказать надо. От греха...

И двух новых фрейлин найти. Хотя у эданной Сабрины они уже были на примете на всякий случай: Альбана Аморе и Сильвия Сальваторе.

О том, что Адриенна в этот момент мечется по спальне, разрывая в клочья тонкий батистовый платочек, никто не знал. Может быть, только Матео Кальци о чем-то догадывался...

Черные розы цвели так, что к розарию даже подходить было страшно. Воздух буквально пропитывался ароматом, хоть ты собирай

да на рынке торгуй, а цветов на кустах были сотни и сотни... от совсем крохотных бутонов до громадных, размером с его кулак...

Розы подпитывались гневом и болью своей королевы – и цвели, цвели, цвели...

Мия

Мир – прекрасен.

А некоторые идиоты совершенно зря оскверняют его своим присутствием.

Рикардо оставил Мию в постели, довольную и счастливую, и отлучился по каким-то своим делам.

Мия повалялась несколько минут, потом потянулась, встала и подошла к окну.

Имение Демарко ей нравилось.

Здесь не было оливковых садов, как в Феретти. А вот яблочные – были. И замок пах яблоками. От подвала до башни. Яблоки, яблоневый цвет... хорошо!

– Прикройся, бесстыдница, – заворчали сзади.

Мия развернулась.

В комнату без особых рассуждений вошла... тетка лет сорока, может, постарше... простое платье, чепец на заплетенных косах.

– Ньора? – вежливо поинтересовалась Мия.

Пока – вежливо.

– Ишь ты... ко мне будешь обращаться – ньора Гацина, Джеронима Гацина! Я тут главная над женской прислугой, так что будешь меня слушаться. Я бездельниц и шлюх в своем замке не потерплю...

Мия и так-то злилась. Но до этих слов у ньоры еще была возможность обойтись без трепки.

А вот сейчас...

Ньора Гацина и не поняла, как это случилось.

Вот стояла у окна девушка, спокойно стояла, в одной коротенькой рубашке, которая так просвечивала, что лучше б без нее... бесстыдница! А в следующий миг – ньора почувствовала резкую боль в руке.

И внезапно поняла, что стоит на коленях. А девица преспокойно заламывает ей руку еще сильнее.

И больно же!

– Аи-и-и-и-и! – завизжала экономка.

Куда там!

Мия и не с такими справлялась, так что пережать горло дуре было делом минуты.

– Ты меня слышишь, дрянь?

Ньора Гацина закивала головой. Кажется, она уже сильно пожалела о своих словах. Рука болела так... она вообще еще есть?

Ледяные пальцы сдавили горло, и шепот над ухом тоже был очень выразительным:

– Меня зовут Мия Романо. Можешь обращаться ко мне просто – ньорита Романо. Я не шлюха, потому что не беру денег с любимого мужчины, и подчиняться я тебе не собираюсь. Посмеешь поднять на меня руку – убью. Повысишь голос или скажешь что-то не то – вырву язык. Не сомневайся, я смогу.

Ньора Гацина и не сомневалась. У девушки были все повадки убийцы... кого ж юный дан притащил в замок?

Ой, мамочки...

– А если тебе придет в голову забавная мысль кому-то рассказать о нашей беседе... я тебя не убью. Я тебе просто сломаю шею, вот здесь, – тонкие пальцы Мии погладили шею экономки в строго определенном месте. – Ты будешь лежать и гадить под себя. И все. И так лет сорок или пятьдесят, сколько там тебе останется. И ни один лекарь не сможет тебе помочь... поняла?

Ньора захрипела.

Мия подумала еще пару секунд.

– Молчание – знак согласия.

И разжала пальцы.

Ньора несколько секунд еще стояла на коленях, потом осторожно поползла в сторону.

– Не переживай, я не обиделась, – успокоила тетку Мия. – Так что ты хотела?

Показывать какое-либо уважение к этой женщине она не собиралась принципиально. Сама нарвалась. Мия не начинала первой,

она просто стояла у окна. Если бы тетка хоть поздоровалась перед тем, как начать ворчать... люди тоже бывают разные.

Мия знавала в столице женщину, которая ворчала на всех.

Вообще.

Муж, дети, внуки... когда ее мужа свалил удар, она за полгода поставила его на ноги. Ворчала, ругалась, кормила с ложечки, таскала на себе, строго выполняла все предписания лекаря, еще и стирку на дом брала, чтобы хоть рию семье заработать... но ворчала – жуть! Муж смеялся, что он и на ноги-то встал, лишь бы жена отвязалась.

А другие в таких ситуациях и отравить могут с ласковой улыбочкой, и на слуг-служанок человека бросают, и чего только не делают...

Вот тебе и ворчунья.

Если бы эта баба была такой же, Мия могла и стерпеть. Случается...

Но тут-то другое!

Тут ее явно хотели обидеть, унижить, задеть... И? Стерпеть и дать волю мерзавке? Пусть куражится дальше?

Почему-то Мие это совершенно не нравилось. Перебьется...

– Я... это...

Мия молча ждала. И разглядывала тетку, прикидывая, как ее лучше убить.

Шею ломать?

Нет, это поугадать. А так-то неинтересно... зачем? Долго, мучительно... и горло перерезать лень. В крови испачкаешься. Наверное, лучше всего ее отравить. Только чем-то таким... к примеру, поискать в лесу гадюку...

Вот именно о гадюках почему-то и подумала несчастная ньора. Именно такой взгляд у них и был. Ледяной, безразличный, спокойный... Укусит, убьет – и, улыбнувшись, пойдет дальше. И прекрасно себя будет при этом чувствовать.

Дан Рикардо не первый раз тащил в замок... всякое. И служанок привечал в своей кровати, и одну жонглерку, и актриску с большой дороги... Ньора Гацина видела свой долг порядочной женщины в том, чтобы не давать распускаться мелким тварям! Понятно же, продажных девок надо держать в строгости! Она, Джеронима, жизнь прожила, она знает...

Она всю жизнь тут, в Демарко, со служанки начинала, полы терла... она женщина честная!

Правда, замуж не вышла, ну так это понятно! Мужикам же только того самого и надо, а она женщина честная, порядочная, всем говорила: только после свадьбы...

Да и после свадьбы-то... грех какой!

Вон вчера что дана, что его гостью как слышно-то было – хорошо хоть в отдельном крыле. А все равно... Господь – он все видит! Нельзя ж так... надо только в темноте. И в рубашке, и под одеялом. Падре Лелли правильно говорит...

А эта...

Что-то подсказывало ньоре Гацина, что эта девица и падре сожрет, не подавится. И ньора испугалась всерьез.

По-настоящему.

Когда тебя готовы... даже не то чтобы убить. Когда тебя преспокойно и мучительно убьют, а потом пройдут по трупу и забудут навсегда – это чувствуется. Это как запах или крик. И ньора это отлично чувствовала. И ей было страшно.

– Я хотела... насчет одежды. Дан распорядился... платья пошить. Обувь там...

Мия кивнула.

– Я шить не умею. В замке есть портниха?

Ньора едва не фыркнула.

Шить она не умеет! Да этому девочек в приличных семьях с детства обучают! А тебя чему учили? Ноги раздвигать?

Шлюха!

Но наткнулась на ледяной взгляд карих глаз, серьезный такой, раздумчивый, и замолчала. ДО того, как успела даже подумать открыть рот.

Откуда ж ей было знать, что Мию учили... да, было дело. Но так давно, еще в Феретти... а в доме Джакомо она если и брала иголку в руки, то или для маскировки, или...

Да, иголкой тоже убить можно. Надо только знать, куда ее правильно воткнуть. Мия знала.

– В кладовой есть ткани. Портнихи у нас нет, но можно доплатить служанке...

Мия кивнула.

– Хорошо. Помоги мне одеться и проводи в кладовку. Я выберу ткань, потом решим, что именно мне пошить.

И вот тут-то уверенность ньоры еще раз пошатнулась.

Мия распорядилась как дана. Она принимала помощь как дана, она говорила и действовала, не задумываясь... Но разве так бывает?!

Налицо была разница между сказанным и сделанным.

Дан Рикардо сказал, что его любовница – менестрелька. И будь это так... когда с детства шатаешься по дорогам, не приобретешь хороших манер, не научишься командовать, не, не, не...

Очень много этих самых «не». А Мия была в себе уверена настолько, что иным данам поучиться не грех. На большой дороге такое быстро вышибут.

Да и платье старой даны, которое пока предложили девушке, она надела абсолютно спокойно. А это тоже не так просто.

Нижнее платье, верхнее, белье, рукава подвязать – не одна минута. Мия же умела это делать. И не как служанка, такое видно. Как дана, привыкшая принимать заботу, спокойно и равнодушно.

И ее кожа.

И телосложение.

И волосы...

Мия не считала нужным маскироваться, и ньора видела ее – настоящей. И... не бывает такого у менестрелей! Можно быть красивой, яркой, броской, но не такой... ухоженной.

Возьми домашнего породистого песика и поставь рядом с дворнягой. Ну видно же все сразу!

Даже если домашнего псенка и испачкать, а дворнягу отмыть – все равно видно будет.

– Вы каким маслом пользоваться привыкли? – для проверки еще спросила ньора. И получила спокойно-равнодушный ответ:

– Розовым.

– У нас его нет, дорого, – попробовала еще раз ньора.

– Какое есть?

– Миндальное, лавандовое.

Мия сморщила нос, но согласилась на лаванду – и лишний раз подтвердила подозрения ньоры. Да, на дороге только и принимать ванну с ароматическими маслами. В речке, наверное...

И ткань, которую в кладовке выбрала Мия...

Что может выбрать дешевка? То, что подороже. Это ж понятно. Вон, актерка шелка потребовала, хоть подумала б о чем, дура! А Мия абсолютно спокойно перещупала все сукно, выбрала для нижнего платья обычный лен, только светлый, для верхнего – два вида шерсти, светло-зеленый и темно-синий, отложила тонкий шелк для белья и четко перечислила, что именно ей нужно сшить. И это – менестрелька? Кому другому расскажите!

И обиход девушки...

Да вы видели у менестреля щетку из черного дерева с золотой инкрустацией?!

Ладно-ладно, подарить-то что угодно могут, но там же и все остальное такое... Кстати, Мия об этом и не подумала. Она же не работать ехала!

Она просто собрала с собой те вещи, которые ей могли понадобиться, к которым она привыкла. А часть вещей еще и в свой дом на Приречной перетащила... ей и в голову не пришло думать о цене. Кому какая разница?

А ведь дешевых вещей в доме Джакомо просто не водилось. И то же белье Мии стоило столько, что Фьора Феретти отродясь себе бы такого не позволила.

Дорого же!

Оставалось еще посмотреть, как девушка будет себя за столом держать, но свое мнение ньюра Гацина уже составила. И решила держаться от непонятной девицы подальше.

Пусть дан с ней сам разбирается...

А вот с падре Лелли она поговорит...

Страшно же! И странно... падре о таком знать должен, это уж точно.

* * *

Мия ни о чем таком и не думала.

Все ее мысли занимал Рикардо. Его руки, губы, его глаза, его тело... Мия впервые влюбилась. По самые уши!

Впрочем, это было неудивительно, свобода творит чудеса и не с такими умницами. Мия никогда и ничего не могла себе позволить. Она

– метаморф, она убийца, она...

Здесь и сейчас ей было все безразлично.

Мия Романо – и Мия Феретти, что у них общего?

Да ничего! Разве что имя, но Мия... сколько тех Мий? Сотни и тысячи!^[5]

Что бы ни сделала Мия Романо, на ее семье это никак не отразится. Разве это не чудесно?!

Мия чувствовала себя непривычно свободной и легкой. И влюбленной, да...

И абсолютно спокойно слетела вниз по лестнице, и повисла на шее у Рикардо, и подарила ему поцелуй, не стесняясь никого...

Рикардо ответил. Что он – дурак уворачиваться?

– Как ты, киска? Довольна?

– Да, милый. Спасибо тебе за платье.

– Ты разрешишь мне присутствовать на примерке?

– Обязательно, – улыбнулась Мия. – Ты должен знать, как снимаются платья.

– Я попрактикуюсь, – согласился Рикардо. – Пойдем обедать?

Мия кивнула.

Ньора Гацина наблюдала за ней, словно ястреб, но кому какое дело до этой старой гримзы? Рядом с Мией самый лучший мужчина в мире! И думать тут о всяких...

Да тьфу на нее! Три раза! Мия и не заметила, как удалилась куда-то ньора, всласть налюбовавшись на ее застольные манеры. Да-да, вполне обыденные.

Для даны Мии.

Но чавкать, вытирать нос рукавом и лезть в тарелку руками? В присутствии Рикардо?

Мия не смогла бы так поступить – никогда!

* * *

– Дан Козимо просит вас зайти.

Рикардо сморщил нос.

– Что надо отцу? Ладно, сейчас...

– Нет-нет, не вас. Вашу подругу.

Мия и Рикардо одинаково удивленно уставились друг на друга.

– Ее?!

– Меня?!

Рикардо скривился. Ну вот... сейчас отец его лишит новой игрушки! И чего он привязался! Не ходи, не стой, не делай...

Еще это замечательное: «Что соседи скажут?»

Да кому какая разница, что скажут эти уроды! Они свою жизнь уже, считай, прожили, прогадали, всю жизнь на огородах копались, в провинции этой паршивой сидели... он теперь что – и себя тут похоронить должен?!

Вот еще не хватало!

С другой стороны... отец...

Почтение? Да что б вы понимали! Почтение, уважение... а то поди его не поуважай! Если денег не дадут?!

Мия пожала плечами и направилась вслед за служанкой, даже и не думая стесняться, или расспрашивать, или..

Ей – и бояться? Мия искренне считала, что справится с чем угодно. А если не справится сразу... ну, подождет немного и еще раз попробует. И точно справится. А уж какой-то престарелый дан... и что?

Почтения к старости Мия не испытывала вообще, с легкой руки Джакомо Феретти. Джакомо и сам уважал людей только за конкретные качества, и Мию приучил. Мало ли кто там до старости дожить сподобился? А человек-то это какой? Может, там такая сволочь, что его прибить – Господа Бога порадовать?

Мия и такое видела.

На одной из улочек столицы держал свою лавку престарелый ростовщик. Возраст – страшно и подумать. Жену в могилу свел, дочь замуж за такую сволочь выдал, что взглянуть и плюнуть, сын от него сбежал быстрее ветра...

А сколько за ним разрушенных судеб? Сколько горя, боли, грязи... это же ростовщик!

Рос-тов-щик!!!

Существо по определению гнусное и гадкое! Но его надо уважать за возраст? Увы, Мия на это не была способна. И сейчас шла спокойно.

Перед красивой дубовой дверью служанка остановилась, постучала.

- Да?
- Ньора Мия Романо. Разрешите?
- Пусть заходит.

Мия пожала плечами, отстранила служанку и прошла в покои дана Козимо.

* * *

Больше всего дан Козимо походил на одуванчик. Такой беленький, пушистый, совершенно безобидный с виду. Ага...

Мия сразу же увидела, где «одуванчик» прячет стилет. В рукаве. И еще один кинжал на ноге.

И глаза у него такие же, как у Рикардо. Синие, яркие, только вот ни капельки не добрые. А волосы белые, словно одуванчиковый пух, и такие же легкие, наверное. И телосложение... такой весь subtilный... кажется, только дунь. Светлая кожа лица вся в тонких морщинках.

Мия подумала, что она, конечно, выиграет в схватке. Но... но какой ценой? Вот вопрос?

Дан Козимо прищурился.

– Однако... я и не думал, что встречу когда-нибудь чудо из старинных сказок. Многоликая?

Мия где стояла, там и села. Прямо на пол, от шока.

Многоликая? А ведь ее можно и так назвать. Или...

– Вы... откуда вы знаете?!

Дан Козимо весело рассмеялся. Зубов у него во рту, кстати, вовсе не было. Да, он стар, очень стар, просто вот так выглядит... обманчиво.

– Чего ж не знать? Хочешь – вижу, хочешь – чувствую. Разве ты здесь не потому, что *почуяла* моего сына?

Мия решила, что честность – лучшая политика, и замотала головой.

- Н-нет... я из-за другого.
- Другого?
- Дан Тициано?
- Мой отец. Был.

– Он подарил некоей Октавии Росса зеркало работы мастера Сальвадори.

– Понятно. А мастер Сальвадори был моим предком, – преспокойно кивнул дан Козимо. – То есть ты о себе ничего не знаешь...

Мия только головой замотала.

– Дан Козимо... я пока вас вообще не понимаю.

Дан только рукой махнул.

– Но превращаться же умеешь? Смени личину?

Мия пожала плечами и быстро поменяла несколько лиц. Произвольных, просто меняла глаза – носы – губы. Даже овал лица не трогала, так проще и быстрее.

– Забавно, ты хорошо себя контролируешь.

Мия пожала плечами.

– Возможно, вас это забавляет. Но... мне хотелось бы услышать историю мастера Сальвадори.

Дан Козимо прищурился:

– Мне бы тоже много чего хотелось.

– Чего именно? – поинтересовалась Мия. Вот этот расклад она понимала. Ты – мне, я – тебе...

Дан Козимо указал рукой на кушетку.

– Полагаю, там будет удобнее, чем на полу?

Мия тоже так полагала, потому что перебралась без возражений. Кажется, здесь она найдет больше, чем рассчитывала?

Интересно же...

– У меня для начала будет несколько вопросов. Дана или ньора?

– Дана, – не стала скрывать Мия. – Имя не назову.

– Да и не надо. У тебя сейчас обязательства есть перед кем-нибудь?

Обязательств не было.

– Вовсе уж хорошо. Мой балбес тебе нравится?

Мия подавилась слюной и закашлялась. Слов у нее не было.

Дан Козимо насмешливо фыркнул.

– Ну и чего ты застеснялась, дана Мия? Ты на меня посмотри, мне уж умирать скоро, может, месяца два-три осталось...

– Как? – выдохнула Мия.

– Опухоль. Лекарь сказал, она из меня все соки высосала, помру если и не к зиме, то по весне уж точно, – отмахнулся мужчина. – Да и не жалко, пожито, съедено, выпито... сын вот остается. Он у меня мальчик хороший, но до того бестолковый...

– А почему вы мне это рассказываете?

– Потому что я ухожу, а он остается. И наверняка соберется в столицу, – понятно разъяснил дан Козимо. – Лучше, чем многоликая, ему никто не поможет.

– Хм... а мне оно надо?

– Вот поэтому я и спрашиваю, что ты к нему чувствуешь? Служанка донесла, что простыни вы вместе мяли, да и он тебе должен был понравиться...

– Должен? – насторожилась Мия.

Что значит – должен?! Новая песня о старом? Отдай то, чего дома не знаешь?

Дан Козимо качнул головой.

– Нас должно тянуть друг к другу. Будь я лет на сорок моложе, я бы тоже попробовал... ты вообще ничего о себе не знаешь?

Мия вздохнула. И решила не скрывать, что знала.

– Знаю, что мои предки служили Сибеллинам. Что кровь в нашем роду давно спит...

– Больше пяти поколений? Меньше?

– Кажется, пять поколений и есть.

– Это хорошо. Последний шанс не упустили, – кивнул дан. – Если за пять поколений кровь не запоет, считай, никогда уже не проснется. Если только две ветви встретятся... тогда, может быть.

Мия незаметно перевела дух.

То есть...

Она и Лоренцо в зоне риска. А вот Серена и Джулия – уже нет! И их дети будут самыми обычными... потому и прабабка, наверное, ничего не рассказала матери! Ну, практически ничего! Она рассчитывала, что ее прапра... не важно, кто там... все равно они будут самыми обычными. Не многоликими.

Ладно.

С Лоренцо она еще поговорит. Брат вернется, она вернется, и все будет хорошо. А пока...

Пока надо бы узнать, что ей захочет поведать этот старый мужчина. Смертельно больной.

Кстати...

– От вас не пахнет болезнью или смертью.

– Хм-м... по запаху ты можешь уже определять?

– Видимо, могу.

– А чем пахнет?

Мия принялась серьезнее.

– Полынью.

– Именно. Полынь, любисток и чертополох. Три травы, которые в смеси могут обмануть даже ваше обоняние.

– А зачем вам его надо было обманывать? – насторожилась Мия.

– Незачем. Но, думаешь, приятно находиться в атмосфере разложения? Вот, посмотри, по углам курильницы...

Мия кивнула.

Действительно, стоят...

– Если мы выйдем отсюда, ты как раз почувешь запах. Или... можно даже проще. Смотри. – Дан Козимо отодвинул в сторону лацкан халата, в котором сидел, и расстегнул пуговицы на рубашке. – Можешь подойти, пощупать.

Мия и подошла. Чего ж нет?

И охнула.

Да, аккуратно под ребрами... оно было там, достаточно большое, пульсирующее... сразу чувствовалось – чужеродное. Она медленно приложила руку.

Да...

Так и хотелось стиснуть пальцы, вырвать ЭТО из человеческого тела... а запах все равно обманывал. Пахло... да, полынь, любисток, чертополох.

Она запомнит.

– Я поняла. Да... это серьезно. Дан Козимо, я... мне жаль, что мы не встретились лет на сорок раньше.

Мужчина искренне улыбнулся в ответ.

– Мне тоже. Так что – тянет тебя к моему балбесу?

– Да.

– Тогда... я расскажу тебе все, что знаю. А ты обещаешь год за ним приглядывать. Если пожелаешь, то можно больше, но год –

пожалуйста. Отсчет начнется с момента моей смерти.

Мия даже и не задумалась.

– Согласна.

Это отвечало и ее чаяниям. И желаниям тоже, что уж там...

– Тогда устраивайся поудобнее. Разговор у нас будет долгий и серьезный, да и потом еще повторяться будет не раз, – вздохнул дан Козимо.

Мия послушалась.

Что ж, она и пришла сюда за знаниями. А коли так...

Слушаем.

* * *

– Не знаю, насколько ты в курсе дела. О династии Сибеллинов...

– Прабабка им служила, – коротко пояснила Мия.

– Да. Сибеллины – свет и радость своей земли. Но мало кто знает, что пришедших было много.

– Много?

– Сибеллины – просто самые известные. Их предок – Моргана Чернокрылая. А наш – Диэран Ветренный.

– Ветренный? – заинтересовалась Мия.

– Не из-за характера. Просто он мог управлять ветрами как своей рукой. До сих пор... я уже не смогу, но если Рикардо разозлится, может дойти до урагана.

– То есть у вас кровь не спит.

– Нет.

– А с чем это связано?

– Во многом – с мастером Сальвадори, – улыбнулся мужчина. – Зеркала его работы... ты вообще что знаешь о его истории?

– Мало. Жил, попал на остров Линдано, словно в тюрьму, сбежал оттуда, да так, что до сих пор его исчезновение остается тайной.

– Все верно. Он просто был – многоликим.

– А зеркала...

– В каждое зеркало, в амальгаму, которой покрыто стекло, он добавлял немного золота и каплю крови. Он сходил с ума, не понимая, что с ним происходит, и однажды попробовал... именно так. И зеркала

получались намного лучше, чем у обычных мастеров. А еще... те зеркала, в которых была его кровь, отражали многоликих, как они есть. В истинном облике.

– Понятно.

– Провести всю жизнь на Линдано он не хотел. И понимал, что если не сбежит... жизни мастеру оставалось мало, очень мало... он решился. Убил священника, принял его облик и уехал с острова. Спрятать труп там было несложно... кажется, его так и не нашли. Ему было всего двадцать лет, вся жизнь впереди. Останься он на Линдано, и лет десять, может, чуть больше... и то вряд ли. Многоликие намного сильнее обычного человека, но зеркала, ртуть... он бы не выдержал.

Мия кивнула.

– Итак, мастер убил священника, спрятал труп и уехал с Линдано. Кстати – сюда, в Энурию. И здесь женился на моей прабабке. Вот она и была потомком Диэрана.

– Прабабке?

– Имен я называть не буду. Но они встретились, полюбили друг друга... тут и начинается вторая часть нашей истории.

– Какая?

– О моих и твоих предках. Моргана Чернокрылая, Диэран Ветренный, Лайнара Лесная... их было не так чтобы очень много. Но – достаточно. Люди? Не знаю... точно известно, что они были похожи на людей, что могли иметь общих детей с людьми. Что и сами эти... тебе знакомо словосочетание Высокий Род?

Мия задумалась.

– Не помню. Если и слышала... нет, не помню.

– Я буду называть их Высокими – для ясности. Так вот, Высокие могли иметь общих с людьми детей. А еще у Высоких были спутники. Такие, как ты, Мия. Те, кто пришел для помощи, защиты, кто мог менять внешность по своему желанию, кто становился зверем или птицей... ты вряд ли это сможешь. Пятое поколение, кровь сильно разбавлена, человеческий облик ты принимать можешь любой, а вот остальное... вряд ли.

Мия кивнула.

– Допустим. Я и не хотела...

– Может быть, в потомстве это и проснется. При условии, что рожать будешь от правильного человека.

– От вашего сына?

– Хотя бы. Это не исключено, а я бы не возражал против такой невестки. Нет-нет, неволить не стану, да и ты, мне кажется, не захочешь?

Мия пожала плечами.

Как-то она на эту тему не задумывалась... замужество?

Она привыкла, что к ней это не относится.

– Рикардо знает?

– Нет. В нем кровь спит.

– Вы же сказали – ветер...

– А, это не зависит от человека. Во дворце Сибеллинов цветут черные розы. Стоило кому-то из потомков Морганы разгневаться или понервничать... ну и результат. У нас это ветер. У той же Лайнары... там все живое в округе с ума сходило, скотина бесилась...

– Меня животные не любят.

– Стоит ли удивляться? Они не чувствуют в тебе человека. Хочешь, чтобы не шарахались, – носи ладанку с теми же травами.

– Любисток, чертополох, полынь?

– Ну да. Ванну с ними принимай... ты чужие запахи чувствуешь, а они – твой.

– Вот я дура...

– Нет. Ты просто очень молодá, – поправил дан Козимо. – Вот и получается... да и не знаешь ты многого. Уши бы надрать твоей прабабке, что не рассказала.

– Пять поколений. Она просто не рассчитывала, что кровь заговорит...

Дан Козимо пожал плечами.

– Я Рикардо записи оставлю. Пока слишком опасно ему такое рассказывать, может, лет через десять-двадцать он что-то и поймет. А пока – пусть лежат.

– А если что-то случится?

– Если мой сын проговорится, это точно случится. А так... наши способности менее заметны, чем ваши.

– Ураганы?

– Это не так часто случается. Да и кто поверит?

Мия подумала и кивнула. Действительно, поди отследи те ураганы, да еще свяжи с конкретным человеком... мало ли кто

истерит? И в какую погоду?

У ньоры Катарины, как сейчас помнится, голова к грозе болела. Разламывалась просто. Это ж не значит, что она грозу вызывала или накликала?

Это не смена облика. М-да...

– Я понимаю.

– Вот и отлично. Если что, может, ты и расскажешь. Или твои дети – его детям.

Мия пожала плечами.

– Вы уже отказались от мысли о совместных детях?

– Сами решите, – отмахнулся дан Козимо. – Взрослые уже... своего ума хватает, чего старика-то слушать?

Мия хмыкнула.

Ну да, попробовал бы его кто-то не послушать!

Разговор оборвался стуком в дверь.

– Отец?

Дан Козимо хмыкнул и чуточку досадливо отозвался:

– Войди, сынок.

Рикардо появился на пороге.

– Я волновался, – улыбнулся он.

Мия почувствовала, что тает. Тает от его улыбки. Так бы и стекла вся на пол... Она понимала, что дан Козимо смотрит, и выводы делает, и... и наплевать! Так бы и кинулась сейчас на шею, прижалась, обняла...

Кровь?

Может, и кровь. Но как же ее тянет к этому мужчине! Просто до ужаса!

Нет, такое одной кровью не объяснишь, тут что-то посерьезнее происходит, это точно.

– О ком? – Дан Козимо нить разговора не терял. – У тебя чудесная подруга, я уже предложил Миечке остаться на зиму в нашем замке.

– Она согласилась? – Рикардо довольно улыбнулся.

– Согласилась, – кивнула Мия.

И она, и дан Козимо понимали, о чем идет речь.

Да, она согласилась. На все.

И остаться на год, и узнать больше о себе и своих предках, и...

Она – согласилась. А что уж будет дальше?

Мия не знала. Но подозревала, что будет трудно.

Адриенна

– Вы выглядите усталым, ваше величество.

Будущему свекру Адриенна искренне сочувствовала. Вот как хотите...

Да, сволочь, каких поискать и не найти!

Да, ее фактически заставляют выйти замуж.

Да, потомок убийцы и узурпатора... кстати, хорошо бы до свадьбы еще раз с Морганой поговорить, но вряд ли выйдет. Прабабка не зря предупреждала, лучше лишний раз потерпеть, чем попасться.

И в то же время...

Вот нельзя им не восхищаться! И Адриенна это претолочно понимала.

Сидит он за столом, усталый, весь серый, костюм на короле самый простой, дублет из обычного сукна, только и того что в алый цвет крашенного, из всех украшений – только два кольца, коронационное и венчальное, корону – и ту снял.

Голова болит у него зверски. До безумия...

И работает.

Кто-то считает, что король только пирами интересуется? И балами, ну, там, охотами? Хоть на оленя, хоть на баб?

Есть такие. Но вот беда – на троне они долго не сидят. И потом прозвища меткие получают – «Мягкий меч», к примеру. И за характер, и за мягкость... гхм, меча.

«Рогатый». И за наличие того самого, и за характер, которому черти в аду позавидуют.

«Заячья лапа». За любовь к охоте. Аж пять лет проохотился, потом понял, какво дичи живется. Когда самого затравили, как того зайца^[6].

Его величество Филиппо работал постоянно.

Отчеты из министерств, казначейств, отчеты с границ, письма, кляузы, доклады, судебные дела... и все это он помнит, и знает кто, что и когда... Спроси – так он тебе на десять лет назад расскажет все тонкости! И законы знает так, что Адриенна только восхищалась.

Самосуд?

Ну... есть и такое, конечно. Был недавно случай: один дан кинулся к ногам короля, вопия, что ему жена наставила рога с соседом и живет с ним как ни в чем не бывало.

Его величество выслушал, опросил свидетелей, подумал...

Обычно такие вещи решаются дуэлью. Но тут... муж – пожилой, сосед – молодой. Супруга тоже молодá и ветрена, она себе мигом новое увлечение найдет... В монастырь сдать? Так любит же ее супруг, любит...

Его величество и принял решение.

Так сказать, для уравнивания... Любовнику прекрасной эданной было приказано три года носить рога, специально выданные из королевских трофеев. Оленьи, роскошные...

Да, вот так.

Появишься где-то без рогов? Отправишься в Воронью башню на десять лет.

Не желаешь? Тогда носи рога. Хочешь – за спиной, хочешь – на голове... Тут его величество проявил понимание: оленьи рога весили столько, что привязать их к голове было просто нереально. Шея сломается... Все законно.

Наставил рога?

Ну так и сам попробуй этого удовольствия. А эданну предупредили, что следующий ее любовник будет наказан точно так же. Авось или хвост прижмет, или блудить на какое-то время перестанет...

Против закона, зато как действенно! Все королевство декаду потешалось!

Но в остальном его величество никакого прецедентного права не признавал. Сказано, что за кражу год тюрьмы, к примеру? Вот так оно и будет. Так и должно быть. Все четко по закону, по статьям, по правилам.

И... будем уж честны. Сибеллины правила хорошо – благодаря своим особенностям.

А Эрвлины – благодаря вот таким, как Филиппо Третий. Ему и благословения не надо, он даже во время эпидемии все так хорошо организовал, что столица за год восстановилась.

Адриенна все чаще думала, что вот за такого и замуж можно было бы выйти. Сволочь, но ведь умная! А с такими можно иметь дело!

Нужно даже! Так и постигнешь мудрость, которая гласит, что умный враг лучше глупого друга.

– Я действительно устаю последнее время. – Филиппо отложил в сторону бумагу, потер лоб. Ему тоже было о чем подумать.

Вот ведь...

Адриенна хоть и не родня ему по крови, но сидела вместе с ним. И на полном серьезе вникала в управление государством. Сын норовил свильнуть в сторону с жалобным: «Ску-у-у-у-у-учно», а эта девчонка...

Вот ведь как кровь в ней проснулась!

Сидит, слушает, вопросы задает, сама что-то пытается сделать – и не скажешь, что дура. У нее получается. У Филиппо не всегда хорошо идет, а эта на лету схватывает. И запоминает: и как, и что, и кто... где справедливость? Нету?

Вот он так и знал, что украли. Отвернуться не успеешь – половину королевства разворуют!

– Давайте я вам травяной отвар с медом налью, – предложила Адриенна. И получила кивок от короля.

– Да, пожалуйста...

Они оба знали, что остается произнесенным.

Хватит ли у тебя сил справиться, когда я уйду? Уже скоро...

Хватит ли у меня сил, когда ты уйдешь? Уже скоро...

Но молчали.

Некоторые вопросы лучше не озвучивать, и Филиппо говорил о том, что тоже волновало обоих.

– Я передам власть сыну, когда он женится. И короную вас обоих.

– Он будет недоволен.

– Да. Но ты будешь не просто супругой. Ты будешь соправительницей. Народ оценит... и красивая сказка о любви, и власть...

Адриенна вздохнула.

– Больше я сделать ничего не могу.

Девушка и это понимала. И была искренне благодарна за сделанное.

Филиппо залпом влил в себя отвар. Поморщился.

– Пара месяцев у меня еще точно есть. А потом... зиму мне точно не пережить.

Адриенна не стала квохтать или говорить глупости. Вместо этого она коснулась ладони короля.

– Давайте посмотрим границы в Энурии? Мне казалось, там немного иначе было, если взять карты сорокалетней давности – и двадцатилетней?

– Давай посмотрим. – Горький настой чуточку прояснил сознание, разогнал мучительную боль, и королю стало легче. – Ох уж мне эти межевые споры...

Работа?

А что ему еще оставалось. Что еще оставалось Адриенне?

Изливал душу эданне Франческе принц, куда-то потерялась Мия, не было весточек от Лоренцо, и два одиночества зависли над картами, сравнивая границы поместий. Работа – не лекарство, но когда тебя пронизывает холодом одиночества, она может и помочь.

Вдруг да и станет чуточку теплее, как поработаешь? Согреешься...

Или хотя бы устанешь и упадешь, ни о чем не думая. Какой уж тут холод и тоска, когда сил до кровати доползти нет?

Хоть так, хоть иначе... это помогало. А большего не требовалось ни его величеству, ни Адриенне.

* * *

Вечером Адриенна готовилась ко сну.

Может, она бы ничего и не заметила, но...

Какой-то вид был у ее служанки... нерадостный. Понятно, улыбаться во все зубы им и не полагается, но хоть не выглядеть недобитым привидением...

– Что случилось... Лючия? – с трудом припомнила она имя.

– Ничего, дана.

Адриенна еще больше уверилась, что ей врут.

– «Ничего» выглядит иначе. Рассказывай. Или...

Долго уговаривать Лючию не пришлось. Что там... той истории?

Сестра замужем, трое детей, муж умер... Лючия ей помогает по мере сил, но... Две женщины, много ли они заработают? Да еще сестра только что родила, работать толком не может...

Адриенна думала недолго.

Это в СибЛевране она решала такие ситуации своей властью. И у нее все получалось, и люди были сыты и довольны.

А в столице...

В столице никому до тебя и дела нет. Сдохни с голоду и холоду, в канаве, вместе с детьми...

– Им жить есть где?

– Да, домик мужу принадлежал.

Адриенна молча подошла к шкатулке и достала оттуда кошелек. Отсчитала пятьдесят лоринов. Подумала, прибавила еще десять.

– Если ситуация не изменится, скажешь мне через год.

– Дана Адриенна!

– Я не стану брать вашу семью на содержание. Но в СибЛевране для твоей сестры найдется и место, и работа.

Лючия посмотрела на деньги, на дану...

– Дана СибЛевран, умоляю! Сестра здесь помрет, и я разрываюсь... если можно... сейчас она не сможет уехать, но месяца через три, как получше будет... умоляю!

Адриенна кивнула.

Потом присела к столу и быстро набросала два письма.

Одно – дану Рокко. С просьбой принять женщину и приставить ее и детей к делу. В своем управляющем она не сомневалась. И приставит, и работать будут... все посильно, просто нельзя людей рыбой закармливать, им удочку давать нужно. Дети на кухне, мать по хозяйству, а там, глядишь, и жизнь наладится?

Второе для самой женщины. Запечатала, сунула письмо в кошелек, ссыпала туда монеты.

– На дорогу, обзаведение, ну и прожить эти три месяца тоже надо. А вот это письмо я завтра отправлю. – Письмо дану Рокко легло в стопку корреспонденции.

Конечно, ее еще проглядят. Но ничего крамольного Адриенна не писала.

Разве нельзя помочь человеку?

Можно и нужно.

А вот как отбиться от благодарности? Лючия ведь не врала, и она бы надорвалась в попытке помочь сестре, и сестра бы сгинула, и дети...

Все Адриенна сделала правильно. Если женщины не дуры, они свой шанс не упустят.

Забегая вперед – и не упустили, и в СибЛевран перебрались, и замуж там Люсию (так звали сестру ее служанки) выдали, и все у них было хорошо. А Адриенну после того случая дворцовая прислуга сильно зауважала.

Правильная дана потому как.

Понимающая.

* * *

О «работе» говорили и в домике старой ведьмы. Сидели там двое друг напротив друга, говорили, даже мило улыбались. Словно и не черные мессы обсуждали, а, к примеру, стрижку овец.

– Что там наша эданна? Я ее давненько не вижу...

– О, эданна занята по уши. Недавно была у меня, скупила все запасы приворотных, послезавтра у нас опять *месса*...

– И сколько человек она... оприходует?

– Двоих. Больше не получилось.

– Что ж. Скольких она уже убила?

Ведьма посчитала что-то на пальцах.

– Двадцать восемь человек. Вот – тридцать будет.

– Хорошее, круглое число. Все – мужчины?

– Могу найти баб или детишек...

Мужчина поморщился.

– Ей и так для приговора хватит. Хотя парочку баб можно найти... когда будет коронация. Она уже напросилась?

– Конечно. – Ведьма хмыкнула, даже удивляясь такому наивному вопросу. – Чуть не на коленях тут стояла, побрякушку вот приволокла...

Мужчина с видом знатока оценил браслет с алмазами и рубинами.

– Много побрякушек она приносит?

– Нет, чаще деньгами. Эта вторая. И вот еще...

На стол было выложено достаточно скромное кольцо с лазуритом.

– Если будет приносить «сверкалочку», отдавай их мне. Глядишь, и найду применение. Денег дам, – распорядился мужчина.

Ведьма кивнула.

Ей и не жалко было... Принесет эданна – отдаст она все это добро хозяину.

– Так-таки женится принц?

– Куда ж ему деваться? Король условие поставил... женится – и сразу его коронуют. Вместе с супругой.

– Ой, небось страдает теперь... Эданна так и вовсе зеленая ходит. Понимает, что супругу в угол задвинуть несложно, а вот королеву... что о нас соседи подумают? Что люди скажут?

– Ты, главное, не пропусти. Чтобы яд или что другое она через тебя искала. Мало ли что...

– Да уж. – Ведьма посмотрела серьезно, без своего обычного ехидного вида. – Ты смотри, дан, но Франческа соперницу ненавидит, аж трясется. До крика, до истерики, до бешенства.

– Даже так?

– Да. Если она у даны СибЛевран хоть волосок выдернуть сможет, она это сделает в ту же секунду. Желательно без вреда для себя, но еще какое-то время – и ее не остановить будет.

– Хм... какое именно время?

– Год, может, два. Потом ее никто не удержит.

– А потом и не надо. Пока король жив, она попритихнет, а потом... потом посмотрим...

Ведьма промолчала.

Она не собиралась говорить дану, что бывает с такими умными, как он. К чему?

Пусть планирует, пусть пытается играть людьми, словно фигурками на забавной клетчатой доске, пусть двигает их туда и сюда...

Фигурки – безмолвны.

А люди... люди могут очень сильно удивить такого игрока.

Смертельно удивить.

Но разъяснять дану такие простые вещи? Зачем? Ведьма ему не нянька с погремушкой, пусть сам разбирается. Мужчина взрослый, должен понимать последствия... нет?

А на нет и жизни нет. И иногда – жизни кукловода.

– Убийца!!! НЕГОДЯЙ! НЕНАВИЖУ!!!

Мия открыла глаза с желанием запустить в истеричку чем-нибудь тяжелым.

Что это такое?

Проводишь ночь с любимым мужчиной, получаешь громадное удовольствие, засыпаешь в его объятиях... и просыпаешься от такой похабщины?

Ну, знаете ли...

Рядом недовольно заворочался Рикардо.

– Ох... кажется, это Бьянка...

Мия с трудом сообразила, о ком идет речь. Бьянка? Кто такая Бьянка, зачем Бьянка...

Ах... да! Та самая дура!

Тьфу...

Девушка выбралась из кровати, подошла к окну, выглянула из-за тяжелой портьеры. Осторожно, чтобы не светить обнаженным телом на весь двор, вот еще не хватало...

Во дворе замка действительно стояла женщина. И орала...

Орала, кстати, какие-то глупости... про Рикардо, про дочь, про брата...

Мия прислушалась... нет, ничего не понятно.

– Рикардо?

Мужчина ее мечты выбрался из-под одеяла, потянулся и тоже выглянул в окно.

– Нет... это дана Мария... А ей тут что надо?

– Это можно выяснить только одним путем, – намекнула Мия. – Дан Козимо вряд ли сможет ее принять...

Рикардо скривился.

Это уж точно. Отец не просто не сможет, он и не будет. По принципу: сам наворотил, сам и расхлебывай. Так что благородный дан влез в штаны, застегнул кое-как рубашку и отправился во двор.

– Дана Мария, здравствуйте.

Если бы не Мия, бросок в лицо парню увенчался бы успехом. Целилась женщина явно выцарапать Рикардо бесстыжие глазоньки.

Не получилось.

Ньора Гацина, которая тоже наблюдала за этой сценой (дворня вся наблюдала, просто никто не вмешивался, пусть даны разбираются

сами), только охнула. Тем же движением Мия вчера и ее перехватила. И руку заломила так же... больно.

Плечо ныло до сих пор.

– Руками не трогаем, – мягко сказала Мия. – Что случилось?

Боль оказалась последней каплей, которая сломала женщину.

– Бьянка... ты...

– Лекаря! – на весь двор рывкнул Рикардо. Кто-то сорвался с места. При дане Козимо лекарь пребывал практически неотлучно, так что искать долго не потребуется.

Из потока слов, из всхлипываний, из рыданий...

Вчера Бьянка, не дождавшись своего брата, его дружков, ну и, до кучи, «любящего» жениха, попросту удавилась. В храме.

На своем пояске.

Мия невольно зашипела сквозь зубы.

Ну... Так-то да!

Рикардо девчонку явно не насиловал, в постель за уши не тянул, да и брата ее никто не заставлял решать вопрос подобным путем. Но...

Матери-то какво?

Никогда раньше Мия не видела родных и близких своих «заказов». Джакомо сделал все, чтобы ее от этого избавить.

Или видела тех, от кого были счастливы избавиться их родные. Вот как эданна Маньи, к примеру. Ее свекровь только порадовалась, да и дети не так чтоб горевали...

А тут...

Открытое, жестокое горе.

И то, что дети выросли кретинами, его ничуть не уменьшает. Двоих лишиться... даже если одного и не нашли, и не найдут... мать все равно подозревает правду. Явно.

А может, и Бьянка какую записку оставила...

Рикардо только морщился, слушая эти причитания.

Наконец прибежал лекарь, накапал остро пахнувших капель, сунул ложку в рот эданной – и та невольно проглотила.

– Черт знает что такое, – проворчал Рикардо, когда эданна растянулась прямо на плитах двора. Снотворное подействовало практически сразу, ну понятно. Рассчитано было на дана Козимо, чтобы тот боли не чувствовал, вот и эданну свалило почти мгновенно.

Мия впервые ощутила... укол совести?

Да, что-то вроде того.

Если бы не она...

Если бы сложилось чуточку иначе?

Слуги суетились вокруг несчастной, поднимали, перетаскивали в карету, ее отвезут домой, а там пусть с ней муж справляется, дети...

Ну так-то – чего она сюда примчалась? Ведь наверняка была в курсе планов своих деточек?

Точно была.

И выбор они сделали сами. Даже убивала в основном Мия, Рикардо тут ни при чем. Но... почему ей так паршиво?

Она понимает, что не виновата, не настолько уж она виновата, но... ей больно и неприятно.

А Рикардо?

– Глупая баба, испортила такое утро...

Мия прижалась к любимому мужчине, чувствуя, как его рука вольно скользит под верхним платьем. А там и под нижнее перебралась... белья Мия не надевала, накинула что под руку подвернулось, да и выскочила следом, благо тепло.

– Испортила?

– Полагаю, его еще можно спасти. – Рикардо легко подхватил Мию на руки, и та, шалея от восторга, уткнулась носом в ямочку между его ключицами. Вдохнула теплый и невероятно возбуждающий запах...

Хорошо!

– Я...

– Идем спасать утро, – перебил ее Рикардо.

И зашагал обратно в свои покои, махнув слугам. Мол, отвезите идиотку в ее дом!

Мия отметила этот жест – и тут же выкинула его из головы. Все, эданну как-ее-там пристроят, больше она Мию не интересуется. А вот Рикардо...

О да!

И снова – ДА!!!

Мысль о том, что у Рикардо даже угрызений совести не прорезалось, Мию тоже не посетила. Если и заглядывала, то поняла, что не протолкаться. Тут любовь, тут желание... и какой-то здравый смысл?

Нет-нет, уберите. Он здесь вовсе даже не ко двору. Совесть – и та удалилась, печально хлюпая носом.

А вот розовый туман...

Примерно через полчаса у Мии из головы вылетело все. И эданна, и дана, и вчерашние убитые... она подумает обо всем этом потом. А сейчас...

Да, милый! Да! И не останавливайся, пожалуйста...

* * *

К дану Козимо Мия попала только вечером. Проблем с этим не было, дан приказал впускать ее в любое время. И вообще обходиться с Мией как с его невесткой. Или женой. Или дочерью... короче, любой, кто ее обидит, – уволен еще вчера.

Слуги ошарашенно переглядывались, но не спорили. Господские причуды... они такие. Может, ему эта девица откуда-то знакома? Или еще чего? А и ладно, во все вникать – голова заболит.

Мия постучалась и после разрешения войти удобно устроилась в покоях дана Козимо.

– Дан, мне кажется, мы не договорили?

– Мия, я буду рад видеть вас как можно чаще. Признаюсь, вы очаровательны и умны, а у меня не так много развлечений...

Мия вздохнула.

– Дан Козимо, я буду рада составить вам компанию, когда Рикардо будет занят...

– Вот и замечательно. Что еще вы хотели узнать о своей крови?

– Пока – общие принципы, – честно ответила Мия. – Я правильно понимаю, если мои предки служили Сибеллинам, значит, они были связаны с потомками... Морганы?

– Морганы Чернокрылой. Возможно.

– Возможно?

– Высоких Родов было несколько. Защитников тоже. Сейчас уже достоверно не узнать, кто и с кем был связан, да это и не важно. Принцип тот же.

– Принцип... связи?

– Да. У Высокого Рода были свои защитники.

– А как устанавливалась связь?

– Я не знаю. – Дан Козимо вздохнул. – Понимаете, Мия, многое было утеряно. К сожалению... полагаю, между вами и моим сыном она уже есть.

– Постель? – догадалась девушка.

– Когда мастер Сальвадори встретил мою прабабку... опять-таки, это устный пересказ... они поженились и были счастливы. Долго, до старости и смерти. Детей родили, вырастили... да, так получилось, что Демарко пару раз переходил по женской линии. Времена были сложные, трудные...

Мия кивнула.

Положим, Феретти тоже... если Лоренцо не вернется, он тоже перейдет по женской линии. С позволения короля, но что в этом такого? Кровь останется...

И СибЛевран...

– Я понимаю.

– Мастер и его супруга умерли в один день.

– Это из-за связи?

– Я так подозреваю. Конечно, все объяснили великой любовью, но мы люди взрослые. Любовь отдельно, связь отдельно. Жить без своей половинки мастер просто не смог.

Мия потерла лоб.

– Так... первой умерла эданна Демарко?

– Да.

– А если бы наоборот?

– Не важно, – отмахнулся дан Козимо. – Связанные... живут вместе, умирают вместе.

– А детей могут иметь только друг от друга?

Дан Козимо печально вздохнул.

– А вот тут начинается печальная часть нашей истории. Когда Высокие приходили к нам... да, у них были Связанные. Но в том-то и дело... они были связаны друг с другом, они очень часто любили, жить друг без друга не могли, умирали в один день... и не могли иметь детей друг от друга.

– Почему? – невольно удивилась Мия.

– Неизвестно. Но не могли.

– Странно. А ваш предок?..

– А они смогли, потому что кровь была достаточно разбавлена. И потомство получилось жизнеспособное. Не метаморфы, как мастер, но, если я правильно понимаю, потомки наследуют черты старшего рода?

Ни Мия, ни дан Козимо не знали того, что Моргана объясняла Адриенне.

Для изменения и привязки использовалась кровь конкретного Высокорожденного. И получалось, что Моргана и ее измененный – они более близки, чем брат и сестра. Те хоть не помрут в один день...

А если такое близкое родство, такая тесная связь... что будет с ребенком?

Правильно.

Или выкидыш, или урод, или мертворожденный...

Дан Козимо вообще не знал, что именно необходимо для привязки. Вот так, не сохранилась эта информация. И Мие он рассказать на эту тему ничего не мог. К сожалению.

А потомки...

Этого он тоже не знал, но потомки просто наследовали кровь и способности матери. Не отца, а матери. В случае с Мией они бы тоже наследовали способности Мии, но не Рикардо.

Хотя тут все было достаточно размыто. Тут и Моргана не помогла бы, при ней ничего подобного не случилось, и она не знала, какие могут быть последствия. Просто – любые.

– Вы полагаете, если мы с Рикардо... то наши дети тоже смогут родиться, потому что кровь достаточно разбавлена? – уточнила Мия. – У меня пятое поколение...

– Да. Более того, в ваших детях кровь может снова уснуть. Равно как и в детях Рикардо от любой другой женщины.

– Ага... а вам-то зачем такие потомки? Их же на костер поволокут, как колдунов? – въедливо уточнила Мия.

Дан Козимо только хмыкнул.

– Вашу прабабку туда отволокли?

– Ну... нет.

– Вот и мою – нет. И потомки не дураками будут. И вас что-то на костер не тянет...

Мие оставалось только вздохнуть.

Понятно, мужчина пытается усилить свой род любыми способами. Его можно понять, но...

– Я буду бояться за своего ребенка. За себя... Если во время беременности я потеряю над собой контроль?

– Контроль? Нет, это вряд ли. Часть способностей – можете, все же метаморфозы с ребенком внутри могут плохо сказаться на его здоровье.

– Замечательно. А об этом вы откуда знаете?

– Опять-таки, об этом рассказывали. В нашей семье есть целый пласт сказок, которые передаются из поколения в поколение. Я просто решил их записать...

Мия молча кивнула.

– Я поняла. Дан Козимо, я не стану клясться, но... я подумаю. Вы правы, меня очень сильно тянет к Рикардо... наверное, я даже его люблю. Это мой мужчина.

– А вы – его женщина. Я понимаю. И еще... Мия, мой сын пока глуповат. Ему все время кажется, что где-то там... да, там, за горизонтом, его ждут и великие дела, и прекрасные принцессы... это глупо, но я уже не успею ему ничего объяснить. Прошу вас, пока вы рядом – приглядите за ним?

– Обещаю, – просто сказала Мия.

Дан Козимо расслабился.

– И не обижайтесь на балбеса. Он еще просто не понял, какое сокровище нашел. Я буду молиться за вас обоих...

– Спасибо.

– Это тебе спасибо, Мия. Теперь мне будет легче умереть.

Мия не стала говорить, что дан проживет еще долго или какие-то другие благоглупости... к чему? Они взрослые люди, все прекрасно понимают. А она еще и благодарна дану Козимо. Сейчас она знает о себе чуточку больше.

Рикардо?

Мия не могла определиться со своими чувствами. Не бывало с ней такого раньше... ее даже влюбленность в героев романов обошла стороной.

Девственность свою она продала с полнейшим хладнокровием, бордель пару раз посещала, чтобы набраться опыта... мало ли что

потребуется по работе. Услужливый юноша тогда старался что есть сил, но...

Мие было приятно, ей не было плохо, но каких-то звезд из глаз, какого-то беспредельного счастья... не случилось.

Она думала – все врут.

А потом оказалась в постели с Рикардо. И вот там-то... Так их связь проявляется? Наверное...

Это – любовь? Или это такая связь? На которую их обрекла их кровь? У Рикардо это так же проявляется – или нет? И чего ей ждать дальше?

Умирать Мие вообще не хотелось, тем более в один день с любимым.

Беременность?

Тоже хорошо бы с этим подождать. Не стоит забывать про Комара, про то, что происходит в столице... ребенок более уязвим. А если Мия еще и потеряет свои способности, когда забеременеет... да, у нее останется то, чему ее учили, но разве этого достаточно?

Сложный вопрос.

Особенно когда ты убийца.

Здесь и сейчас Мия понимала, что лучшее для нее – спокойно пожить и переждать хотя бы год. А дальше...

Время расставляет по местам все. Даже то, что люди предпочли бы оставить в страшном беспорядке. И то, что хотели бы забыть, и то, что хотели бы запомнить...

Мие нужно было время. Дан Козимо это понимал и собирался как следует поговорить с сыном. Если уж мальчишке повезло... пусть держит свою удачу двумя руками.

А пока...

– Вы играете в шахматы, Мия? Я был бы рад хорошему игроку.

– Нет.

– Давайте я вас научу?

Мия подумала пару минут, осмотрела шахматный столик.

– Учите, дан Козимо. Учите...

Глава 6

Адриенна

Пока дело не доходило до свадьбы, Адриенна еще держалась.

Как-то, где-то...

А вот сейчас ее так разобрало! Кто бы видел!

Но не видел никто, кроме Морганы, а та за столько лет чего не насмотрелась! Еще и похлеще виды видывали!

А девушку всю трясло, словно в припадке.

Завтра, завтра, уже за-а-а-а-а-автра...

Страшно, страшно, стра-а-а-а-а-а-ашно!!!

Чего страшно – Адриенна и ответить не смогла бы. Но ведь страшно же! Вот чего вы не понимаете?! Ей – СТРАШНО!!!

А еще и больно, и обидно, и...

Лоренцо.

Если бы не было Лоренцо Феретти в ее жизни, она могла бы и замуж выйти, и всю жизнь так прожить. А она не могла.

Она уже полюбила.

И от этого было больно вдвойне.

Моргана грустно смотрела на праправнучку...

И если бы кто-то заглянул в мысли призрака, невеселые б они получились...

«Дура я, дура...

Проклинать тоже надо уметь. А я узел завязала – и вот, на века получилось. И как еще у девочки сложится? Она-то своей жизнью платить не обязана.

Самое обидное, что и выбора у нее нет. Не снимется проклятие – оба рода вымрут. И по остальным потомкам Сибеллинов ударит, никуда не денешься...

И по самой Адриенне... любить – хорошо. А детей от любимого мужчины хоронить? Его самого? Или вот так оставлять, как ее мать... ведь все Рианна понимала. Но выбора все равно не было.

И нет. И не будет.

Ни у кого, если не развязать этот узел.

Никак».

Больно, страшно, тошно, но выбора все равно нет.

Адриенна рыдала.

Моргана сочувственно смотрела на правнучку. Сейчас бы вот обнять, поцеловать, по головке погладить, уверить, что все образуется...

Призраком?

Если только все заморозится.

У людей от призраков ощущения сплошь неприятные. Словно через тебя ледяной ветер пролетает, такой... противный. А добавлять девочке неприятных ощущений вдобавок к уже имеющимся?

Ох, что-то подсказывало Моргане, что ей и завтра хватит с лихвой.

Свадьба, черт!

Наконец слезы закончились. Пошли противные сухие всхлипы, но Адриенна уже могла слышать, уже могла воспринимать слова.

Моргана опустилась ниже, зависла на уровне ее глаз.

– Бедная моя детка...

И так это неожиданно прозвучало, по-матерински, тепло, уютно... Адриенна едва не сорвалась во второй виток истерики, но удержалась.

Так могла бы говорить не Моргана Чернокрылая, а Рианна Сиблевран. Но мама умерла.

А Адриенна завтра...

– Я не смогу завтра быть рядом с тобой, как хотела бы, – сочувственно шепнула Моргана. – Не смогу... но подумай – чего ты боишься?

Адриенна задумалась.

– Боли?

– Если ты о брачной ночи, это действительно бывает больно. Но, поверь, рожать – больнее. Намного.

Адриенна хлюпнула носом.

А все равно как-то несправедливо. Кому-то боль, кому-то одни удовольствия... где совесть?

– Тебе про Адама, Еву и первородный грех поведать? – иронично осведомилась Моргана.

Адриенна ответила парой емких слов, кои точно не одобрили бы священники. Вот правда-правда, первородный грех, он хоть и тем местом делается, но... некрасиво звучит как-то.

– Тогда не мучайся. Да, вот так получилось, что мы, женщины, в первый раз сильно зависим от мужчин. И... да, тебе будет неприятно.

– Почему?

– Потому что ты еще не созрела. В лучшем случае тебе не будет больно, в худшем... да, больно. Но разве ты никогда не падала?

– Падала, – вздохнула Адриенна. – И тонула, и вообще...

– Ну и чего ты боишься? Стисни зубы и перетерпи, вот и все.

– Хм...

– Да, ты еще не созрела. И... судя по привязке, по-настоящему хорошо тебе будет или с этим Лоренцо, или с тем, кого ты полюбишь искренне, всей душой...

– Я его уже люблю.

– Тем лучше для вас обоих. Но согласись, его нет сейчас рядом. А потом... лучше повстречаться, когда с тебя упадет проклятие.

– Это верно.

– И... есть еще два фактора. Первый – я не знаю, насколько разбавилась кровь и сможешь ли ты иметь от него ребенка...

– Ой...

– Поэтому лучше родить одного-двух сейчас. Пока есть возможность. Кстати, проклятие будет снято, когда появится малыш.

– Так... А второе?

– Вы едва успели узнать друг друга. Ты уверена, что любишь именно Лоренцо Феретти?

– А кого?

– Картинку, детка. Глаза, губы, улыбку, обаяние, все то, что составляет красивую картинку. Но жить-то тебе с душой, не с улыбкой.

Адриенна вздохнула.

– Я... бабушка, а как это было у тебя?

– Мгновенно, – рассмеялась Моргана. – Я последняя, кто имеет право говорить тебе о чувствах, потому что у меня это было мгновенно. Я как раз собиралась наловить себе рыбы на обед...

– Рыбы?

– Что тебя удивляет? На тот момент... я лишилась близкого человека, я никого не хотела видеть и жила себе в лесной избушке.

Проблем с пищей у меня не было, земля мне даст что угодно, стоит только попросить. С мясом тоже...

– Ты убивала животных?

– Есть вещи, которые мне вылечить не под силу. Был олень, сломавший ногу. Было несколько зайцев... но вообще я предпочитала рыбу. Обожаю жареных карасиков. Их в муке обваляешь – и до коричневой корочки, – блеснула улыбкой Моргана...

Адриенна фыркнула.

– Я тоже. А еще их можно в сметане...

– Со сметаной у меня в лесу были проблемы. А вот мука была. Я собиралась рыбу наловить, а тут твой прадед. Ну и...

– И?

– Он мне сразу сказал, что без меня не уедет. Никуда. Никогда. Или я ему отвожу место в хижине, или он устраивается рядом с хижинкой, или...

– Ты его не убила?

– Нет. Но... – Моргана покраснела, что было достаточно забавно видеть у призрака. Говорите, потусторонние сущности не краснеют? Может быть. Но цвет в области щек они точно меняют. – Его спутники нашли нас по... звукам определенного рода.

Теперь уже покраснела и Адриенна.

– Вы...

– Да, церковного благословения я не дождалась. Но люди – существа хрупкие. И я решила взять каждую минуту, каждую секунду нашей жизни вместе. И не жалею.

– Ты могла бы уйти. Могла бы...

– Нет. Мне не нужна другая вечность.

И сказано это было так решительно, что Адриенна кивнула. И поняла...

– Я справлюсь, бабушка. Завтра я справлюсь.

– И не только завтра. Больно бывает, но это можно стерпеть. А остальное... власти над тобой по-настоящему у Филиппо не будет, ты ему нужна больше, чем он тебе.

– Ну... да.

– Что он еще может сделать? Посадить тебя в тюрьму? Он даже этого не сможет.

– Почему?

- Потому что править твоему сыну. Понимаешь?
- Да... если я – преступница, считай, он сам будет расшатывать свой трон.
- Именно. Он же не полный идиот?
- Нет. Не похож...
- Тогда он первый порвет любого, кто не будет тебя уважать. И прилюдно никогда и ничего не выскажет.
- Хм...
- Ну да. Тебя завтра коронуют?
- Да... ой! Я же забыла! Твоя корона!
- Историю про корону Моргана выслушала со всем вниманием. И кивнула.
- Ты права, детка. Тогда ты еще не имела на нее прав.
- Но и завтра... это же не зависит? Правильно?
- Конечно. Коронация в храме нужна не тебе, а людям. Как подтверждение.
- А мне?
- А тебе... – Моргана вздохнула. – Кольцо уже у тебя, корона тоже будет. Остался мой клинок. Мое Перо. Надеюсь, и его ты найдешь... когда-нибудь.
- Оно... потерялось?
- Я отдала свой клинок своему спутнику. Так было надо. И не знаю, где он сейчас. Так получилось. – Моргана небрежно взмахнула рукой. – Если это суждено, он вернется. А сейчас... положи руки на кристалл.
- Адриенна послушалась.
- Острые грани резанули ладони.
- Отвечай на мои вопросы без утайки!
- Да. – Адриенна и сама понимала, что врать нельзя. Алтарь вспыхивал алыми искрами под ее руками, по ладоням катились капли крови, но больно не было. Как заморозили...
- Ты готова принять на себя ответственность за эту землю?
- Не знаю. Не уверена. Но больше некому.
- Ты готова беречь и хранить то, что растет, то, что живет? Отдавать свою любовь и заботу?
- Я постараюсь...

– Принимать их такими, какие есть. Ставить интересы страны выше своих, отдавать за нее жизнь, если понадобится.

– Я не знаю. Но если нет другого выхода, я все сделаю, – честно созналась Адриенна. Не получалось у нее безоговорочного «да».

И алтарь загорелся под ее руками, запульсировал...

– Ты не лжешь. И это лучше, чем однозначные заверения. Я, Моргана Чернокрылая, своей волей, своей кровью признаю Адриенну СибЛевран моей наследницей. Адриенной Сибеллин. Отдаю ей свой клинок и свою корону! Береги то, что я любила, так же как я берегла и хранила.

– Принимаю, – шепнула Адриенна.

И камень полыхнул алым, отпуская, казалось бы, намертво прилипшие к нему ладони.

Адриенна сделала шаг назад, села на пол.

Вот сейчас на ее руках и следа от ран не осталось.

Уф-ф-ф... это хорошо. Завтра не поняли бы.

– Я... жива?

Моргана промолчала.

Жива, да. А могла бы и того... помереть. И такое бывало.

– Коронуйся завтра спокойно, внучка. И правь. Ты заслужила. Ты справишься.

– А эданна Франческа? – вспомнила о пакостном Адриенна.

– Сначала она притихнет. А потом... – Моргана прищурилась, и Адриенна вспомнила, что прабабушка, вообще-то, и воевала, и...

– Мне уже посочувствовать несчастной?

– Как там мои розочки? Цветут?

– Вовсю.

– Вот и отлично. Обойдемся без сочувствия. Букетиком на могилку.

– Эм-м-м... а на свадьбу?

Моргана подмигнула девушке.

– Давай похулиганим! Я не против.

В храм Адриенна вернулась уже спокойная и довольная.

Свадьба?

Выдержит она свадьбу! И рождение ребенка выдержит, и все остальное... вот! И все у них будет хорошо!

У нее, у ребенка и у Лоренцо.

Все. Будет. Хорошо.

Мия

– Я знаю, ты хорошо владеешь оружием. Рикардо рассказал. – Дан Козимо с удовольствием смотрел на Мию.

Да, красивая и умная женщина – это сокровище. В любые времена.

– Да.

– Любым?

– Да.

– Тогда я хочу сделать тебе подарок.

– Мне? Подарок? – искренне удивилась Мия.

Нет, ее тут одевали-обували, жила она на всем готовом, но подарок? Это немного другое.

Рикардо ей дарил всякие приятные мелочи, но то Рикардо. А что от нее хочет дан Козимо?

– Подарок. Без оговорок и условий, – разъяснил дан. – Просто потому, что так правильно.

– Правильно?

– Сейчас объясню. Так получилось, что в руки мне попал один предмет... даже не мне. Деду.

– Деду?

– Дед рассказал, что в молодости поездил по миру. И однажды, в лавке... нет, он не называл ни города, ни чего-то еще, он просто сказал, что купил этот меч. Достань под моей кроватью ящик. Он там один такой, длинный, зеленоватый.

Мия послушалась.

– И можешь открыть.

Девушка только ахнула.

Внутри ящика на темно-зеленом бархате лежал клинок.

Очень простой.

Очень аккуратный.

Явно для небольшой руки.

Рукоять простая, обтянула чем-то серым, шероховатым. В навершии небольшой черный камень. Гарда сделана в виде крыльев,

да так искусно – кажется, каждое перышко видно.

– Ножны не родные. Я подобрал.

Мия взяла клинок. Потащила его из ножен.

Какое-то странное ощущение... мечу не нравится, что она его вытащила? Да?

Да... выглядит это именно так.

Несколько секунд клинок сопротивлялся, потом выскользнул из ножен – и Мия увидела серебристо-серую сталь. Тускловатую.

Вроде бы невзрачную.

Но узор...

Этот коленчатый булатный узор нельзя было перепутать ни с чем.

Этот клинок разрежет даже паутинку, рассечет плывущий по воде платок...

– С ума сойти...

– Там есть его имя.

– Имя?

Имя обнаружилось на пяте клинка. Или рикассо, как правильнее говорить ^[7].

– Перо.

– Да.

– Дан Козимо... вы...

Мия даже не представляла, как это – взять и отдать такой клинок. Но мужчина понял ее. И улыбнулся.

– Я, Мия. Я пробовал в свое время поработать с этим клинком. Едва не отсек себе ухо. И сын пробовал. Рикардо он тоже не по руке. А тебе?

Мия покачала клинок, встала в стойку, сделала выпад...

Было полное ощущение...

– Он подчиняется, но... не я его хозяйка.

– Вот видишь! Но тебе он не пытается ничего отрубить.

– И такое бывало?

– И не такое бывало, Мия. Поэтому... считай, что это мой тебе подарок.

Мия коснулась прохладной стали.

Нет, не для нее этот клинок. И не по руке он ей, хотя и под женскую ладонь ковался. Нет, не ее это клинок.

А чей?

Перо...

– Ваш дед точно не говорил, что, как, откуда... не мог же он просто так купить и уйти?

Дан Козимо пожал плечами.

– Меня тогда это мало интересовало. Он был стар, я был молод... Тебя интересуют рассказы старика?

– Смотря какого и какие, – не стала врать Мия. – Ваши интересуют. А кого-то другого – надо смотреть.

– Спасибо, Миечка. Но я был глупее тебя, каюсь. И почти не слушал деда. Я считал, что он будет всегда и успеет еще все рассказать... ерунда же! Правда?

– Так бывает, – кивнула Мия. Она ведь тоже не спешила расспрашивать мать. Но... иначе она бы не узнала о Рикардо. Никогда...

– Бывает. Дед, конечно, спрашивал, откуда такое чудо. И вроде как ему сказали про старые могилы. Знаешь о таком промысле?

Мия сморщила нос.

Знала.

Могильщики... они грабили могилы, склепы, курганы. Подлый промысел, между нами-то говоря! Их ловили, били... Но тут такое дело...

Кому принадлежит мертвое тело?

Да никому!

Какое наказание за его похищение? Но если оно никому не принадлежит – то и никакого^[8].

С другой стороны, родственники умерших такой бизнес не одобряли. И пойманных могильщиков били. Больно. Ногами. Могли и убить, и скинуть в яму, да так и оставить, могли даже похоронить рядом с трупом... всякое бывало.

В магистрат не жаловались ни те, ни другие.

– Вот. Дед понял, что это из какой-то старой могилы. Со старого кладбища.

– Гадость.

– Не без того. Но клинок он купил и привез с собой. Ему не по руке оказался, но дед все надеялся, что кому-то из женщин, в роду...

– Так, может...

– А я тоже на это надеюсь, – лукаво улыбнулся дан Козимо. – А если нет... мне будет просто приятно подарить тебе этот клинок. Не откажешься?

Отказаться Мия не могла. Сил не хватило бы.

– Спасибо, дан Козимо. Я отслужу.

– Не стоит благодарности, Мия. Этот клинок не должен пылиться под кроватью.

Мия была с этим полностью согласна. Или она будет драться этим клинком, или... или она найдет ему хорошую хозяйку. Время покажет.

Адриенна

Утро первого августа выдалось прохладным и ветреным.

Адриенна дрожала под двумя одеялами, пока не пришли фрейлины. Они помогли своей госпоже вылезти из-под одеял и повели принимать ванну с ароматическими маслами.

Запах розы чуточку успокоил Адриенну. Не сильно, но все же... За последнее время черные розы так разрослись, что Филиппо подумывал дарить их приближенным, в знак королевской милости.

Адриенна старательно думала о чем угодно, лишь бы не о том, что случится вскоре. Но...

Ванная.

Тонкая нижняя рубашка сплошь из кружев.

Платье – белое с золотом. И белые же туфельки, расшитые золотом и усыпанные... горным хрусталем? Или бриллиантами?

Кажется, это все же бриллианты.

На шею Адриенне надели кольцо с алмазами, в ушах покачивались драгоценные серьги, на запястьях, словно кандалы, сомкнулись браслеты. Тонкую талию плотно обхватил пояс.

Цвета Эрвлинов – алый и золотой, но алый сегодня не для Адриенны. Белый и золотой. В алом будет ее супруг.

– Дана Адриенна, вы выглядите потрясающе, – искренне сказала эданна Чиприани.

Адриенна вздохнула. Покусала губы и пощипала себя за щеки. Краской она пользоваться отказалась – еще смажется в самый неподходящий момент, потечет...

Но и так...

Драгоценная фарфоровая кукла смотрела на нее из зеркала.

Черные волосы, белое лицо, белое с золотом платье...

Цвета Сибеллинов – черный и серебряный.

– Паола! – окликнула Адриенна одну из фрейлин.

– Дана Адриенна? – склонилась в поклоне миниатюрная брюнетка.

– Сбегай в сад. Попроси для меня черную розу – приколоть к платью. Одну. Или... попросите ньюра Матео прийти сюда.

– Сейчас, дана Адриенна?

– Да, сейчас.

Эданна Сабина подняла брови.

– Уместно ли это будет, дана Адриенна?

Паола уже убежала, и Адриенна дала разъяснения:

– Черные волосы – белые розы. Белое платье – черная роза. Если не понравится – не будем прикалывать.

Эданна кивнула.

Что ж, если так, то это имело смысл. Действительно... Адриенна выглядела какой-то... нереальной.словно создание из снега и хрусталя, только волосы и глаза выделяются. Может, и есть смысл разбавить общую картину?

Даже золотое шитье на платье не спасает ситуацию, увы...

– Примерьте пока, дана Адриенна?

Эданна Чиприани достала из ларца небольшую корону. Кто бы сомневался – золотую, густо усыпанную алмазами. Три зубца, россыпь алмазной крошки, тяжелое золотое великолепие... неуместное в черных волосах девушки.

Безвкусное.

Бездарное.

Но вслух Адриенна ничего не сказала. Даже не дернулась, когда на ее голову опустилась тяжесть короны.

– Все в порядке.

– Тогда я отдам ее отнести в часовню. И заодно узнаем, не пора ли...

– Мне еще не принесли розу, – спокойно ответила Адриенна. – Но корону унесите. Пожалуйста.

– Да, дана Адриенна.

– И прошу оставить меня одну... хотя бы на пять минут.

Эданна Чиприани вышла первой.

– Я скажу, когда принесут розу, дана Адриенна.

– Да, пожалуйста...

Адриенна проследила, как закрылась дверь за последней фрейлиной – и на долю секунды, всего на долю секунды позволила себе расслабиться. Тяжело, грузно привалилась к стене.

– Моргана...

Она не ругалась, не звала, не проклинала... Куда уж еще-то...

Но как же ей сейчас было невыносимо тяжело. Как тоскливо...

Лоренцо?

Даже имя это она не могла произнести. В этих стенах, полных лжи, лицемерия, зависти, подлости... Нет, не могла. Боялась, что это и на него переползет... не надо! Пусть у него все будет хорошо, ну пожалуйста, пожалуйста...

Она сегодня свою жизнь закончит. А он... пусть хотя бы его это минует!

По белой щеке девушки скатилась единственная слезинка. Спрыгнула на воротник – да и пропала среди золотого шитья. Как и не бывало.

* * *

Матео Кальци искренне удивился, когда к нему подошла служанка и попросила его прийти к ее величеству.

Как оказалось, у Адриенны было две просьбы.

И если цветок на платье он ей срезал спокойно, то вот вторая... но почему бы нет?

Сориться с ее величеством? И ради кого? Надменной дуры, которой сколько ни дай, все мало будет? Помнил он, как тут эданна по саду ходила, губы кривила...

Да и просьба-то пустяковая, ее любой мог бы выполнить. Даже и без огласки.

Поздно вечером, когда их величества удалились в опочивальню, в замок эданны Франчески постучал гонец.

Оставаться он не стал, задерживаться тоже. Просто вручил дворецкому большой сверток.

– От его величества.

И тут же ретировался.

Дворецкий тут же помчался к эданне, Франческа приказала принести ей сверток, и... Вой пронесся по замку.

Да такой, что дворецкий в ужасе присел за дверью.

– Сволочь!!! СТЕРВА!!! НЕНАВИЖУ!!! – то ли выла, то ли редела оскорбленная женщина. И было отчего.

На столе перед ней лежал громадный букет черных роз.

Роскошных.

Мгновенно пропитавших своим ароматом весь замок.

И таких колючих, что даже растоптать их у эданной не получилось. Она честно попыталась, но их ведь надо еще взять в руки, чтобы сбросить со стола... Матео их в перчатках заворачивал, а эданна голыми руками схватилась.

Так что выть у нее была и еще одна причина.

Шипы на цветочках были преострыми – и длинными, чуть не с палец.

Так что эданна позвала служанку, приказала выбросить гадкие цветы... и прогадала.

Она еще не знала, что во рву, там, куда по ее приказу кинут ненавистный букет... от Филиппо?!

Как же!!!

От соперницы! Точно!!!

Так вот, она еще не знала, что там вырастет здоровущий куст черных роз. А вывести его?

Да проще замок скрыть под основание!

Гнева и боли Адриенны хватило бы и не на один куст, так что... в чем-то Франческа была виновата сама. Но осознать это так и не смогла. Никогда.

* * *

Его высочество Филиппо с укором посмотрел на его величество. Но тому все взгляды были что слону комарик. Филиппо Третий сильно

сдал за этот месяц... смотреть было страшновато. Алый с золотом костюм висел на нем как на вешалке. Портной изощрялся, как только мог, но есть вещи, которые уже ничем было не скрыть. Все видели, что скоро его величество уйдет, уступая трон сыну. И его супруге...

Вот ведь темная лошадка... Все думали про эданну Франческу. Пока своей волей Филиппо Третий держал ее вдали от двора, но сколько он еще будет в силе?

Сколько он вообще еще – будет?

На этот вопрос ответа не было даже у лекаря. Если так-то подумать... да уже должен был помереть! Но иногда, если человек хочет жить, даже медицина бессильна.

Где уж было лекарю подумать про Адриенну СибЛевран!

Не то чтобы Адриенна делала что-то осознанно. Или мечтала продлить жизнь королю... вот дану Рокко она искренне желала всего самого лучшего и пожить подольше, а королю?

Ей просто было страшно оставаться один на один с принцем. Вот и все. А этого маловато для долгой и счастливой жизни.

Забавно, но Филиппо Третий выглядел ужасно, а вот духом был бодр и доволен.

Филиппо Четвертый, наоборот, выглядел прекрасно, но, судя по мрачному взгляду...

Эданна Франческа вчера прислала ему обширное и нежнейшее письмо, поздравляла со свадьбой и намекала, что теперь она должна освободить своего мусика-пусика от своего присутствия. В монастырь ей пора, в монастырь.

Его величество был в курсе письма, но то ли слог не оценил, то ли духи... письмо оставило его равнодушным. Он даже предложил посодействовать.

Вот, есть очень, очень хороший монастырь в горах!

Всего двадцать две сестры, сам монастырь вырублен в камне, весьма подходит для умерщвления плоти, пока туда доберешься – три раза подохнешь!

Эданна туда не хочет? Очень, очень жаль, король готов составить протекцию. Кардинал Санторо поможет...

Принц заскрипел зубами и отказался от идеи полететь к любимой.

Хотя что такого? Часа три туда, часа три оттуда... не выспится? И что? В брачную ночь главное – не уснуть на невесте! Остальное

мелочи...

Филиппо Третий этого порыва не понял, и пришлось бедному влюбленному оставаться в столице! А он уже дней шесть не видел эданну Ческу!

Целых шесть дней!

С ума сойти...

Ничего, завтра он съездит! Завтра обязательно... и его величество пообещал, что разрешит и слова не скажет. Смешно?

Но Филиппо иногда боялся отца как ребенок.

– Интересно, где она?

– Скоро уже будет, – взмахнул рукой Филиппо Третий. – Для женщин это сложный день...

Филиппо Четвертый сверкнул глазами.

– Ты не передумал?

– Нет.

– Жаль...

Филиппо Третьему как раз жалко и не было. Наоборот. Это то, что он мог сделать для даны СибЛевран. И сделает...

А сын...

Если бы им так легко не управляла эта шлюха, может, Филиппо и задумался бы. Но – выбора не было.

Адриенна лучше эданны Франчески. Она хотя бы порядочнее. И думает о стране, а не только о своей выгоде. Хотя бы иногда.

А вот и...

* * *

Сначала король почувствовал запах. И только потом увидел собственно Адриенну.

Черные волосы, белое платье с золотым шитьем, сияние алмазов в ушах и на шее... и – черная роза на платье.

Черная, яркая, пахнувшая так, что с ней не справился даже запах ладана. На ее фоне даже бриллианты как-то меркли. Матео Кальци постарался и подобрал самую лучшую розу из всех возможных.

Лицо Адриенны было нарочито спокойным и безмятежным. Только губы побелели, так плотно их сжимала девушка.

Его высочество поклонился и направился в часовню. Он должен войти туда первым и ждать у алтаря. Его величество предложил дане руку.

Адриенна послушно коснулась королевского запястья.

– Все будет хорошо, дана, – тихо шепнул ей король.

Наверное.

Но здесь и сейчас единственное, что утешало и успокаивало Адриенну, – маленький медный крестик под одеждой. Сбежать бы, да некуда... король уверенно вел ее к жениху.

И Адриенна опустила на колени перед алтарем.

– Венчается раб Божий...

Адриенна почти ничего не слышала. Свеча дрожала в ее руке. Ей было тоскливо, тошно, тяжело... как же она сейчас всех ненавидела, как желала прервать этот фарс! И мужчина рядом с ней тоже никакой радости не испытывал, кто бы сомневался!

Что же ты наделала, Моргана? Что натворила своим проклятием?!

Наконец все необходимые слова были сказаны.

На руку Адриенны скользнуло тяжелое золотое кольцо.

Вперед выступил его величество.

– Я знаю, чтобы пришел новый король, нужно, чтобы ушел старый. Но здесь и сегодня я буду счастлив передать свою власть своим детям. Его величество Филиппо Четвертый! Ее величество Адриенна Первая!

Филиппо говорил заранее заготовленные фразы.

Придворные ахали и делали вид, что удивлены, хотя все и всё знали уже заранее.

Потом корону возложили на голову Филиппо Четвертого. Теперь уже Четвертого – официально. Его отец жив, он просто передал и титул, и власть... он не может больше выполнять свои обязанности. Хотя от двора он не удалится, от дел тоже...

А вот то, что коронуют Адриенну...

Это и была ее просьба.

Как-то защитить ее от супруга, который сделает с ней что пожелает. Вот просто что угодно. Что попросит эданна Франческа.

И его величеству пришел в голову только этот вариант.

Безусловно, Адриенна и сейчас будет сильно зависеть от мужа. Очень сильно. Но... она все же будет соправительницей. Законной

королевой в глазах всех, от нищего до кардинала. И Филиппо... да, он может многое сделать. Но откровенно унижать ее будет уже сложнее. Развестись вовсе невозможно. Хоть какая-то безопасность для Адриенны.

А изучение казначейских документов давало еще небольшую уверенность.

Может быть, она сумеет оказаться полезной? Ну хоть чуточку?

Тогда у нее будет на руках еще один козырь... Глупости?

Соломинка?

Утопающий и за гадюку схватится, не то что за соломинку! За что угодно! Филиппо сделал для невестки что мог, а дальше... дальше уж многое зависит от нее самой.

Полоска масла на лбу.

Тяжесть короны на голове.

Поможет это?

Навредит?

Знать бы заранее, только бы знать...

Наконец церемония закончилась, Филиппо Четвертый схватил Адриенну за руку и потянул за собой. Она послушно сделала несколько шагов, вышла из часовни и зажмурилась от ударившего в лицо солнца. Послышались первые приветственные крики.

– Да здравствует король!!! Ура королеве!!!

А потом...

На долю секунды Адриенне показалось, что солнце скрылось за тучами. Перепуганные криками и шумом, с Вороньей башни взмыли в небо птицы.

Десятки, сотни птиц... куда уж тут было придворным перекричать их?

– КАР-Р-Р-Р-Р-Р!!!

Какая-то доля минуты.

Птицы взмывают в небо, закрывают солнце и на миг сливаются в силуэт гигантского ворона.

Моргана!

Вслух Адриенна этого не сказала, достаточно было и королевского гнева.

А потом...

Да, в тот день переодеваться пришлось всем – и быстро. В белом осталась Адриенна. В алом рядом с ней – супруг.

Остальные же придворные...

А нечего было орать! Птицы испугались, а потому... да. Испуганные птицы где летят, там и гадят. Говорят, это к деньгам, так что собравшиеся придворные точно должны были разбогатеть – и серьезно!

Пир пришлось отложить.

И прошло не меньше часа, прежде чем все продолжилось.

– Ваша работа? – прошипел Филиппо Четвертый на ухо супруге.

Но Адриенна выдержала и его взгляд, и взгляд Филиппо Третьего, не дрогнув.

– Могу чем хотите поклясться. Хоть своими будущими детьми, я ничего не делала.

Это было серьезно, и мужчинам пришлось отступить. Действительно... кто их разберет, этих безмозглых птичьих тварей? Может, и правда крика напугались?

* * *

Пир.

Танцы.

Придворные веселились от души. А вот Адриенна сидела рядом с супругом.

По обычаю, они протанцевали друг с другом три первых танца. Больше было не нужно... Что ж. Танцевал его величество неплохо.

А вот что дальше?

Эданна Сабина коснулась локтя ее величества.

Да, уже королева... страшно-то как...

– Ваше величество, вам пора.

Адриенна покосилась на сидящего рядом Филиппо.

Тот опустил ресницы, и девушка встала из-за стола.

– С вашего позволения, ваше величество.

Кто бы сомневался, что ей позволяют?

В покоях с нее быстро сняли всю верхнюю одежду. Помогли протереть тело розовой водой – купаться было некогда.

Расплели и расчесали волосы, поставили в небольшую вазу на тумбочке черную розу, которую откололи от платья... кажется, это сделала та же Паола. Что ж, спасибо ей.

Адриенна залезла в кровать и приготовилась ждать. Руки и ноги были ледяными. Если девушка и не дрожала, то только потому, что окаменела от страха.

Послышался шум, и дверь распахнулась.

Первым в спальню вошел Филиппо Четвертый. Вслед за ним – Филиппо Третий, кардинал, еще кто-то из придворных... Адриенна не приглядывалась к лицам.

Филиппо Четвертый молча подошел к кровати и опустился на нее, рядом с Адриенной. Та случайно коснулась его руки – и вздрогнула.

Адриенна была ледяной, а он – невероятно горячим. Впрочем, думать об этом было некогда: кардинал начал читать молитву о даровании плодородия этому браку.

Все остальные так же благочестиво забормотали вслед за ним.

Закончив молитву, кардинал первым вышел вон. За ним потянулись остальные придворные... Филиппо Третий задержался.

– Сын. Ты помнишь.

Сын помнил.

– Адриенна. – Взгляд глаза в глаза. – Все будет хорошо.

Почему-то Адриенну это тоже не слишком утешило. Но и выбора не было.

Дверь захлопнулась.

Молодожены остались одни в спальне.

* * *

Филиппо упал поверх одеяла, раскинув руки в стороны. Словно сломался в какой-то момент...

Адриенна протянула руку вперед, но инстинкт остановил.

Нельзя!

Это слово она услышала так отчетливо, словно его кто-то шепнул на ухо.

Нельзя сейчас его жалеть, нельзя поддерживать, нельзя показать, что ты видела его слабость.

Не простит.

И она продолжала молча сидеть в кровати, пока Филиппо не перевернулся, не поглядел на нее.

– Моя дражайшая супруга...

– Мой супруг и повелитель, – спокойно отозвалась Адриенна.

В голосе мужа звучала ирония. А вот ей нельзя показывать страх или злость. Просто нельзя.

– Не стоит забывать об этом.

Адриенна промолчала.

Забудешь тут! Как же!

Медный крестик был единственным источником тепла в окружающем мире. Все остальное было холодом, и болью, и...

Филиппо откинул с супруги одеяло. Оценил фигуру взглядом знатока, кивнул.

Что ж...

Слишком худоцава, и стати такой нет, как у Франчески. Объяснить ему, что эданна тоже не сразу приобрела свои объемы, а Адриенна и вовсе приобретет их только после рождения ребенка, а то и позже, было некому. Так что сравнение вышло не в пользу супруги.

Но все же она вполне привлекательна.

Белая кожа, тонкая талия, небольшая грудь...

Вот еще эти гадкие черные волосы... но такие не осветлишь. Угольно-черная грива. Волны волос падают ниже пояса, вьются, спадают крупными кольцами, ползут по белой рубашке, словно змеи...

Под сильными пальцами тонкий шелк разошелся в стороны, и его высочество толкнул Адриенну на спину.

– Лежи так.

Адриенна и лежала.

Лежала, словно статуя, когда чужие руки исследовали ее тело, лежала, когда раздвинули ей ноги, лежала...

Даже когда боль разорвала мир, она почти не плакала. Только вскрикнула – и тут же обмякла.

Филиппо мерно двигался, стараясь не думать ни о чем. Угрызения совести?

Он не был груб с женой. Не больше обычного... ну... подумаешь – девственница! И чего так дергаться?

Закончив, он откатился в сторону и посмотрел в лицо Адриенны.

Девушка просто лежала. Смотрела в потолок, не моргала, не двигалась... на простыне виднелись ярко-красные пятна...

Совсем уж сволочью его высочество не был. И кольнуло его сильно.

Адриенна даже не плакала. Так, пара слезинок проскочила... Филиппо стало еще неприятнее. Ческа рыдала красиво. А эта...

Словно и не человек, а мраморная статуя. Но...

Девчонка же совсем. Сопливая...

Филиппо укрыл супругу одеялом. Потом подумал и погладил по волосам.

– Тихо, тихо...

Адриенна дернулась от его прикосновения.

– Не бойся. Сегодня больше ничего не будет.

Сегодня. В том-то и дело, что сегодня.

Адриенна судорожно сжала в ладони медный крестик. И на секунду приразжались когти... словно на шаг отступил ледяной холод, сжимающий сердце.

Словно где-то там, вдалеке, Лоренцо вспомнил о ней.

– Я... прости.

Больше у нее ничего не выговаривалось. Да и за что просить прощения?

Но чутье подсказывало, что это – единственное, что сейчас нужно. Только это.

Филиппо смутился. Взял Адриенну за свободную руку.

– Ну... тише, тише, детка. Ты это... я понимаю, что больно. В первый раз у всех так.

– П-правда?

– Правда. – Филиппо стало окончательно стыдно. Все же девушка... может, Ческе тоже так было в первый раз... а ее никто не утешал и не успокаивал...

Филиппо погладил черные волосы. Нет, блондинки ему нравятся определенно больше. Но можно и потерпеть немного. Ради наследников.

– Потом будет легче. Обещаю.

Адриенна еще раз всхлипнула. Чутье говорило молчать, и не прогадало. Филиппо опять погладил ее по волосам, прижал к себе.

– Мне это тоже не нравится. Но выбора у нас нет... я надеюсь, ты быстро забеременеешь.

– Мне до семнадцати лет нельзя...

– Я помню. Поэтому пока тебя трогать не буду, обещаю.

– Спасибо, – тихо поблагодарила Адриенна.

Было больно. И кровь, она чувствовала, еще идет.

– Я буду просто приходить, будем спать в одной кровати. Может, и ты ко мне привыкнешь, и я к тебе.

– Я... постараюсь.

Филиппо опять кольнула совесть.

– Как ты себя чувствуешь?

– Кровь идет. Может, есть какая-то простыня?.. Я кровать испачкаю...

Филиппо честно поискал, но, кроме купального полотенца, ничего не нашел. Помог Адриенне поудобнее его пристроить, испытывая откровенную неловкость, и забрался обратно в кровать.

– Вот так... ты сможешь заплетать волосы в косу?

– Да.

Вот это с удовольствием. Адриенне было жутко больно, когда Филиппо сегодня еще и ее волосы прижал... очень неприятное ощущение. Но ритуал – во время первой брачной ночи волосы должны быть распущены.

– Давай тогда я их приберу немного... вот так. Чтобы не путались.

– Спасибо.

– И ложись. Может, ты поесть хочешь?

– Нет.

– Ну и ладно. А я перекушу и тоже лягу. Завтра нам простыню еще предъявлять...

Адриенна кивнула.

Да. И простыню.

И любовь друг к другу демонстрировать.

И послов принимать. И на завтрак сидеть. И... и вообще...

Черт, ну как же больно! Хоть бы кровь побыстрее унялась! Еще ей этого не хватало, ко всем «радостям»...

Неподалеку жевал что-то мясное Филиппо, «благодаря» на всю спальню. А Адриенна сжимала онемевшей уже рукой крестик и

пыталась подумать о Лоренцо. Спрятаться в свои воспоминания, словно в норку... Ничего. Все будет хорошо.

Правда ведь?

Обязательно будет!

Когда Филиппо подошел к кровати, Адриенна уже спала, тихонько всхлипывая во сне. Его величество подумал, да и устроился на другом конце ложа. Благо тут вшестером можно спать и не встретиться. Вот ведь...

Какое же неприятное дело – эти свадьбы!

* * *

– Молю о милости!!!

Кинжал поднимается вверх, переливаясь голубоватыми искрами в лунном свете.

– Да вернется ко мне любимый!

Кинжал идет вниз, погружается в грудь женщины на алтаре, окрашивается алым... кровь течет, пятная руки эданна, ее платье...

Ведьма подошла к вопросу творчески и подобрала женщин, чем-то похожих на Адриенну СибЛевран.

Невысоких, хрупких, черноволосых... так что эданна Франческа сейчас не просто жертву Сатане приносила, она ненавистную соперницу убивала...

Убить, убить, УБИТЬ!!!

Кинжал погружается в грудь второй девки, слышатся крики и хрипы, эданна поднимает белые руки... в крови.

Белые руки, алая кровь, золотые кольца на руках... тоже в крови. Почти цвета Эрвлинов...

– Да придет он в мою постель! Да будет моя соперница повержена!

Кинжал мерно поднимается и опускается... Ческа вся в крови, даже волосы уже не золотые, а почти бурые...

Наконец силы ее оставляют, и женщина опускается на колени.

Ведьма подходит, накидывает на нее плащ, мимолетно сожалея о хорошей вещи: выкинуть же потом придется, столько крови не

отстираешь... ну да ладно! Заплатит эданна и за плащ, и за заботу, и за свою глупость, за последнюю – особенно.

В себя эданна пришла только в доме, в кресле, с кубком горячего вина с пряностями в руке.

– П-получилось?

Ведьма ухмыльнулась про себя. Да, и такое бывает, когда человек впадает в нечто вроде экстаза... потом не вспомнит даже, что с ним такое было...

Ну и не надо вспоминать! Свидетелей хватит! С лихвой!

– Все у тебя получилось, эданна. Вернется он к тебе, никуда не денется.

Чего б и не пообещать? Конечно, вернется.

Эданна Франческа тряхнула головой. Поморщилась: кровь с нее никто не смывал, и та, засохнув грязно-бурой коркой, неприятно стягивала кожу. Да и плащ кое-где прилип, и волосы спутались...

– Это х-хорошо...

– Пока ему отец чего другого не прикажет, – «катнула камушек» старая ведьма.

Эданна Франческа сверкнула глазами.

О да!

Отец!

Эта Адриенна за последнее время как-то... не то чтобы привязалась к Филиппо Третьему, но хоть понимать его начала. А вот эданна Франческа...

Смогла бы – сама б убила! И рука не дрогнет, натренировалась уже! С лихвой!

– Прикажет! Кто бы сомневался! Но тут ничего не сделаешь!

– Разве? – невинно уточнила ведьма. И была вознаграждена сверканием черных глаз.

– Ты... можешь?

– Я не смогу. А вот ты, эданна... это должен делать тот, кто ненавидит. И жертва большая нужна...

Франческа поежилась.

– Очень большая?

– Да. Не меньше десяти человек... это будет дорого. И сложно...

Такие мелочи эданну уже не останавливали.

– Но он точно умрет?

– Человек, имя которого ты назовешь? Точно.

Если говорить про Филиппо Третьего, он и без таких усилий умрет. Но если уж эданне хочется чувствовать себя всемогущей... да, вот оно! Именно это!

Эданну Франческу, которая всю жизнь подчинялась, подлащивалась, подстраивалась под чьи-то интересы, привлекала именно возможность управлять. Властвовать, пусть и тайно, в чьей-то жизни и смерти.

Вот у Адриенны такого желания не было, ее этим не возьмешь. Ей – зачем? Она себя никогда не ломала ни под кого, она *осознавала необходимость* действия – и его выполняла. Она не через себя переступала, а понимала, что бывают желания, но ведь есть и обстоятельства! И это нормально, это правильно, никто не всемогущ... даже если говорить о Сатане – летел же он с неба вперед рогами? Бывает, и Бог не всемогущ, он не может обойти свои законы.

У эданны Франчески такого не было. И ей хотелось власти... Нет хозяина хуже бывшего раба.

– Ты... сделаешь?

Ведьма кивнула.

– Сделаю. Но нужны будут деньги.

Франческа кивнула.

Деньги... да, с деньгами сложно. Филиппо приезжает, и деньги ей дарит, и украшения, но... не всегда хватает! Она ведь привыкла к определенному уровню жизни, она не может опустить планку...

– Я принесу.

Украшений у нее тоже хватит. Филиппо все и не помнит. Проще отдать старухе побрякушку, чем закладывать ее ювелиру. Если что, Ческа всегда скажет, что или украли, или...

Она найдет что сказать!

Это другие попадают. Глупые, бестолковые... а она умная, она справится. Она вывернется!

– Когда?

– В новолуние.

– Но это же почти месяц ждать!

– Эданна, такое быстро и не сделаешь, другие и вовсе такого не смогут.

С этим спорить было сложно. Ческа вздохнула.

– Хорошо. Делай. И чтобы без обмана!

Ведьма закивала.

– Не беспокойся. Пока ж все делаю, что ты хочешь?

– Да.

– Не обманываю?

– Не обманываешь.

– Вот и тут не обману. Жди гостя и готовься...

Эданна Франческа кивнула и поднялась из кресла. Ну, если ждать гостя... да, ей надо домой и срочно-срочно собой заняться! Для начала как следует выспаться, чтобы кожа была хорошего цвета. Это в юности можно себе позволить не спать по ночам, а ей-то уже почти тридцать... пусть она выглядит моложе, но не вдвое. Нет, не вдвое...

Эданна не понимала, что выдает ее не кожа, не улыбка, не морщинки на лице.

Выдает ее взгляд. Холодный, тяжелый, рассудочный... В юности глаза светятся. А вот когда потухнут, тогда и старость приходит. А сколько там седины и морщин... это не важно. Пока внутри горит огонь, тебе всегда пятнадцать.

Но если бы кто-то заглянул внутрь Франчески...

Огня там не было. В душе эданна тяжело переваливалась, воняла разложением, плескалась густая, липкая грязь. Но упакована она была в столь привлекательную оболочку, что еще долго будет обманывать окружающих. Особенно невнимательных, тех, кто судит о людях по внешнему виду... Посмотрели б они на блистательную красотку сейчас! Неделю б не проблевались!

Ведьма честь честью проводила эданну и задумалась.

Она понимала, что не просто так господин затеял всю эту игру. Но отлично понимала, что и ее выживание не предусмотрено.

А вот чего не понимал господин...

Ведьме не нужно было выжить. Ей хотелось получить другое, совсем другое. И шансы у нее были очень хорошие. Надо только все тщательно продумать, второй попытки, увы, не будет.

Ничего, она справится.

Лоренцо

Это было больно.

Словно кто-то вонзил ему кинжал в живот и принялся там поворачивать.

Словно ледяной холод растекся по всему телу, сковал, заморозил – и не собирался выпускать из своих объятий...

Словно...

Лоренцо даже не понял сначала, что с ним происходит. И только потом, когда обожгло шею...

– Адриенна!

Подвеска раскалилась так, что даже кожу обжигала. Но Лоренцо рад был этой боли.

И – не рад.

Ей плохо!

Она где-то там, далеко, ей больно, ей страшно и тоскливо, а он... он ничего не может сделать для любимой! Вообще ничего! Он здесь, словно колода, лежит и даже встать пока не может – раны откроются... даже до нужника сам дойти не может...

– Адриенна!

Имя?

Нет, едва слышный даже самому Лоренцо шепот.

До сих пор слабость была такая... хоть падай, хоть лежи. Раны болели, воспалялись, иногда даже головой шевельнуть было сложно. Лоренцо понимал, что выздоравливать будет долго, и принимал это стойчески, но сейчас...

– Адриенна...

Где-то там, далеко, его любимой причинили настоящую боль. А он... он ничего не может сделать.

Вообще ничего.

Только... Лоренцо вспомнил, как барахтался в ледяной темной воде. Вспомнил теплые руки, словно протянувшиеся к нему из дальней дали, тихий шепот...

И попробовал сделать то же самое.

Я не знаю, как мы связаны, любимая. Я не знаю, что с тобой происходит. Но... пожалуйста, услышь меня. Не надо, не надо впадать в отчаяние. Оно холодное, черное, склизкое, оно, словно та вода, оплетает своими щупальцами – и не выбраться, не шелохнуться, – оно сжимает в своих кольцах, проникает внутрь, отнимает последние силы.

Не надо...

Не думай ни о чем плохом.

Ты жива, и я жив, а все остальное мы сможем исправить. Ведь главное-то что? Что рано или поздно мы встретимся, и мы будем вместе, я приду и возьму тебя за руку. И погляжу в твои глаза, такие синие, глубокие, счастливые... твои глаза для меня – как две путеводных звезды.

Ты ждешь, и я счастлив. Я иду к тебе через все горести, преграды, невзгоды... ты спасала меня от боли и смерти, так не закрывайся теперь от меня. Позволь мне тоже спасти тебя!

От холода, равнодушия, безразличия, боли...

Я не знаю, кто именно тебя ранил. Это сейчас не так важно. Я приду и убью это существо, вот и все. И оно никогда больше не посмеет тебя огорчить.

Я не знаю, почему тебе так больно.

Но не надо закрываться от меня.

Я готов делить с тобой не только счастье – это ведь не настоящему, когда в счастье мы вместе, а когда боль, каждый должен переживать ее сам. Это неправильно, нечестно, подло, наконец! Ты не дала мне сорваться в пропасть, так позволь же и мне помочь. И все будет хорошо.

Я приеду, и все будет просто замечательно, обещаю тебе.

Только дождись меня, родная.

Только услышь...

Тише-тише, я всегда буду рядом с тобой. Пусть между нами есть какие-то смешные горы и дороги, пусть. Это не расстояния, это не преграды, это маленькие временные трудности. И мы их обязательно преодолеем. Я буду рядом с тобой!

Я вытру твои слезы, и ты никогда-никогда не будешь больше плакать, обещаю!

Я буду беречь твой сон, я буду шептать тебе о своей любви, я буду так же бережно хранить твоё сердце, как ты хранишь мое...

Ты не просто самая прекрасная женщина в мире, любовь моя.

Ты – единственная.

В мире могут быть и другие люди, это их право – быть. Они могут быть рядом, они могут делать что им заблагорассудится, но ты для меня – единственная. И я знаю, что я для тебя тоже важен.

Не рви себе сердце, родная моя. Спи, и пусть завтра тебе станет чуточку полегче. Услышь мои слова.

Я люблю тебя!

Я вернусь, Адриенна!

Ты. Не. Одна.

Лоренцо шептал это почти сквозь сон. И точно знал: где-то там, в Эрвлине, Адриенна его слышит. И успокаивается, расслабляется... ей становится легче.

Слова – великая сила.

И если кто-то думает, что это неравноценно... Зря. Очень зря. Адриенна ведь вытаскивала его после боя, в штормовом море...

Душа болит намного сильнее, чем тело. Раны можно излечить. Но когда душа замерзает, и устает жить, и съеживается в крохотный клубочек – это действительно страшно. И так важно, чтобы рядом оказался ну хоть кто-то живой...

Кто-то, кто шепнет теплое слово, кто улыбнется... А иногда – просто живое существо. Та же кошка или собака... им ведь тоже дано любить, а любовь, настоящая любовь, она всегда греет.

И сейчас Лоренцо шептал что есть сил. И его слова, долетая до Адриенны, согревали ее душу. Бережно вплетались в ее сон... Когда она проснется, она будет сильной.

Она будет улыбаться, она будет высоко держать голову, она...

Она справится.

Именно потому, что Лоренцо думает о ней. И когда надламывается, трескаясь от мороза в звонкие осколки, ее сила, он рядом. Он поддержит, он не даст упасть...

Время? Пространство?

Разве они имеют какое-то значение для любви?

Никакого.

Спи, любимая. Завтра мы с тобой станем чуточку сильнее. Мы ведь вместе, и сломать нас не получится. Спи, и ни о чем не печалься. Я с тобой. Всегда с тобой...

Энцо шептал и знал, что так же уверенно вытягивает свою любимую из горя и отчаяния, как и она в свое время вытянула его. Все будет хорошо.

Все образуется...

Рядом с Лоренцо, на тюфячке, шевельнулась Динч. Сегодня была ее очередь дежурить рядом с раненым. Подать воды, помочь справиться нужду...

Лоренцо старался справиться сам, но не стоит лишний раз беречь раны.

И сейчас женщина прислушивалась к его словам.

Адриенна?

Любимая?

О другой женщине говорит ее мужчина... Более того, мужчина, которого она уже выбрала в свои мужа, в отцы своих детей, мужчина, на которого у нее определенные планы.

Почему? Хотя тут все ясно. Потому что любит.

Потому что...

Динч едва зубами не закричала, остановило только опасение разбудить Лоренцо или дать ему понять, что она слышала, она все знает...

Нет, ни к чему. Она пока помолчит.

А еще...

Лоренцо – человек очень порядочный. Очень добрый, очень ответственный... любить он может кого угодно, но... он никогда не бросит своего ребенка.

Никогда.

Они задержатся в том селении на зиму, так что шансы у нее есть. Определенно есть...

И уж она-то своего не упустит. И никому ничего не отдаст! Вот! Не знаю, нужен ли он тебе, Адриенна, но Лоренцо – МОЙ!

Адриенна

Солнечный зайчик критически осмотрел плотные портьеры
М-да... поди пробейся через такие!

Сложно...

А если в обход?

Он упорно обследовал шторы, потом оконную раму и наконец нашел подходящее место. Как раз там, где карниз самую чуточку покосился и можно было пролезть в комнату через крохотное отверстие.

Ничего, ему хватит!

Одно ловкое движение – и солнечный зайчик оказался внутри комнаты, проскакал по потолку, спустился вниз и удобно устроился на розовой пятке, которая выглядывала из-под одеяла. Поерзал немного, пощекотался...

Адриенна втянула ногу внутрь, но было непоправимо поздно. Свое солнечное дело зайчик сделал – и запрыгал по спальне дальше, выискивая, куда бы присесть.

Девушка чихнула и открыла глаза.

И тут же пожалела об этом.

Ой, как гадко-то...

Тело все ломит, болит, подташнивает, голова явно кружится, а между ног вообще ощущение такое противное-противное. Это и есть супружеский долг?

Воистину, такой долг надо с приставами и стражей взыскивать, нормальные люди по доброй воле на такое не согласятся. Вот, к примеру, она. Совершенно не согласна!

Только кто ее спрашивал?

Филиппо Четвертый тоже проснулся и теперь смачно зевал. Еще и, простите за грустные подробности, воздух портил. А вот не надо было вчера овощи в таких количествах уплетать. Зеленый горошек – штука вкусная, кто бы спорил. Но в определенных сочетаниях он еще и весьма... газопроизводительный.

Впрочем, Адриенне Филиппо и так не нравился. Так что ароматизация комнаты... да плевать три раза!

– Доброе утро, дражайшая супруга. – Филиппо выбрался из-под одеяла и зашлепал к ночной вазе.

– Доброе утро, дражайший супруг, – в тон ему отозвалась Адриенна.

– Как вы себя чувствуете?

– Отвратительно, – честно сказала девушка, откидывая одеяло.

Филиппо, который как раз ощутил определенную легкость в организме, повернулся и едва не присвистнул.

Кожа у Адриенны была тонкой и белой. И синяки на ней смотрелись оч-чень грустно. И было их достаточно... Объяснять, что это по неловкости, а не со зла? А болит-то одинаково...

Хоть ты из вредности, хоть ты как, а все равно больно.

Скомканное полотенце пропиталось побуревшей за ночь кровью, и Адриенна брезгливо скинула его на пол. На простыне тоже была кровь.

– Лекарь нужен? – Филиппо интересовался вполне деловым тоном. Вряд ли отец простит ему угробленную супругу... как-то это неправильно.

– Лекарь? Да, наверное, – кивнула Адриенна, прислушиваясь к своим ощущениям. – И не только он. Позовите ко мне служанку, причем не абы кого, а именно Розалию Меле.

– Розалию Меле?

– Она точно не будет сплетничать, – пояснила Адриенна. – Это важно.

Филиппо медленно кивнул.

– Хорошо. Розалия Меле. А фрейлин?

– Прикажете им пока подождать. Пусть приготовят мне утреннее платье, эданна Сабина догадается, что именно нужно. И попросите лично ее мне помочь. Скажите, к примеру, что мне нужен совет или что у меня болит голова после бурной ночи... хорошо?

Филиппо кивнул.

И поставил супруге плюсик. Емкий такой...

Вот окажись она другой... а ведь могла бы сейчас и истерику устроить, и поплакать всласть, и позвать к себе девушек... и через два часа по дворцу такие сплетни бы разнеслись! Подумать жутко!

Вместо этого Адриенна заботится о его... да, сейчас именно о его репутации.

Вот как хотите, никто не подумает плохо о ней после брачной ночи.

Кровь есть, все соблюдено. Невеста была девушкой. Что не умеет мужчине угодить, так это и понятно, не шлюху из борделя взял. А вот его отношение...

Он мужчина, тут с него и спрос больше. И синяки, и кровь, и...

– Я позову дана Виталиса.

– Благодарю, ваше величество.

Филиппо влез в ночную рубашку, накинул халат и вышел из спальни супруги.

* * *

Адриенна поспешно заложила засов. Откроет она только Розалии, это уж точно. Засов – это так, гарантия, что никто лишний не ворвется.

Тело болело.

Но от вчерашнего ледяного отчаяния – жизнь кончена, она навечно связана с нелюбимым – и следа не осталось. Вообще.

Рассосалось, как и не бывало.

Адриенна подошла к окну.

Эти несколько минут у нее есть. Девушка раздернула шторы, солнечный свет ударил в лицо, обволок хрупкую фигурку теплым золотистым покрывалом, погладил, утешил, согрел...

Во сне она видела Лоренцо. Она это хорошо помнила. Любимый держал ее за руки, говорил что-то хорошее... не целовал, нет. Это вообще был на редкость целомудренный сон. Но Адриенна была счастлива.

Он помнит про нее.

Он жив.

Он обязательно вернется, и все будет хорошо. Будет ведь, правда?

Адриенна понимала, что развода ей никогда не дадут, что мужу она не сильно-то и нужна, что ее могут попросту убить после рождения ребенка, что ее жизнь висит на волоске вот уже почти четыре года...

Да много чего понятно. Только вот какое это отношение имеет к Лоренцо Феретти?

Главное-то другое!

Он жив, он будет жить... пусть не с ней, пусть с другой женщиной, но живой ведь! Это самое главное! Остальное – мелочи, неважные и недостойные.

Адриенна не желала счастья для себя. Она хотела его для любимого человека. Пусть у него все будет хорошо, а там и она будет счастлива. Не своим счастьем – его. Для него, за него...

Что еще-то нужно? Да ничего...

В дверь поскреблись, обрывая грустные размышления.

– Кто?

– Ваше величество, это Роза...

Адриенна кивнула, накинула халат и приоткрыла дверь. Распахивать не стала, ни к чему. Пусть только Розалия войдет.

И девушка не подвела.

Скользнула в щель так, что никто ничего не разглядел, задвинула засов... и огляделась.

– Ох-х-х-х...

Адриенна лишний раз порадовалась, что послушалась Джованну и наняла ее подругу. В голосе Розалии звучала укоризна и возмущение, но наружу они прорвались только интонацией. Не ее это дело – свое мнение высказывать, нет, не ее...

– Поможешь?

Розалия подумала пару секунд и кивнула.

– Ваше величество...

– Дана Адриенна, мы уже говорили.

Розалия кивнула еще раз. Ну говорили. Так это ж до коронации было, а у короны такое странное свойство: вот как кто ее наденет, так и меняется. И не в лучшую сторону, нет...

– Дана Адриенна, вы в кровать вернитесь и одеялом укройтесь. А я уж тут...

Адриенна молча отдернула одеяло.

Вот ему практически крови не досталось. А вот простыне, полотенцу...

Джованна подумала пару минут, а потом устроила королеву на кушетке, нашла для нее плед и даже мимоходом погладила дану по руке. То есть эданну.

Уже эданну, она ведь замужем.

– Сейчас я все тут устрою, не переживайте.

Руки у Розалии росли откуда надо, не прошло и получаса, как она все привела в приличный вид. И постельное белье переменила, хоть и было ей в одиночку это сложно сделать. Адриенна хотела помочь, но тут уж Розалия головой замотала. Нет, ни к чему.

Тут сноровка нужна, а если у человека такой нет... это не помощь, это боль зубная^[9].

Менять-то надо и простыню, и наволочки... они же комплектом идут! С вышивкой в тон, с кружевом...

– Забери эти наволочки и полотенце себе, – тихо попросила Адриенна. – Или отдай кому-нибудь.

Розалия кивнула.

Предложение было щедрым. Ткани дорогие, а кровь... она ее преотлично отстирает. Уметь надо! И будет у нее приданое к свадьбе.

– Спасибо, эданна Адриенна.

– И ночную рубашку с халатом тоже.

– Благодарю вас! – Розалия еще раз оглядела спальню, сочла, что беспорядка больше нет, и решительно открыла дверь. Впрочем, фрейлин не пустила, распорядилась насчет горячей ванны. А на вопросительный взгляд Адриенны объяснила:

– Эданна Сабина приказала. Вода стояла, ждала, как вы проснетесь.

Адриенна поблагодарила и эданну. Невероятно умная женщина.

Лакеи внесли ванну, наполнили ее горячей водой, Розалия прикрыла за ними дверь, опять задвинула засов и помогла Адриенне встать. Подняться по лесенке, спуститься в ванну... Адриенна легла в горячую, приятно пахнущую розами воду и даже застонала от удовольствия.

Хорошо...

Розалия молча принялась промывать длинные волосы ее величества. Кое-где в них засохла кровь. М-да, бедная эданна... вот козел же!

Вслух такого, понятно, не скажешь. Но – козел!

Привык ты к своим шлюхам? Ну так бабы-то все разные! Думать же надо, головой думать, а не тем, чем гвозди заколачивать можно! Ладно еще девственность... тут у всех по-разному. У кого-то кровит больше, у кого-то меньше.

Но синяки-то!

Вот они!

И на руках, и на теле... нет, уважение скромной горничной его величество Филиппо Четвертый сегодня потерял раз и навсегда. Думать надо!

И сдерживаться!

Розалия помогла Адриенне выйти из ванны, завернула ее в громадную купальную простыню и отправилась к эданне Сабине.
Ее величество надо было одеть. И платье, и белье...

* * *

Эданна Сабина не ворвалась ураганом, не прокралась мышкой. Она просто вошла, как и обычно.

– Эданна Адриенна, как вы себя чувствуете?

– Отвратительно.

– В приемной дожидается дан Виталис.

– Я... Поможете мне одеться?

Эданна Сабина только хмыкнула.

– Эданна Адриенна, наоборот. Я сейчас его приглашу, он вас осмотрит... Кстати, где простыня?

Розалия молча подала эданне простыню с засохшей на ней кровью.

– Отлично. Я сейчас прикажу ее вручить его величеству. При всех. Адриенна скрипнула зубами.

– Чертова тряпка...

– Эданна, ее НАДО вывесить на всеобщее обозрение. Это логично, – погрозила ей пальцем эданна Сабина.

– Надо, надо...

Только почему Адриенне от этого не легче?

– Вы пока лягте на кровать, дан Виталис вас осмотрит, а я пока одежду поменяю...

– Поменяете?

Эданна Сабина коснулась запястья Адриенны, которое красноречиво выглядывало из кокона купальной простыни. Синяк виден...

– Ни к чему такое показывать.

Адриенна была с этим полностью согласна.

Ни к чему.

– Хорошо. Приглашайте дана Виталиса.

Адриенна прошествовала к кровати и легла, не заметив, какими взглядами обменялись эданна и ньора.

Вот ведь...

Одна благородная, вторая чуть не из деревни, одна в возрасте, вторая молодая, одна была замужем и детей вырастила, второй это только предстоит. Но здесь и сейчас, а может, и там, и потом...

Эти две женщины поняли друг друга. И подружились.

Так тоже бывает, когда дружат *против кого-то*. К примеру, против короля Филиппо Четвертого.

Это не скажут вслух, вообще не произнесут никогда. Но... двух недоброжелательниц его величество этим утром приобрел. Сам виноват... козел!

* * *

Дан Виталис оказался в списке третьим номером. И ему увиденное тоже не понравилось.

Он осмотрел синяки, потом попросил эданну раздвинуть ноги, осмотрел внутренние повреждения, извинился, ощупал...

Адриенна лежала такая красная, что даже синяки, наверное, видно не было. Но лекарь же!

Эданна Сабина подошла и взяла ее за руку.

– Все хорошо, эданна Адриенна. Чш-ш-ш-ш-ш-ш...

Нельзя сказать, что эданну это сильно утешило. Но чуть полегче стало.

Дан Виталис закончил осмотр и покачал головой.

– Эданна Адриенна, я оставлю мазь. Вы сможете сами смазывать... там? Внутри?

– Смогу, – вздохнула Адриенна. Можно подумать, у нее есть выбор!

– Если не сможете, я буду приходить каждый день. Это надо делать два раза, утром и вечером. Сейчас я мазь наложу и вечером приду, осмотрю вас.

– Хорошо, дан Виталис.

– И я бы рекомендовал вам воздержаться от супружеских отношений хотя бы декаду. В противном случае раны не успеют зажить.

– Раны... все так серьезно?

Дан Виталис вздохнул.

Серьезно?

Ну... что тут скажешь? Явно его величество одарен природой. И так же явно ее величество была не готова к исполнению своего долга. Вот и результат.

А еще точнее...

Головой думать надо! Тьфу, дурак! Не мог понять, что все женщины взрослеют по-разному? И развиваются тоже по-разному?

Кто-то и в двенадцать лет уже иной бабе фору даст. А кто-то и в шестнадцать... которых эданне еще и нет, да, дан Виталис был в курсе некоторых обстоятельств!

Как лекарь!

Филиппо Третий советовался с ним, может ли такое быть, что до семнадцати лет женщине нельзя беременеть... И получил адекватный ответ.

Да, такое бывает.

Да, нельзя... иначе это может закончиться гибелью матери и плода. В практике лекаря и такие случаи бывали. Гибели невестки его величество не хотел, так что проще было дать Адриенне возможность развиваться и созреть. Но оказалось, что времени не хватило.

– Эданна Адриенна, я поговорю с его величеством сам. А вы будьте любезны следовать моим требованиям.

– Хорошо, – не стала придирается к словам Адриенна. – Прошу, дан Виталис, оставьте нас. Мне надо одеваться.

Дан Виталис тоже не стал упорствовать. Он попросту направился сначала к Филиппо Четвертому, выложив ему простыню с кровью. Ну и заодно чуточку – так, немного... – преувеличил травмы ее величества. Филиппо Четвертый в результате уверился, что порвал жену, как Бобик – тряпку.

А потом дан Виталис пошел к Филиппо Третьему. И его величеству Четвертому сильно нагорело еще и вечером, от отца. Так что поездка к эданне Ческе пока откладывалась.

Пока эданна Адриенна не придет в себя.

Филиппо не возражал. Тут он за собой вину понимал. Что поделаешь... действительно не подумал. Тут и вино, и вообще...

В результате он отправился в сокровищницу и выбрал для супруги дорогие украшения.

Парюру с сапфирами.

Сейчас он сходит подарит ее величеству подарок и покажет всем, что в их семье царит мир и покой. Все же были и у Филиппо Четвертого свои положительные стороны.

Ошибки он признавать умел, при правильном подходе. И понимал, что дан Виталис – необходимость. И его отец... тут тоже... не скроешь.

А остальные будут молчать.

Ему повезло с супругой. Пусть он никогда не любил и не полюбит Адриенну Сиблевран, но где вы видели любовь в династических браках? Хватит уже и того, что у них есть определенное взаимопонимание. Она и про Франческу поймет.

Не одобрит, но поймет. Вот это Филиппо тоже знал.

Ладно уж...

Ему хотелось жениться на любимой женщине, но если нельзя... не разрешат ему такого, это против законов Божеских, королевой должна быть только девственница... ну пусть хоть это будет человек, с которым можно договориться.

Да, сапфиры.

И, наверное, кобылку ей подарить? Вроде как она что-то такое в лошадях смыслит?

Да, кажется...

Пусть будет и кобылка. Только черная... Ческе он белую дарил, а этой... черная – в самый раз.

И Филиппо уверенно зашагал в сокровищницу.

* * *

Филиппо не знал, что его отец уже отослал Адриенне подарок.

Ту самую черную кожаную шкатулку.

Адриенна коснулась ее пальцами, погладила гладкую кожу... а потом решительно откинула крышку.

Золотая корона вчера... это да, это для толпы.

А вот сегодня, здесь и сейчас – настоящее.

И хорошо, что в спальне никого нет.

Адриенна достала корону и медленно надела себе на голову.

– Я приняла твой долг, Моргана.

Хорошо, что рядом никого не было.

Потому что побежали-побежали по стенам спальни алые отблески... приняла?

Ну так получай!

Если белый свет для святых, а алый для чертей, то Адриенна сейчас была похожа на демона. Камень в короне запульсировал тревожным алым тоном, налился кровью, и, только когда девушка отняла руки от короны, начал успокаиваться.

Он тоже чувствовал.

Да и был-то кусочком того самого алтаря, что сейчас пульсировал в подземелье замка.

Адриенна погладила обруч кончиками пальцев.

– Ничего... я справлюсь. Я очень-очень постараюсь, бабушка.

И комнату вновь залило алым.

Ваше величество, вы приняли свой долг и свою ношу. Пусть они не будут слишком уж неподъемными...

Глава 7

Мия

– Дан Козимо, все сделано.

– Спасибо, Мия.

Мужчина даже дышал с трудом. Но смотрел он на Мию с искренней благодарностью. И было отчего...

Та самая встреча на дороге, увы, имела последствия.

Пропавший дан Марко Аркури, а именно так звали брата несчастной Бьянки, сама Бьянка Аркури, которая повесилась в храме, ну и, для полного «счастья», их мать, Доменика Аркури.

Доменика была женщиной решительной и отважной. И сейчас это сыграло против нее.

Если бы она сидела тихо, если бы никуда не лезла...

Если бы...

Осень, знаете ли... такая пора, лес сбрасывает листву, оголяется, и становятся видны многие его секреты.

В том числе...

Да-да. Именно что четыре трупа.

Зверье растащило далеко не все. То, что осталось... опознали?

Во всяком случае, в яме нашли кинжал Марко. Мия не стала обирать покойников, Рикардо тоже это не пришло в голову, тела они свалили, как было. И неудивительно.

Рикардо вообще не приходилось разбираться с покойниками, а за Мию все дела продумывал Джакомо.

Понятно, что Мия тоже помогала, и планировала, и работала самостоятельно, и частенько импровизировала, как с тем же Леонардо, но... это было в здравом уме! А не в приступе дикой влюбленности, когда голова вообще участия ни в чем не принимает. Вот и результат...

Эданна Доменика и так предполагала, что ее сын погиб, но, получив подтверждение, окончательно сошла с ума. Увы, в буквальном смысле этого слова. Еще трое детей, которым нужна мать?

Вот об этом она не думала. То ли двое старших были ее любимчиками, то ли что еще...

Младшим детям еще сильно повезло. У эданны Аркури были живы ее родители, дан и эданна Дженовезе, которые и приехали, узнав о смерти внучки и исчезновении внука.

Они видели, как их дочь сходит с ума.

Обвинять Рикардо?

Самое забавное, что обвинять-то его было особенно и не в чем.

Дан Фаустино и эданна Джорджия Дженовезе навестили дана Козимо, поговорили и с Рикардо, но... Рикардо ничего и не отрицал.

Да, спал с Бьянкой.

Это было, она за ним бегала, она его поймала. Это может кто угодно подтвердить. Хоть по округе расспросите.

Дженовезе так и сделали – и получили правдивый ответ от людей.

Дана Бьянка действительно бегала за даном Рикардо. Не он за ней, нет. Ему и вовсе было некогда бегать, ему выбирать надо было. Красавец такой... тут и даны, и эданны в очереди хоть стоят, хоть лежат... Жениться он никогда не обещал.

Бьянка уверяла, что выходит замуж, что у нее есть жених, что ей надо просто пару ночей... да, не устоял. А кто бы устоял на его месте?

Дженовезе только переглянулись.

Выяснилось также, что Бьянка вела дневник, куда и записывала все свои переживания. В том числе и любовные, особенно их. Все так и было.

Марко?

Его друзья?

Рикардо только руками развел. Что с ними случилось? Да кто ж их знает... может, и убил кто. Он лично? Он бы с четырьмя не справился. Никак...

Это тоже не вызывало сомнений, а Мия...

Мия выглядела так, словно ничего тяжелее веера отродясь в руках не держала. Вся хрупкая, нежная, эфемерная... в розовом платице и с розовой же лентой в волосах. Внешне она тоже была гораздо привлекательнее Бьянки, так что...

Дженовезе и рады были бы ополчиться на Демарко. Но – не за что. Попросту не за что...

А вот эданна Аркури...

Увы, она так не считала и не рассуждала. Но ведь недоглядела за дочерью. Можно ведь и так посмотреть, нет?

У тебя девчонка по соседу с четырнадцати лет с ума сходит, а ты не в курсе? И как она за ним бегала, и как под него прыгнула... почему ты ее не остановила? Почему не уследила?

Кто-то и так думал, обвиняя больше не Бьянку (какой уж там разум в пятнадцать-то лет?), а ее мать. Вслух о таком не говорили из сострадания к горю эданны Аркури, но в гостиных слухи ходили.

Эданна же...

Она себя как раз не обвиняла. Она собиралась кидаться в ноги королю. И умолять его о милости для себя и о возмездии для Демарко. Чем это могло бы закончиться?

Чем угодно.

Филиппо Третий не отличался голубиной кротостью характера. Вести о свадьбе еще не успели дойти до провинции, о коронации тоже... это время нужно. Даже гонцам. И сколько нужно гонцов?

Ой, много...

И гонцы с ног сбивались, и голубиная почта...

Мия все равно была не в курсе. Все новости Эрвлины приходили к дану Козимо, а она даже и не интересовалась – к чему? Плевать ей было на обоих Филиппо, ее все сильнее затягивала любовь к Рикардо. Ей нравилось все.

Нравилось фехтовать с ним на заднем дворе замка, нравилось принимать ванну вместе с ним, нравилось спать рядом, уткнувшись в его плечо, нравилось...

Ей нравилось – все. И лучшего времяпрепровождения для нее не было. Ну разве что побеседовать с даном Козимо, поиграть с ним в шахматы, которые неожиданно покорили Мию своей точной и строгой логикой.

Оружие – это красиво.

Шахматы – это тоже очень красиво. Почти как булатный клинок.

Словом, все было хорошо и спокойно. И тут...

Эданна, вконец обезумев от горя, собралась в столицу. Дан Козимо подумал – и переговорил с Мией. Дальше все было просто.

Искупаться в настое трав Мия попробовала почти сразу же. И порадовалась: животные перестали беситься от одного ее присутствия.

Постоянно так делать ей не хотелось, но запас трав она для себя заготовила. Пусть будет.

Вот сейчас и пригодился.

Мия искупалась в настое трав, взяла самого быстрого коня – и отправилась напрямую. Эданна ехала в карете, с обозом, с сопровождением... она ехала дольше.

Мия встретила ее на первом же постоялом дворе. Она приехала туда за несколько часов до эданной Аркури, сняла комнату, осмотрелась и осталась довольна. Хорошее место, удобно будет работать.

Эданна Аркури не поняла, что умирает.

Может быть, из сострадания Мия не стала ее будить. Не стала шуметь, не стала...

Ничего не стала.

Пробралась в комнату эданной через приоткрытое окно – август, тепло... положила спящей женщине подушку на лицо и подержала, пока та не затихнет. А потом проверила пульс, захватила с собой подушку – и вылезла обратно.

Жестокость? Угрызения совести?

Вот уж что Мие и в голову не приходило.

Она хорошо устроилась, она нашла для себя уютный уголок, и тут какая-то тетка собирается все это разрушить? Ну уж – нет!

Мия Феретти этого не допустит!

Она сначала разберется во всем сама, решит, хочет она детей от Рикардо Демарко – или нет, хочет она за него замуж – или так обойдется... и дан Козимо ей нравится. К чему хороших людей во все это втягивать?

Убила она этих Аркури?

И что?

Бьянка вообще не вызывала у Мии ничего, кроме злости и раздражения. Рикардо – ее мужчина, личный... и на него пыталась претендовать какая-то сельская хищница? Вот еще не хватало!

И Марко тоже... что это за новости такие? Мужчину, который нравится Мие, хватать и под венец тащить? Правильно она убила! И надо было этого Марко убить!

А их мать...

Женщину, конечно, жалко, но чего ж ты своих детей так воспитывала?

Окажись рядом Адриенна, она бы надрала Мие уши, и выслушала бы дана Феретти много нового и неприятного про уродливые самооправдания и урезанную по самые уши логику. И про то, что нельзя так поступать, и что за свои поступки несут ответственность обе стороны, и даже если Бьянка была дурочкой, то Рикардо...

Никто не гадит у себя в гнезде! А если нагадил... это нехорошим словом называется.

Но Адриенна была в столице. А Мие...

Мие и в голову не приходило посмотреть на себя со стороны. Она точно знала, что права. А все остальные...

А что – это должно ее интересовать? Вот еще не хватало! Есть она, есть несколько близких ей людей, и есть весь остальной мир. Вот весь этот мир может жить спокойно, пока ей не мешает. А потом – не обессудьте! Порву, сожру и кости сплуну.

– Не стоит благодарности, дан Козимо.

– Стоит, Миечка, еще как стоит... Я получил новости из столицы. Там, конечно, всем не до эданны Аркури, там коронация, свадьба его величества...

– Свадьба?

– Да, его величество Филиппо Четвертый был коронован в день своей свадьбы с даной СибЛевран...

– С КЕМ?!

Хорошо, что Мия сидела в кресле, а то бы так и упала, где стояла.

– С даной Адриенной СибЛевран. Мия?!

Мия помотала головой, приходя в себя.

Адриенна... Лоренцо...

Несколько секунд она находилась в состоянии «то ли лежать, то ли бежать». Потом задумалась.

Собственно, а что такого произошло? Про Адриенну она знала, так что ничего нового. Они рассчитывали, что у Адриенны будет больше времени. Жизнь решила иначе.

Но ведь и Лоренцо пока невесть где находится. А что там будет через пару лет...

Будет видно!

Так что Мия тряхнула головой.

– Я... мы встречались с даной. Не знаю, помнит она меня или нет, но его величеству повезло. Редкое сочетание – красавица и умница.

– Неужели она может быть красивее тебя, Мия?

Мия пожала плечами.

– Мы разного типа. Я блондинка, она брюнетка, я более мягкая на вид, а у нее более хищная красота... как-то так.

Дан Козимо кивнул.

Он видел, что Мия недоговаривает, но... хорошо. Пусть недоговаривает. Для него это уже ничего не меняет. Ему и до зимы-то дожить не удастся, он это отчетливо понимает. Для сына он сделал все возможное. Как мог, укрепил Демарко, нашел подходящего управляющего, более-менее уладил дела с соседями. Все. Больше у него ничего не получится. Поэтому пусть Мия оставляет свои тайны при себе.

Даже эта девочка... пусть Рикардо нашел ее, но дан Козимо постарался привязать Мию к своей семье, отнесся к ней как к дочери... Если бы Рик решил жениться!

Ладно, дан Козимо завтра с ним поговорит об этом.

А пока...

– Мия, я умоляю простить меня, но я не слишком хорошо себя чувствую...

Мия кивнула и распрощалась с даном Козимо. Она тоже хотела побыть одна.

Подумать...

Хотя... а чего тут думать? Для Мии Феретти в замужестве подруги были одни сплошные плюсы. Минус только один: что подумает Лоренцо? Но брат еще ничего не знает и, наверное, долго не узнает. А в остальном...

Подруга-королева...

Интересно складывается партия, правда? Больше ста лет назад прабабка Мии служила королеве из Сибеллинов. И сейчас Мия может повторить ее судьбу. Забавно, правда?

Судьба молчала.

Но Мия подозревала, что Ее это тоже забавляет.

Что ж. Поживем, посмотрим...

– Дорогая супруга, это вам.

Адриенна бросила взгляд на большую кожаную шкатулку.

Потом чутье подсказало, как себя надо вести. Она захлопала в ладоши и изобразила самое восторженное выражение лица, какое смогла. Простите, внизу все болело так, что даже сидеть было неприятно. Эданна Сабина (да благословит ее Бог) подсунула в кресло королевы мягкую подушечку, поэтому Адриенна могла не кривиться. Но больно же!

– Ваше величество! Вы так добры!

Адриенна раскрыла шкатулку, и сапфиры в бриллиантах сверкнули звездным блеском.

– Какая прелесть!

– Они точь-в-точь как ваши глаза, дорогая, – напыщенно произнес Филиппо.

Адриенна многословно благодарила.

Фрейлины восхищались.

Эданна Сабина подумала, что пока все неплохо. Если бы его величество ничего не подарил супруге, девицы могли бы посчитать, что он ее... не любит?

Насчет любви и так все ясно.

Но, даря побрякушки, его величество показывает всем место супруги в своей жизни.

Она важна и нужна. Это ведь не украшения, а извинение. И ее место при дворе – первое. Впереди даже эданна Франчески, которая сейчас сидит где-то в провинции и не высовывает носа.

Филиппо Третий умирает, да... но именно поэтому он может махнуть на все рукой, да и забрать эданну с собой. Подумаешь, беда: сын обидится... Все равно помирать! Пусть сынок потом сходит, на могилку отца поплюет с горя...

Адриенна приложила сапфиры к ушкам, вздохнула.

– Ваше величество, я обязательно надену их к платью другого цвета.

Филиппо Четвертый чутьчку скривил губы:

– Да, дорогая жена. Мне не нравится черный цвет...

Адриенна привстала с кресла, потом обняла супруга за шею (бедняга не отшатнулся только от удивления – остолбенел) и прилюдно поцеловала в щеку.

– Ваше желание, супруг, – закон для меня.

И тихо-тихо, на ушко:

– На черном кровь не заметна. А я боюсь, что будет кровить.

Простите.

Сволочью Филиппо Четвертый не был. Поэтому осознал, вспомнил и устыдился. И тут же «переобулся в прыжке», хоть и не знал этого выражения.

– Я не возражаю, когда вы носите черное. И ваша кожа в нем просто мраморная. – Филиппо даже улыбнулся. – Но, к сожалению, сапфиры сюда не подходят. Придется подарить вам бриллианты.

– Ваше величество, вы меня слишком балуете. – Адриенна смотрела невинно-невинно. – Я самая счастливая из женщин!

Фрейлины умилялись. Эданна Сабина смотрела скептически.

А что подумала Розалия Меле, которая подсматривала за всем этим цирком из-за портьеры, так никто и не узнал. Потому что она была девушкой умной и точно знала: меньше скажешь – дольше проживешь.

* * *

– Ваше величество, моя дражайшая супруга, у меня есть для вас и еще один подарок.

– О, ваше величество! – изобразила восторг Адриенна.

– Достаточно ли хорошо вы себя чувствуете, чтобы прогуляться в парк?

– Ваша воля – закон, ваше величество.

– И все же? – Филиппо понимал, что во многом в состоянии супруги виноват он сам, и ему было... ладно, не особенно стыдно, но неприятно как-то. Действительно, Адриенна тоже не рвалась за него замуж, и она женщина, и она младше, и она старается... а он?

Некрасиво получилось.

– Я... смогу, дорогой мой супруг.

– Тогда прошу. – Филиппо шепнул что-то важное лакею и подал Адриенне руку. Смотрелись они рядом просто великолепно.

Он – высокий, стройный, темноволосый, с очаровательной улыбкой, в аллом и золотом. Она – бледная, строгая, вся словно из

мрамора выточенная, в черном и серебряном... платье выбрала эданна Сабина, но, кстати, именно из тех соображений. Мало ли, кровь протечет...

Вроде пока не кровило, но это дело такое, внезапное...

Так, красивой картинкой, они и вышли в сад. Прошлись по дорожкам, вдохнули запах...

Розы цвели.

Да так ядрено, словно вот завтра помирать и надо сегодня успеть доцвести и порадоваться жизни... Запах просто окутывал покрывалом, Адриенна даже рукой помахала, пытаюсь его разогнать.

– Что с цветами? Так... много?

– Я спрашивал, – скривился его величество. – Садовник сказал, что с утра в оранжерее, в розарии... просто безумие. Черные розы лезут и лезут из земли...

Адриенна только головой покачала.

Лезут они...

Судя по всему – ночью произошло... да, вот оно и произошло. И получилось... цветение.

– Может, их удастся как-то укротить?

– Да, возможно...

Фрейлины ловили каждое слово супружеской четы.

– Может быть, я поговорю с садовником? И вообще возьму это в свои руки? – предложила Адриенна.

И получила в ответ благодарный взгляд.

Филиппо... скажем честно, он просто побаивался.

Розы эти...

Ладно еще – люди! С ними разговаривать можно, с ними что-то обсудить, договориться, найти общий язык можно. А с розами?

Вот сидишь ты у розового куста и уговариваешь его не цвести? Ну-ну...

Матео уже сообщил, что пытался выкорчевать один из розовых кустов. Он пророс на газоне, с корнем вырвал скамейку (мраморную, заметим) и тоже собирался цвести. Но там он был немножко не к месту, поэтому садовники решили его выкорчевать...

Вид у Матео был такой, словно он со стадом диких кошек сражался. Причем кошки победили. Всухую.

И это он еще главный садовник. Его подчиненным пришлось немало «веселее».

Филиппо лично прогулялся с утра в сад. Колючки у проклятых кустов были длиной с палец... тут еще и отец подбавил. Ему дан Виталис с утра наябедничал... то есть доложил обстановку, и Филиппо-старший от всей души настучал сыночку по «умной головушке». Добавив, что Адриенна СибЛевран вообще-то дана, а не шлюха из подворотни, к которой хоть четверкой заезжай... у нее телосложение более деликатное...

– Тебе, сынок, угробить свою последнюю надежду на престолонаследие хочется? Ну-ну, действуй, не стесняйся...

Филиппо только зубами скрипел.

А отец его еще и добил, сообщив, что почитал про Сибеллинов, выяснил кое-что про те же розы.

– Хочешь сказочку послушать? Есть такое предание, что эти розы – последняя защита дворца. Когда их было много, когда они цвели повсюду... если враг придет в замок, они его встретят. Хочешь попробовать? Вот доведешь ты супругу, решит она, что ты враг... А то и интереснее! Розочки сами решат, что ты вреден для ее здоровья! Кто их знает, может, они разумные? И будешь по своему дворцу ходить в латах. Сплошных. Глухих. Новую моду введешь, значит. Надо будет только на доспехи корону прицепить. Приварить, что ли? Сразу...

Филиппо посмотрел на отца, выглянул за окно, за которым расщеперились, иначе и не скажешь, здоровущие кусты роз... Потом сходил, оценил шипы... И перспективы.

Это или лесорубами срубить и выжигать, или...

Может, проще с женой помириться? Особенно если, как отец предполагает, она даже этим не управляет. Просто ей было больно и плохо – и вот результат.

Обратно, конечно, розы не залезут, если уж выросли. Но, может, их хоть как-то удастся привести в соответствие?

Филиппо и отправился мириться. И, видя бледное лицо супруги, осунувшееся за ночь, со здоровущими синяками под глазами, видя подушку на кресле, черное платье, в котором Адриенна казалась вовсе уж невесомой, действительно испытывал чувство вины.

Садистом он не был.

А еще...

Эданна Франческа немного перестаралась.

Она в свое время душевно рассказывала принцу, как ее выдали замуж за нелюбимого, как она страдала, как ей было плохо... она была еще совсем ребенком...

Принц проникся. И сейчас, глядя на идущую с ним под руку девушку, тоже испытывал угрызения совести. Он-то, оказывается, такая же сволочь?

Ай-яй-яй...

Поворот, еще поворот... и на дорожку выходят... выводят...

Потрясающей красоты черная кобылка. Тонконогая, изящная, с грациозно изогнутой шеей... Адриенна даже ахнула от восторга.

– Какая прелесть!

– Вам нравится, дорогая супруга?

– Да, ваше величество! И она одной со мной масти! – Адриенна впервые так искренне улыбалась. И Филиппо неожиданно пробрало.

Сибеллины есть свет и счастье своей земли.

Адриенна улыбалась ему и раньше, но по обязанности, потому что он жених, так принято, так должно быть. И сапфировые глаза оставались холодными.

А тут... на бледных щеках жены вспыхнул румянец, улыбка потрясающая, глаза засияли, и королю вдруг стало теплее.словно солнышко выглянуло, словно в детстве мать по голове погладила...

– Ее зовут Нора. И я хотел бы подарить ее вам...

– Ваше величество!

Адриенна сделала шаг вперед, второй... Нора пригляделась – и тряхнула головой.

А что? Эта забавная двуногая ей сразу понравилась. Чувствуется в ней и свет, и тепло... Нора наклонила голову, блеснул влажный лиловый глаз...

Адриенна протянула к ней ладонь.

– Она хлеб подсоленный любит, ваше величество. – Конюх протягивал Адриенне горбушку.

Любит.

Мягкие губы осторожно взяли угощение с раскрытой ладони. Лошадь подтолкнула ее величество мягким храпом в плечо, осторожно так, бережно... прокатимся?

Адриенна погладила ее по умной морде.

– Не сегодня, Норочка. Я сегодня не смогу...

Филиппо ощутил еще один укол совести. Но Адриенна подошла к нему, поцеловала в щеку, улыбалась... и ему стало чуточку полегче. Словно ледяные когти разжались... немножко.

– Спасибо! Это чудесный подарок... Мы можем отвести ее на конюшню? Пожалуйста...

Филиппо кивнул.

– Да, конечно. Я схожу с вами, Адриенна.

Все в порядке, просто ее величество вот так...

– Если я сяду на лошадь, а вас посажу перед собой? – тихо-тихо, шепотом, чтобы даже рядом не слышали.

– Не смогу. Дан Виталис сказал, дня через три, не раньше...

– Адриенна, я думаю, вам пойдет белое платье для верховой езды. Я прикажу сшить.

– И сапфиры.

Беседа так, Адриенна и его величество приближались к конюшням. Кстати, конюшни Адриенне понравились. Удобные, светлые, просторные денники, идеальная чистота... овес?

Да, тоже отлично...

А выпас есть? Левада?

Несколько забавных козчиков, которые живут тут же, в конюшне... Филиппо Четвертый любил охоту и сейчас показывал Адриенне свое хозяйство даже с какой-то гордостью. Вот оно у него как! Да!

– ...выкинь немедленно...

И в Сиблевране дана Адриенна всегда оказывалась не там, где надо. И сейчас...

Несколько шагов – и Адриенна встала перед здоровущим конюхом, который навис над мальчишкой лет двенадцати.

– Что случилось? – Филиппо был рядом. Мимо него такое пройти никак не могло.

– Да вот... тварь ведьминская! Сейчас, ваше величество, утопим его – и все тут, не извольте волноваться...

Мальчишка неистово замотал головой. Адриенна подняла руку.

– Молчать!

Прозвучало это так, что заткнулись даже фрейлины, которые переговаривались о чем-то за ее спиной. Даже придворные, которые

сопровождали короля.

– Мальчик, отвечай, как тебя зовут?

– Рац, ваше величество... Орацио Ланди, к вашим услугам, ваше величество...

– Что за «ведьминская тварь»?

Голос у Адриенны был настолько ледяным, что становилось ясно ее отношение к подобным глупостям. Ага, навидалась в СибЛевране. Едва-едва успела один раз... Дура же! Орала, что соседка у нее как есть ведьма: корову сглазила, вымя затворила, народ взбаламутила. Не окажись рядом Адриенны, так и чем оно кончилось бы, кто знает?

Адриенна приехала ко времени, так скандалистка волком выла, а навоз и грязь из стойла выгребала, коровку своими руками отмывала от рогов до копыт... а как грязи меньше стало, так и корове полегчало. Опять же, кто сказал, что доить корову легко?

Это только дурачки считают, что дергай за вымя – вот тебе и молочко будет! А на самом-то деле там все интереснее... умеючи надо! Не то и вымя болеть будет, и корову загубишь...

А тоже сколько воплей было! Ведьминская тварь... да и что с того, что у соседки черный козел жил? Да хоть бы и зеленый! Козлы – они явно умнее некоторых соседей будут!

Филиппо резко кивнул.

– Да, хотелось бы знать.

Он, правда, интересовался по другой причине.

В отличие от даны СибЛевран, которая сама, как оказалось, не совсем ясного происхождения (вот как-то не получалось у Адриенны причислить Моргану Чернокрылую к верным прихожанкам матери нашей церкви), Филиппо был достаточно верующим. И ведьмовства опасался.

А вдруг?

Мальчишка медленно отвернул полу рубашки. И из-за воротника на Адриенну взглянули два ярко-зеленых глаза.

Страшной ведьмовской тварью был самый обычный черный котенок.

– Ты моя прелесть! – восхитилась Адриенна. – Откуда такое чудо?

Мальчишка хлопнул носом.

– Так это... ваше величество...

Оказалось, что при конюшнях живут кошки. Ведьмовство там, не ведьмовство, а где лошади, там и овес, и сено, и другие корма, и... да, представьте себе! Мыши и крысы! И крести их, не крести, поливай, не поливай святой водой... не рассеиваются! И жрут же, гады, все подряд! Как не в себя жрут!

Поэтому – да. Живут при конюшне несколько котов и кошек... конечно, одобренных цветов: серые, рыжие, трехцветные... Как и откуда одна из них нагуляла черного котенка – да кто ж знает? Вот конюх и распорядился утопить ведьминскую тварь...

Адриенна только головой качнула.

– Дай его сюда.

– Адриенна? – удивился Филиппо Четвертый, глядя, как его супруга устраивает мурлыкающего зверька на сгибе локтя. Котенок уже точно знал, что его не обидят. Более того, на руках у этой женщины – безопасность, как у мамы под теплым брюшком.

– Ваше величество, я сегодня видела с утра мышь в гардеробной. Надеюсь, вы не против, если котик поживет у меня?

Филиппо подозревал, что, даже если он будет против...

– Котик?

– Конечно, котик. Вы посмотрите, какая у него серьезная, прямо-таки мужская мордочка.

Филиппо посмотрел. Серьезная мордочка посмотрела в ответ. А потом сверкнула ярко-зелеными глазами, мявкнула и потянулась за лаской.

Подхалим малолетний... маломесячный. Ему, может, месяца полтора – два...

Филиппо был далек от умиления при взгляде на всякое там... пушисто-когтистое. Но тут не удержался.

Черные волосы, черный бархат платья, черная кошка... и только два зеленых глаза. Нахальных таких...

– Следите, ваше величество, чтобы он не устроился спать в вашем платье. Не найдете потом...

Адриенна оценила попытку пошутить. И ответила в том же тоне:

– Ваше величество, ну что поделать? Масть у нас у всех такая... у меня, лошади, кота...

Филиппо улыбался.

Отец был прав, ему досталась умная супруга. А это хорошо, это очень хорошо. С такой жить легче. А кошка...

Филиппо знает, женщины вообще любят всякое... такое. Пушистое и мелкое.

Ческа, кстати, нет, но у нее постоянно живут певчие птицы. Он и сам дарит, и Франческа любит их с рук кормить... Мысль о том, что сама эданна тоже не свободна и старается лишиться этой свободы тех, кто находится рядом с ней, Филиппо в голову не пришла. С чего бы?

– Надо подарить вам всем ошейники. С изумрудами. Под цвет глаз.

– У меня уже есть сапфиры, под мои глаза они больше подходят, – улыбнулась Адриенна, понимая, что ее сейчас не хотят обидеть. Ну вот такая шутка... неуклюжая и тяжеловесная, но шутка.

– Еще и изумруды будут.

– Ваше величество, тогда мне лучше кулон. А котика я научу лежать на плечах, как воротник, – предложила Адриенна. – И на мехах сэкономим.

– Сколько там пока того меха...

– Вырастет.

– А назовете его как?

Адриенна прикусила язык и подумала. А потом уверенно ответила:

– Нур^[10].

– Нур?

– Да... если говорить про Арайю...

– Точно! Светлый, – развеселился Филиппо. – Определенно ему подходит.

Адриенна думала точно так же. Но не скажешь ведь, что с появлением в ее жизни теплого мехового комка ей в этом гадком дворце светлее и теплее стало?

Нет, не скажешь.

А жаль.

Филиппо Третий смотрел на сына. И под его взглядом принц поеживался. Неприятно ему было. Неуютно.

– Доволен? – наконец осведомился король.

– Ну... а чего я?

Если бы не слабость, треснул бы венценосный отец сыночка по башке. Да так, что звон бы пошел. А что?

Там все равно корона, так что можно лупить.

И вообще... мозгов нет – вреда не будет! Болван, тьфу!

– Ты что – не понимаешь? Это не твоя придворная девка, к которой хоть шестерней заезжай! Это – девушка. Невинная. Была...

Филиппо Четвертый скрипнул зубами: по Ческе отец проехался без всякой жалости. Но поди поспорь...

– Отец, я не нарочно... так получилось.

– Получилось у него... ума не хватило быть аккуратнее?

– Она просто... не созрела, что ли! Понимаешь?

Филиппо Третий только вздохнул.

Лупить деточку надо было раньше.

Лет на двадцать. Сейчас поздно уже... ладно! Приказами обойдемся. А для начала...

– Понимаю. А вот ты, сынок, попал в ловушку.

– В какую? – спросил сынок.

– Вспомни, ты верхом учился ездить. Ты падал?

– Было.

– И что ты делал?

– Снова садился в седло... Твою ж...

– Правильно понимаешь, сынок. Тебе с этой женщиной детей делать. А ты ей такие впечатления устроил, что она ребенка просто от отвращения скинет. А то и вовсе не зачнет. Сам знаешь... [11]

– Знаю – понурился Филиппо.

– Так что придется тебе проводить с супругой хотя бы пару ночей в неделю. Сам понимаешь...

– Понимаю. Но... если она забеременеет?

– Я поговорю с лекарем. Он ей даст средство, да и ты будь поосторожнее. Надо исправлять, раз уж наделал дел.

– Надо, – вздохнул сыночек.

– А заодно и всем покажешь, что супруга у тебя не просто так. Что она тебе нужна и важна.

– Отец...

– Это – мать твоих детей. Единственно возможная, Филиппо. Это будущее Эрвлинов!

Крыть было нечем. Филиппо Четвертый вздохнул – да и согласился. Несчастный, он ТАК страдал...

* * *

Филиппо пришел вечером.

Адриенна читала, котенок спал на подушке рядом со своим человеком.

– Эта тварь в спальне? – удивился его величество.

– Он маленький. – Адриенна вздохнула. – Обещаю, он вас не побеспокоит.

Филиппо только рукой махнул.

Ладно уж... не так часто он будет ночевать у жены. Пусть тешится.

– Главное, чтобы не вздумал скакать по мне ночью... Ложитесь, Адриенна. Не переживайте, я вас не трону. Сегодня и еще пять дней, как сказал дан Виталис.

– Я не переживаю, ваше величество. Вы... вы не злой.

Намеренно не злой. Только Адриенне от этого легче не будет. И ведь обещал не трогать еще год...

Но Филиппо кивнул и улыбнулся. И улегся в кровать.

Конечно, не злой. Его просто всегда неправильно понимают, вот...

А котенок так и проспал ночь, устроившись рядом с Адриенной, на подушке. Надо же гонять кошмары от своего человека?

Надо... кошачья работа такая. Светить, греть... Говорите, Нур?

Мур-р-р-р...

Мия

– Что случилось, отец?

Рикардо спрашивал не без тоски в голосе.

Да, конечно, отца он любит... разве нет? Он почтительный и заботливый сын, он его честно навещает раз в день и спрашивает, как дела и не нужно ли чего! А потом уходит, да...

А что он должен делать, если отцу ничего не нужно? Сидеть рядом с ним?

За ручку держать?

Ну правда же... о своей жизни ему, что ли, рассказывать? Или его байки слушать? Но это же скучно! СКУЧНО!!!

Мало ли что там было, триста лет тому назад? Сейчас-то все совершенно иначе, понимать же надо!

И о своей жизни... разве отец, со своими древними и замшелыми представлениями о жизни, сможет понять Рикардо?

Да никогда! И ругается он частенько, и вообще... меньше знаешь – крепче спишь! Вот, Рикардо заботу проявляет, чтобы отец спал и ни о чем не волновался.

– Сядь, Рик. Нам надо поговорить.

– Да, конечно.

В кресло Рикардо опустился не без изящества. Но дан Козимо только грустно вздохнул.

Чего-то важного он сыну все же не дал. Не успел вложить, не добавил... почему, почему его единственный сын получился таким легкомысленным? Таким пустым? Таким...

Красивым, спору нет. Но ведь красота – это далеко не все.

Почему – так?!

– Рик, что у тебя с Мией?

– Ну...

– Вы спите вместе. Это я понимаю. Меня интересует, что ты чувствуешь по отношению к ней.

Рикардо замялся.

А вот что тут ответишь? Скажешь – привязался и вообще... так отец начнет мозг пилить, мол, простолюдинка, не пара и надо о браке думать.

Скажешь – не нужна, так ведь попросит выгнать.

В шахматах это называется «вилка», но вот в шахматы-то Рикардо и не играл. А дан Козимо совершенно не собирался облегчать сыночку жизнь и молча ждал.

– Пап... мне с ней хорошо, – наконец родил Рикардо.

– Тогда у меня к тебе будет одна просьба.

– Слушаю?

Точно попросит выгнать... а как жалко!

– Я хочу, чтобы ты не расставался с Мией три года после моей смерти.

– ЧТО?!

Если бы на голову Рикардо метеорит упал, он и то бы меньше удивился. Метеорит – это ж ерунда! Всем известно, что иногда от небесного купола отламываются кусочки, вот они и падают. А дан Козимо... за ним такого раньше не водилось!

– Три. Года. После моей смерти. Более того, если она забеременеет, ты признаешь ее ребенка своим.

– Н-но...

– Если она не захочет, если ты не захочешь, вы можете не жениться. Я не настаиваю. Но три года ты мне обещаешь. И признание ребенка.

– Х-хорошо.

Это Рикардо было несложно пообещать. Он и сам пока расставаться с Мией не хотел... за три года, конечно, она ему надоест, но это ж сколько еще времени! Три года!

– Клятву. По всей форме.

– Отец!

– Рикардо, что тебя удивляет? Я хочу от тебя полную клятву, по всей форме.

– Н-но...

– Я не так много прошу, сын.

Рикардо пожал плечами.

– Хорошо. Клянусь своей матерью – да изольется ее чрево, клянусь своим родом – да пресечется он навеки, клянусь своей честью – пусть будет мое имя покрыто позором, клянусь своим сердцем – да остановится оно в тот же миг. Три года Мия будет рядом со мной, если сама не захочет уйти. И нашего ребенка я признаю.

Дан Козимо откинулся на спинку кресла.

– Хорошо, Рик. Спасибо тебе.

– Но почему? – Рикардо искренне недоумевал. – Что в ней такого? Отец? Она ведь не дана...

– Красота и ум для тебя уже ничего не значат?

– Н-ну...

– Я знаю, о чем ты думаешь. Много и красивых, и умных... верно?

– Ну да...

– Мало, Рик. Чтобы красивая, умная, любящая... да еще с такими талантами... таких – мало. Я ни к чему тебя принуждать не буду. Но Мию я бы в качестве своей невестки одобрил.

Рикардо пожал плечами.

– Хорошо, отец. Я подумаю.

А что? Подумать-то можно, это ж его ни к чему не обязывает!

– Вот и чудесно. Иди, Рик.

– Попросить Мию прийти к тебе?

– А она сейчас где?

– Ножи в цель кидает на заднем дворе.

– Нет, не надо. Если пожелает, сама придет. Эх, Рик, был бы я моложе, отбил бы ее у тебя! Такая девушка!

Рик расправил плечи и ухмыльнулся, как-то очень по-мужски.

– Завидуй, отец!

– Да я уже... тебе повезло, сынок.

– Знаю.

Рикардо ушел, а дан Козимо еще долго сидел, глядя на огонь.

Что мог, он для сына сделал. У него есть наследство – Демарко. У него есть сейчас Мия. Любовница, охранник и просто влюбленная женщина. Дан Козимо не расспрашивал ее ни о чем, но... вот были у него подозрения. Слишком уж Мия хороша.

Слишком умна, красива, и эти ее навыки... нет, не все так просто. Это Рик распустил хвост, словно павлин, и радуется жизни. А дан Козимо... ах, как же это несправедливо! Подсунуть под конец жизни загадку и не дать возможность ее разгадать...

Нечестно!

ТАМ он, конечно, узнает все ответы. Но ведь это совсем, совсем не то... это получить все готовеньким после смерти...

А вот если бы узнать самому...

Чертовски несправедливо! И вообще...

Самое обидное, что, даже если он узнает... кому тут расскажешь? Не Рикардо же? Сын еще молод и глуп... Да, вот и так бывает! Мие

около шестнадцати лет – она проговорила. А сыну уже двадцать три, и такой...

Ладно! Он не дурак! Но по уму... Козимо слишком его баловал, создал ему хорошие, даже замечательные условия – и вот результат!

А как было поступить иначе?

Нет ответа...

Ладно! Может быть, Миечка еще придет сегодня! Даже несмотря на все неразгаданные тайны... с ней интересно. И в шахматы сыграть хочется.

Адриенна

Шестиугольная звезда освещалась яркими факелами.

На каждом луче звезды были написаны какие-то сложные символы. И рядом с символами лежали люди. Шестеро мужчин по углам секстаграммы, один почти в центре, на алтаре. Все опоенные чем-то и связанные. Все с кляпами – еще запоют или орать начнут, ритуал нарушат... ни к чему.

А еще в секстаграмме была собственно виновница ее создания.

В центре ее стояла эданна Франческа.

Голая.

С распущенными золотыми волосами.

И вот ничего в ней сейчас красивого не было. Увидел бы ее сейчас венценосный любовник, под стол бы спрятался и год не вылез. Или вообще самозакопался.

Инстинкт самосохранения никто не отменял.

А когда у женщины в руках кинжал и смотрит она так... решительно, у любого нормального мужчины появляется только одно желание. Быстренько прикрыть все самое ценное и удрать.

Далеко. И можно – безвозвратно.

Но эданне сейчас было не до любовника. И не до мужчин вовсе.

Она старательно проговаривала слова, которые ее заставила выучить старая ведьма.

– Аллем... адем... барах... рандан... да умрет Филиппо Третий! Шабех! Вальден! Карнеш! Давиал! Да покоится он с миром!

Ведьма стояла за границей секстаграммы и только посмеивалась.

Ритуал этот имел такую же силу... ну вот примерно как пойти под елочкой пописать, произнося всю эту ахинею, лично ведьмой выдуманную и за страшное заклинание выданную.

А то как же?

Клиент не должен понимать смысла колдовства, иначе не подействует. Это вам даже уличные гадалки скажут... чем загадочнее, тем лучше. Вот и сейчас...

Правда, закончив произносить заклинание, эданна Франческа приблизилась к первому из мужчин – и одним ловким ударом вскрыла ему горло. Ведьма даже вздохнула ностальгически.

Ах, как давно это было!

Рыдала, страдала, блевала, ножом в человека тыкала, словно это бревно какое, а сейчас – ты погляди! Работает словно опытный мясник, и никаких угрызений совести.

Прелесть просто!

Душа глядеть радуется!

Убийство людей?

Помилуйте, какие ж это люди?

Нищие, бродяги, ворье, всякое отребье из тех, которых хорошо жалеть из высокой башни. А то ведь если вблизи увидишь, так тебе и ноги-руки переломают, и изнасилуют, и в живых не оставят. Еще о смерти умолять будешь...

Да, особых иллюзий старая ведьма не питала. Хотя и эданна Франческа...

Но дело-то не в этом!

Понятно, что «черная месса» – это профанация. Но... эданна во все это верит. И участвует на полном серьезе. И... это – государственная измена. За такое казнят.

Мгновенно.

Ах, отопрется?

Нет, и не надейтесь. Есть свидетели, есть украшения, которыми платила эданна... и эти украшения ей принц дарил. Господин точно сказал.

Не отопрется.

Есть, наконец, собственноручно записанные признания самой ведьмы... она отлично понимала, что за такое ей грозит костер, но... у нее были другие планы.

И другое мнение.

Костер-костер... да не доживет она до костра! К сожалению...

Или наоборот? Как получится, впрочем, так и получится. Но свои планы у нее были.

Эданна Франческа тем временем, читая «заклинания», расправилась с шестью жертвами и приблизилась к седьмому.

Тут уже было все сложнее.

Ведьма нарочно постаралась, но эданна справилась. Вот оно что, властолюбие-то, делает! И грудную клетку вскрыла, и сердце достала, и кровью себя оросила... ну какая ж умница! Цены б ей на плахе не было!

Ведьма наблюдала даже с каким-то извращенным удовольствием.

И едва не забыла подать знак подручным, которые и факелы вовремя погасили, и «спецэффекты» обеспечили... понятно, Сатану сюда ведьма не пригонит! Но запах серы обеспечить – без труда. Надо только серу купить у аптекаря и поджечь в нужный момент... да, она не горит, но плавится и воняет^[12].

И вой, и свиное уханье, и проход чего-то белого и светящегося по кустам...

Чего не сделаешь ради прибыли! И ради компромата тоже...

Наконец ритуал был закончен, ведьма лично напоила эданну Франческу вином с легкой добавкой дурмана и проводила к себе.

Эданна почти упала в кресло. Сил не было даже вымыться.

– Я... Я справилась?

– Конечно, эданна.

– И... он умрет?

– Его величество?

– Н-нет... ну, Филиппо Третий...

– Конечно, умрет, эданна. Вы все сделали правильно.

Ческа кивнула и явственно расслабилась.

– Хорошо... ох, спать хочется.

– Я сейчас прикажу подать вашу карету. Поедете домой, эданна...

– В таком виде?

– И позову служанку, пусть поможет вам обтереться.

– Служанку?

– Не переживайте. Она будет молчать, – ведьма красноречиво показала жестом, как перерезают кому-то горло. Эданна Франческа

кивнула.

– Хорошо...

Она действительно устала. И спать ей хотелось.

Но главное-то что?

Она все сделала правильно. У нее все получится... это она, а не Адриенна достойна быть королевой! И она ею обязательно будет! Дайте только время!

А пока...

Эданна назначила встречу дану Сильвано Тедеско, и не собиралась ее отменять. Так что надо искупаться, поесть и поспать хотя бы часок-другой... чтобы круги под глазами не были так уж заметны.

Хотя... есть же белила. Вот и отлично.

* * *

– Нурик...

Адриенна погладила котенка по шкурке.

Котенок, уже подросший и находящийся в стадии «гадкого утенка», когда детское очарование уже ушло, а взрослая вальяжность еще не торопится приходить, приоткрыл зеленый глаз и муркнул.

Королеве не спалось.

Она сидела на балконе, чесала кота и ждала рассвета. В последнее время ее частенько мучила бессонница. Она просыпалась в три часа ночи, в четыре и сидела, смотрела на небо. Кот составлял ей компанию.

Могли бы и фрейлины, но Адриенна требовала, чтобы в ее спальне никого не было. Даже «ночной подруги». Она сама способна разобраться с ночным горшком. И воды себе налить, и свечу зажечь... не надо ей никого рядом! Не. Надо.

Лучше она побудет одна. С котом.

Хорошо?

Нет, хорошо ей не было. Но не было и плохо.

Филиппо был у нее сегодня и уже ушел. Да, после... этого самого.

Интимная сторона отношений больше не причиняла Адриенне такой боли, как в первый раз. Было неприятно, но и только.

А еще... очень мучил запах, исходящий от Филиппо.

Почему так? Адриенна не понимала, но и дышать этим просто не могла. Не получалось. Тошно было, гадко, противно... терпела, сжав зубы. Притом что Филиппо и мылся достаточно часто, и благовониями поливался, и вроде бы... что такого? Чистый запах молодого и свежего тела...

Нет!

Вот хоть ты об стенку расшибись!

Кот пах кошатиной, чистой и уютной.

Лошадь пахла лошадью.

Подушка – лавандой.

Филиппо... это был тоже его естественный запах. И Адриенна просто не могла его выносить. Но как о таком скажешь?

Так что ее безумно радовало, что супруг не проводит с ней ночи.

Остается ненадолго, потом уходит... Ничего, следов хватает, чтобы понять: супружеский долг их величества выполняют исправно. А остальное...

Пусть ее не любят. Но ведь и она не любит этого мужчину! Может, в том-то все и дело?

Лоренцо...

Глупости какие? Детское увлечение? Вы и виделись-то всего ничего?

А и не важно. Совсем-совсем не важно. Потому что Адриенна где-то внутри точно знала – вот он. Ее мужчина. Настоящий.

Просто ничего-то у них не может быть... а если Моргана права, то и детей быть не может.

Интересно... а откуда у Феретти такое в роду?

Адриенна пообещала себе обязательно разобраться. Может, Моргана знает, кто приходил в этот мир, что делал... Адриенна потом ее обязательно расспросит. И о том, что с ней происходит, – тоже.

Нет, Адриенна не была беременна, пять дней назад точно не была. Но...

Как-то она себя плоховато чувствовала. Голова пару раз кружилась, подташнивало...

Определенно ей стоит поговорить с прабабкой.

Дан Тедеско прибыл в полдень. Раскланялся, поцеловал эданне Франческе руку, заулыбался.

– Эданна, вы очаровательны. Воистину, двор без вас что кожа без апельсина. Вроде бы тот же запах, но самого главного просто нет...

Эданна поставила Сильвано плюстик. Неглуп, способен составлять сложные фразы, не разменивается на стандартные комплименты. Уже хорошо.

– Дан Тедеско, прошу вас...

Дан Тедеско, милейший и очаровательный, подозревал, что эданна пригласила его не просто так.

Вопреки всем представлениям о ловеласах и бабниках, он был весьма и весьма неглуп. И понимал, что сама по себе эданна к нему интереса не испытывает.

Более того, она его, этот интерес, не испытывает ни к кому. Любовный – точно. Это принц ничего не видит и не чувствует, а дан Тедеско в курсе, он не слепой. Он вовсе даже не глуп...

Перебывал по всем спальням, куда пускали...

Так в этом-то и состоит половина успеха. Определить, куда именно тебя пустят! И не ломиться туда, где наглухо заперто.

Вот это чутье у дана было.

Если мимо шла женщина – то уже по движению бедер, по колыханию юбок, по улыбке на губах он мог определить, отломится ему или нет. Думает эта конкретная женщина о мужчинах или не думает ни о ком, кроме собственного супруга, дома, детей, можно к ней подходить или нет.

И если можно, то как именно.

Кому-то надо рассказать о своих злоключениях, чтобы пожалели и погладили по головке.

Кому-то надо показать силу и власть. Взять все в свои руки и грубо лезть под юбку.

Кому-то просто вытереть слезы и сказать, что все образуется.

Много нюансов. Но главное – вот это внутреннее «да» или «нет». И если нет...

Можно, конечно, и тут сорвать свой цветок. Можно. А нужно ли? Это ж сколько усилий затратить придется, и зачем? Если много красивых, обаятельных и на все готовых?

Нет, дан Сильвано совершенно не хотел зря тратить свое ценное время. На свете столько неосчастливленных женщин, которые ждут его внимания, столько всего интересного и важного, а он что? Будет год тратить на ту, которой он не нужен?

А она ему – нужна?

Сложный вопрос... и ответ, как правило: нет!

Вот и с эданной Франческой ответ был именно что «нет». Сильвано потому и терпели при дворе, что определенных границ он не переходил и назойливым не был. Ну и... пусть его.

Эданна Франческа была холодна и безразлична, словно статуя из льда. Если кому охота с такой... бог в помощь, главное – хозяйство не отморозить.

Но быть с ней любезным?

Да, конечно. Почему нет-то? Даже более чем любезным...

И дан терпеливо дожидался, когда эданна сообщит, зачем его вызвала.

Дождался.

– Дан Тедеско... Сильвано, я могу вас так называть?

– Эданна Франческа, я бы с радостью, но его высочество... то есть величество... он не одобрит.

– А мы потихоньку. Когда он не услышит?

Эданна улыбалась, а вот Сильвано нервничал. Вот ни разу он этой стервозине не нужен. Но... ластится-то она чего? А?

Наконец эданна Франческа закончила хлопать ресничками и перешла к конкретному делу.

– Дан Сильвано, а что вы думаете о ее величестве?

– Ничего, – тут же сознался Сильвано.

– Ничего?! Но...

Сильвано смотрел невинно. Ну... не повезло ему. Или наоборот – повезло? Последние три месяца он провел за городом у одной сколь очаровательной, столь и богатой эданной. Муж у нее был в отъезде, а эданну развлекать надо, эданне читать надо вслух, с выражением... и не только читать.

Сильвано и развлекался, к обоюдному удовольствию. Даже стал богаче на несколько горстей побрякушек и пару кошелей с лоринами.

Он альфонс?!

Да вот еще глупости какие! Не альфонс он! Подарки ему эданна делала, потому что сама так хотела. И он ей тоже что-то там дарил... Пусть оно было намного дешевле, но умный-то мужчина знает, что дорог не подарок, а внимание. Настоящее.

Можно бриллианты подарить так, что их не возьмут. Можно сорвать обычный цветок и рассказать, как твоя спутница похожа на него своей хрупкой красотой и нежностью. И кто бы сомневался, что драгоценности будут небрежно брошены в шкатулку, а вот цветочек найдет себе пристанище в толстой книге и будет долго-долго греть сердце владелицы своим присутствием.

По-всякому можно поступить.

Вот Сильвано и дарил, что подворачивалось. Эданна была довольна, он тоже... разве плохо?

Жаль, свадьбу и коронацию пропустили, ну и что? Там разве что накормят бесплатно, а все остальное... это ж расходы какие! Минимум три наряда надо, а еще украшения, еще обувь... да разоришься! Но надо быть не хуже прочих... а как жить, если доходов-то у тебя и нет?

– Я еще не был при дворе и не видел ее величество, – пояснил Сильвано.

– Дан Тедеско, скажите, а вы хотите собственный дом в столице?

– Хм...

Дом Сильвано хотел. И еще много чего хотел, но не соглашаться же на первое предложение?

– Зависит от того, что мне надо будет сделать.

– Ничего особенного. Вы молоды и очаровательны, ее величество тоже молода и очаровательна...

– Ей понадобится кто-то, чтобы развлекать? – похлопал ресницами Сильвано.

– Я полагаю, – чуточку надавила голосом эданна Франческа, – что понадобится. И если бы этим человеком стали вы... можно было бы не волноваться. Вы умны, красивы, умеете хранить секреты, а его величеству не нужна скандальная и истеричная жена...

Дан Тедеско активно закивал.

Да-да, конечно, не нужна... вот провалиться ему на этом самом месте, если не крутит чего-то эданна! Точно – крутит!

Прямо там, захочет его величество рога носить! Да еще до появления первого ребенка? Это вы кому другому расскажите... но и

отказываться опасно, это уж точно. А что тогда?

Дан Тедеско решил вильнуть хвостом, что тот угорь, и мило улыбнулся.

– Эданна Франческа, я собираюсь возвращаться ко двору и надеюсь быть представленным ее величеству. Говорят, она очаровательна.

Судя по перекосившемуся лицу эданны – не зря говорят.

– Я буду на это рассчитывать, дан Тедеско. А это вам, в знак нашей хорошей дружбы...

Перстень с сапфиром был практически впору. Так что Сильвано тут же и надел его, и руку эданне поцеловал, и рассыпался в комплиментах.

А что?

А он ничего, он живет, как может... так уж в этой жизни и складывается, что каждый сам за себя. Вы не знали? А вот дан Тедеско знает. Учитесь, пока он соизволил рассказать.

* * *

– Ваше величество, я прошу вас о милости. Хочу провести ночь в молитвенном бдении, в храме.

Упрашивать Филиппо не пришлось. Набожная супруга? Почему бы и нет... пусть ее молится. А он к эданне Франческе наведается.

– Ваше величество, я буду рад разрешить вам эту маленькую прихоть.

Адриенна мило улыбнулась и поглядела на кардинала Санторо.

– Дан Анжело? Вы не будете против?

– Ваше величество... – Кардинал Санторо поклонился и, подхватив руку Адриенны, ловко коснулся ее губами. – Я могу лишь повторить за его величеством. Я буду счастлив позволить вам любую прихоть.

– Благодарю вас, мой супруг, и вас, дан Санторо. – Адриенна понимала, что необходимо кое-что добавить. – Мне немножко... тяжело. В СибЛевране я была спокойна и могла побыть наедине с собой. Здесь же рядом со мной все время люди. Я королева, и я обязана, но... иногда так хочется тишины!

Мужчины переглянулись с видом: «Ох уж мне эти женщины!» С другой стороны, все понятно.

И его величество, и кардинал, честно говоря, были приятно удивлены Адриенной СибЛевран. Хотя Филиппо Третий и говорил, что дана Адриенна будет отличной королевой, но кто ж ему верил?

Филиппо считал, что отец... ну, тут все понятно, с проклятием.

Кардинал не забыл наглуую девчонку, которая дерзила и ему, и королю, и принцу, и не считал, что в деревне могут воспитать что-то пристойное.

Пока не увидел, что из нее выросло. И пропал. Совсем пропал...

Адриенна была мила, очаровательна, спокойна и одинаково любезна со всеми придворными. Она мило улыбалась слугам, участвовала во всех развлечениях двора, но твердо держалась в рамках пристойности.

Танцевать?

С радостью, но либо для своего мужа, либо со своим мужем.

Кататься верхом? Только в сопровождении нескольких фрейлин.

Купаться в речке? Исключительно в дамской компании и в купальне, которая закрыта со всех сторон.

Адриенна вела себя идеально для королевы, за небольшим исключением. Любому вышиванию и шитью, что, как известно, является исконно женским занятием, она предпочитала книги. Ну и с казначеем общалась с громадным наслаждением.

Филиппо Третий просил сына отпускать Адриенну или к нему, или в казначейство, и она этим пользовалась.

Фрейлины вышивали без нее, а королева разбиралась в счетах двора и с удовольствием выискивала случаи воровства. Не ради наказания, а просто – азарт. Любопытство, интерес, просто приятно покопаться...

В остальном же – идеальная супруга.

– Когда я смогу получить свою прихоть? – блеснула синими глазами Адриенна.

Мужчины переглянулись.

– Завтра, ваше величество? – вопросительно произнес кардинал.

– Да, пожалуй, – прикинул Филиппо Четвертый. – Завтра, моя очаровательная супруга?

Адриенна одарила обоих мужчин ослепительной улыбкой.

– Даны, вы делаете меня счастливой.

– Берегитесь, кардинал, – пошутил Филиппо Четвертый. – Я не стерплю конкурента...

– Казните меня за эту правду, ваше величество, но эданна Адриенна так очаровательна, что я готов понести любое наказание за этот комплимент.

– Кардинал, вы обязательно будете наказаны, – развлекался Филиппо. – Придется вам выслушать мою исповедь...

– Ваше величество, разве я могу встать между вами и Богом?

– А придется...

Адриенна улыбалась. Что ж.

Пусть мужчины развлекаются. А она получит свою ночь в храме, завтра же. И когда наступит полночь...

Да, это тоже немаловажно. Именно в полночь.

Глава 8

Мия

Болезнь, смерть...

Никогда, никогда они не приходят вовремя или ожидаемо. Всегда это больно, страшно, неожиданно. Вчера еще дан Козимо шутил, и играл с Мией в шахматы, и рассказывал, какая красивая весна в Демарко, когда все деревья распускаются и пахнет яблоневым цветом...

А сегодня он лежит бледный, и Мия прекрасно видит, что это конец.

Может быть, час, два, крайний случай – три. Не больше.

– Отец!

Рикардо рухнул на колени перед кроватью дана Козимо.

Мия сделала шаг назад... второй... Нет, здесь и сейчас ей быть не надо. Пусть отец и сын побудут вместе. Вот и дан Козимо приоткрыл глаза – кажется, он пытается что-то сказать...

Мия ловко перехватила дворецкого.

– Ньор Джулиани! Надо срочно послать за падре Лелли.

Акилле Джулиани, дворецкий в Демарко, остановился.

Что ж, дана Мия... да, вот так ее и стали называть. Именно дана Мия. Ну не получалось ни у кого назвать ее ньорой или ньоритой, видно же всем, что дана. Дана Мия могла распоряжаться. И дан Козимо ее одобрял, и поддерживал ее решения. И дан Рикардо... ну, тут и вообще все ясно.

– Хорошо. Дана Мия, какие еще будут распоряжения?

Мия вздохнула.

– Дан Рикардо пока не сможет приказывать. Ему не до того. Поэтому пошлите срочно за падре Лелли. Может, он еще успеет принять исповедь у дана Козимо. Прикажите ньоре Гацина готовить поминальную трапезу. Выдать всем синие ленты, задрапировать зеркала... ну и прочее, что полагается.

Мужчина кивнул.

– Хорошо, дана Мия. Я распоряжусь.

– Прикажите приготовить для падре Лелли комнату. Полагаю, ему будет удобнее остаться здесь ночевать, и скажите плотнику. Нужен будет гроб... да, на кладбище... Где покоятся Демарко?

– В фамильном склепе.

– Распорядитесь его открыть, проветрить, что ли?

– Конечно, дана Мия. Я все сделаю.

Мия кивнула и отправилась обратно. К дану Козимо.

Все же... ей надо попроситься. А вот, кстати... бутылка с вином Мия прихватила с собой. И кружку тоже, на всякий случай. Кислятина, но сойдет для случая.

Рикардо так и стоял на коленях перед отцом, сжимая его руку. Обернулся он только на звук ее шагов.

– Мия?

– Да, Рик. Выпьешь?

Вино полилось в грубую кружку. Рик принял ее из рук Мии и сделал глоток.

– Спасибо.

Мия тем временем подошла к кровати. Как же меняется человек всего за несколько часов...

Седые волосы прилипли ко лбу, щеки ввалились, превращая лицо в подобие черепа, глаза запали, губы – и те куда-то исчезли...

– Дан Козимо...

Даже руки ледяные и влажные.

И только где-то внутри, в глубине его глаз, горит знакомый огонь.

– Мия...

– Дан Козимо, я позвала священника.

– Спасибо, Мия... Рик... ты помнишь.

– Я поклялся, – согласился Рик.

– Мия... не бросай его, детка.

Мия погладила ледяную руку, взяла ее двумя ладонями, попробовала согреть.

– Обещаю.

Дан Козимо расслабился, откинулся на подушку.

– Хорошо... берегите друг друга, дети...

Дети переглянулись.

Да, конечно, они и будут, и вообще...

Что именно вообще? А не важно. Не до того им сейчас было. Они ждали падре Лелли.

Потом падре примчался, потом принял исповедь у дана Козимо, чуть ли не на последнем дыхании... Впрочем, некоторые тайны дан Козимо оставил все же при себе, рассудив, что каяться надо в грехах. А знание о предках – это грех?

Вот вряд ли...

Жили они и жили, а как уж их там звали... Перечень грехов в Библии указан. Осла он чужого не желал, не крал, не убивал, не прелюбодействовал, чужой жены тоже не хотел... ну и чего?

Диэран Ветренный и его скромные особенности в списке точно не числятся. Так что... Сие не грех. Сие крохотное отступление. И вообще... чего о предках-то рассказывать?

Так что падре Лелли остался спокоен и доволен и собой, и обедом, и оплатой труда, а дан Козимо около трех часов пополудни отошел в мир иной, сжимая в одной руке ладонь сына, а в другой руку Мии. И в полудреме-полубреду ему казалось, что сквозь его тело проносится ветер. И он летит вместе с ним высоко-высоко... далеко, на край земли, туда, где только седые волны бьются о скалы... есть только ветер.

Ветер и небо...

* * *

Рикардо плакал и не стеснялся этого. Мия обняла его, прижала к себе и гладила по волосам, словно маленького. Да, вот так... хоть ты всю округу перелюби, но терять отца... единственного родного человека, который у тебя остался...

Тяжко.

– Я с тобой, Рик. Я с тобой.

– Спасибо, Мия.

Рикардо обнимал девушку и понимал, почему отец просил его не гнать Мию какое-то время. Да, тяжело одному...

И просто тяжело, и вообще... Мия уже успела обо всем подумать, приказать, распорядиться...

– Мия, я так рад, что встретил тебя. Ты чудесная девушка...

Она шла по коридору, когда услышала писк из стеной ниши. Ладно... дело вполне житейское, случается при дворе всякое... кто-то и до кровати не доходит.

А вот звук пощечины...

И презрительное: «На колени, тварь!»

Что-то это не походило на любовную игру. Никак.

И еще одна пощечина, и жалобный вскрик.

Адриенна решительно отдернула портьеру.

Кажется, этого дана она где-то видела... нет, имени она не помнила, слишком их тут много бегают. А девочка – служанка. На ней и платье служанки, и передник, и лента на рукаве, как положено, бело-алая. Только вот на лице слезы. И в глазах надежда, которая гаснет...

Разве женщина справится?

Разве кто-то будет ее защищать?

– Что здесь происходит? – ледяным тоном поинтересовалась

Адриенна.

– Ваше величество?

– Дан?..

– Дан Карневали. Базилио Карневали, к вашим услугам.

– Я не нуждаюсь в ваших услугах, – ледяным тоном ответила

Адриенна. – А девушка – в вашем внимании. Можешь быть свободна.

Девчонка пискнула, но с места не двинулась. Рука мужчины удержала ее за волосы.

– Ваше величество, – дан Карневали смотрел на нее как на дурочку, – не лезьте в это дело. Она напрашивалась на трепку, она ее получит... не переживайте, эта шлюха полдворца перебрала.

Адриенна скрипнула зубами.

Что она может сделать?

Отправиться сейчас к королю. Ее выслушают и даже погрозят негодяю пальчиком. А вот служанку он... изнасилует, может, избьет... ее в результате и выгнать могут, и беременной она окажется...

Оставлять ее здесь нельзя.

Но как вырвать девчонку из рук негодяя?

Адриенна произвольным жестом, как бывало уже не раз, потеряла кольцо на своей руке.

И шагнула вперед.

Нет, она не стала выше, не стала страшнее, не полезли у нее клыки, не поползли когти... вовсе даже нет.

Просто...

Само выражение глаз, движения... и крылья распахнулись у нее за спиной – или тень так легла?

Адриенна не знала, но сейчас она была копией прабабки. А появление на поле боя Морганы Чернокрылой враги отмечали криками ужаса.

Не потому что Моргана была страшна в битве, хотя она и убивала, и не жалела...

Потому что вот эта аура ужаса, которая пошла от нее... залила нишу холодом, заставила девчонку выпучить глаза, подползла к сапогам дана – и взметнулась вверх, захватывая добычу в свои леденящие объятия.

Девчонке досталось самым краешком, и то стало страшно, а вот дану...

Он задохнулся, схватился за горло и вдруг заскулил, словно обмочившийся щенок.

Да, и обмочился тоже...

То, что стояло перед ним...

Королева?

Обычная баба, которую можно за косу?

О нет...

Перед ним стояло нечто настолько жуткое, что... лучше бы он рядом с голодной пантерой стоял. И та облизывалась на его печенки-селезенки... ой, мамочка...

Мужчина дернулся – и вдруг рванулся из ниши так, что едва Адриенну со служанкой не снес. Про девчонку и говорить нечего, она так и стояла, дрожа...

Адриенна только головой покачала.

– Роза, помоги мне. Надо ее отвести... да хоть в людскую. Она же сама не дойдет...

– Эданна, вы что...

– Что – я?

– Ну, вам же не подходит...

Розалия хоть и говорила эти глупости, но девушку помогала вытащить, и по щекам похлопала, хоть и несильно, и платье в порядок

привела...

Адриенна едва пальцем у виска не покрутила.

– Не подобает бросать девчонок на произвол насильников. Ну?!

Второго рывка не потребовалось, Розалия осознала и заткнулась. Впрочем, на середине пути девчонка уже пришла в себя и начала бурно благодарить. Повезло – удалось ее сдать с рук на руки лакею, которому Роза шепнула на ухо... нечто важное.

Парень проникся, подхватил девчонку, поклонился, как смог, Адриенне, и утащил несчастную.

Адриенна только вздохнула.

Ладно... будем надеяться, никто и никому не расскажет про ее... особенность. Но она правда не виновата, это наследство Морганы.

Считай – судьба. Кровь-то не сотрешь.

С другой стороны... пусть хоть ужалуются и обкричатся! Если Филиппо Четвертый будет каждого дурака слушать...

Адриенна махнула рукой и выкинула из головы всякие глупости. Ей было о чем поговорить с прабабкой и без встретившегося подонка.

* * *

Подземелье не менялось.

Адриенна привычно приложила руку к алтарю, поморщилась, когда кровь потекла по камню, но промолчала. Вместо нее заговорила Моргана.

– Внучка, доброй ночи.

– И тебе, бабушка. Ты довольна?

– Вполне, – не стала отрицать прабабка. – Не спеши рожать, подожди годик, а потом можно и ребенка.

– И проклятие будет снято?

– Будет, Адриенна. То есть на твоих детях проклятия больше не будет.

– На детях Филиппо – тоже.

Моргана пожала плечами.

– Я не хотела, чтобы так получилось. Мне повторить еще раз?

– Нет. Скажи, почему меня... Я знаю, другие женщины радуются вниманию мужей. А меня от Филиппо просто тошнит. Почему?

Моргана только хмыкнула.

– Потому что ты связана с другим мужчиной.

– А если я попробую кровь Филиппо? Или он мою?

– И что?

– Может, мне будет не так противно?

Моргана рассмеялась.

– Милое мое дитя. Именно так противно тебе и будет. И еще даже больше.

– Но почему?

– Потому что Филиппо Эрвлин не относится к существам *нашей* крови. Кровь не станет для вас ядом, как для потомков моего связанного, к примеру, но и действовать не будет.

– Жалко. Я надеялась...

Моргана качнула головой.

– Ты принимаешь что-то противозачаточное?

– Да.

– Вот и принимай. Супруг знает?

– Да.

– Ты сама пополняешь запас?

– Мне приносит придворный медик.

– Что ж. Это хорошо. Какое-то время Эрвлины будут тебя беречь.

Потом придется сложнее...

– Понимаю. – Адриенна вздохнула и переключилась хоть на что-то хорошее. – А еще я котенка подобрала...

– Тебе вообще с животными будет легко. Это связанным было сложно, животные их не любили. Но и то, запах можно было отбить. Полынь, чертополох, любисток, лаванда... кстати – роза.

– Роза?

– Только черная. Запах моих роз забивает любой другой.

– Ой, они так разрослись...

– Неудивительно. Тебе плохо – они растут. Не забывай, Сибеллины – свет и счастье своей земли, но мы ведь не можем быть постоянно счастливы. Мы не идиоты, это тем для радости ничего не надо. А мы можем и злиться, и горевать, и плакать... вот, чтобы не причинять вреда людям, и выросли эти розы. Чем хуже тебе, тем сильнее они растут.

– Они так весь розарий заполонят.

– Обязательно. Когда я рожала... между прочим, больно!

– Да?

– А ты сомневалась?

– Ну... а средства никакого нет? – наивно понадеялась Адриенна. – Мало ли?

Моргана только головой качнула.

– Когда я рожала, они чуть через реку не переползли.

– Ох-х-х-х!

– Пришлось потом укрощать. Кстати, тебе бы это тоже сделать.

– Что именно?

– Сходить в розарий. И полить розы своей кровью.

– Зачем?

Моргана только вздохнула.

Да, эта девочка ее потомок. Но как же мало она знает! Какая хрупкая штука – человеческая память! И столетия толком не прошло, а все уже стерлось!

– Дело в том, Адриенна, что все эти розы – одна роза.

– Это как?

– У них один общий корень.

– Как грибница у грибов?

– Именно, – порадовалась Моргана. – Как грибница. И если напоить корни своей кровью, они почувствуют моего потомка и признают тебя хозяйкой.

– И что я смогу, как их хозяйка?

– Что захочешь. Они будут тебя защищать, ты сможешь спокойно ходить среди роз, сможешь приказать им убить.

– Убить?

– Адриенна, эти розы не просто отвод для гнева и боли. Они были последней защитой... когда король уезжал на войну, королева и дети оставались в замке. И если бы враг прорвался... один раз так случилось.

– Да?

– Давно, лет двести тому назад. Король не был убит, он был на войне, но враг решил ударить в спину. Нет ничего страшнее, когда губят близких. Когда тебе некуда возвращаться, когда разрушен дом за твоей спиной... И в столицу пришел отряд врага. Немного, пятьдесят человек. Как раз чтобы и пройти быстро, и суметь защитить себя. А

королева, пока враг пробивался через город, схватила детей и спряталась в Вороньей башне.

– И?

– Она не была нашей крови. Но дети – были. А я была сильнее, я смогла подсказать.

– Она...

– Надрезала руку сына, окропила его кровью корни розы, и ребенок попросил защиты. И все... враг не прошел. Розы сами полегли в тот день, но никого не пропустили во дворец.

Адриенна поежилась.

Она почти увидела, КАК это было.

Как рвались к стенам дворца чужие наемники, конные, оружные, в простых доспехах без всяких символов, как несколько из них все же упали, но остальные преодолели ворота дворца. Как они сворачивают к Вороньей башне...

И как рвутся из-под земли черные розы.

Розы гнева и боли.

Кто сказал, что дети не умеют ненавидеть? Кто сказал, что им не бывает больно? За себя, за мать, за братика или сестренку, за саму столицу...

И розы вырастают на глазах.

Захлестывают когтистыми плетями истошно ржущих коней, те бесятся, сбрасывают всадников, убегают, истошно крича, – кони умные. А всадники остаются.

И идут прямо по розам... пока могут.

Доспехи не спасут от шипов. От побегов. От дурманящего аромата цветов, который не дает дышать, душист, обволакивает, побегии спутывают ноги, а стоит упасть – и тебя затянет в этот ковер, шипы отрастают на глазах, грозные и страшные, размером с палец...

Обвивают, уничтожают...

Утягивают вниз, под корни, оплетают так, что наемники становятся похожи на коконы... земля алеет от крови.

Розы не могут отрастить шипы размером с локоть. Но и множество мелких шипов тоже не порадуют врага. А смерть от кровопотери...

Она тоже – смерть. Только помедленнее...

– Я напою розы. А... они не кинутся без приказа?

– Конечно, нет! – Моргана даже возмутилась таким предположением. – Или должна быть смертельная угроза твоей жизни, или приказ... больше никак.

– Можно напоить любую розу?

– Да. Они все – одна роза.

– Спасибо, прабабушка.

Адриенна сидела на холодном полу, смотрела на призрака – и была ужасно довольна собой. Вот до невероятности!

Ей было хорошо, спокойно и уютно.

Она дома...

И даже то, что скоро придется возвращаться в часовню, ее не тревожит.

Завтра она напоит розы своей кровью.

Мия

– Кто это такой?

– Не знаю.

– А раньше ты его видел? Слышал? Хоть разговор о нем заходил?

– Нет. Но Мария Капелетти рядом с ним мне знакома. Я с ней не дружил, она старше меня, но виделись, было...

Рикардо и Мия разговаривали шепотом, сидя рядышком за столом.

Рикардо сегодня похоронил отца, отслужили службу, все как положено, собрались на поминальную трапезу. И...

Ну ладно!

Соседи – это святое! Приехали они и приехали, ничего плохого в этом нет. С кем при жизни дан Козимо общался, те его и проводить пришли. Но вот дана Амедео Капелетти Мия раньше и не видела, и не слышала. И ладно бы она! Хотя дан Козимо и рассказывал о своих друзьях, за шахматами-то как не поговорить? И заезжал кое-кто, бывало.

Но этого дана точно не было. Был... кажется, дан Козимо что-то рассказывал про дана Вито Капелетти? Да...

Но Мия так понимала, что они должны быть почти ровесниками. А это что за счастье такое?

Сидит за столом мужик лет сорока, краснорожий, самого что ни на есть быдляческого вида и сметает угощение в три горла? Откуда он вообще взялся?

Почему он Капелетти? И почему рядом с ним такая бледная и несчастная дана?

Мия, недолго думая, вышла из-за стола и направилась к тем, кто знает все и немножечко больше. К слугам. На конюшню. Еще и кувшин вина с собой прихватила, и лицо на ходу поменяла. А плащ накинуть – и вовсе дело минутное.

И расспрашивать.

Мия не собиралась ничего оставлять на самотек, вот еще не хватало! Работа у нее такая... была. И она прекрасно помнила, как сама под видом эданны Белло приезжала в поместья. А если это тоже... убийца?

Или разбойник какой? Да все, что угодно, может быть! Тут и эданна Капелетти рядом с ним вполне объяснима. Мия могла с ходу штук пять ситуаций придумать, когда эданна привезет разбойника в чужой дом.

К примеру, у него в заложниках кто-то из ее близких. Ее шантажируют какой-либо неосторожностью. Она влюблена по уши. Она...

Да много есть вариантов. А вот какой из них сработал здесь и сейчас?

Выясним!

Так что Мия вошла в конюшню с кувшином вина наперевес. Хорошим таким, литров на пять, не меньше.

– Почтенные ньоры, угощайтесь. Хозяйка передала, сказала, чтобы вы хорошего человека добром вспомнили.

Отказываться не стал никто. У кого-то с собой стаканчики нашлись, кто-то попросил у друга...

– А ты с нами не выпьешь, красавица?

Мия улыбнулась.

Примерно на такой вопрос она и рассчитывала. Хоть и мордочка у нее сейчас была далеко не красивая – такой хомячок, глаза маленькие, щечки толстые, – ничего общего с ее настоящим лицом.

– Да я бы с радостью, но там та-акой скандальный дан... надо бежать, а то всем он недоволен... Дан Капелетти, кажись...

Вино на голодный желудок отлично развязывает язык.

– Какой он дан, тьфу три раза! – возмутился в углу конюх. – Ньор он, самый что ни на есть ньор... просто на нашей дане женился.

– А, ну то-то и понятно, что ньор, благородные которые так себя не ведут, – отозвалась Мия. – И чего он придирается, как будто его самого закопать хотят?

– Да он ко всем придирается, – хмыкнул тот же кучер. – Денег у него немерено, вот и оно... у нас-то старый дан долгов наделал – не продохнешь, едва по миру не пошли...

– Вот не похоже! Кони – явные арайцы, – Мия оценивающе оглядела коней. Еще и порадовалась. Можно спокойно заходить в конюшню, беситься они не будут. Смесь трав преотлично действовала, отбивая ее родной запах.

– Оно так, и карета не хуже, – согласился конюх, – но ведь это-то на ньорские деньги куплено! Старый дан Капелетти как все деньги размотал, думал, отыграется, на кон все поставил... ну и дочь с поместьем тоже.

– Ага, – сообщила Мия. – А ньор выиграл?

– Или долги, что ли, выкупил? Кто ж его знает? А потом прошение королю подал и дикие, говорят, деньги за брак с нашей даной заплатил. Она в монастырь уйти хотела, так не дали... вот, заплатил, чтобы через нее фамилию и титул перенять, так он какой-то Перроне, что ли?

Мия кивнула.

– Понятно. Плохо, когда только одна дочь и осталась...

– Да там не одна. Но сын погиб, три девки... разве из внуков наследника выбрать, и то только две замужем, третья вот...

Мия покивала с самым понимающим видом. Ну а чего тут неясного?

Случается...

Правда, стоит это очень и очень дорого, но реально. Она точно знала, потому что Фредо Лаццо как-то рассказывал о такой возможности.

Заплатить придется много, тысяч сто лоринов, уж никак не меньше. И вот... ты уже женат на какой-нибудь дане из древнего и благородного рода и можешь взять ее фамилию... Если ты дан, то

можешь просто так перейти в род жены. А если ньюор – только с королевского соизволения и после хорошей оплаты.

И есть еще одна сложность.

Ты можешь стать даном по супруге. Но отношение к тебе будет... своеобразное. В лицо плевать не станут, но и не забудут. И породниться не захотят, и не пригласят лишний раз, и своим ты никогда не станешь... стоит ли оно того?

Каждый решает для себя.

Но этому свежесляпанному дану явно море по колено. Ладно, не разбойник, не убийца – и пес с ним. Пусть живет...

Спустя два часа Мия уже так не думала.

* * *

– Простите, что?!

Глаза у Рикардо были большие-большие, круглые-круглые, и Мия подозревала, что у нее ни капельки не лучше.

Будешь тут!

Амедео Капелетти не нашел ничего лучше, чем прямо на поминальной трапезе подсесть к Рикардо и предложить ему побеседовать наедине. Рикардо, умничка, сказал, что без Мии никакой беседы не будет. И без эданны Марии тоже, если дану Капелетти охота. А нет? Он, Рикардо, и без беседы проживет.

Мия подозревала, что сказано это было исключительно чтобы позлить нувориша, но какая разница? Если мужчина махнул рукой, да и согласился. Еще и добавил, что бабам можно и посидеть – все одно они, кроме молитв и вышивок, ничего не понимают. Ума не хватает.

И как такой придурок деньги заработал? Чудом, не иначе...

– А чего такого? Продайте мне Демарко, хорошие деньги дам, на обустройство в столице вам хватит. И домик купите, и выезд...

Мия открыла рот – и закрыла его, звучно щелкнув зубами. Вот здесь и сейчас... ее просто не будут слушать. Этот мужик даже не услышит... он же свято уверен, что бабы... и далее по услышанному.

Молитвы, дети, вышивка.

Убить сволочь мало!

Рикардо сдвинул брови.

– Зачем вам Демарко? У нас нет общих границ с Капелетти.

– Зато с Ливаро есть. А Ливаро мне тоже поместье продает... к чему тут эти лоскутья? Я человек простой, дан, красиво говорить не привык. Подумайте сами, от вашего поместья дохода – с гулькин хвост. А вот если их несколько объединить, может, толк и будет...

– А мне-то это зачем? – Рикардо не злился. Просто интересовался.

– А то я не знаю, что вы о столице мечтаете! Вот и поедете, дан. Могу даже домик какой посоветовать...

Домик Мия и сама могла посоветовать. Тот самый, на Приречной-поперечной. И платить за него не придется. Но...

Рикардо мог бы согласиться. Есть только одна загвоздка.

Есть даны с землей – и без земли. И отношение к ним разное. Даже крохотный клочок уже важен. А те, кто потерял свое родовое поместье – по глупости или как еще, – неудачники. И все этим сказано. И отношение соответствует.

Рикардо это тоже понимал. И не хотел продавать землю.

Да и остальные причины...

Отец просил не продавать. Демарко все же родной дом Рикардо. И отношение. А еще... деньги – такая штука. Если кто думает, что, продав нечто ненужное, он получит кучу денег... зря!

Деньги, которые дуриком оказались в руках, имеют обыкновение так же – дуриком – и расходиться на всякие пакости. Вроде как и денег нет, и потрогать потом нечего.

– Знаете что... дан. Я обойдусь без советов. И продавать ничего не хочу.

– Пра-авда? – протянул дан Амедео.

Смущенным или растерянным он не выглядел.

– Можете не сомневаться, – жестко ответил Рикардо.

– А если подумать?

– Можете подумать. Когда покинете мой дом. – Рикардо встал из-за стола.

Дан Капелетти хмыкнул.

– Ваш дом? Да, пока еще ваш... что ж. По-хорошему я предлагал. Не изволите? Будет как в Ливаро.

Мужчина поднялся из кресла и кивнул супруге.

– Мария. За мной!

Как собачке.

Эданна дернулась и помчалась вслед за мужем, взглянув на Рикардо глазами загнанной лани.

Мия хмыкнула.

– Интересно...

Рикардо мерил комнату шагами.

– Интересно? Да что себе позволяет это быдло? Его к людям пустили, а он...

Кипел бы Рикардо еще долго, но Мия решила не тратить время и силы на возмущение. А просто перевела гнев в другую плоскость и прильнула к Рикардо.

– Ты та-ак красиво сердишься...

Поцелуй был горячим, стол удобным, гости не беспокоили...

А решение Мии потом прокатиться по своим делам – это ведь ее решение. И никому о нем знать не обязательно, даже Рикардо.

* * *

Эданна Мария Капелетти спала в своей кровати. В своей комнате, на постоялом дворе.

Здесь супруг к ней не приходил. Вычитал где-то, что дан не станет так унижать супругу, совокупляясь с ней там, где нет никакой защиты для стыдливости...

То есть – народу полно и все слышно. А эданны народ такой, тонко чувствующий, нервный, не захворала бы от переживаний...

Ага, от переживаний!

Эданна Мария искренне считала, что если не померла сразу, то и на постоялом дворе не помрет. Вот никогда она не хотела замуж. Но... так все получилось.

Старшие сестры вышли замуж исключительно по любви, то есть без денег.

Она вообще никого не любила, хотела уйти в монастырь, отец обещал ей приданое, но никак не мог выделить, а без него постриг не совершали. Матушка-настоятельница говорила, что Мария пока еще не готова... Ждала.

А потом погиб брат Марии.

И через два месяца она узнала, что выходит замуж. Благо может это сделать. Она же пока еще не Христова невеста!

Как же она рыдала! Как просила! В ноги матушке-настоятельнице кидалась. А когда увидела жениха...

Это был конец всему.

После такого ее не то что в обитель – в полумойки не возьмут! Из трудников погонят!

Ужас какой! Она – и это... этот...

Господи, помилуй...

Увы, Господь был чем-то сильно занят, так что молитвы оказались напрасны. Марии пришлось и выйти замуж за дана Амедео, и спать с ним... вот где ужас-то жуткий... но кто ей давал выбор?

Хотя дан ее не бил, не издевался... он просто совершенно искренне считал женщину – существом, стоящим по уровню даже ниже собаки. А что?

Собака – животное умное, баба – животное тупое. И все этим сказано.

Эданна и дальше оплакивала бы свою горькую судьбу, но...

В окне мелькнула стройная тень.

– А...

Закричать эданна не успела. Сильная рука зажала рот, вторая нанесла удар в солнечное сплетение, и благородная эданна совершенно по-простонародному согнулась вдвое. Было так больно, что она даже не соображала толком, куда уж тут сопротивляться. Хотя вроде и не кулаком били, просто в какую-то точку ткнули. Но как же больно... аж в глазах темно!

Мия этим и воспользовалась.

Несколько ловких движений, и на запястьях и щиколотках эданна стягиваются веревочные петли, а рот затыкается кляпом. Так проще, чем два часа уговаривать не дергаться.

Мия, конечно, сильнее обычной девушки, кровь метаморфов дает о себе знать, но... шуметь ей нельзя. Надо все сделать тихо-тихо. И быстро.

Поэтому сначала удар в болевую точку, скрутить эданну, а как она в себя придет, так и поговорить.

Впрочем, дело свое Мия знала, так что эданна Мария пришла в себя достаточно быстро. И снова задохнулась от ужаса.

Незнакомец, который связал ее (Мия не стала закрывать лицо, просто приняла мужское обличье, чем-то похожее на самого дана Амедео), сидел верхом на стуле, широко раздвинув ноги в сапогах, и пристально смотрел карими глазами.

Эданна заскулила.

Только не убивайте... ну и не насилуйте, пожалуйста!

Возьмите деньги, драгоценности, но не убивайте...

Вслух она это произнести не могла, рот кляпом занят, но мычала эданна весьма и весьма выразительно. Мия едва не фыркнула.

Да нужны мне твои побрякушки!

ТЬфу!

– Поговорим, эданна?

Эданна замычала, подтверждая, что к диалогу готова. Мия не поверила. И показала кинжал, который взяла с собой. Устрашительный. Таким даже колбасу толком не порежешь – слишком большой и заточен плохо. Зато как ужасно выглядит! Еще и ржавчина запеклась, как старая кровь. Милое дело кого напугать!

– Эданна, слушай меня. Я сейчас выну кляп. Если ответишь спокойно и внятно на мои вопросы – отпущу живой и невредимой. И барахло все твое при тебе останется. Поняла?

Эданна замычала.

Поняла. Вот и ладно. Но так, на всякий случай...

– Заорешь – печенку выну. Через зад.

И это дошло. Побледнела так, что на простынях потерять можно. Вот и отлично.

Кляп Мия честно вынула, и эданна Мария задышала, словно рыба, хватая воздух широко раскрытым ртом.

– А...

– Ты, эданна, помолчи пока, – мягко посоветовала Мия. – И послушай... не все твоим супругом довольны. Слишком уж резко он взял... вот и уплатили мне, чтобы я его приостановил. Ты мне о нем расскажи, что знаешь, да я и пойду. Ага?

Эданна выдохнула.

Она-то думала... боялась... а тут всего лишь о муже рассказать?

Да на!!!

На Мию такой поток сведений вылился, что девушка чуть в нем не захлебнулась. Кое-как выловила, что именно произошло в Ливано.

С Ливано, если быть точным.

А все просто.

Дан Амедео подослал к дану Ливано оплаченную шлюху, которая и раскрутила того на побрякушки, потом на азартные игры... ну и в результате Амедео выкупил поместье практически за бесценок. Не считая оплату женского труда.

Тоже дело.

Но допускать такое в собственной семье Мия не собиралась. Да-да, в своем доме. И вообще, Рикардо она любит, считай, это ее близкий и родной человек. Позволять какому-то зажравшемуся купцу наживаться на ее близких?

Щ-щ-щ-щ-щас! Шесть раз!

Добротой и всепрощением Мия и в лучшие времена не страдала, а уж сейчас-то... Дану Амедео следовало бы прятаться под кровать и громко молиться оттуда всем святым. Авось кто и защитит?

Нет?

Значит – не судьба. При встрече им все выскажете... После того, что могла проделать с человеком Мия, его бы свободно приняли как мученика.

Что и как она будет проделывать, она уже тоже знала. Так что...

Еще немного расспросила эданну и честно предупредила:

– Лежи смирно и не ори. Обещаю, с тобой ничего страшного не случится. Развяжу и уйду. Но если поднимешь тревогу – вернусь. Поняла?

– Д-да...

Мия ловко распустила узлы, сунула веревки в карман и выскользнула в окно. Да, оставлять даже такие следы она не хотела. Зачем? Тихо пришла, тихо ушла...

Жаль, несчастный случай сейчас дану устроить не получится. Не ко времени. Да и слишком уж... не успел поугрожать Демарко, как сразу и помер?

Нет-нет, нам подозрения не нужны.

Все будет тихо, мирно и абсолютно невинно. Примерно через декаду-две, как Мия отыщет, что ей надобно. А пока – домой. Рикардо скоро уже проснется, и Мия хотела встретить утро рядом с ним.

Адриенна

Просто напоить розы своей кровью.

Легко?

Ну... для нормального человека – да. Но ты-то королева! И тебя ни на минуту не оставляют своими заботами!

Вообще никак!

Ни на минуту, ни на секунду... хоть в уборной ты можешь остаться одна. И то благо!

И ночью.

А в остальное время за тобой по пятам следует толпа отвратительных бездельников, которые называются придворными! Причем кое-кому ты еще и зарплату платишь!

Да, как тем же фрейлинам.

Это было принято еще во времена Сибеллинов. Фрейлин брали ко двору из бедных семей, устраивали их жизнь... и да, платили деньги. Конечно, служить королеве – громадная честь, но кушать тоже хочется! А семьи бедные, девочкам дать ничего не могут... поэтому на каждую фрейлину выделялся определенный лимит.

Ткани на два платья в год – обязательно. Белье, чулки и прочее – тоже два комплекта в год. И небольшая сумма денег на сладости. Так правильно.

Эрвлины этот обычай ломать не стали.

Адриенна тоже не стала бы. Но раздражало... Она даже не может пройтись по саду одна! И за ее же деньги! Злит! Даже бесит!

Взять с собой эданну Сабину?

Все равно не гарантия, что никто не увяжется следом. Да и эданне ни к чему знать лишнее. Все же она шпионит для Филиппо Третьего...

Король хоть и уступил свою власть, но пока еще не помер. И как он отнесется к таким действиям... А кто его знает?

Все равно есть вещи, которые лучше оставить в тайне. Между Адриенной и Морганой. Ну и розами, но те промолчат.

Клинок у Адриенны был еще со времени СибЛеврана. Привезла с собой, да так и лежал кинжал в одном из сундуков, никто о нем и не задумывался. А вот уединение...

Выход был один.

Или ускользнуть от фрейлин и рисковать навлечь на себя гнев супруга, или идти ночью. Адриенна долго размышляла, но выбрала первый вариант. Да, так будет проще. Ночью и стража более

бдительна, есть поводы для волнений, и свидания всякие-разные в коридорах проходят, если ее поймают, она потом вовсе не отговорится... нет, не стоит так рисковать.

Значит, днем.

Но как и когда?

Выход нашелся достаточно быстро.

Две фрейлины – это прямо-таки необходимый минимум. Самый-самый... поэтому Адриенна и отправилась с ними гулять по розарию.

Ей надо полить розы своей кровью?

Вот и отлично, зачем же в другое место идти, а потом к розам бежать сломя голову?

Она желает погулять среди черных роз, понюхать их... кто у нас там из фрейлин самый безответственный? Кого не жалко?

Если что, им, конечно, нагорит, но не сильно. Но все равно подставлять хороших людей как-то некрасиво, а вот лентяек и склочниц – в самый раз. Так что... дана Марта Дамиано и дана Розалия Брешиа. Ах, какая говорящая фамилия... и брешет, и брешет...

Всех перебрехала!

Ладно-ладно, Розалия, как настоящая дана, не скандалит, словно базарная торговка на ярмарке. Но связываться с дурной девицей тоже никому не хочется. Уж больно язык у нее острый. И ведь не потому, что привыкла защищаться. Просто так воспитывали деточку, объясняя, что выше ее только звезды. А на земле...

Да, на земле – король.

И тут такая беда!

Не берут деточку в королевы. Только фрейлиной. А как хотелось!

А как обидно... вот и срывается девица почему зря.

Не на Адриенну, тут мигом со двора можно вылететь. Но на своих товарок, на служанок, Розалия Меле пару раз плакала...

Жертва была найдена. И церемониться с ней Адриенна не собиралась, вот еще! Порвет, как Тузик тряпку! И косточки сплюнет!

* * *

Когда Адриенна выразила желание прогуляться за розами, никто не удивился. Эданна Сабина хотела было предложить

сопровождающих, но Адриенна взмахнула рукой.

– Нет-нет... вот дана Дамиано подойдет. Пусть возьмет корзинку, а дана Брешиа ножнички. И нам хватит. Мы ненадолго, буквально на десять-двадцать минут. Хочу лично нарезать розы для своей спальни.

Эданна Сабина даже плечами не пожала.

Ее величество хочет? Значит, пусть делает. Да, раньше она так не поступала, Адриенна вообще была достаточно равнодушна к цветам, но вдруг?

– Мяу, – подтвердил кот с подушек.

Адриенна погладила пушистую черную головку.

– Нурик, ты со мной?

– Мяу.

Конечно, с ней. Он же знает, где нужен. И знает, что ему делать...

Смешно разговаривать с котом? И объяснять ему, что именно тебе нужно? А вы попробуйте. Вот Адриенна так и сделала, и в розарий отправилась процессия.

Впереди – кот, потом ее величество, за ней две девицы.

Поворот, еще один поворот, чтобы никто быстро не подошел.

А вот теперь...

Роза, теперь еще одна роза, и еще одна...

Словно по заказу, налетел порыв ветра, и Адриенна поморщилась.

– Дана Марта, принесите мне шаль, пожалуйста.

Дана Марта послушно кивнула.

– Да, ваше величество.

Адриенна продолжала идти по розарию. Ага, вот и подходящий куст. Даже несколько, да так удачно расположены, если вон с той стороны подойти и наклониться, то ты оказываешься с трех сторон скрыта ветками. Никто и ничего не разглядит. Осталось только...

Адриенна так и сделала. А потом...

– АЙ!!!

Как кусаются коты?

Вдохновенно! Вот даже не сомневайтесь! Пасть у них немаленькая, даже у подростков, зубки острые, клыки длинные, и если кот прокусит кожу, то ранка очень даже легко может загноиться.

Вот кот и попробовал кусаться всерьез. На дане Розалии.

Нурику не хотелось, но Адриенна долго его вчера уговаривала и объясняла, как надо. Хотя коту и сейчас было неприятно тянуть в рот

гадкую тетку. Просто фу.

Но – надо!

Даже у котов есть такое слово – Родина!

Так что Нурик примерился – и ка-ак цапнул! Вдохновенно, выбирая то место, где лодыжка помягче и потоньше, а именно сзади...

Розалия завизжала.

Дальше?

Дальше ей захотелось пнуть кота. Но коту-то это было совершенно не нужно. Так что Нурик задрал хвост и побежал от нервной девицы.

Розалия, капая кровью из прокушенной ноги, заторопилась за ним.

Адриенна осталась одна – и тут же рухнула на колени почти в кусте роз. Вытащила кинжал – и резанула себя по ладони.

На землю, под корни, закапала кровь.

– Хранитель, прими мою жертву, как я приняла свой род. Да будем мы достойны памяти предков и потомков...

Этого оказалось достаточно.

Матео Кальци как раз находился с другой стороны от дворца, но все равно бедняга чуть не поседел.

Зашумел над дворцом ветер.

Взвились вóроны над Черной башней, торжествующими криками подбадривая хозяйку.

А розы...

Розам кричать «Ура» не полагается. Поэтому они просто дали бутоны. Десятки и сотни бутонов, которые тут же распустились. Матео чуть не поплохело.

Подрезаешь ты ветку, а на ней – вот прямо у тебя на глазах, в твоих руках – бутоны, бутоны, и тут же цветы... откуда?! Почему?!

Ответа не было.

Адриенна выдохнула.

Получилось, отлично... теперь можно выпрямиться и посмотреть, кто, что и куда.

О, и дана Марта спешит, вместе с шалью.

– Ваше величество!

– Все в порядке, Марта?

– Д-да...

– Что-то случилось? – невинно поинтересовалась Адриенна.

– Да... там Розалия... она за вашим котом гонялась, ваше величество.

– Это она зря, – пробормотала бывшая дана СибЛевран. Коварство кошачьего характера она тоже успела оценить. Обидеть кису может каждый, не каждый может убежать. Это уж точно...

– Да, ваше величество.

– Что с ней случилось?

– Ваш кот... он ее подпустил поближе, а потом увернулся.

– И?

– Наверное, надо Розалию как-то... или садовников послать...

– Зачем? – ужаснулась Адриенна, прикидывая, что кот еще маленький, он же не тигр, в самом-то деле!

– Она сейчас в розовом кусте сидит. Запуталась так, что сама не выберется.

– Мау, – подтвердил вернувшийся Нурик.

Адриенна расхохоталась так, что кот едва не фыркнул. Странные эти люди... Попросила хозяйка – покусал. Попросила – поводит глупую девчонку по саду. Но что было – даваться ей в руки? Или чтобы она кота пнула? Даже за подобные гнусные мысли должна следовать расплата! Вот и последовала.

Адриенна накинула шаль, срезала еще несколько роз, не слишком-то торопясь на выручку дане Брешиа, и только потом подхватила кота на руки.

– Пойдем, мой хороший. Посмотрим на эту невежливую и невоспитанную дану.

– Мау.

И если бы Адриенна владела кошачьим языком, она бы полностью согласилась. Потому что кот произнес короткое: «Чего смотреть? Драть надо!»

* * *

Адриенна осмотрела дану Розалию и только головой покачала.

– Ай-яй-яй... и что это вы тут делаете, дана?

Дана ответила явно неподобающими словами. И королеву упомянула, и кота, еще и заорала, что таких тварей только ведьмы заводят.

Адриенна мило улыбнулась.

– Дана Розалия, вы лежите пока. А мы пришлем садовников, выпутать вас из кустов. Мало ли что... пойдете, дана Дамиано.

Марта послушно направилась за ее величеством. И уже на отдалении:

– Ваше величество, у Розалии родня же...

– А у меня муж, – усмехнулась Адриенна. Кот удобно устроился на ее руках и даже помуркивал немного.

– Канцлер...

– С канцлером мы поговорим, – отмахнулась Адриенна.

Просто так она бы Розалию не выгнала. Но после такого конфуза? Может, ей и повезет? И избавится она от склочной девицы?

* * *

К фрейлинам Адриенна вернулась в сопровождении даны Дамиано. Эданна Сабина выслушала ее величество и отправила слуг на помощь дане Брешиа. А Адриенна отправилась к Филиппо Третьему.

Его величество был слаб и практически не вставал последнее время. Лежал, читал, писал что-то, смотрел в окно... иногда требовал, чтобы его развлекали музыкой или мимами, но только иногда. А так...

Он готовился уходить.

Знал, что скоро ТУДА, и старался как-то смириться, успокоиться...

Адриенне он даже обрадовался.

– Дорогая невестка!

– Ваше величество, – улыбнулась ему Адриенна. – Мне нужен ваш совет.

– Слушаю вас, Адриенна?

Советовать было интересно. Особенно когда твои труды не пропадут даром.

– Ваше величество, у меня в свите состоит некая дана Розалия Брешиа.

– Да, Адриенна.

– Чья она родственница?

Его величество даже не задумался. Это Адриенна раздумывала часами, а он во всех хитросплетениях родословной ориентировался мгновенно.

– Эданны Вилеци.

– Вот как? И с какой стороны?

– Со стороны ее сестры. Дочь от первого брака мужа сестры эданны Вилеци.

Адриенна помотала головой.

Разбирая с конца... у эданны Вилеци есть сестра, она вышла замуж, и у мужа есть ребенок от первого брака. Как раз эта дана Розалия.

– Если я ее выгоню?

– Не советую. Шума будет много, а пользы мало, – отозвался Филиппо.

– А что с ней можно сделать? После сегодняшнего?

– Что сегодня случилось?

Адриенна пожала плечами.

– Я захотела нарезать цветы...

Его величество внимательно выслушал рассказ о дане Брешиа в розовых кустах, от души посмеялся.

– Дорогая невестка, вам бы лучше ее замуж выдать.

– За кого?

– Учитывая, как выставила себя дана, – за любого. Так... приданого у нее практически нет, это плохо.

– Других ко мне фрейлинами и не устраивали.

– Почему же? Дана Чиприани вполне состоятельна, дана Джойя... а вообще, позовите сюда моего камердинера, Адриенна.

Девушка, не споря, выглянула из двери и позвала дана Иларио Пинну.

Мужчину не пришлось искать долго.

Дан Иларио Пинна когда-то приехал искать удачи в столицу. На военном поприще он ее не нашел, а вот с камердинерством... так

получилось. Раз помог его величеству на охоте, второй раз – вместо заболевшего слуги, и Филиппо предложил ему эту должность.

Конечно, для дана оскорбительно...

С другой стороны, а жить впроголодь не оскорбительно? Выпрашивать у короля подачки?

Или получать честные деньги за честную работу?

Иларио выбрал второй вариант и вот уже тридцать лет служил своему господину верой и правдой. И знал много чего интересного...

Сейчас он вежливо поклонился дане Адриенне. Посмотрел на короля.

– Ваше величество...

– Дан Пинна, ты мне скажи, про дану Брешиа ничего не слышно? Может, кто жениться на ней хочет или еще что...

– Что-то случилось, ваше величество?

Адриенна скрывать не стала и, повинувшись взгляду его величества, повторила историю еще раз.

Дан Пинна задумался. Потом качнул головой.

– Нет... так, чтобы вот именно дана Брешиа – нет. Она лично ни в чем не замечена, но я слышал, дан Эммануэле Казатти ищет себе жену.

– И не может найти? – удивилась Адриенна.

– В его семье не так давно, лет десять назад, был серьезный скандал. Отец и сын не поделили любовницу, и сына он случайно убил. Жена сошла с ума, пыталась свести счеты с жизнью...

– Хм.

– Недавно она умерла. Дану Казатти нужна молодая и послушная супруга, которая будет сидеть в поместье и рожать детей. Много.

Адриенна задумчиво кивнула.

– Полагаю, дане Брешиа это не понравится. Но мне как-то все равно.

– Дело в другом, Адриенна. Кто был при скандале?

– Я и Марта.

– Марта Дамиано, Адриенна?

– Да.

– Вот ее и нужно выдать замуж. Но не за Казатти.

Адриенна даже головой помотала от такого выверта сознания, и его величество доходчиво объяснил:

– Адриенна, к вам в свиту устроили и бесприданниц, и много кого... Если вы сейчас устроите судьбу Розалии, что они увидят? Что можно оскорбить королеву и получить за это награду.

– Ой, – растерялась Адриенна, которая не подумала о подобных гадючьих ходах. Маленькая еще, не привыкла. – А как тогда быть, ваше величество?

– Дану Розалию оставьте пока при себе. Только дела ей давайте погрязнее. За ночной вазой следить, к примеру.

– С удовольствием, – отозвалась Адриенна. – Подкормку для роз можно сделать...

– Вот-вот, подумайте. Чтобы она пожалела о своем хамстве. А дану Марту надо выдать замуж, и выгодно.

– За дана Казатти?

– Надо просто разобраться, что там произошло. Ладно, у меня сейчас дел мало, – пожал плечами его бывшее величество. – Иларио, напиши от моего имени письмо дану Казатти, пригласи его завтра на беседу.

– Да, ваше величество.

Адриенна вопросительно поглядела на короля.

– Я могу присутствовать?

– Пока не стоит, ваше величество, – подчеркнул ее статус Филиппо. – Я просто побеседую, а когда дело дойдет до конкретного одобрения или неодобрения помолвки, уже вы будете принимать решение. И сами беседовать с даном.

– Да, ваше величество, – согласилась Адриенна.

Филиппо Третий кивнул. Умненькая девочка. Ах, как же он тогда не прогадал! И, отпустив камердинера, поглядел на Адриенну.

– Позаботьтесь о нем, Риен. Когда меня не станет, Иларио потребуется помощь.

Адриенна кивнула.

– Мне понадобится личный дворецкий... лишь бы муж не был против.

– С ним я поговорю.

Адриенна не возражала. Пусть так. А Розалии поделом будет. Навек запомнит, что фрейлины – не базарные торговки.

Убить – несложно!

Но надо это сделать так, чтобы никто ее лично не заподозрил. А вот это уже куда как сложнее.

Не ньюр какой помер, не крестьянин, которых много, не нищий с большой дороги. Помрет дан. И к тому же такой... заметный.

Жалко Мие его не было. Ей уж давно никого жалко не было, лет пять, по прикидкам, да и не в том дело.

Кто его знает, этого дана Капелетти, какие у него связи, кто им там интересоваться будет... а вдруг? Может, у него родня такая-растакая, сейчас королю скажет – и все. Привет... Или друзья? Или должники? Просто так титул тоже не прикупишь.

Будет расследование...

Ладно.

В своей способности замести следы Мия не сомневалась. Но на Демарко даже тени подозрения упасть не должно.

Она сама виновата.

Расслабилась, когда с Рикардо встретила. Эти четыре дурака, потом девчонка, потом ее мать...

Убить-то надо было, но плохо получилось. Все знают, из-за кого это произошло. Доказательств нет, но... Люди. Говорят. Вот всем бы им онеметь на годик!

Увы, такой радости у Мии не будет. А Рикардо...

Одно пятно уже есть, связей нет при дворе, а вот с убитым Амадео связь будет. И зачем такое?

Нет-нет, Рикардо должен быть вне всяких подозрений.

А значит...

Только несчастный случай.

Не сердечный приступ, не удушение, не яд. Все должно быть именно так, чтобы люди видели. И обвинить в этом никого не могли.

Так что...

Мия тренировалась.

Идея у нее была. Тем более дан Амедео оказался заядлым охотником... Ладно, не совсем, чтобы уж. Но он твердо был намерен влиться в местное общество и очень активно стремился стать настоящим даном.

Бывает такое...

Новообращенные стараются стать святее Христа со всеми его апостолами.

Шлюхи строят из себя праведниц.

Убийцы... Мия точно знала, что когда-нибудь займется вышиванием. Или вот... как ей Джакомо придумал – будет молитвенники переписывать. И будет очень-очень праведной.

И убивать никого не будет... наверное. Уж детей точно этому не научит...

Да, если у нее будут дети от Рикардо.

Хочется?

Очень!

Именно от Рикардо... Мия так решила для себя. Предохраняться она не станет: чему быть, тому и быть.

Но сейчас она не беременна. А потому...

Что можно списать на несчастный случай?

Ну... болезни, но это она организовать не сможет. Это надо пожить в его замке, а значит, кто-то будет в курсе. Дана Мия пропала, дана Мия вернулась... опа! А в это время и человек помер?

Нет-нет, это неправильно.

Подавиться чем-нибудь? Теоретически можно. Практически – поди впихни ему ту кость поперек горла.

Упасть откуда-то с высоты?

Увы, эданна Мария упомянула, что супруг высоты боится. Даже спальня у него на первом этаже... тут он от любого благородства отступить изволил.

А еще-то что?

Что такого интересного она может придумать?

Пожалуй, только охота. А там...

Лошадь испугалась, понесла, сбросила всадника... все. Это может быть и на виду у всех, и вообще... только вот от чего понесет лошадь?

А, тоже не страшно.

Духовые трубочки и дротики придумали давно. Мия просто подождет и выстрелит. Это один из вариантов.

Второй – клок волчьей шкуры. Или медвежьей... смотря что удастся добыть. Не любят лошади этих зверей, это инстинкты. Да и саму Мию не любят, тут главное – занять подходящее положение.

Свернет ли дан Амедео шею?

Определенно свернет. Она поможет, если что...

Остается малое. Дождаться охоты, на которую будут приглашены все... кроме Демарко. Вот не приглашают Рикардо... и с горя он напьется. А куда он денется?

Сонное зелье у Мии еще есть... когда там очередная охота? Благо осень... Тут тебе и олень, и лось, и косуля, и пушное зверье...

Долго ждать Мие не пришлось, буквально пару дней... И она провела их с толком. А именно, наведалась к соседям.

Ах, как же даны и эданны недооценивают слуг и служанок!

Пара сочувственных слов, пара монет – и мы получаем полный список и побед, и обид... Да и дан Козимо этим интересовался и Мие рассказывал.

Лишний раз девушка убедилась, что знания – высшая ценность мира. Оставалось их применить правильно. Чтобы дан Амедео поехал, куда ей нужно, и задержался... а для этого...

Пишем, Миечка!

Пишем!

Эх, жаль, что Джакомо хотел так поступить с Сереной, он был полезен. И... не жаль. Останься она в столице – и никогда не встретила бы Рикардо, не знала бы счастья...

Так что все хорошо. А чтобы было еще лучше, мы сейчас возьмем надушенную бумагу, и...

* * *

«Дан Амедео!

Я знаю, что вы хотите стать крупным землевладельцем.

Мой муж сильно оскорбил меня, заведя шашни с дочкой одного из соседей, и я хочу отсюда уехать. В столицу.

Вы произвели на меня самое лучшее впечатление во время нашей короткой встречи. Вам можно довериться.

Постарайтесь отстать от охоты, я подъеду к вам и поговорю. Вы получите его поместье, а я деньги.

Прошу вас, как человека надежного и благородного, уничтожить это письмо. Если оно попадет на глаза слугам, у меня будут серьезные неприятности.

Эданна Орнелла Джулиано».

Дан Амедео покрутил письмо в руке, ухмыльнулся.

Помнил он эту эданну... и действительно, поместье ее супруга было неподалеку. Что ж, можно и заняться.

А насчет шашней... да, она права. Дан Джулиано действительно спал с дочкой одного из соседей, такие вещи дан знал. Значит, жена узнала и решила отомстить.

Интересно, только в деньгах... или во всех, хе-хе, смыслах?

А что?

Мужчина он надежный, интересный, серьезный... и эданна, между нами говоря, тоже вся такая... сочная, что твое яблочко! Таковую... укусить бы!

А то его... кислятина церковная! Как взглянет, так и у дерева сучья отпадут!

Что ж.

Он будет держаться чуть позади охотников и ждать встречи. Посмотрим, что она ему принесет. Обиженные бабы... м-да! Это сила...

Письмо дан Амедео скомкал и кинул в камин. Бумага прогорела почти мгновенно, недаром Мия от души пропитала ее благовонным маслом.

Охота назначена, наживка проглочена... осталось что?

Правильно. Подсечка. Не то чтобы Мия любила рыбалку, но когда-то они с Лоренцо сидели на берегу пруда, еще в Феретти... и вообще, рыба – безмозгая. Ее не так жалко, как зверье.

Поэтому – рыбалка.

Так Мия о своей операции и думала. Кстати, вот курица идет на «цып-цып-цып». А рыба?

«Буль-буль-буль» подойдет?

Адриенна

Охота...

Веселье?

Трубят рога, развеваются знамена... Адриенна охоту не любила.

Такую – нет.

Одно дело, когда, как в СибЛевране, люди охотятся ради пропитания. Там, кстати, Адриенна лично разрешала семьям охотиться. Не всем. Нет. Кто-то умеет охотиться, кто-то не умеет, кому-то охота нужна, чтобы выжить, кому-то для развлечения...

Как и здесь.

И последнего Адриенна решительно не переваривала.

Поставил человек силки, поймал в них зайцев – это одно. И есть бывает нечего, и одежда к зиме нужна, она понимала.

Волка убил... эти твари наглые, если их не прореживать, они и скот режут, и в деревни врываются, и в дома, и в лес выйти никому не дают... тут тоже понять можно.

А вот когда убивают, чтобы похвастаться... да чем?!

Чем ты тут хвастаешься, убогий?! У тебя загонщики, слуги, арбалет, да не один, а у зверя только клыки и когти! Он УЖЕ обречен.

Это – подлость, а не охота.

Ты возьми сам пойдешь в лес, сам выследи того же волка или медведя-шатуна, сам на них... с рогатиной, например, на медведя. В СибЛевране было один раз, шатуна так загоняли. Тут и слов нет – все и честно, и по делу. А вот это... хищничество... тьфу!

Вслух Адриенна ничего не говорила, и не плевалась, и смотрела вежливо. Показывать, что ей не нравится охота, тоже было нельзя. Это двор.

Змеиная гадючья яма.

Если хоть на миг приоткроешь свои слабости, тебя ударят. Жестоко, расчетливо, без всякой жалости. Адриенна это понимала. И благословляла и свою кровь, и свое чутье, благодаря которому избежала уже многих и многих неприятностей.

Лучше промолчать.

А охота...

Показать вежливое равнодушие, да и только.

Если супругу это нравится, долг хорошей жены – разделять его увлечения. Не больше. Не меньше.

Адриенна готова выехать на охоту, готова...

Не поняла?!

А вот это уже наглость...

Его величество сидел на лошади с совершенно неопишным выражением лица, потому что к кавалькаде придворных подъезжала очаровательная дама в алом, на белой лошади.

Эданна Вилецци решила присоединиться к охоте.

* * *

Ческа злилась.

Филиппо она сейчас видела реже, чем надо бы, и пусть он заверял ее в своей любви, и подарки дарил, и ночи с ней проводил, когда получалось, все равно...

Мало!

Слишком мало!

Это все Адриенна... стерва такая!

Эданна была неглупа, но в некоторых ситуациях... она просто не сообразила, что Филиппо, при всей его влюбленности, при всем обожании Чески, стал королем. А значит, куча дел, которая раньше лежала на плечах его отца, теперь плавно так переползла на его плечи. Те хрупнули, но вроде пока выдерживали.

Кстати, во многом благодаря Адриенне. Та и двор занимала, и с отчетами казначейства управлялась вполне прилично. Филиппо сначала проглядывал выборочно ее выводы, а потом и это делать перестал.

Успокоился.

Да, Адриенна не ангел и вообще не то, что он хотел, но, как постоянно говорит отец, жену НЕ НАДО любить!

Вот не надо – и все тут!

Для любви у тебя есть любовница, есть полный двор всяких девок... в любых позах любви! Не стесняйся!

А жена – это другое.

Это перво-наперво опора, друг, соратник, если хочешь, человек, который поддержит и поможет, который родит тебе детей и будет вести твой дом. И детей воспитает так, чтобы предки тебе вслед не плевали.

Любовь ты можешь найти где угодно. А настоящего друга... подругу – намного сложнее.

Филиппо, пожалуй, с отцом соглашался. И то сказать...

Рыцарские баллады примерно о том и пели.

Жена – для дома, детей, хозяйства.

Дама сердца для любви.

И много-много баб для тела.

О потаенном смысле баллад Филиппо, как и многие, не догадывался. Хотя все ведь несложно.

Кто такая дама сердца?

Женщина, за которую ты отдашь жизнь. По своему выбору. Брак обусловлен выгодой, материальными соображениями, и то – это твой дом, твоя семья, ты обязан их защищать. А даму сердца ты выбираешь сам.

Это как шаг на следующую ступень.

За друга, за любимую, за родину...

Вот как друг Адриенна короля вполне устраивала. Ладно уж... пусть живет.

А Ческа – это другое.

Это звезда, свет, счастье, любовь... это самая лучшая и прекрасная женщина мира... да знает, знает она об этом! Он же говорит!

Реже стал говорить?

Вас бы так в повозку запрячь, вовсе бы ноги протянули!

Один королевский суд чего только стоит, а ведь раз в три дня проходит! И поди отмени! А магистрат? А цеха? А корабли, верфи, купцы... Да тут перечислять на три года хватит! Что, Ческа не понимает таких простых вещей?

Конечно, понимает!

У его величества дел на порядок больше, чем у его высочества!

Не понимает?

Правда?!

Быть не может!!!

Так что взаимонепонимание привело к предсказуемым результатам.

Эданна Франческа металась по своему замку, злилась, а потом решила, да и отправилась на охоту.

Филиппо действительно не сердился. Он просто улыбался... Выглядела эданна так, что хоть сейчас богиню с нее пиши! Невероятно красивая!

Точеное лицо, золотые волосы, белая лошадь... он невольно потянулся к очаровательному видению. Но... сначала заартачился конь и не двинулся с места, а потом почти перед его лошадью возникла черная как смоль кобылка.

– Дорогой супруг, я надеюсь, вы пригласите эданну на охоту?

Голосок у Адриенны был звонким и чистым. И слышно его было претотлично.

Франческа скривилась.

Вот ведь... стерва!

Если бы Адриенна спорила, если бы протестовала, тут можно и поиграть, и клин вбить между супругами. Но она-то не возражает... Наоборот, получается так, что Ческа здесь по милости этой... к-королевы!

Стерва!

Филиппо, напротив, взглянул на супругу с благодарностью.

– Да, пожалуй. Эданна, вы присоединитесь к охоте?

– Да. – Что-что, а голос у Чески тоже был хорош. – Благодарю вас, ваши величества.

Адриенна честно могла признаться сама себе, что соперница и красивее, и увереннее в себе, и вообще... Ее недостаток – ее запах.

Воняет, как будто ее охажкой лилий закидали.

И из-под этого запаха другой... тонкий, знакомый... металлический.

Кровь?

Да... но это как раз нормально для женщин в некоторые моменты жизни. Пахнет эданна кровью – и пусть ее, всякое бывает.

Отвечала Ческа вроде бы обоим, но смотрела при этом только на Филиппо. Адриенна предсказуемо разозлилась. И мило улыбнулась.

– Я буду рада, дорогой супруг, если потом эданна составит компанию моим дамам. Она ведь не солдат, чтобы мужественно разделять с мужчинами все тяготы охоты.

Филиппо кивнул.

А что?

Понял он именно так, как и сказано. После охоты мужчины, на минутку, испачканы, да и выпьют они, и вообще... Ческа прекрасно подождет его рядом с Адриенной. А уж потом, ночью, он к ней придет.

– Ваше величество так добры, – проворковала Франческа, снова глядя только на Филиппо. И Адриенна не выдержала.

– Дорогой мой супруг. – Легкое касание к рукаву, но такое... собственническое. Здесь она королева, и это ее муж. А Ческа так, из милости. – Полагаю, вам уже пора. Эданна, составьте мне компанию – ненадолго. Я вас сейчас отпущу.

Франческа сдвинула брови, но здесь и сейчас у нее выбора не было. Не подчиниться прямому приказу королевы? На глазах у короля и всех придворных?

Ай-яй-яй.

Такого ей и Филиппо не простит. Можно кусать и жалить втихомолку, можно. Но чтобы прилюдное неповиновение слову короля?

Нельзя.

Адриенна, при всех ее недостатках, – королева. И Филиппо будет вынужден призвать к порядку любого, кто посмеет ослушаться. Потому что следующий шаг – неповиновение королю. И ослушание тоже.

А что?

Можно же...

Филиппо отцепил от рукава дублета ручку ее величества, поцеловал тонкое запястье – и умчался.

Адриенна оглядела эданну ледяными синими глазами и чуть тронула лошадь.

Эданна Франческа была вынуждена следовать за соперницей. И придворные это видели.

И не только это...

Адриенна и Франческа выглядели как две противоположности. Черные локоны – и золотые. Черная лошадь – и белая. Даже наряды для верховой езды... Адриенна не выдержала и заказала себе черное платье с серебряным шитьем. Эданна Ческа была в алом.

День и ночь.

А еще – тип красоты.

Эданна Франческа напоминала скульптуру. Адриенна – клинок. Кто победит в противостоянии?

Кто возьмет верх?

Пока эданна была вынуждена ехать вслед за Адриенной, которая никуда не торопилась. И разговор начинать тоже не торопилась.

Что ж...

Ческа чуть тронула конские бока, наездницей она была отличной, и кони женщин пошли ноздря в ноздю.

– Ваше величество, я могу быть вам полезна?

– Эданна, за столько лет вы забыли все правила поведения? – лениво укусила Адриенна. – Вроде вы были фрейлиной... давно, правда.

Франческа вспыхнула.

Укол попал в цель. Это королева может обратиться к любой из своих подданных. А вот придворные дамы... Только после разрешения ее величества. Или старшей дамы...

Разгневанная Ческа выглядела еще более очаровательно, но Адриенна на нее не глядела. Они ехали к месту привала.

Там, на берегу лесной речки, будет устроен шатер, там разожгли костры, там купальни...

Адриенна молчала, пока они доехали, пока она не спрыгнула с лошади и небрежно кивнула эданне Ческе.

– Следуйте за мной, эданна Вилецци.

Франческа стиснула зубы, но послушалась.

Адриенна медленно шла вдоль берега ручья.

– Эданна, дана Розалия Брешиа приходится вам родственницей, не так ли?

Франческа даже удивилась. В ее понимании Адриенна просто издевалась, поэтому она ждала новых укусов. Но не делового холодного вопроса.

Адриенна молча ждала, пока эданна осознает вопрос и даст ответ.

– Да, ваше величество.

– С кем она сговорена? Если вообще сговорена?

Эданна задумалась.

Розалия ее вообще-то не интересовала. А что?

Пристроена? Все отлично и замечательно, ты фрейлина, дорогуша. Дальше крутись сама, как пожелаешь...

– Я не в курсе, ваше величество.

Адриенна начала этот разговор не просто так.

Для дана Брешиа слишком много чести, если королева напишет ему о его дочери. И личное участие в семье Вилецци она тоже принимать не будет. Но если у Розалии будет еще один нервный срыв, Адриенна с чувством выполненного долга уберет нахалку из своих фрейлин. Еще и глазами похлопает, мол, она ни при чем.

Она хотела, даже думала замуж ее выдать, но...

Не повезло.

А срыв у Розалии будет. То, что ее мачеха – родственница Чески, еще ничего не значит. И сейчас дана Брешиа занимается самой неприятной работой при ее величестве. Да, и насчет ночного горшка – тоже верно. И чтение вслух, с выражением. А Розалия читает плохо, так что Адриенна демонстративно делегировала ей эту обязанность: мол, неграмотная женщина – позор семьи.

Эданна Сабина видела, конечно, что дело идет к взрыву, но вмешиваться не собиралась.

Дана Брешиа ей тоже не нравилась, и, если ее уберут от двора... всем проще будет!

– Очень жаль. Кем именно вам приходится Розалия?

– Она мне не кровная родственница. – Франческа и не заметила, что они с Адриенной уже не кусают друг друга, а беседуют. Причем Адриенна как-то так развернулась, и идут они в обратном направлении. – Моя сестра замужем за ее отцом.

– Хорошо, эданна. Напишите своей родне. Я хочу переговорить с ее отцом по вопросу поведения его дочери.

– Да, ваше величество.

– И догоняйте охоту. – Адриенна улыбнулась, движением руки отпуская собеседницу.

Франческа с ужасом обнаружила, что ее... переиграли?!

Да... И придворные твердо уверены, что ее величество... да, она благородно снизошла до любовницы мужа.

Вот стерва!

Франческа хотела было сказать нечто ехидное, но...

Адриенна так сверкнула глазами, что эданна подавилась собственным ядом, поклонилась и заторопилась к своей лошади. И как это у девчонки получилось?

Но страшно же!

Словно стоит кто-то... и... да, прикидывает, как удобнее тебя убить. Надвое рассечь? Или...

Страшно.

Просто – страшно...

* * *

Эданна Франческа, конечно, потом взяла реванш. Во всех позах, в постели его величества. Но осадочек остался.

Ческа понимала, что вот это... оно врожденное. Как дыхание, как цвет глаз... ледяных, синих, прозрачных... Адриенна ничего не делает нарочно. Она просто...

Она просто королева.

А эданна Франческа, даже если и сядет на трон, все равно будет одной из многих. Обидно, правда?

Очень обидно...

* * *

Адриенне было не до эданной.

Насчет даны Розалии она все сказала – и выкинула эти мысли из головы. Его величество был полностью прав – пристраивать дану надо, но медленно и ненавязчиво, чтобы все остальные себя так же вести не начали. Глупость – она куда как заразительнее ума. Увидят, что ее величество на все готова, лишь бы спихнуть дрянь, и начнется...

Нет-нет, все в свой черед. А пока...

Адриенна посмотрела на лес.

Чего бы она ни отдала, лишь бы сейчас вскочить на лошадь и ехать по лесу. Не гнать, не лететь... просто ехать. А может, и просто пройтись...

Но королева не может ходить одна... за ней должен следовать целый куриный полк.

Что ж.

Даже так, это все равно будет лес. И... у Адриенны была еще одна мысль. Поэтому она вернулась к фрейлинам, которые были неподалеку

и наблюдали за своей госпожой.

– Эданна Сабина, у нас есть зерно?

– Зерно, ваше величество? – Эданна искренне удивилась просьбе.

– Хочу покормить птиц.

А, ну если птиц, тогда понятно. Такое вполне обыденное и мирное желание... Пшеница нашлась очень быстро, и Адриенна отошла к краю лагеря.

Это тоже поняли все. И даже жест, который отогнал фрейлин на расстояние.

Птицы же...

Конечно, и к ее величеству они не прилетят – она ж не святая! Но и рядом с ней крутиться не стоит, так, в пределах видимости... ой?

«Ой» у Марты получился весьма выразительным. И у Челии, и у Теодоры...

Адриенна только руки вперед вытянула, сложенные в горсть, с насыпанным в них зерном... и минуты не прошло, а какая-то лесная пичуга уже уселась на ее пальцы. И зачирикала, подзывая своих.

– Зеленушка, – опознала Челия. – Но как... они же трусливые!

Ни зеленушки, ни Адриенна об этом не задумывались.

Птицы видели перед собой потомка Морганы Чернокрылой, и не боялись.

Адриенна была рада им, и тоже не думала, что обычные люди как-то так не делают... а почему? Она же делает, может, и у других получится?

И к скворцам, которые порхнули рядом и распелись так, словно на площади выступали, она отнеслась вполне спокойно. Разве что подвинула ногой мешочек с зерном так, чтобы содержимое высыпалось из него на траву...

Вокруг королевы зашумел настоящий птичий базар.

Адриенна оглянулась.

Нет, все далеко. А потому...

– В лесу охотники. Опасность. Скажите всем, всем... они убивают.

Большого птицам и не надо было. Кто-то кушал, кто-то слушал...

– Ваше величество?

Кто-то рискнул подойти поближе. А вот это – зря!

Птицы заверещали и так вспорхнули вверх, что Адриенне показалось на секунду – метель началась.

Нет, просто перья.

Ей-то повезло. Несмотря на черное платье. Птицы – существа умные и свою кормилицу не тронут... а вот подошедшему досталось от души. И перьев, и продукта переработки зерна на него вылетело в избытке. И дан отфыркивался.

Адриенна подняла брови.

– Кто вы такой, дан, и что вам угодно?

Дан Сильвано Тедеско, а это был именно он, вдруг улыбнулся. Весело и искренне.

– Простите, ваше величество. Я всего лишь хотел предложить свою помощь, но теперь... полагаю, мне самому нужна помощь, чтобы отчиститься.

Да уж.

Придворный соблазнитель выглядел откровенно нелепо и смешно. Куда там очаровывать?

Адриенна пожалала плечами.

– Помогайте, дан. Вот это зерно надо рассыпать там, где трава не слишком высокая... вот здесь. Под деревьями. Дальше птицы разберутся сами.

Дан кивнул и повиновался.

Адриенна, не обращая на него внимания, развернулась и отправилась обратно к фрейлинам. Мужчина проводил ее задумчивым взглядом.

Разбираться в женщинах Сильвано давно научился. И отлично понимал – безнадежно.

Он может ходить на голове, шевелить ушами, петь серенады, засыпать ее величество бриллиантами... бесполезно!

Просто бессмысленно.

Ее величество не увидит ни его, ни любого другого мужчину... или ее сердце занято, или оно спит, но не Сильвано его будить.

С другой стороны, домики в столице на дороге не валяются. Может, стоит попробовать?

А дальше будет видно...

Сильвано улыбнулся про себя, рассыпал зерно и зашагал переодеваться.

Вот... сволочные твари! Всего обгадили!

* * *

Мясо пришлось покупать в ближайшей деревне.

Обычно охотники возвращались с добычей, но в этот раз жертвами их стрел пали пара десятков на редкость безмозглых зайцев, два лиса и один волк.

Все остальные животные успели вовремя удрать от загонщиков и охотников, предупрежденные птицами.

Адриенна затаенно улыбалась у костра.

Она была спокойна и довольна.

А вот поделом!

Убийство ради бессмысленного убийства? Рыбалкой займитесь, что ли! И то... иные рыбы уж точно поумнее придворных дам будут! Они молчат!

Это огромное их достоинство! Они – молчат!

Глава 9

Мия

Охота...

Крестьяне относились к ней неодобрительно.

Гоняются благородные даны, да по их полям... они бы сами чего вскопали, а то и вспахали! Нет? То-то и оно...

А как чего повредят еще?

А на баб поохотятся? Да, в том самом смысле, им-то смех, а девке горе... кто ее потом такую замуж возьмет? Ладно, кто-то и возьмет, но ведь кто-то и нет...

Так что об охотах крестьяне старались узнавать заранее: что могли – убирали, кого могли – тоже... Мие узнать тем более было несложно.

Итак, охота.

С утра все собираются, поют рога, седлают коней, смеются, шутят, даны, эданны, все едут в лес, там гонятся за дичью...

Как обеспечить приток дичи? Причем именно в одно место?

Мие даже и трудиться не пришлось. Амедео сам обо всем позаботился. Купец же! Предусмотрительный! Что за удовольствие – целый день гоняться по лесу и ничего не поймать? Нет-нет, надо дичь обеспечить! То есть – заранее прикормить.

Мия считала это двойной подлостью.

Зверье пришло к кормушке, раз пришло, два, три, а на десятый там его твари с арбалетами встретили... гадко это как-то. Но ей все на пользу. Не гоняться за негодьями по всем лесам. Надо просто подождать в нужном месте.

Мия и ждала.

И не сильно удивилась, когда мимо нее проскакала ватага охотников.

Сама Мия и не подумала показываться – вот еще! Прячется она себе, и хорошо прячется. А чтобы в лошадь выстрелить, много ума не надо.

Но это чуточку позднее.

Метаморф Мия – или уже где?

Деньги, деньги... ладно, лошадь она по-простому покрасила, потому что чисто вороной, на которой скакала эданна Орнелла, у нее не было. Помоем потом, краска не ромская, смывается в два счета.

А платье такое же.

И фигура.

И лицо...

При общении она никого не обманет, но чуть подальше – отлично... Мия вышла из засады, показательно привязала лошадь к дереву, дан Амедео увидел ее почти сразу и расплылся в улыбке.

– Эданна!

Сам с коня спрыгнул!

Так чего еще надо!

– Привяжите коня, пожалуйста. Нам надо поговорить...

И привязал, и заулыбался так... маслено.

Мия сделала шаг вперед, второй... Всего два движения. Два удара.

Один – в солнечное сплетение. Сильно, жестоко, чтобы согнулся.

И второй – камнем с острыми гранями в висок.

Правки и добавки уже не требуется.

* * *

Дан Амедео умер мгновенно.

Мия на всякий случай пощупала его висок – отлично, кость вдавлена глубоко, теперь пульс... нет, нету. Ну и прекрасно, ей того и требуется...

Теперь надо как следует уложить эту тушу... ага, вот так... лошадь испугалась, понесла, вот подходящая ветка, Мия чуточку надломилась, примерилась, в самый раз по высоте, а вот тут, под голову ему, камушек.

Случается в лесу такое. Лес смешанный, почва везде разная... не повезло.

Горе какое!

Теперь лошадь дана Амедео.

Отвязать и спугнуть. Да так, чтобы она по лесу неслась с выпученными глазами.

Реально?

Сложно. Но Мия справилась. Она просто заранее привязала на соседнюю ветку кусок медвежьей шкуры и надела на нее мешок. Потом отвязала лошадь – и мешок сняла.

Ветка качнулась у самого носа лошади, жуткий запах ударил в ноздри благородного животного... не видели вы, как это благородное и умное стоит на задних копытах, а передними по воздуху молотит что есть силы...

Хорошо пошла!

И тут все взрыла хорошо... да, так и выглядит... Мия оценивала поляну, а руки работали сами по себе, отвязали кусок шкуры с ветки, убрали в мешок, еще раз все проверили...

Отлично!

А когда тело найдут, тут и остатки следов затопчут.

Забегая вперед: так оно и вышло.

Лошадь вынесло на охотников, всю в пене, люди встревожились, поехали искать дана Амедео, ну и нашли...

Эданна Мария поплакала... недолго, дня два, а потом подала прошение королю. Поместье сыну сестры, а ей приданое и монастырь! Наконец-то и побыстрее!

Ни эданну Орнеллу, ни дану Мию никто не заподозрил. Убийство так и осталось «несчастливым случаем».

Адриенна

Филиппо Третий умирал.

Сейчас это было уже очевидно, и счет пошел на дни, если не на часы. Мужчина лежал в кровати, не ел, не пил, только испражнялся под себя. И даже не осознавал этого.

«Чистится», – шептали слуги.

Адриенна махнула рукой на все приличия и проводила время рядом со свекром, за что Филиппо Четвертый был ей весьма и весьма благодарен.

Отца он любил.

Искренне любил, но и трепетал перед ним, и побаивался, и... именно поэтому ему было тяжело смотреть, как сильный мужчина уходит. Уходит, как и жил.

Спокойно, рассудочно и бестрепетно.

Правда, утешала его величество эданна Франческа, спешно примчавшаяся в столицу и поселившаяся в своем городском доме.

Ко двору она не совалась, но логично рассудила, что умирающий король уже не так опасен. Ну и...

Филиппо Четвертый оценил глубину самопожертвования эданны и мчался к ней каждую ночь.

А Адриенна ночевала рядом с Филиппо Третьим. Благо в спальне короля была выдвижная кровать. Обычно на ней спал камердинер, но сейчас...

Дан Пинна был искренне благодарен эданне Адриенне.

Вот просто – за все.

Когда ты привязан к человеку, когда ты его любишь (и вот не надо этих пошлостей, можно подумать, что любовь бывает только плотская), когда любимый уходит...

Как же это больно!

И тяжело!

И так не хочется, чтобы любимого человека касались чужие, равнодушные руки...

До слез, до крика, до боли... да, слуги ухаживают. Но это другое.

Это их работа.

Им приказали – они пришли, им прикажут – они уйдут.

И именно поэтому Адриенна получила искреннюю благодарность камердинера. И...

* * *

Филиппо застонал ночью.

Адриенна привычно встала, положила ему руку на лоб, зашептала какую-то ерунду – про то, что все спят, и спать надо, и все будет хорошо...

Потом попоила короля, вытащила испачканную пеленку, без малейшей брезгливости подстелила чистую.

Брезгливость?

Нет, не слышали.

Это эданне Франческе вольно мизинчик оттопыривать и тянуть с ужасом в глазах: «Это так ужасно, я просто не могу-у-у-у...»

Ну и не могли.

А Адриенна в деревне выросла... вы мимо свинарника не проходили, не случилось? С подветренной стороны, очень рекомендую.

А еще можно жеребят выкармливать, и щенят, и котят... да кого только на попечении Адриенны не случилось! С ее легкой руки кого только дане не тащили!

Так уж это... Сибеллины – свет и счастье своей земли. Растущего на ней, живущих на ней... побывав в руках Адриенны, на поправку шли практически все животные. Но это же потом!

Когда она осмотрит, покормит, приглядит... Если что – больные животные и пахнут не лучшим образом, и испражняются, кстати говоря, и тошнит их тоже частенько.

И раны Адриенна перевязывала, и повязки накладывала. Это обязанность хозяйки дома, если уж на то пошло!

Потом, конечно, можно и лекаря пригласить. Но где лекарь, а где замок! Пока он доедет, больной шесть раз помереть успеет...

Так что... какая брезгливость? Смешно даже!

Иларио Пинна, который тоже проснулся на стон, стоял в дверях спальни и наблюдал за этим. Видел уверенные четкие движения белых рук в сумраке комнаты, видел, как эданна почти материнским жестом отвела с лица короля мешающую прядь...

– Спасибо, ваше величество.

– Дана Адриенна, – привычно отозвалась она. – То есть эданна...

– Спасибо вам, эданна Адриенна.

Королева качнула головой.

– Это мой долг.

Почему-то она осознавала это именно так.

А еще...

Филиппо Третий уходил из-за проклятия. Если Адриенна его бросит, ему будет намного больнее. Пока она рядом... ему легче.

Кстати, Иларио это тоже отметил.

– Я знаю, вы не любите короля...

– Которого из? – горько улыбнулась Адриенна. – Если что, дан Пинна, это взаимно.

– Его величество принудил вас выйти за принца.

– Да.

– И вы можете уйти.

– Да.

– Когда вы уходите, ему становится хуже. Почти перестают действовать обезболивающие... я знаю, какого вы рода, эданна. Его величество не делился со мной, но я знаю...

– Неужели?

В полумраке, который развеивался лишь двумя свечами, выражения лица Адриенны было не отследить. Поэтому дан Пинна ориентировался только на ехидство в голосе женщины.

– Сибеллины, ваше величество. Вы – радость своей земли...

– Да. Вы понимаете, дан, что, если об этом узнают, вас просто казнят?

– Да, эданна. Понимаю.

– Тогда больше так не рискуйте, – посоветовала Адриенна.

– Не стану. Я... вы могли бы злорадствовать. А вы искренне стараетесь помочь. Я ведь вижу, я не слепой. И остальные слуги видят...

Адриенна вздохнула.

Разговор был тягостным, но... для чего-то же камердинер его затеял? Видимо, для чего-то важного.

– Дан Пинна, его величество просил меня о вас позаботиться. И если вы захотите мне служить, я буду рада.

– Я не знаю, ваше величество. Мне будет сложно.

Адриенна вздохнула.

– Я знаю. Дан Пинна, здесь и сейчас – поймите меня правильно. Вы можете уехать к себе и получать пенсион. Вы можете остаться при дворе, я лично прослежу, чтобы вас никто не смел задеть. Вы можете остаться и служить мне. Насчет его величества я не знаю, он может не захотеть вас видеть.

– И не захочет.

– Я ничего и не предлагаю от его имени. А от своего – вы меня слышали.

– Я услышал, эданна Адриенна. И... все правильно понял.

Адриенна вздохнула.

– Еще одно, дан Пинна. Когда родится мой сын... может быть, вы будете нужны ему. Не мне, а ему.

Мужчина закашлялся.

– И вы... эданна, вы сможете доверить мне своего ребенка?

– Я смогу доверить вам внука вашего друга, – просто ответила Адриенна. – И буду знать, что малыш в безопасности. Под присмотром умного и надежного человека.

Дан Пинна подошел к женщине, опустился на колени и поднес к губам ее руку.

– Ваше величество. Я буду счастлив служить вам.

Сильные пальцы стиснули его ладонь. Сапфировые глаза сверкнули так, что на миг перекрыли даже сияние свечей.

– Вы будете служить моему сыну так же, как служите его деду, дан Пинна. Этого довольно.

Дан Пинна еще раз поцеловал руку ее величества.

И... где-то там, на границе сознания, все же промелькнула мысль: «Ну и идиот же его величество. Как он может предпочесть эданну Франческу? Точно идиот...»

Но поскольку Иларио был человеком очень законопослушным, то мысль быстренько махнула хвостиком и удрала.

Адриенна посмотрела на короля.

– Завтра. Думаю, к вечеру. Дан Иларио, я пока оставлю вас? Хотите попрощаться?

Иларио вздохнул.

– Его величество меня все равно не узнает.

Адриенна прикусила губу.

Один способ был. Но...

С другой стороны, вот дан Пинна-то как раз и сможет понять.

– Я... я могу вызвать его из забытья, Иларио, – тихо сказала она. – Ненадолго... сейчас он догорает, словно тлеет, а так это будет вспышка. И он уйдет в сознании. Что лучше? Как будет лучше?

– Вы... можете?

– Вы сами сказали, кто я, – просто ответила Адриенна. – Мне надо будет буквально пять минут уединения, потом... да, потом у него будет где-то час, не больше. И все.

Дан Иларио только вздохнул.

Вот почему он сейчас не закричит?

Не побежит к его преосвященству?

Не расскажет его величеству Филиппо Четвертому?

А потому...

Потому что он был рядом с королем тридцать лет.

Тридцать лет – считай, другие живут меньше. И эта девочка сейчас говорит о том, чего хотел бы и сам король. И... она ведь знает. Знает, что так будет правильно, просто хочет посоветоваться...

– Ваше величество... вы можете это сделать ближе к рассвету?

– Да.

– Пожалуйста. Он хотел бы и исповедаться, и попроситься...

Адриенна кивнула.

– Мне нужно буквально пять минут времени. А потом... если бы я могла дать ему больше времени, я бы дала, дан Иларио.

– Я верю, ваше величество.

Мужчина и женщина сидели и ждали рассвета...

Лоренцо

– Черт побери!

Динч треснула кулаком в стену.

Она. Не. Беременела!

Она старалась, они с Лоренцо проводили вместе каждую ночь, и ей было хорошо, и ему, но... она не могла забеременеть!

Вот уже третий месяц... И что же делать?

Что делать?

Она должна забеременеть ДО того, как они пойдут через горы. И замуж выйти хорошо бы ДО того, как они окажутся в Эрвине. Но... но как это сделать?

Просто так Энцо на ней не женится, она это уже преотлично поняла. Ее не любят.

Им хорошо вместе, и Лоренцо, как и многие мужчины, считает, что этого достаточно. А ей нужно больше!

Но... как это получить?!

КАК?!

Зеки-фрай коснулся плеча женщины. В сельской местности встают рано, еще до рассвета, чтобы успеть переделать все дела. И у мужчины их было не меньше, чем у Динч.

– Грустишь?

Динч только вздохнула.

– Да... я и Лоренцо...

– Ты в очередной раз поняла, что ребенка нет, – усмехнулся бывший ланиста. Вот дураком он ни разу не был.

– Да.

– И что ты будешь делать?

– Буду дальше пробовать...

Зеки-фрай качнул головой.

– Может быть, ты пробуешь не с тем человеком.

– Что?!

– Ни одна из женщин, которые были с Лоренцо, не забеременели.

– Бема-фрайя и не могла...

– Она была не единственной, – спокойно поведал ланиста.

Динч сверкнула глазами.

– Может быть всякое...

– Может. Но я бы тебе советовал серьезно над этим задуматься.

Иногда бывает так, что двое людей просто не подходят друг другу.

Динч еще раз кивнула.

– Да, пожалуй... Я подумаю.

Зеки-фрай удалился, а женщина уставилась на окровавленные тряпки, которые отстирывала.

М-да...

Может, и правда... стоит? Ну... попробовать?

Караваны через деревню идут регулярно, неужели она никого не подберет? Подходящего?

Да можно и не слишком уж стараться, все же ребенок не обязательно светленьким будет, а если темноволосый – скажем, что в мать.

Попробовать?

Динч пока еще колебалась. А тряпки надо было стирать, и женские дни лишали душевного равновесия, и ребенка все еще не было.

И кто она, эта Адриенна, которую любит Лоренцо?

Кто бы ни была, отдавать его Динч не собиралась! Это ее выигрыш, ее ступенька в новый мир!

Лоренцо – ее!

А пока...

Кувшин на голову – и к колодцу за водой.

Может, и остался бы этот разговор без последствий, поскрипела бы Динч зубами, да и успокоилась. Но...

* * *

Носить воду – тяжело?

Не женское это дело?

В непросвещенные Средние века, увы, доставкой воды из колодца занимались исключительно женщины. Кувшин на голову, придержать рукой – и вперед. Вот и Динч ходила к колодцу несколько раз на дню. Осанка у нее, конечно, была как у королевы. Но все равно...

Зеки-фрай помогал во дворе, мальчишкам можно было поручить мелкие дела, Лоренцо пока еще лежал. Хотя они уже и начали...

Динч почувствовала, как ее щеки заливают румянцем. Все же он замечательный, ее Лоренцо.

Да, ее.

Он просто об этом не знает, но он уже ее!

Вот и колодец.

И, как всегда, возле него полно женщин, беседуют о своем, сплетничают, наливают воду в кувшины... Динч встала в общую очередь.

Невольно прислушалась.

– Ой... у меня знакомая никак не могла забеременеть.

– Да ты что?! Горе-то какое! Кошмар просто!

– Вот, и она так же думала... Пошла к знахарке!

– А та что сказала?

– Бывает и такое, когда двое просто друг с другом не совпадают. У мужа ее дети могут быть, у нее могут... а вот чтобы общие... никак! Ужас, правда?

– Кошмар! И ведь такое никак до брака не узнать!

– Нет! Никак! А потом, считай, жизнь порушена...

– Не порушена, вот! Бабка посоветовала!
– И что она посоветовала такого хорошего?
– Она сказала, что у жены есть один способ. Чтобы муж молодую в дом не привел... надо ему рóдить...
– Ну да. Но как?
– А вот так! – ухмыльнулась женщина. – Надо, знахарка сказала, с кем другим попробовать. После этого и от мужа ребеночек может получиться.
– Правда?!
– Ага... Знахарка это даже объяснила подруге! Ты что! Она сказала, что, когда девушкой замуж выходишь, ты на своего первого мужчину настраииваешься. А если у вас несовпадение по детям... значит, что-то не так случилось. А когда ты с другим, ты все посбиваешь, и можно еще раз попробовать.
– Ой... да так любой блуд оправдать можно!
– Может, и так. Но знакомая, ты знаешь, забеременела после того раза.
– От... чужого?
– Что ты! От своего! Там родинка приметная... сейчас четвертого ждут!
– Аж четвертого?
– Да.
Динч молчала.
Хотелось и спросить, и уточнить, но... иногда лучше помолчать. Может, у них с Лоренцо тоже так?
Неправильно они друг с другом сложились?
Может быть... Но не к бабке же с этим идти?
Как же все это... сложно...

Адриенна

Дан Иларио Пинна сжал ее руку, когда на горизонте занялась заря.

– Эданна Адриенна?

Адриенна кивнула.

– Я... готова.

– Я сейчас пойду к кардиналу и позову его. Вам хватит этого времени?

– Да.

– С Богом.

Дан Иларио вышел.

Адриенна подошла к кровати, на которой лежал Филиппо Третий. Пока еще живой... Как же она его боялась и ненавидела. Тогда, давно...

А сейчас?

Пустота.

Неинтересно... просто ничего. Как она должна к нему относиться? Да никак. Вот и все.

Пустота.

Адриенна отстегнула от платья тяжелую брошь и кольнула иглой запястье. Там, где под белой кожей пульсировала тонкая синяя вена.

Вот так... кровь выступила.

Хорошо...

А теперь...

Коснуться пальцем крови, коснуться пальцем языка, который виднеется в приоткрытом рту умирающего. И еще раз, чтобы попало побольше.

И отойти.

Все, больше она ничего сделать не может. Даже и звать не нужно, ни к чему.

Все верно.

Прошло буквально несколько минут, и Филиппо застонал, мутные глаза обрели прежнюю змеиную ясность.

– Что... кто... Риен?

– Да, ваше величество. Вы умираете.

Разводить церемонии Адриенна не стала. Филиппо и так все знал, оставалось напомнить.

– Я... да. Похоже. Голова ясная, это хорошо. – И, поскольку голова именно что прояснилась, следующий вопрос был закономерным: – Это вы сделали?

Адриенна кивнула.

– Я. Я могу позвать... только ненадолго.

– Ничего, мне хватит времени. Где мой сын?

– Он скоро вернется из города и зайдет к вам, – разъяснила Адриенна.

– Из города?

– От эданны Франчески.

– Тьфу, стерва, – разозлился Филиппо. И тут же оглянулся на дверь, улыбнулся: – Иларио, друг...

Дан Пинна кинулся к королевской кровати, поцеловал руку монарха. Пусть бывшего. Другом Филиппо ему оставался и в настоящем.

Его величество посмотрел на кардинала Санторо.

– Вы пришли принять мою исповедь, кардинал?

– Меня позвал дан Пинна.

– Оставьте меня с даном Пинной на пару минут. Потом он вас позовет, – распорядился Филиппо.

Адриенна послушно вышла. Его высокопреосвященство взял королеву за руку, погладил запястье.

– Больно, ваше величество?

Адриенна посмотрела на запястье, на котором виднелся след укула.

– Да... розы красивые, но не любят, когда их рвут.

Кардинал это понял и улыбнулся. Чего уж там, самому доставалось, бывало.

– Вы красивее любой розы, ваше величество.

– Благодарю вас, кардинал.

– Дан Анжело, мы же договорились. – Улыбка у него была неожиданно привлекательной. Совершенно неожиданно. Хотя и понятно, одно дело – улыбаться какой-то дане, другое – королеве.

– Дан Анжело. Я рада, что король пришел в себя.

– Полагаю, это последнее усилие, – вздохнул кардинал. – Но я рад буду принять у него исповедь...

Адриенна едва язык себе не откусила. Так зачесалось спросить – потому что хотите узнать много нового и интересного?

Но... сдержалась! Ценой прикушенного и больного языка.

В приемную ворвался король Филиппо Четвертый.

– Отец...

– У него сейчас дан Пинна. Он сказал – пригласит...

И верно, дан Пинна вышел из дверей королевской спальни. Заплаканный, грустный... даже если его величество что-то ему пообещал, все равно терять друга – тяжело.

– Кардинал, войдите.

– Отец... – рванулся туда Филиппо Четвертый.

И буквально через пару минут был отправлен в приемную.

– Сейчас я исповедуюсь и уделю тебе время, сын. Подожди буквально десять минут.

Филиппо и ждал.

Сначала зыркнул глазами по сторонам, не видел ли кто, как отец с ним... потом понял, что никому не до него, и успокоился. Чего волноваться?

Адриенна успокаивала плачущего дана Пинну, глядя его по плечу.

– Держитесь. Ему тоже плохо, он не должен уходить, видя нашу боль...

– Ваше величество, вы...

– Я, дан Пинна. Ради него – сдержите себя сейчас. Потом настанет время для скорби.

– Ваше величество... Я почел бы за честь служить вам.

– Вы уверены, дан Пинна?

– Я спросил у его величества, и он одобрил... Тогда... ваше величество, вы не против? – обратился он к Филиппо Четвертому.

– Адриенна?

– Дан Пинна выразил желание послужить мне, а потом и нашему сыну, когда тот появится.

Филиппо задумался.

Дана Пинну он не любил. Но... чай, тот не лорин, чтобы всем нравиться. А насчет преданности... так лучше и искать не стоит, все равно не найдешь.

Ладно уж...

– Я правильно понимаю, Адриенна, вы не против?

– Если рядом с нашим ребенком окажется человек, которому мы можем полностью доверять? – уточнила Адриенна. – Я не против.

– Что ж. Ребенка пока нет, но, полагаю, какую-нибудь должность при моей супруге вы получите. Временную, – махнул рукой Филиппо Четвертый.

Кое-что и он отлично понимал.

Надо, надо дать несчастному хоть какое дело, не то зачахнет. А там и помрет...

Жалко?

Да, как и любого человека в такой ситуации. Вообще любого.

– Благодарю, ваше величество.

Дан Пинна отлично помнил, что Филиппо Четвертому любить его не за что. Всякое случалось... но дан Пинна душой не кривил и рассказывал все другу и сюзерену честно. Сложно понять и одобрить человека, который на тебя наушничает... но в том-то и дело, что дан Пинна не подличал.

То, что он говорил королю приватно, он мог повторить и принцу в глаза. И если считал, что кое-какие выходы недостойны наследника престола, так и говорил.

В глаза.

Филиппо Четвертый мог это оценить. Так что... пусть его!

– Служите моему сыну как моему отцу. Другой благодарности мне не надо будет.

Дан Пинна поклонился. Бросил благодарный взгляд на Адриенну.

Он никогда не расскажет, о чем с ним говорил король. А все было просто. Он просил приглядеть за внуком, не упускать из вида сына – крутит им эта Ческа... стерва!

И приглядеть за Адриенной. Она хоть и выглядит сильной, а на самом деле достаточно хрупкая и уязвимая. Увы... женщины, они такие женщины...

Дан Пинна с этим был совершенно согласен.

И королю он пообещал.

И...

Ох, ваше величество. Я всю жизнь вам служил, послужу и вашему внуку.

* * *

Кардинал вышел из спальни короля, и Филиппо Четвертый рванулся туда.

– Отец!

Филиппо Третий вздохнул и обнял сына. Прижал к себе.

– Сынок...

Мужчины на миг замерли.

Не были у них в обычае вот такие нежности, но сейчас, когда истекают последние минуты... именно сейчас они бы не простили себе, поступив иначе.

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем разжались отцовские объятия.

– Ты молодец, сын. Я знаю, ты справишься...

– Отец...

Филиппо вытирал слезы, не стыдясь. Посмейте сказать, что мужчины не плачут! Когда уходит родной и близкий человек, плачут все! Даже животные это могут... он что – хуже собаки?

– Пообещай мне, пожалуйста.

– Все что захочешь.

– Побереги Адриенну. И детей. Пожалуйста.

– Обещаю, – просто сказал Филиппо.

– Ты знаешь, я мог бы избавиться от Франчески.

Филиппо кивнул.

Да, отец мог бы. Запросто.

И не то бы еще мог...

– Ты этого не сделал.

– Я знал, что тебе будет больно. Очень больно.

И кто тебя, дурака, еще подберет? Не можешь ты жить без поводка? Ну так пусть один его конец будет и в руках у Адриенны...

Вслух умирающий этого не сказал. Ни к чему. Но взял сына за руку, подчеркивая серьезность своей просьбы. Филиппо Четвертый только вздохнул, глядя, во что превратилась за это время отцовская рука.

Хуже скелета, право слово... все кости на просвет видны.

– Спасибо.

– Побереги Адриенну. Ты сам понимаешь... после смерти Лоренцо Сибеллина... помнишь, что началось?

Филиппо помнил уроки истории.

И наводнения, и болезни, и засухи, и неурожаи... да там поди перечисли все...

– Я помню.

– Вот и отлично. Так что береги жену и детей.

– Она...

– Насколько я знаю, не беременна. Да и нельзя ей до семнадцати лет, ты забыл?

Филиппо понурился.

Ладно... просто решил, что это очередная бабская блажь... а что решил с подачи эданны Франчески, и вовсе не вспомнил.

Рука отца сжала его ладонь.

– Это правда. Ей действительно нельзя, запомни. Убьешь – новую искать негде.

– Отец...

– Пообещай ее беречь.

– Мое слово! – рявкнул Филиппо Четвертый.

И осекся.

С лица его отца словно уходили все краски, выцветали...

– Люблю тебя, сын...

А больше он и сказать ничего не успел, заваливаясь на подушки, опрокидываясь, серея лицом...

– ДАН ВИТАЛИС!!!

В комнату влетели все.

Адриенна, кардинал, камердинер, доктор, еще кучка придворных... Дан Виталис кинулся к королю, но было уже поздно.

Непоправимо поздно...

– Я вынужден сообщить о кончине пациента, – нестерпимо лекарским тоном произнес дан Виталис.

Но это уже и без него всем было видно.

Кардинал подошел и встал на колени рядом с кроватью, начиная читать молитву...

Филиппо Четвертый, теперь уже единственный король Эрвлины, закрыл лицо руками.

Адриенна переглянулась с даном Пинной, и они поняли друг друга без слов. Бывший камердинер, а нынче... а впрочем, это пока было не важно. Он начал теснить придворных к выходу, и все слушались, а Адриенна подошла к Филиппо и крепко обняла его.

– Чш-ш-ш-ш-ш-ш... я рядом. Ты не один. Ты – не один...

Мужчина вцепился в юбку шикарного синего платья и разрыдался словно ребенок.

Да ребенком он и был. И не отца сейчас провожал – хоронил собственное безмятежное и беззаботное детство. Когда есть и на кого свалить, и кого попросить, и кому поругать, и кому пожаловаться...

Просто – есть.

А теперь никого не осталось. А холод подступает, и пустота, и тоска...

Адриенна все это преотлично понимала, но жалко ей Филиппо не было. Вот ничутьки. Жалость – она ведь тоже бывает разная. Есть та, что от ума, есть та, что от сердца. Вот у Адриенны был первый вариант.

Умом она понимала Филиппо и сострадала ему.

Сердцем же...

А она по его милости что пережила? Не напомнить?

Вот то-то и оно... Нет уж, она не забудет, не простит и не смирится! Но здесь и сейчас посочувствует супругу, как и любому человеку. И только...

Посочувствует, потому что понимает, что он чувствует.

Но – не пожалеет.

Она уже лишилась всего по милости Эрвлинов. Лишилась дома, семьи, отца, любви и спокойствия, подруг и друзей... даже любимого дела! Ей конями нравилось заниматься, а не придворными жеребцами и кобылами... тьфу на них шесть раз, глаза бы эти морды не видали!

Вслух она этого не говорила. Просто держала мужа, гладила по волосам и шептала какие-то успокоительные глупости. Ладно уж...

Наконец Филиппо успокоился и отцепился от ее платья.

– Все в порядке, Риен.

– Нет, Филиппо, – качнула головой королева. – Дан Пинна ждет вас в гардеробной.

– Зачем?

Адриенна молча сняла с пояса зеркальце и поднесла к лицу супруга. Того аж передернуло. Такой потрясающий натюр-морд получился, что просто жуть!словно на морде лица слоны оттоптались! Именно что морде.

Другим словом ЭТО назвать никак нельзя. И сопли, черт!

После слез-то...

– Иларио принес воды, льда, травяные компрессы. Пожалуйста, потом вы можете на нас поругаться, а сейчас давайте приведем вас в

порядок.

Ругаться Филиппо и не думал. Вместо этого молча направился к двери в гардеробную. Адриенна задержалась у кардинала, и, когда тот закончил одну из молитв, тихо спросила:

– Присылаю слуг?

– Да, эданна Адриенна. Вы чудо...

Адриенна улыбнулась кардиналу одними краешками губ и вышла вслед за Филиппо. Она сейчас пройдет через гардеробную к придворным и будет распоряжаться, пока его величество не приведет себя в божеский вид. Только вот...

– Филиппо, я отдам приказ? Пусть его обмоют, переоденут...

– Да, пожалуйста. – Говорить четко Филиппо было сложно. Иларио действовал не хуже заправского лекаря, и король сейчас сидел с травяной маской на лице. А дан Пинна ловко прикладывал сверху смоченную чем-то зеленоватым ткань.

– Я сделаю, – отозвалась Адриенна. И вышла.

Мысль о том, что это укрепляет ее позиции при дворе, она озвучивать не стала. Зачем?

Вовсе даже ни к чему такое вслух говорить. Хватит и того, что все дойдет до эданны Вилецци. И как умирал король, и как распорядилась Адриенна... и придворные ее слушались...

Так-то!

Франческа может быть ночной хозяйкой. Но днем ей придется кланяться Адриенне.

Пока.

Пока они обе что-нибудь не придумают.

* * *

Организовать королевские похороны?

Для этого дела есть министр двора, есть церемониймейстер, есть казначей, наконец... Адриенне особенно и делать ничего не надо было.

Кто где будет сидеть, стоять, идти... поминальная трапеза и прочее... Все уже устроено до нас. И превосходно отлажено. Тут главное со своими ценными советами не лезть и лишний раз смету проверить.

Адриенна так и сделала: вычеркнула пару явно лишних строчек, вызвав у церемониймейстера приступ дрожи. И покачала головой:

– Еще две я оставляю. Но воровать надо в меру.

Мужчина намек понял и поклонился вполне почтительно. Равно как и казначей. Он эти строчки тоже видел, но убирать не стал... поймет ее величество? Нет?

Оказалось, что над отчетами она просиживала не зря, и мужчины переглянулись. Да уж... ладно, судя по всему, королева хоть и видит, что не надо бы видеть, но казнить направо и налево не собирается. Понимает, что честных чиновников не бывает.

Это вроде как черная роза... гхм! Да уж, учитывая розарий – неудачное сравнение.

Ну ладно!

Сразу же после неворующих чиновников в программе летающие черепахи и крокодилы-академики. Этих уж точно не будет, хотя бы потому, что оппонентов они попросту сожрут. С костями и в буквальном смысле.

И колесо закрутилось.

Филиппо Третий был обмыт, приведен в приличное состояние, уложен в гроб, на катафалк, и процессия двинулась по улицам столицы.

Сразу за гробом под руку шли его величество и ее величество.

Он – в белом и синем, она – в черном и синем, у обоих лбы повязаны синей лентой в знак траура... да и горожане повязывали такую же ленту...

Эданна Франческа не упустила свой случай, и синей статуей скорби застыла на балконе. Вся такая величественная и возвышенная... в руках букет синих цветов...

Она собиралась бросить его на гроб, когда подойдет процессия, и таким образом привлечь к себе внимание.

Увы, Филиппо Четвертый брел, не поднимая головы. Тоска давила ему на плечи не хуже небесного свода.

А Адриенна, которая увидела это «картинное-красивое», взбесилась не на шутку. И...

Сибеллины действительно могут влиять на погоду.

Адриенна, хоть и неосознанно, именно это и сделала.

Налетел порыв ветра, взметнул волосы, взъерошил все, до чего добрался, а эданна Франческа... ей не повезло особенно.

Узкие улицы ветру не сильно-то и разгуляться дадут. А вот балкон – тот повыше, и простора там больше.

И...

Юбки эданны совершенно некрасиво оказались задраны ей на голову. Да так, что зрелищем она народ обеспечила намного раньше. И куда как более занятным. Процессия еще не подошла, а люди засвистели, захихикали...

Букет полетел вниз, Ческа сражалась с юбками, с распущенными волосами, которые тоже запутались в украшениях... проклятье! Да чтоб вам всем... чтоб вас всех!!! Служанки суетились вокруг, еще больше увеличивая суматоху, пока одна, самая умная, не догадалась утащить эданну с балкона и приводить в себя уже в доме.

Ческа скрипела зубами, но понимала, что выбора нет. Проклятый ветер!

Впрочем, с Адриенной она его не связала. С чего бы? Она ведь не ведьма...

Филиппо соизволил поднять голову, когда его любовницу уже уволокли в дом, а Адриенна уточнять ничего не стала. Просто погладила ледяную руку супруга.

Ладно уж!

Пройдя по улицам города, процессия вернулась во дворец.

Там, в склепе под храмом, и упокоился прах Филиппо Третьего.

А поминальная процессия, во главе с Филиппо Четвертым и его супругой, отправилась на поминальную же трапезу, уже накрытую по всем правилам – даром, что ли, повар с рассвета с ног сбивался.

Ему дан Иларио тоже словечко успел шепнуть, пока за кардиналом ходил. Так что... успели.

В этот вечер Филиппо напился так, что до кровати его буквально дотащили. С помощью того же дана Иларио.

И оставили у супруги. Адриенна обещала приглядеть...

Конечно, королям не особенно подобают такие отношения, и она могла бы свалить все на слуг...

Могла бы.

Но... ей тоже надо было укреплять свое положение при дворе.

Пусть эту ночь супруг проведет у нее, а не у эданны Франчески. А уж дан Иларио распустит нужные слухи, подчеркивая, кто тут для утех, а кто – семья.

Жаль, что нельзя учредить такую должность, как создатель и распространитель слухов. Дан Иларио справился бы...

Ну да ладно.

Адриенна решила, что пока он будет служить в должности хранителя драгоценностей... не сам, конечно, а главным над двумя фрейлинами, приставленными к ее шкатулке. Пусть разъясняет дуручкам вопросы чистки золота и серебра.

А потом, когда родится ее ребенок... Надо завтра подписать у Филиппо указ. О назначении дана Иларио камердинером принца, как только малыш появится на свет. Дату только не проставлять, а указ оставить у Иларио.

Это будет правильно.

Филиппо храпел и нестерпимо вонял перегаром.

Адриенна сидела в кресле и смотрела на звезды.

И было ей жутко, невыносимо тоскливо.

Она достала медный крестик и поднесла к губам.

– Лоренцо...

Не шепот. Просто – выдох. Чтобы и по губам ничего толком не прочли.

Единственное, что всегда остается с нами, – это надежда...

Лоренцо

Динч поправила чадру на лице и шагнула в трактир.

Правда – через заднюю дверь.

Да, ее терпение лопнуло. Цинично, жестоко и с громким хлопком, как надутый детишками для игры бычий пузырь.

А сколько можно?!

Адриенна!!!

Динч от всей души ненавидела и это имя, и эту женщину... не видела, но видеть и ни к чему! Хватит уже того, что Лоренцо в очередной раз назвал ее именем саму Динч!

Ну да...

В определенные моменты жизни мужчины себя не контролируют. И слова у них вырываются непроизвольно... имена...

Обидно, знаете ли!

Очень и очень обидно!

Ты к нему со всей душой... ну и немножко с серьезными планами на жизнь, а тебя не видят и не слышат. И забеременеть не получается... может, Зеки-фрай и прав. Бывает и такое...

Когда и мужчина может иметь детей, и женщина, но вот не совместных! И хоть ты тресни!

От любого другого партнера – пожалуйста! А от этого – никак.

Динч решила попробовать один раз. Получится у нее забеременеть? Или не получится? Дни сейчас очень даже удачные, середина цикла. Правда... она сама не будет знать, чей это ребенок. С Лоренцо-то она, считай, каждую ночь... и что?

Она просто внушит себе, что ничего не было.

Сон такой.

Привиделось.

С тем Динч и переступила порог трактира. К кому подойти? О, это несложно. Они есть в каждом трактире, дорогом или дешевом, и разнятся только ценой, но не сутью. Продажные девки.

И отличить их несложно. Лиц они не закрывают. Надо же показывать товар?

Надо!

К одной из них и подошла Динч.

– Мне бы со старшим поговорить...

– Тебе зачем? – Девушка как-то так осмотрела Динч, что ту аж передернуло.

Все она видит... вот как хотите, а видит! И некрасивость, и костлявость, и ноги кривые... и читается на хорошеньком, набеленном-насурьмленном личике: «Шла бы ты, тетя...» Или это Динч так кажется?

Может, и так... все равно никуда она не пойдет! Вот еще не хватало! У нее ПЛАН! И никакая девка ей поперек дороги не встанет.

Динч расправила плечи.

– Если ты главная, я с тобой и говорить буду. Нет?

Девка скривилась и ткнула пальцем.

– Хамма-фрай. С ним и говори.

Трактирщик, как Динч и ожидала. Ничего нового, на самом деле.

Женщина подошла к стойке и для начала выложила на нее лорин, приятно блеснувший золотом... И тут же исчезнувший. Вот растворилась монета. Словно и не было...

– Добрый вечер, фрайя, – поприветствовал ее трактирщик.

– Бема-фрайя, – назвала Динч фальшивое имя. – Вы Хамма-фрай?

– Я, Бема-фрайя. Чем я могу служить столь щедрой фрайе?

– У меня... деликатная проблема, Хамма-фрай. Возможно, мы поговорим о ней в другом месте? – Динч показательно оглянулась на зал.

Трактирщик раздумывал недолго. Кивнул помощнику и провел женщину в заднюю комнатку.

– Здесь нас никто не услышит, Бема-фрайя.

– Хамма-фрай, – решительно начала Динч. – Я не могу зачать ребенка от мужа.

– Это большое горе для семьи, фрайя, – вежливо согласился трактирщик.

– Я узнала, что он может быть бесплоден. Но сын и наследник нам все же нужен...

Трактирщик сверкнул глазами. Остро, ярко... понял.

– И вы решили... взять эту проблему на себя, фрайя?

– Да, Хамма-фрай. Я знаю, вы можете многое.

– Многое, фрайя. Но я не всемогущ.

– Но подсказать, посоветовать... у вас останавливаются караваны, бывают купцы... и, возможно, кто-то из них захочет провести ночь с женщиной? ЭТУ ночь?

– Снимите чадру, фрайя.

Динч скрипнула зубами, но послушалась.

Хамма-фрай задумался.

– Возраст у вас уже не тот, фрайя. И внешность...

– Я крашусь.

Судя по лицу Хаммы-фрайя...

Штукатурка – вещь хорошая. Но если она в процессе начнет кусками отваливаться, немного ж героев дело до конца доведут. Когда ты... это, с красивой девушкой в постели, а с нее кусками краска облетает... жирная такая, вдохновенная...

Динч эти мысли прекрасно понимала и готова была голову оторвать негодяю. Но...

– Хамма-фрай! Муж со мной разведется! А ведь это не я виновата...

И пожалобнее так, погрустнее...

Что оставалось делать мужчине? Только вздохнуть.

– Ладно, фрайя. Но...

– Сколько?

– Шесть золотых.

Динч скрипнула зубами и хотела поторговаться, но Хамма-фрай поднял руку.

– И ни монетой меньше. Я еще и зелье человеку поднесу, и девушку предложу... точно не откажется, мне редкое привезли, дорогое, три капли на чашу вина – и до утра словно бык.

Динч подняла брови, демонстрируя недоверие. Хамма-фрай махнул рукой.

– Можете не верить. Только вот сердечко эта штука подсаживает... плохо бывает.

– А... мужчина не помрет? – испугалась Динч.

Штукатурка – это полбеды. А если мужчина... того?

Да ладно еще труп? Его и спихнуть можно! Но дела-то он не сделает, вот что плохо! Придется следующего ловить, травить... проще с первого раза до конца довести.

Хотя бы попытаться.

Динч была уверена, что не простит себе, если не сделает все возможное! Такая уж она... целеустремленная! И правильно ведь все делает!

Может, и попала в рабство! Но ведь выбралась же! И из Арайи уедет, и замуж за Лоренцо выйдет! И жизнь свою устроит, как пожелает... вот!

Она и жизнь Лоренцо устроит! Он просто не знает, как может быть счастлив, а она ему объяснит, и он все-все поймет! Вот!

И все у них будет хорошо.

Дом, семья, дети... она ему больше изменять не будет. Никогда-никогда... Зеки-фрай просто ошибся, наверное. Так тоже бывает... Но проверить надо.

– Не помрет. Я здорового выберу...

«И за это тоже доплата», – вздохнула про себя Динч. И за это, и за то, и вообще... И куда тут денешься?

– Я согласна.

На стол легли еще шесть монет. Ладно уж, деньги есть. Кстати, не только благодаря Лоренцо. Динч тоже не с пустыми руками сбежала, вот!

Бема-фрайя, та, настоящая, могла и сильно обидеться, недосчитавшись своих побрякушек. Все Динч не взяла, было бы видно, но проредила кое-что изрядно.

И что?

Ей положено!

Вы бы так пожили, когда на вас смотрят словно на таракана: ну... пусть живет, он настолько противный, что на его фоне даже жаба шикарно выглядит!

Динч и сама знает, что она не первая красавица мира. Зато умная и предусмотрительная, вот!

С тем умная и предусмотрительная дама и осталась ждать трактирщика в комнате.

Вернулся он не скоро, Динч уже изнывала от ожидания, но шипеть не стала.

– Идемте, фрайя.

Динч послушно отправилась за купцом и оказалась в комнате...

– Ты мне что привел, Хамма? Это что?!

– Ты хотел чистую женщину? Ты ее получил. Внешность – тебе на ней не жениться, – резко ответил трактирщик. Развернулся и вышел.

Динч скрипнула зубами.

И только потом...

Вот со внешностью... она же не сказала Хамме про Лоренцо! Про его внешность. И вот! Купец оказался чистокровным арайцем. Чистопородным. Черные волосы, черные глаза, орлиный нос...

Динч едва не взвыла.

А если ребенок...

Отказаться? Уйти?

Она уже сделала шаг к двери, но на талии сомкнулись сильные руки, и женщина полетела головой вперед, на кровать.

– Лежи! И не поворачивайся! Раз уж я столько заплатил...

Динч помянула нехорошим словом трактирщика, но...

Сопротивляться не стала. Да и поздно было. И незачем.

Она свое получит, будет результат или нет – кто его знает? Но попробовать надо...

Хотя сказать, что ей понравилось, было бы большим преувеличением. Кому ж приятно, когда тобой просто пользуются, словно куклой?

Никому...

Адриенна

После смерти Филиппо Третьего Адриенна установила для себя четкий распорядок дня при дворе и старалась ему следовать. Конечно, получалось не всегда, но придворные знали, что до завтрака королева старается прогуляться по саду. И в это время к ней можно подойти, поговорить.

Вот и сейчас...

Адриенна наслаждалась свежим утренним воздухом, который ветерок принес с Эвроны, с реки, – конечно же, не из столицы.

Хорошо...

И вот в эту тишину врывается... нечто.

– Ваше величество!

Адриенна с сомнением оглядела склонившегося перед ней дана.

Странный он какой-то... вроде бы осанистый такой, породистый, но неправильный. Просто не такой. Роскошно одет, но как-то неудачно. То ли сочетание цветов, то ли фасон... желтые и черные полосы кого хочешь в перекормленного овода превратят.

Адриенна подняла брови.

– Дан?..

– Дан Брешиа, к вашим услугам, ваше величество, – дал разъяснения дан Пинна, который и привел означенного кадра пред очи Адриенны.

Ее величество тут же сообразила, в чем дело.

– Дан Брешиа? Рада вас видеть. Иларио, я вам благодарна.

– Служить вам – лучшая награда, ваше величество. – Иларио поклонился и словно бы сгинул с дорожки. Вот ведь... талант!

И не скажешь, что этого дана Брешиа они обсуждали всего декаду назад. Как рассказал Иларио, эданна Франческа оказалась плохой дочерью, но заботливой сестрой. И, кого смогла из сестричек, она пристроила.

Или удачно выдала замуж, или помогла супругам сестер получить доходные поместья, дела... да мало ли!

Вот дан Брешиа раньше был из неудачников, а сейчас у него есть поместье, есть несколько паев в кораблях... доход он получает и понимает, что это благодаря супруге. Хватает и на жизнь, и на роскошь, и на приданое дочкам хватит. И это еще не один случай. Двое зятьев Чески стали мэрами не особенно маленьких городков, третий получает доход с рудника...

Все перечислять долго, но его высочество щедр к своей любовнице, а она – к своим родным.

Ко двору она их не устраивала, потому как Филиппо Третий мигом бы им перья повыщипывал из хвостов, а вот Филиппо Четвертый может и дрогнуть, поддаться...

Вот дана Брешиа – первая «ласточка». Хоть и похожа на откормленную утку. Кстати – не из язвительности. Просто такое у даны телосложение: короткие ножки, объемный зад и низко посаженная талия. Но в молодости все смотрится хорошо, вон как у некоторых данов на нее аж слюнки капаяют, когда она идет и «хвостом вертит».

– Ваше величество, – еще раз поклонился дан Брешиа.

– Дан Джордано Брешиа, – мелодично произнесла Адриенна. – У меня служит ваша дочь от первого брака с эданной Рицци.

– Ваше величество, я так вам благодарен...

– Сговорена ли Розалия с кем-нибудь у себя дома?

Дан Брешиа замялся.

– У нее... – Врать не хотелось, может крупно нагореть. Но и правду говорить тоже не особенно хотелось.

Адриенна помогла:

– Вы сговаривались о свадьбе, но потом захотели разорвать помолвку, так?

Дан Пинна и это разузнал. Да и чего тут удивительного? До того как Брешиа женился на сестре эданной Франчески, он был не из

богатых и помолвку старшей дочери с сыном соседа воспринял как манну небесную. А вот потом...

Нос задрали?

Так мы его опустим...

– Да, ваше величество, – поклонился дан Брешиа.

– Дан, я прошу вас поговорить с дочерью. Ее поведение не всегда безукоризненно, к сожалению. Я принимаю в ней участие и не хочу отсылать от двора, но... не стоит рвать помолвку так уж сразу. Если Розалия по глупости совершит нечто... нехорошее, свадьба будет для нее лучше отставки.

Дан Брешиа дураком не был. Намек он претолочно понял и побагровел.

– Ваше величество... Роза... она дает повод?..

– Дан Брешиа, двор – это сложное место, – развела руками Адриенна. – Вы производите впечатление человека умного и серьезного, дочь к вам обязательно прислушается.

Дан закивал.

Собственно, Адриенна и не солгала.

И ругань была, и о королеве Розалия в кругу фрейлин отзывалась не слишком хорошо... нет, грани она не переходила, но шипела очень выразительно. И с мужчинами кокетничала. Не больше чем остальные фрейлины, но... тут ведь как еще подать!

– Ваше величество, я умоляю вас не отсылать дуру, я поговорю с ней...

– Пожалуйста, дан Брешиа, – отпустила его движением кисти Адриенна. И отправилась на завтрак.

А вот дан – в королевские покои, где и нашел свою дочурку.

В гардеробной.

Да, и такое тоже есть. Платья ее величества надо перебирать, и белье тоже, и осматривать, и штопать... Конечно, у королевы есть деньги на новые чулки! Но бывает ведь всякое. К примеру, отпоролось дорожущее кружево. Распустилась золотая нить, которую зацепили и случайно дернули. Капнули на платье соусом, и пятнышко надо отчистить... Да, и за этим следить тоже в обязанностях фрейлин.

– Папа! – Розалия аж подскочила от радости.

Эданна Сабина Чиприани посмотрела и сообщила:

– Дан, ее величество отпускает дану Розалию на два дня, чтобы она уделила внимание родным и близким.

Дан Брешиа поклонился ей. Выглядела камер-фрейлина королевы вполне величественно, и вообще...

Это – порода, а не скороспелка вроде него. Так и ощущалось.

* * *

Естественно, до кареты дан не дотерпел.

– Как ты тут, дочка?

И так же естественно, что Розалия сорвалась.

– Папа!!! Эта королева... она просто гадина, она, она, она...

И понеслась на катафалке по ухабам. Товаркам-то пожаловаться никак, они еще и посмеются, а то и понаушничают. А тут...

Казалось бы, отец, можно ему выплакаться... хотя чего тут плакать? Адриенна не была дрянью и Розалию не изводила. Работу давала, да, неприятную, но ведь и ее кто-то должен делать. Слуги и нужники чистят, и котлы оттирают, а ты считаешь себя самой лучшей? И с чего вдруг?

Так это и дан Брешиа воспринял. И спустя пару минут Розалия получила здоровенную оплеуху с приказом молчать. И от удивления даже замолчала.

В карете дан Брешиа тоже помолчал, а вот потом...

Нет, он честно дал дочери высказаться, понял, что ничего нового и хорошего не услышит, и разошелся. Смысл речи был прост.

Раз уж тебя, идиотку, устроили фрейлиной, так будь хоть благодарна! Что-что тебя заставляют?

Давно ли ты сама яйца из-под куриц доставала да из курятника грязь выгребала? Какая цаца нашлась, скажите пожалуйста!

Так что дома дана Розалия была еще и дополнительно выпорота. И на службу через два дня пришла, ощутимо морщась. Правильный настрой беседы...

Вернувшись домой, дан Брешиа отправился к соседу и помирился с ним, здраво рассудив, что ее величество-то права была. Дурной язык, он и в провинции до добра не доводит, а уж при дворе...

Пусть запасной вариант будет.

И жених на всякий случай будет. Разорвать помолвку он всегда успеет, а тут... глядишь, да и пригодится.

* * *

Разговор этот шел в одном из столичных борделей.

В общем зале, там, где мужчины сидят, общаются, выпивают, выбирают себе девушек... надо же настроиться перед этим самым?

Можно и без настроя, если сразу с нужным придешь, но почему бы и не посидеть часок? А уж потом подниматься в верхние комнаты?

Вот и сидели...

Дан Сильвано Тедеско оказался совершенно неожиданным явлением.

– О, наш Херувим пришел. Что случилось? – ехидно спросил один из мужчин.

– Почему должно было что-то случиться, Ястреб? – вежливо уточнил Сильвано. – Мне просто захотелось отдохнуть...

– Тебе? Да тебе надо не с бабами отдыхать, а от них.

Сильвано меланхолично плюхнулся на кушетку.

– Понимаешь, Сальваторе, бабы – они словно ослики. Все время ждут от тебя морковки и морковки...

– От тебя так точно!

– Вот. А здесь бабы ничего не ждут. Плати и делай что захочешь. Вот захочу – рисовать на ней буду. Красками. Захочу – просто спать буду. И никто не удивится и сплетничать не будет...

– Тоже верно, – согласился Сальваторе Донато, которого даны и эданны столицы прозвали Ястребом. Наверное, за крючковатый нос. Или за характер? Определенная склонность к стервятничеству в нем тоже присутствовала.

– Вот, ты и сам понял.

– Понял. Слушай, поделись секретом?

– Которым из? Если государственным – то перебежешь! Ни единой тайны не выдам!

– Потому как сам их не знаешь, – рассмеялся дан, сидящий неподалеку.

– А это и есть главная тайна, – важно поднял палец вверх Сильвано. Даже почти воздел...

– А мы о бабах. Ты вроде как к ее величеству подкатывал, нет?

Дан Сильвано только что пальцем у виска не покрутил.

– Ага, о королеве в борделе сплетничать. Я не понял, тут дом для умалишенных, что ли, по соседству?

Даны переглянулись.

Но... кто сказал, что мужчины не любят сплетни? Еще как любят!

Настолько, что просто с ума сходят! И любят, и ценят, и обмениваются ими с огромным удовольствием. Еще и сами чего присочинят.

Да, о бабах!

А о ком еще? О бабах, собаках, лошадях, боях, ставках... тем много, но в борделе как-то больше на дамскую тему получается.

– А все же? – поинтересовался Ястреб.

Сильвано решил, что данная сплетня не нанесет вреда королеве, да и ему тоже, и качнул головой.

– Бесполезно.

– Да ты что?! Серьезно?

– Более чем, – кивнул Сильвано. И разъяснил: – Ее величество соблазнять бесполезно. Кстати, как и эданну Вилецци.

Мужчины дружно подняли кубки, салютуя королю. Это ж какие у него способности, что всех его баб соблазнять бесполезно? Мужик! Даром что король!

Но разъяснений все равно потребовали. И Сильвано, подпоенный в достаточной дозе, махнул рукой. А чего? Ничего такого нелестного он не скажет.

Просто соблазнять эданну Вилецци бесполезно, ей мужчины неинтересны, она и с королем-то по большой любви к власти.

А соблазнять королеву?

Лучше он того... с мечом. Или с саблей.

Как с ней поговоришь, так сабля и мерещится. Легкая, булатная, с простой костяной рукоятью, но острая... волосок на лезвии распадется, да не поперек, а вдоль. Вот лучше с такой саблей в кровать, чем с ее величеством. Там есть шанс, что чего-то уцелеет. А здесь...

Нет никаких шансов.

Ее величество не станет размениваться на мелочи, она или оторвет, или отрежет... да опасна она!

Попросту опасна! Чего вам тут не видно?!

Эданна Франческа – холодная, что кусок льда, а ее величество – она не холодная, нет. Но опасная до слез. Сильвано лично все части тела дóроги, он ими рисковать не готов! Никак!

Мужчины слушали, пожимали плечами, но спорить не спорили. Хотя потом, когда Сильвано ушел, один из них и высказался.

– Дурак. Баба есть баба, хоть в короне, хоть без нее.

– А вдруг? Вон сколько баб он перевалил! Если сказал, что не... лучше и не лезть.

– Тоже мне, знаток! Вот я...

Сколько ж всего глупого начинается именно с этого «Вот я». Я сильнее, умнее, круче, могу больше, да мало ли что? Много чего! Очень много!

Вот и тут...

Слово за слово, состоялся спор. А вот кто был его предметом и что будет его результатом...

Королева, вестимо. И ее благосклонность.

А что такого? Это Сильвано дурак, а вот он умный! И красивый! И вообще! Сразу же все и всем видно!

А что потом второй спорщик, который умело и подтолкнул собеседника пыжиться и доказывать свою правоту, пойдет и доложит о сделанном деле...

Так это вообще никого не касается!

Ему приказали – он исполнил. А кто приказал, что приказали...

Меньше знаешь – лучше спишь. А мудрый заботится о спокойном сне для всего человечества.

Глава 10

В трактире недалеко от Демарко

Белый хлебушек каждый день кушать хорошо, но ведь и на рыбку иногда так тянет! И на мяско...

Так рассуждал Рикардо, заказывая мясо и вино и присаживаясь за стол в трактире.

Мия себя плохо чувствовала, у нее были те самые дни, и Рикардо решил проехаться по округе.

Заехал к друзьям, слово за слово, и он сам не понял, как оказался в трактире. И подавальщица, склоняясь перед ним, предлагает квашеные овощи, остренькие такие, к мясу очень хорошо, а в мужчинах и вовсе огонь загорается...

И грудь у нее такая... аппетитная. Так в ладони и просится.

Рикардо нравилась Мия, но типаж-то разный!

Мия тоненькая, изящная, вся словно фарфоровая статуэтка, иногда кажется, сожмешь покрепче – и ничего нет. А эта такая... земная!

Грудь – во! Попа – ВО! На коне не объедешь!

Так что руки Рикардо сами потянулись к симпатичным округлостям. Погладили, сжали... слово за слово... да и монетка помогла. Небольшая такая, серебристая, приятной рыбкой скользнувшая в глубокий вырез платья.

Как он оказался наверху в одной из маленьких комнаток?

А вот так и оказался! И с большим удовольствием провел там время. Правда, с утра попросил подать ванну и от души улился благовониями. Нюх у Мии был на зависть собачьему, незачем ее провоцировать.

Домой Рикардо возвращался довольный. А еще...

Один из друзей бросил интересную фразу. Тут-то, мол, и развлечься нечем, вот в столице – дело другое...

Рикардо и раньше подумывал уехать в столицу, но теперь...

А что ему мешает?

Отца нет, Мия с ним преотлично поедет... не сейчас, конечно, но, может быть, зимой? Когда ляжет снег, когда подмерзнут дороги, когда можно будет ездить, не увязая по уши в грязи...

Определенно стоит над этим подумать.

Столица, жди меня! Блеска тебе хватает, а вот меня – нет!

Адриенна

Розалия Брешиа была зла, как дьявол. И безбожно болевшая попа тому весьма способствовала. Отец ее не пожалел и лишний раз напомнил, что эданна Франческа, собственно... а кто она?

Тебе лично кто?

Никто. Ладно еще – твоей мачехе, но ты-то тут при каких интересах? Так, мимоходом завалилась.

А еще... при дворе-то эданна кто?

Фаворитка короля.

Это, конечно, должность. Но ты пойми, дорогуша, что сегодня это должность, а завтра что? Или кто? Его величество за то самое место к фаворитке не прилеплен и вполне может еще шестерых завести. Просто в добавочку.

А еще... когда королева забеременеет... ты не представляешь, как меняется мировоззрение мужчины после рождения первого ребенка. Не всегда в лучшую сторону, но все-таки! Смотря кто родится, когда...

Так что прижми хвост! И втяни язык в то место, на котором сидишь! А чтобы дошло...

До Розалии дошло, но любви к Адриенне ей это не прибавило. И вообще... желание напакостить королеве у нее не переводилось.

Вот и сейчас: она перебрала платья ее величества, отложила то, что нужно было в починку, и перебралась к туалетному столику. Тронула одну коробочку, вторую... Открыла и понюхала духи, масло...

А это что?

Адриенна абсолютно спокойно хранила противозачаточное, которое дал ей дан Виталис, на туалетном столике. И принимала, особо не скрываясь. Это ж надо еще понять, что, где, от чего... тем более что семена дикой моркови были попросту перемолоты в порошок.

Розалия и не поняла.

Но...

Стукнула дверь, дрогнула рука, опрокинулась банка... дана Розалия дернулась, заметалась, подхватила ее, но там осталось менее четверти содержимого. А было больше половины.

И что делать?

Дана скорее собрала все с пола и насыпала прямо в карман. Так... улики уничтожены. Но королева-то заметит!

Дана помчалась на кухню, рассчитывая уговорить повара заменить ей порошок... вроде как без запаха, темного цвета...

Так и вышло.

Перемололи ей самое обычное льняное семя, благо по цвету похоже. Его дана и насыпала в банку. Темное? Да! Порошок? Безусловно!

А вот что ни малейшими противозачаточными свойствами оно не обладало... об этом не знал никто. Ни Розалия, ни Адриенна.

* * *

Эданна Франческа не знала про случай с племянницей, она активно обрабатывала любовника.

– Дорогой, ну прошу тебя! Я просто умираю вдалеке от тебя!

– Ческа...

– Я буду вести себя очень-очень хорошо! Даже не приближусь к твоей супруге! Слова ей не скажу! Ну пожалуйста! Я хочу тебя видеть, слышать... для меня такое счастье быть рядом с тобой!

– Ты к ней действительно не приблизишься?

– Клянусь! Хочешь – дам клятву по всей форме?

– Не надо. Мало ли что...

– Опять же, на охоте я присутствую. И она не против... ты можешь спросить у жены. Если она запретит... тогда конечно.

Ческа заметила, как заиграли желваки на скулах Филиппо, и ухмыльнулась про себя.

Запретит, ага...

Как же ты не любишь это слово! И ненавидишь запреты!

Да, за десять-то лет с хвостиком она любовника вдоль и поперек выучила. И все же...

– Я поговорю с женой. Иди ко мне.

Эданна улыбнулась и скользнула на кровать.

Да, вот так, дорогой. Побеседуй со своей супругой, а я посмотрю, что она тебе скажет. Клин между вами я вобью в любом случае!

Или она обидится, или ты разозлишься...

Да, вот так. А кому сейчас легко?

* * *

Его величество Филиппо о таких тонких движениях души Франчески и не подозревал. И идею воспринял ровно так, как было подано.

А через несколько дней и заговорил об этом с супругой. Лежал, смотрел, как Адриенна заплетает косы, перед тем как лечь в постель, думал о других волосах. Золотых, роскошных...

– Адриенна. – Без свидетелей они давно обращались друг к другу по именам. – Я хочу вернуть Франческу ко двору. Полагаю, прошло уже достаточно времени.

Щетка невольно дрогнула в руке девушки.

«Дорогая, я хочу завести гадюку. И чтобы она тебя кусала по вторникам и пятницам. А что? Змеиный яд полезен!»

Не понимает?

Адриенна повернула голову, взгляделась в супруга.

Нет, не понимает...

– Это вопрос – или вы ставите меня в известность о принятом решении?

Филиппо задумался.

Решение он почти уже принял, но... немножко не хватало. Вот если бы Адриенна была против, он бы оскорбился и своей королевской волей... Если бы она ругалась, возмущалась, протестовала... А так он догадывался, что отец бы не одобрил такое решение. Но где догадки, а где жизнь?

– Пока с вами советуясь, – разрешил он эту дилемму.

Адриенна пожала плечами.

– Безусловно, эданна Франческа украсит любой двор. Но она меня не любит и не сумеет этого скрыть.

Филиппо хмыкнул.

Признание красоты Чески было ему приятно. А насчет нелюбви...

– Вы понимаете, почему так получилось.

– Безусловно, – согласилась Адриенна. – И я ей искренне сочувствую. Видеть, как твой любимый мужчина женится на другой... больно.

Ческа, правда, этого не видела, Филиппо Третий голову бы ей оторвал за любую выходку на свадьбе. Это на собственных похоронах он ничем не мог помешать поганке, а на свадьбе он еще был в полной силе.

Филиппо Четвертый тепло посмотрел на супругу. Вот она какая... понимающая, оказывается. А Адриенна просто чуяла, что сейчас нельзя давить.

Осторожно, аккуратно, по шажочку...

– Так вы не против, Адриенна?

– Я с радостью пойду вам навстречу, Филиппо. Но я тоже надеюсь на ваше понимание?

– Конечно, дорогая!

– Филиппо, я ведь не дрянь и не самодурка?

– Конечно, нет!

Вот чего в Адриенне не было никогда, так это дешевого самоутверждения. Она про себя и так все знала, ей доказывать никому ничего не требуется...

– Тогда я вас прошу поговорить с эданной. Я постараюсь ее не трогать, но может возникнуть сложная ситуация...

– Определенно может!

Филиппо вырос при дворе и понимал, что здесь тяжелые ситуации – образ жизни.

– Мне нужно, чтобы эданна Франческа мгновенно и точно выполняла мои приказания. Потом – пожалуйста. Она может рассказать вам, вы можете обидеться... если не поймете, зачем мне это было нужно. Но выполнить приказ она будет обязана. Понимаете?

Филиппо кивнул.

Это тоже было несложно.

Если Ческа появится при дворе, ее наверняка начнут стравливать с Адриенной. А так она покажет, кто главный, и все «умники» придержат язык.

– Конечно, Адриенна. Я поговорю с ней и возьму обещание.

– Великолепно! – обрадовалась Адриенна.

Хотя радости там было...

Она отчетливо понимала, что начинается атака. Что сейчас прикрыть ее некому. Что эданна Франческа – ее враг, и враг страшный, непримиримый. Воля б Адриенны, она бы просто казнила стерву, и плевать на все!

Но не было у королевы этой воли, увы, не было.

А все, что возможно, она у супруга уже выторговала, больше никак не получится.

– А теперь идите ко мне.

Адриенна, не снимая рубашки, подошла к постели. Да... от поведения Франчески это отличалось разительно, но ведь Филиппо и не любовь была нужна, а дети... это другое. Так что он просто притянул к себе девушку и принялся готовить к процессу. Ладно уж...

Супружеский долг – он и есть долг. Нигде ж не сказано, что это удовольствие!

О том, что противозачаточное, и так не слишком надежное, вовсе перестало действовать, Адриенна и знать не знала.

* * *

– Ваше величество, вы понимаете, что запускаете в свой дом гадюку?

– Иларио, вы мне можете предложить что-то другое?

Дан Пинна сдался и вздохнул.

– Его величество шесть раз проклял момент, когда разрешил принцу... и этой дряни...

– Даже он ничего сделать не мог. А я?

– Есть у меня одна идея, – задумался Иларио.

– Какая?

– У меня знакомства в Грязном Квартале. Знаете, что это такое, ваше величество?

- Да, я в курсе.
- Я могу попробовать поговорить... Пусть последят за домом этой гадины? Вдруг да повезет?
- Адриенна задумалась.
- Почему бы и нет? Как зовут вашего знакомого?
- Ваше величество, – позволил себе улыбку Илларио, – это Грязный Квартал. Там ни у кого нет имен. А мой знакомый носит имя одного из самых грозных животных мира.
- Лев?
- Нет. Комар.

Мия

- Солнышко, ты со мной поедешь в Эвруну?
- Мия подняла брови и удивленно поглядела на Рикардо.
- Ты хочешь в столицу? Зачем?
- Как это зачем?! – Рикардо так удивился, что едва не подавился вином, которое попивал, вальяжно возлежа на кровати. Мия составляла ему компанию, но вина не пила. Не хотелось... – Там же жизнь! Настоящая, а не прозябание без цели и без смысла, как в этой дыре! Ты понимаешь, что в нашей глухомани, в этой провинции, просто негде развернуться? У меня есть замыслы, есть идеи. Если они осуществятся, мы будем богаты, приняты при дворе...
- А если не осуществятся?
- Рикардо только хмыкнул.
- У меня? Я все продумал!
- Мия замолчала ненадолго.
- Рикардо подумал, что не убедил подругу, и принялся разглагольствовать дальше:
- Там... там настоящее! Там не жизнь, а праздник, там можно поймать удачу за хвост, там королевский двор, там...
- Там...
- Там Грязный Квартал, в котором Мию вряд ли забыли.
- Там Феретти.
- Там... Адриенна, ставшая королевой.
- Туда, в столицу, вернется Лоренцо.

На одну чашу весов лег Грязный Квартал во главе с Комаром. На вторую – семья и близкие люди. Ну и Рикардо, конечно.

Мия даже не сомневалась, что он добьется успеха. Разве может быть иначе? Он умный, яркий, он умеет себя подать, он...

Он самый замечательный мужчина в мире!

Разве у него может что-то не получиться?

– Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой?

– Детка, я тебя люблю. И вообще... ну что тебе здесь делать? Ты создана для большего, нежели эта паршивая провинция.

Это решило дело.

Что ж.

Если Рикардо ее любит, если она ему нужна...

Мия вернется в столицу. Надо только подобрать подходящего управляющего.

– Когда ты хочешь ехать?

– Наверное, зимой. К новогодним торжествам, когда дороги устоятся...

– Хорошо, – кивнула Мия. – Я поеду с тобой, любимый.

Но про дом почему-то не сказала. И остановиться там не предложила. Сказалась выучка Лаццо.

Молчи!

До последнего молчи о своих делах и козырях! Потому что иначе... Как говорил основатель дела Лаццо – ДЕЛО ЛЮБИТ ТИШИНУ. Не важно, какое дело ты начинаешь, чем ты занимаешься, личное оно или купеческое...

Молчи. Тогда и шансы будут, что все получится. А если нет?

Ну... тогда над тобой хотя бы смеяться не будут. Так что... молчи.

– Мне все будут завидовать, что рядом со мной такая красotka!

– Не жена или невеста? – уточнила Мия нарочито равнодушным тоном.

Рикардо даже чуточку оскорбился.

Вот что это такое с бабами творится? Ведь все чудесно, просто потрясающе, всех все устраивает... и вдруг на ровном месте начинается! Сва-адьба, де-ети...

И вообще, он же ДАН!

Как он может жениться на обычной ньоре, да еще такой, которая неизвестно с кем до него, и когда, и сколько... нет-нет, это абсолютно

исключено. Что бы там ни говорил отец, женится он только на равной себе. И исключительно на чистой невинной девушке.

Но зачем говорить об этом Мие?

Лучше...

– Детка, ты так очаровательно выглядишь с распущенными волосами. Иди ко мне?

Вот... сейчас отвлекусь, а потом и вовсе эта тема забудется. Какой он умный, правда же?

Рикардо притянул к себе Мию, привычными движениями лаская стройное тело и наблюдая, как затуманиваются от удовольствия карие глаза. Вот так...

И не надо думать ни о чем лишнем...

Мия и не думала. Настолько, что ничего Рикардо не сказала. Очень уж успешно отвлеклась...

Адриенна

Бывает так, что и королева остается одна.

Правда, редко, но случается. Прогуливаешься ты по садовому лабиринту, розами любишься, да и вообще – полезно.

Адриенна понимала, что, может, и не стоит так делать. Но...

Фрейлин она регулярно отсылала то за одним, то за другим и в результате оставалась одна. И дышала запахом роз.

Хорошо...

Да, конечно, фрейлины помалкивали, когда видели, что ее величество не в настроении. Но...

Они присутствовали.

Они перешептывались.

Они дышали.

А уж как они раздражали Адриенну, это и вовсе невыразимо!

Привыкшая к лесам и полям Сиблеврана, королева иногда думала, что Филиппо Третий оказал ей дурную услугу, разрешив воспитываться дома. С одной стороны, она была счастлива в Сиблевране, а вот при дворе...

Счастье не живет во дворце. Почему?

Да кто ж его знает. Закон такой, наверное. Придет оно, бедолажное, посмотрит, как тут все красиво и роскошно, пальчиком позолоту потрогает – и бежать со всех ног. К тому, кто его хоть заметить-то может на фоне всей этой роскоши и вычурности...

И у нее появились Мия и Лоренцо, и она стала совсем другой, и сейчас может стоять – и не опускаться на колени ни перед кем.

С другой стороны... кто счастливее? Тот, кто не имел и не знал, или тот, кто имел и потерял? Птица, рожденная в неволе, знает, что есть небо. Но не знает, КАК это. Ей и без неба удобно, была бы кормушка да поилка.

А Адриенна знает, что такое воля.

Знает, что такое ветер под крылом, знает, как упруго прогибаются под его напором черные перья, как ее подхватывает и несет – туда! Ввысь!

В небо!

Надо будет при следующей встрече спросить об этом у Морганы. Но крылатые сны тоже повторялись регулярно. В них у Адриенны были крылья, и она летела, и все было иначе, совсем иначе...

Недаром же Моргану называли Чернокрылой? Наверное, это имело под собой какие-то основания?

Задумавшись, Адриенна и не заметила, как перед ней появился мужчина.

– Ваше величество...

Адриенна прищурилась.

Да... кажется, она знала этого мужчину. Дан Сальваторе Донато. Его еще при дворе Ястребом прозвали.

– Дан Донато?

– Ваше величество, я польщен, что вы меня помните.

– Я много кого помню, – безразлично ответила Адриенна. – Что привело вас ко мне?

– Любовь, ваше величество.

– Как зовут вашу любимую и почему вы не сделали ей предложение? – Адриенна разглядывала розу размером с хороший капустный кочан.

И как она такая на кусте-то держится? Недавно расцвела, когда муж обрадовал ее сообщением об эданне Вилеци. Вот ведь гадина! Убить ее, что ли? Но... в том-то и беда! Не может ее супруг жить без

сворки! А Адриенна не сможет всю жизнь за ним следить и направлять. Не дано ей это. Равно как и воронам.

Если кто не в курсе, эти птицы создают пару надолго. Может, даже навсегда. И измена, и легкомыслие – это вовсе не о них рассказано.

Нет.

Вороны моногамны. А еще полностью равноправны в своей паре. Целиком и полностью. Вот и Адриенна такая же.

Одна любовь на всю жизнь. И только с равным.

С тем, кто тоже знает, как поет ветер под черным крылом... только с ним. А что говорит этот несчастный влюбленный?

– Ваше величество, она самая лучшая, самая прекрасная... она замужем...

А, тогда все понятно.

– Чего вы хотите от меня, если ваша возлюбленная замужем? – уточнила Адриенна, снова отвлекаясь на розу. Может, сорвать себе в комнаты?

Сейчас вернется Розалия, которую Адриенна послала за корзиной и ножницами... а уж пора бы ей и прийти. Или...

Или это специально? И она получит что-то за свою задержку?

Если так, Адриенна ей голову оторвет!

– Ваше величество... Адриенна! Я люблю вас!

Падение дана на колени Адриенна восприняла совершенно спокойно, равно как и его стремительный взлет обратно.

Да, там ветка розы. Да, с шипами.

В сапогах стоять можно, у них подошва кожаная, не прокалывают. А вот в штанах нельзя. Они тоненькие.

– Это все, дан?

– Ваше величество!!!

– Тогда можете быть свободны.

Адриенна протянула руку и сорвала розу. И тут же выпустила цветок, потому что ее самым наглым образом сгребли за талию, притянули к мужскому телу.

– Свобода?! Никогда я не буду свободен от ваших глаз, от ваших губ... казните меня! Пусть моя кровь оросит плаху, но я... ой!

«Ой», с точки зрения Адриенны, было единственным искренним словом в этой фразе. А нечего тут вдохновляться романтикой посреди

розария!

Понятное дело, дернулся неудачно – и седалищем на шипы!

Красота!

Ох, нет! Всего лишь локтем... очень, очень жаль. Может, помочь?

Что касается самой Адриенны, ей розы не навредят. Даже если она сейчас на землю ляжет и по ним покатится! Если кубарем в них влетит!

А вот всем остальным...

Адриенна знала: стоит ей отдать команду, и мужчину обовьют шипастые плети. Спеленают по рукам и ногам, потащат, еще живого, под корни, туда, где тепло и уютно, где он даст начало новому розовому кусту.

Может, оно бы и неплохо, но... нельзя!

Вдруг кто-то знает, где сейчас этот идиот? Потом же не оправдаешься!

Да и увидеть могут!

Вот, будь сейчас ночь, она бы не колебалась, а так по-простому приходится... ногой по ступне...

Мужчина тоже был не промах, поэтому удар прошел впустую. А к губам Адриенны прижались жадные мужские губы.

Только вот беда!

Ничего, кроме отвращения, они не вызвали. Пусть в романах пишут о трепете и прочих симптомах острой мозговой недостаточности. Адриенна думала о том, что дан с утра выпил, и неплохо. Для храбрости, что ли?

Так хоть бы чесноком не закусывал...

Может, ей тоже попробовать?

Хотя какая разница, Филиппо все равно ее не целует. Никогда.

Размышления не мешали ей извиваться, словно червяку, в попытке вырваться из крепкой мужской хватки, не дать себя поцеловать или, что вовсе уж недопустимо, как-то оголить... вот еще!

И Адриенна искренне порадовалась, когда чьи-то руки схватили мужчину и оторвали. Откинули в сторону, словно кутенка.

– Матео? Ваше высокопреосвященство?!

Адриенна настолько не ожидала, что сначала... ну кому бы еще и быть в саду, как не садовнику? Но это был дан Санторо. И Матео рядом с ним не было.

– Это я, ваше величество. Прошу вас, одну минуту... – Кардинал шагнул вперед и по-простому отвесил Ястребу оплеуху. – Завтра. На рассвете. У часовни.

– Ах ты... подрясник штопаный! – Видимо, дан Донато решил, что терять больше нечего. – Она сама меня позвала! Она сама хотела...

– Любимый довод всех насильников. – В голосе кардинала звучало откровенное презрение. – Сейчас бы тебя убить, негодяй, да времени нет. Постарайся завтра не сбежать... хотя все равно найду. И тогда пожалеешь, что не помер быстро.

Дан Донато ответил такими словами, что кардинал только головой качнул. И, не желая уподобляться противнику, предложил Адриенне руку.

– Обопритесь на меня, ваше величество. Как вы себя чувствуете?

– Сейчас уже намного лучше, кардинал. Благодарю вас. Вы очень вовремя появились.

– Еще немного, и вы бы его убили сами?

Адриенна пожала плечами.

– Мой муж отсутствует, а я... Я всего лишь слабая женщина.

– С кинжалом, – поддразнил кардинал.

Адриенна развела руками. Кинжал – кстати, подарок Мии – был с ней постоянно. Почему-то при дворе ей так было намного спокойнее.

– Я благодарна вам, дан Санторо.

Кардинал погладил ее по руке.

– Все в порядке, Адриенна. Помните, для вас я сделаю намного больше. Убить одного дурачка? Для вас я кого угодно уничтожу.

Адриенна едва глаза не закатила. Вот не тьфу?

Да полное!

Уничтожит он кого угодно в ее честь! Вы б еще букет из дохлых крыс ей подарили! То же самое примерно и получится!

– Лучше живите, дан Санторо. Это будет гораздо приятнее.

– Только прикажите, ваше величество. Ваша воля – закон.

Теплые пальцы гладили запястье Адриенны. Явно успокаивали... и пульс, кстати, замедлялся.

Да, тяжело вот так. Очень тяжело. А сейчас Адриенне придется быть спокойной и довольной жизнью. А вот кое-кто схлопочет. И...

– Дан Санторо, дуэль отменить нельзя?

– Ваше величество, я – мужчина.

– И в подтверждение этого тезиса надо кого-то убить?

– Я не собираюсь убивать в подтверждение. Я собираюсь убить за оскорбление, которое этот негодяй нанес вам. Ну и престолу тоже.

– Престол переживет. Я уже пережила.

– А он – не переживет. И это будет правильно. Не отговаривайте меня, ваше величество.

– Кардинал, а если этот человек ранит вас? Или...

Кардинал улыбнулся истинно мужской улыбкой, той самой, которая безумно бесит умных женщин. Вкратце эта улыбка расшифровывается так: все-будет-в-порядке-детка-не-забывай-головку!

Радостно ее принимают только те особи, которые и так ничего не берут ни в голову, ни к сердцу... и вообще вместо мозгов у них полное суфле. Вот как, КАК можно не принимать в голову, что из-за тебя может пострадать человек? И, судя по всему, неплохой?

Даже думать о таком – и то неприятно!

– Ваше величество... эданна Адриенна... поверьте, я справлюсь.

Адриенна только рукой махнула.

Хорошо. Верю.

Кардинал, честь по чести, проводил ее до покоев, поцеловал на прощание руку и откланялся. А Адриенна ворвалась в свои комнаты, словно ураган. И...

– Дана Розалия!

Долго искать дану Брешиа не пришлось. И да, Адриенна была в гневе.

То, что она сама регулярно отсылала фрейлин, вообще-то не считается! Она их отсылала с конкретным поручением и по конкретному делу. А результат?

Дана Брешиа обнаружилась в гардеробной ее величества.

– И что вы тут делаете?

– Простите, ваше величество, чулки передеваю.

– Да неужели? – грозно уточнила Адриенна.

– Что-то не так? – вмешалась эданна Чиприани, которая, как и положено хорошей старшей над фрейлинами, регулярно оказывалась именно там, где надо, и тогда, когда надо.

– Да! – рявкнула Адриенна. – Вы здесь были?

– Да.

– По минутам. Что делала дана Розалия, которую я послала за корзинкой и ножницами? И где они?

– К-кто, ваше величество?

– Корзинка и ножницы!

Эданна Сабина задумалась.

Адриенна рыкнула еще раз, и более грозно. И дело двинулось.

Вышло так, что дана Брешиа вернулась в комнату и сообщила, что ее послали за корзинкой. Сделала шаг, наткнулась на столик, свалила кувшин с апельсиновым соком, который стоял на нем, все засуетились, естественно, дана никуда не пошла, ни за какой корзинкой, потому что засуетилась больше всех остальных, вступила прямо в лужу, метнулась за тряпкой...

Адриенна молча слушала все эти признания.

Смотрела на Розалию и видела, как девушка бледнеет под ее взглядом.

Мала ты еще, подруга, со мной в такие игры играть. И нервишки у тебя не в порядке, это уж точно...

Мысль о том, что сама Адриенна не старше Розалии, ей и в голову не пришла! Какое там!

Распахивались за спиной черные крылья, и казалось Адриенне, что у нее и клюв отрастает, и когти... вот ведь стерва!

– Что тебе пообещали?!

– В-ваше величество... – пискнула девица, которая утратила всю свою невозмутимость.

– Это был первый раз. Сейчас я повторю этот же вопрос. А потом пойду к супругу и сообщу, что ты хотела меня опозорить. Намеренно...

– И в этих намерениях участвовал дан Донато? – Голос дана Иларио прорезал суматоху, словно клинок.

Адриенна медленно наклонила голову.

– Да.

Важно не что ты говоришь, важно – как.

Это слово было произнесено так, что дана Розалия заскулила и поползла по ковру подальше от ее величества. Внезапно она испугалась до истерики.

До крика, слез, соплей...

– Ваше в-вел-лич-чество... я...

– Кр-роче! – рыкнула Адриенна. И показалось ей, что даже голос изменился, став похожим на воронье карканье.

Моргана?

Очень даже может быть!

И Розалия не выдержала, разрыдалась и покаялась.

Да, дан Донато подошел к ней, очень посочувствовал – мол, ее величество тиранит бедную девочку, только и делает, что издевается, головы поднять не дает...

Жениться дан не обещал. Но подарил колечко и браслетик с изумрудами. А по результату обещал еще сережки и колье, вот!

Адриенна злобно прищурилась.

Колье!

Сережки!

Цена чести ее величества!

Цена преданности вот таких р-розочек – короне! Вот такие же стервочки спешили скорее раздвинуть ноги перед первым из Эрвлинов, и плевать им было на честь! На подлость, на память, на все, кроме себя самих... просто – на все!

Впрочем, долго об этом Адриенна думать не собиралась. И так понятно... Вот чего она хотела от родственницы эданны Вилеци?

Франческа преотлично приучила свою родню, даже самую дальнюю и не кровную, к мысли о неприкосновенности. Она же будет их защищать! Кинется принцу в ноги, будет молить о милости... Раньше принцу, сейчас королю, но разве он не захочет сделать любовнице маленький подарочек?

Так что за свою жизнь Розалия не боялась.

Раньше.

А вот сейчас и засомневалась. Было что-то такое в лице ее величества, в горящих синим огнем глазах... Показалось ей – или тень Адриенны на стене расправила здоровущие крылья?

Ох-х-х-х...

И Розалия заговорила еще быстрее, пока королева не передумала.

Ей пообещали награду, если королева останется на прогулке одна. В розарии.

Почему там?

Так там травка мягкая и за кустами ничего не видно!

Адриенна только что пальцем у виска не покрутила. Вот идиоты! Они что – рассчитывали, что в ответ на признание она прямо там и кинется на шею дану Донато?

Серьезно?

И кто тут идиот?! Решительный и недолеченный?

– Дана Донато называют Ястребом не только за форму носа, – проинформировал внешне спокойный дан Пинна. – Еще и за то, что он, словно стервятник, кружится над погибающими браками. Его добычей становятся женщины, которых не любят мужья.

Адриенна скрипнула зубами. Да уж, с такой формулировкой и не поспоришь. Действительно...

– Дан Пинна, я иду к королю. Просьба – сопроводите меня. Эданна Чиприани...

Когда Адриенна говорила таким тоном, хотелось заползти куда поглубже и не вылезать. А ведь на ней не черное, не синее... ничего угрожающего. Простое белое платье, расшитое так же белым. И в отделке немного золота, но только чуть.

– Заприте эту негодяйку и напишите ее родителям. Пусть немедленно приезжают. Какое бы решение ни принял его величество, они здесь понадобятся.

Розалия заскулила и протянула руки к Адриенне, но куда там!

Королева уже выходила из комнаты.

И... опять показалось всем, что у нее за спиной словно бы крылья... да нет!

Бред это!

Это просто шлейф так метнулся, сложился... да какие крылья?! Люди – не птицы, в небесах не летают, это уж точно!

* * *

Филиппо Четвертый нашелся там, где Адриенна и предполагала. В кабинете.

И напротив него сидел кардинал Санторо.

Адриенна с треском захлопнула за собой дверь. И ярость ее была столь очевидна, что мужчины побоялись делать какие-то замечания.

– Ваше кор-р-ролевское величество! – почти рыкнула Адриенна. – Кардинал рассказал вам свою часть истории?

Филиппо наивно подумал, что понимает причину гнева Адриенны.

– Да, дорогая. Не переживай, кардинал мне обещал разобраться...

– Это с одним участником! – рыкнула еще злее Адриенна. – А что будем делать со второй?!

– Второй? – опешил Филиппо.

Правда, ровно через пять минут его уже потряхивало от гнева.

– Ах она стерва такая! Дрянь!

– Абсолютно точно подмечено, ваше величество. – Адриенна начала успокаиваться. – Что мне с ней сделать? Только казнь не предлагайте!

Филиппо, который это и хотел предложить, осекся на полуслове.

– П-почему?!

– Потому что мое решение будет подано как военные действия против эданна Вилеци. Это же ее родственница. Хотя и нашему плотнику троюродный забор.

Филиппо представил, что сделает с ним за такое милая и нежная Ческа... и поежился.

Нет, жить ему очень даже хотелось.

Кардинал кашлянул.

– В принципе... ваше величество, решение есть. И эданна Вилеци не будет против, ведь девушка не пострадает.

– Подробности? – деловым тоном уточнила Адриенна.

Кардинал только плечами пожал. Процесс перевоспитания трудных девиц за небольшие деньги в монастырях отработан до мелочей. Было б что новенькое!

По мере объяснения лицо ее величества разглаживалось. Да и его величество становился спокойнее.

– Что ж, я не против. Мое благоволение, кардинал.

Кардинал Санторо поклонился. И получил улыбку от Адриенны. Вполне искреннюю.

– Ваше высокопреосвященство, спасибо вам.

– Не стоит благодарности, ваше величество. Служить прекрасной королеве – долг каждого настоящего мужчины.

Филиппо благополучно пропустил это мимо ушей. Ничего, Франческа не придерется, а больше и не надо. Все в порядке.

* * *

Розалия рыдала.

Эданна Сабина ее не утешала, а методично помогала девушкам складывать вещи фрейлины. Ну и время от времени песочила дурочку. Не ради нее, нет... там-то уж все понятно, отработанный материал, пустая побрякушка, глупая. А вот остальным вправить мозги не мешает. Пусть послушают, авось чего и отложится в глупых головенках!

Вот на что им голова дана?

Чтобы локоны носить?

– Конечно, выгоняют. Вот ты подумай, дурища, чего ты добилась? Семья тебе такой шанс дала, ко двору тебя пристроили, фрейлиной сделали, живешь на всем готовеньком... Даже ткань на платья ее величество распорядилась выдать!

Последнее, кстати, было достаточно важным вопросом. Фрейлины должны были соответствовать своей королеве, но ткань нужного качества – штука дорогая. Пошить могли и придворные портные, если договоришься, но у девочек и у самих руки тоже были. А семьи-то не из богатых. Поди укупи...

– Она надо мной изщедева-а-а-алась, – проныла в подушку Розалия.

– Работать требовала? Ужас-ужас! – прищурилась эданна Сабина. – Тебя что – посылали нужники чистить?

– Н-нет. Но...

– Что-то делать тебе не нравилось? Но ее величество не старалась тебя уязвить, – внезапно вступила Марта Дамиано. – Любую работу должен кто-то делать, почему бы и не ты? Потому что ты считала себя выше всех нас?

– Ее величество меня невзлюбила!

– Нас тут двенадцать человек. Ей некогда любить или не любить, – вдруг отрезала та же Марта. – У нее других дел хватает. Просто ты ее не любила и не старалась скрывать свое отношение, вот

и ее величество не старалась тебе понравиться. Кто ты такая, чтобы королева перед тобой расстилалась?

– Браво, дана! – Тихие аплодисменты прервали речь Марты. – Приятно видеть в юной девушке такую рассудительность.

Марта покраснела, пискнула нечто невразумительное и быстро спряталась в гардеробной.

Кардинал улыбнулся.

– Эданна Чиприани, я смотрю, вы уже собрали вещи девицы Брешиа?

– Да, ваше высокопреосвященство.

– Замечательно. Братья...

Двое монахов зашли в комнату, подхватили сундук и вышли вон. Кардинал кивнул на дверь.

– Дана Брешиа, вас ждет карета.

– НЕТ!!!

– Неужели? – искренне удивился дан Санторо. – Пакостить вы можете, а отвечать за свои поступки – никак?

– Я не... я... я не хочу!!!

Кардинал оскалился так, что ему бы позавидовала голодная гиена.

– Дана Брешиа, вы сейчас отправляетесь в монастырь. На год. Там вы будете вести исключительно праведную жизнь и в молитвах и постах думать о своем поведении. Ровно через год – ее величество милостива – вы либо вернетесь ко двору, либо выйдете замуж.

Розалия хлюпнула носом.

– Н-не хочу...

– Ко двору? Или замуж?

– В монастырь! Ваше высокопреосвященство, я не виновата... я умоляю принять мою исповедь!

Дана Брешиа поняла, что комфортная жизнь с перспективами заканчивается, и кинулась к ногам кардинала.

Отказать в такой просьбе?

Кардинал Санторо pokrивился, но рукой махнул.

– Хорошо... полагаю, десять минут вам хватит. Братья, ожидайте. Пройдемте... да, вот сюда, дана.

Гардеробной в покоях Адриенны, видимо, суждено было стать свидетельницей самых разных сцен.

Розалия опустила на колени.

– Я, Розалия Брешиа, открываю свою душу перед Господом, ибо согрешила я делами и помыслами, и грехи мои неисчислимы перед Богом.

Кардинал кивнул.

– Слушаю тебя, чадо, и помни, что рядом с тобой сейчас не я, но Он.

– Раскаиваюсь в содеянном! И да простит мне Господь грехи мои... ваше высокопреосвященство, умоляю... пожалейте меня!

– Дана Брешиа?

Не то чтобы кардинал в себе сомневался. Или...

Но когда тебе аккурат в гардеробной пытаются рясу задрать и под нее залезть жадными ручонками... тут любой мужчина шарахнется.

– Дана Брешиа, вы что творите?!

– Дан Санторо! Прошу вас! Я все-все сделаю...

Кардинала откровенно замутило. Все-все она сделает? Знаете что! Он-то вам не...

Его высокопреосвященство расправил плечи и хлопнул в ладоши.

Дверь открылась мгновенно.

– Три года монастыря, – жестко приговорил дан Санторо. – За глумление над таинством исповеди.

– НЕ-Е-Е-Е-Е-Е-ЕТ!

Вопли Розалии затихли вдали.

Кардинал брезгливо расправил рясу, радуясь, что под нее вообще-то брюки надеты. Да, кое-кто и вовсе на голое тело носит, но...

Противно!

Эданна Сабина бочком-бочком подобралась к кардиналу.

– Ваше высокопреосвященство, если три года, то место фрейлины...

Кардинал пожал плечами.

– Я поговорю с ее величеством. Но полагаю, она и так пойдет вам навстречу.

Эданна кивнула.

– Да, ваше высокопреосвященство. Эданна Адриенна... то есть ее величество – чудесный человек. Она хоть и строгая, но очень-очень добрая.

Кардинал в этом и не сомневался.

И Адриенну, которая вернулась к себе в покои, встретил ласковой улыбкой.

– Ваше величество, вы устали. Вам надо бы отдохнуть.

Адриенна сжала его руку.

Сама.

Первая.

– Дан Санторо, я никогда не прощу себе, если вы из-за меня пострадаете.

Кардинал качнул головой. Посмотрел в прозрачные синие глаза... ну какой же дурак его величество! У него такая красота, а он к дешевой шлюхе бегаёт!

– Эданна Адриенна... Вы позволите?

– Да, конечно.

– Эданна Адриенна, я клянусь вам, что не пострадаю.

– Дан Санторо...

– Если вы придёте с утра в часовню, вы убедитесь в этом сами.

Адриенна выдохнула.

– Дан Санторо, я не приду с утра в часовню.

Кардиналу даже немножко обидно стало. Ровно до следующих слов королевы.

– Я сегодня проведу ночь в молитвах, останусь в часовне до утра. И буду просить Господа смилостивиться. Я не хочу, чтобы вы пострадали из-за меня.

Кардинал погладил тоненькие пальцы. Холодные...

– Я благодарю вас... эданна Адриенна. Молитва от сердца всегда угодна Господу.

Эданна Сабина поняла, что надо вмешиваться в эту сцену. От греха...

– Умоляю простить меня, но если так... Сейчас, ваше величество, я вас напою горячим вином с пряностями, и вам бы хоть часок поспать. После такого скандала... а если вы не согласны, я пойду к его величеству лично! И к дану Виталису!

Адриенна только руками развела.

– Произвол и тирания.

– Подчиняюсь и присоединяюсь, – тут же кивнул кардинал, посылая эданне Сабине благодарный взгляд. – А вечером сочту за честь лично сопроводить вас в часовню.

Адриенна поблагодарила, улыбнулась и отправилась в спальню. Туда же заспешила эданна Сабина.

* * *

Только здесь Адриенна почувствовала, как она устала, испугалась... да, и замерзла тоже. До сих пор всю трясет. И ладони влажные, и пальцы ледяные... страшно!

Эданна Сабина ловко помогла королеве вылезти из верхнего платья, накинула на нее теплый халат, подсунула в кровать горячие кирпичи, обернутые толстой тканью...

– Вот так...

– Спасибо, эданна. – Адриенна почти упала на подушки. – Только вина мне не надо, хорошо?

– Ваше величество!

– Молока. С медом, – блаженным тоном заказала Адриенна. – Пожалуйста... мне дома кормилица всегда так делала. Только обычного, не миндального...

Эданна Сабина понимала, что может поплатиться за свою наглость.

Осознавала, что это королева.

И все же, все же...

Ну соплюшка же! Малявка совсем еще, с высоты ее-то возраста! Как тут не пожалеть?

Ласковая рука погладила черные пряди, вытащила несколько заколок и даже голову помассировала. Адриенна застонала от удовольствия.

– Спасибо...

И как тут промолчать? Хоть и понимаешь, что мало ли, но...

– Поосторожнее с кардиналом, ваше величество. Он опасный человек.

– Я знаю...

– И короля он под себя подминает. И... вы ему нравитесь больше, чем следует.

Адриенна широко открыла глаза.

– Я?! Нравлюсь?! Он же старый...

– Он мужчина, вы женщина.

Адриенна только головой замотала.

– Эданна, да что вы! Я же не...

– Мое дело предупредить, ваше величество. А там уж...

Адриенна посмотрела эданне прямо в глаза.

– Спасибо. Я приму к сведению.

И эданна видела – это не отговорка, не пустословие. Ее услышали.

И не проигнорируют.

– Вот и ладно, ваше величество. Пойду молочка вам попрошу. А вы пока полежите, я сейчас кого из девочек пришлю, чтобы просто рядом побыла. Вдруг чего понадобится.

Адриенна кивнула и закрыла глаза.

Как-то действительно очень много этого всего получилось. И страшно...

Измену ей Филиппо не простил бы. Это ему можно. А ей...

А ей, соответственно, нельзя. Измена королю – измена государству. И награда за это – плаха.

Вот сволочи! Гонять этих придворных надо по всем стенам... гады!

* * *

Тонкое запястье прошло по кристаллу. Полилась кровь.

Моргана себя долго ждать не заставила.

– Как ты себя чувствуешь, внучка?

– Отвратительно, – созналась Адриенна. – Ох, бабушка...

То ли слезоразлив, то ли попросту истерика... И Филиппо – гад! И эданна Ческа! И... Адриенна ведь сделала, что требуется! Ну почему, почему надо ее добивать?! Почему нельзя попросту оставить ее в покое?!

Что этому-то козлу понадобилось?! Чего ему не жилось?!

Моргана только головой покачала.

Адриенна и сама не понимала, что становится не просто хорошенькой – красивой. По-настоящему красивой. Белая кожа, синие глаза, черные волосы, а фигурка... все на месте и ничего лишнего.

Если ее супруг идиот, то кто сказал, что все остальные тоже туда же?

То, что случилось, оно и логично.

Но и то, что происходит сейчас... тоже.

Девчонка живет как на вулкане, поневоле закричишь.

Моргана молча дождалась конца истерики. И потихоньку принялась говорить с правнучкой.

Сказала и про внешность.

И про то, что ее обязаны будут попробовать «на зуб». И пробовать будут постоянно, это и так понятно.

И про придворных шакалов, которые ничуть не изменились со времен самой Морганы.

Только вот Моргана с ними разбиралась просто.

Браслетом в лицо, да со всего размаха. Кто выживет, тот улыбаться уже не будет.

И про кардинала, который защитил, – честь ему и хвала. Но ведь он и себе репутацию укрепляет...

Про фрейлин... лучше пока подождать. Пусть думают, что ее величество милосердна, чем кого попало пристроят. Хотя Моргана... нет, у нее такая ситуация просто не возникла бы. Но... если Адриенна пожелает?

Держать эданну Ческу под присмотром лучше именно так.

Адриенна только головой качнула.

Все она понимала: держи друзей близко, врагов еще ближе. Но не настолько же! Нет-нет, Адриенна просто не выдержит.

Моргана смотрела на правнучку с грустью.

– Ничего, детка. Ты справишься. Дай только себе немножко времени, и все будет хорошо.

– Правда?

– Правда.

И Адриенна поверила. Что ей еще-то оставалось делать?

* * *

Утром кардинал Санторо начал дуэль – и закончил ее примерно за десять минут. Попросту убив своего противника.

Адриенна смотрела на это из окна часовни.

Жалко?

Не было ей жалко негодяя, вот еще! Сам виноват, сам напросился!
И кардинала она благодарила от всей души.

Кардинал улыбался, целовал ее величеству руки и всячески намекал, что любой, кто посмеет...

Адриенна невольно ощутила к нему благодарность.

Может, он и сволочь. Но... по крайней мере, кардинал за нее заступился. И проблем теперь будет намного меньше.

Филиппо мог бы посадить негодяя в тюрьму, мог казнить, мог выслать из столицы, но... как сформулировать обвинение?

И какие слухи поползут по двору?

Приставал к королеве?

А просто приставал – или со смыслом, получилось у него что-то или нет, помешали ДО того, ВО ВРЕМЯ того или ПОСЛЕ того... такого слона из мухи раздуют – взвоешь!

Ложечки-то найдутся, а вот осадочек останется и будет до-олго о себе напоминать. А королева, увы, должна быть выше подозрений.

Вот где справедливость?

Филиппо может два-три дня в декаду ночевать у своей любовницы, да еще и так захаживать, и никто, никто и ничего плохого не подумает! И не скажет!

А она?!

Хотя Адриенна и могла бы – но обходилась без любовников. Ничего приятного в этом нет, интересного тоже... ну и зачем тогда? Для коллекции?

Чтобы отомстить мужу?

Чтобы было?

Грязно это как-то. Да и единственный мужчина, к которому Адриенну тянуло, был не здесь.

Лоренцо Феретти еще не вернулся, а все остальные...

Есть они. И что?

И все. Точка.

Сейчас кардинал защитил ее имя и честь, и дуэль получилась абсолютно естественно. Лицо духовного звания, конечно, не должно драться на дуэли, и убивать тоже, но...

Случается.

И никто ничего не возразит. Дело совершенно житейское. Один мужчина повел себя грубо, второй поставил его на место... даже сплетничать об этом скучно.

А вот о том, что ко двору возвращается эданна Франческа...

Его величество думал о своей любовнице.

Ее величество думала о своей ненависти.

И из земли лезли и лезли кусты черных роз.

Мия

Бывают дни, когда бесит – все?

Еще как бывают! Иногда по пять-шесть дней не заканчиваются. Физиология у женщин такая...

Вот и сегодня... Мия чувствовала себя отвратительно и лежала, глядя в потолок. Потом решила прогуляться на кухню и попросить сладкого.

Да, вот захотелось.

Взбитых яиц с сахаром, пудинга, или засахаренных фруктов, или пирога, или просто сушеной винной ягоды...

Не важно что! Важно, чтобы сладкое!

Звук поцелуя настиг ее в коридоре. Мия прижалась к стене, а потом и вовсе нырнула за портьеру, решив пропустить прелюбодеев. Неохота сейчас было ругаться... мало ли там? Лакей со служанкой или еще кто...

Или...

– Дан, вы та-акой...

– Иди сюда, зайка!

И стон. И совершенно явственные звуки соития.

ДАН?!

Мия осторожно выглянула из-за занавеси.

Ее Рикардо, ее Рик, ее любимый...

Вот он развернул лицом к стене какую-то служанку... хотя почему какую-то? Анну, она это точно знает... И активно врубался в нее сзади, торопясь к разрядке. Девка вертела задом и стонала.

– О... да! Дан, вы такой, да...

Мия скрипнула зубами.

Такой?!

Ах ты, дрянь!

Почему-то на Рикардо у нее злости не было. Наверное, потому, что лицо у него было совершенно равнодушным. Вот что соитие, что нужду справить. Это девка старалась, а Рикардо просто спускал пар.

Закончил он достаточно быстро и принялся поправлять одежду.

Девка развернулась, и Мия увидела ее лицо. Точно, Анна.

– Да-ан... хотите, я ночью приду к вам?

– Нет.

– А зря. Я же лучше этой вашей...

– Держи. – Рикардо сунул за корсаж монетку. – И не болтай.

Развернулся и ушел.

Мия скрипнула зубами.

Она видела, как Анна оправляла платье, как поправила тяжелую грудь и хихикнула:

– Погоди... приду я ночью, и посмотрим, кто лучше. Я – или эта шлюха с большой дороги.

Это оказалось последней каплей.

Мия покинула свое укрытие.

– Шлюха, да?

Анна сделала шаг назад от неожиданности. Может, начни она оправдываться, плакать, извиняться... может, и сложилось бы все по-другому. Но... Анна только подбоченилась.

– И что?! Ты себя-то видела, дрянь?! Мало что облезлая, словно помоечная кошка, так еще и сколько тебя перевалили?!

Мия сделала шаг вперед.

Первый раз у нее так получилось с разбойниками. Но и сейчас... рука удлинилась, пальцы вытянулись, блеснули острые синеватые когти...

– Ах!

А больше Анна и сказать ничего не успела. С разорванным горлом и не поговоришь.

Кровь хлынула потоком, но Мия уже зашла ей за спину, чтобы не испачкаться. И смотрела с улыбкой на агонию.

Встряхнула руку так, чтобы очистились ногти.

Надо пойти помыть пальцы. Это все глупости, что кровь невинных жертв не отмывается! Прекрасно отмывается, особенно со

щелоком!

А угрызения совести – это и вовсе не интересно. Откуда они у Мии?

Девушка не замечала, но как же далеко она ушла от девочки, которая когда-то советовалась с матерью! Джакомо начал делать из нее чудовище, а жизнь этот процесс преотлично завершила.

Убить?

Кого угодно и быстро.

Причина?

А она должна быть? Хотя если есть, это как-то проще, но и если нет...

Мия даже не понимала, что сейчас убила девицу... за что?

А вот просто так. Из ревности плюс дурное настроение. Не по щекам отхлестала, хоть и могла, не за волосы оттаскала, не мордочку изуродовала – она еще и не такое могла, ее же учили!

Она убила, хладнокровно и быстро, не задумываясь ни о чем.

Разве о том, чтобы ее не опознали по следам... Ничего, руку она помоеет, а больше крови на ней нет. Мия равнодушно отвернулась от агонизирующей девушки и ушла.

Превращение, начавшееся в столице, завершилось окончательно.

Мия Феретти стала хладнокровным, безжалостным и рассудочным чудовищем. И была этим весьма и весьма довольна.

* * *

Крики из коридора были слышны просто отлично.

Мия не переживала ни о чем.

Разве что...

Сладкого хотелось вовсе уж нестерпимо. Но она решила пока не выходить из комнаты. Пусть сначала эту дуру обнаружат. А она пока полежит...

И полежать получилось, и подремать немного, хоть и сводило спазмами спину... ну, дни такие. Чего тут обижаться и страдать?

Когда в комнату постучали, заспанной она была совершенно естественно.

– Что случилось?

– Дана Мия, вы живы?!

– Судя по всему – да, – отозвалась Мия. – Так что случилось?

Рик?!

Рикардо не заставил себя долго ждать.

– Мия, я рад, что с тобой все в порядке. Ты представляешь, кто-то убил одну из служанок.

– Кого именно? – равнодушно уточнила Мия.

– Анну.

– А... – Говорить вслух, что эту не жалко, служанкой она была на редкость нерадивой, Мия не стала. Зачем? – Что с ней случилось? Из окна выкинули?

– Н-нет...

– А что тогда?

– Ей горло порвали так, что она кровью истекла.

Мия подняла брови.

– Горло порвали? А что у нас тут такое бегаёт?!

– Судя по виду... это очень когтистое что-то. – Рикардо присел на кровать и обнял свою женщину. Как-то... захотелось.

Когда сталкиваешься со смертью, хочется почувствовать жизнь.

Вот только что он эту Анну... того, имел, а сейчас она мертва.

Резко, жестоко, неожиданно... и потому особенно страшно. Мия обняла Рикардо в ответ, и мужчина глубоко вздохнул. Так было полегче...

– Наверное, надо позвать падре Лелли, – решила Мия. – И распорядиться о похоронах... Ньор Акилле может это сделать? Я сегодня... не в состоянии этим заниматься.

– Нет-нет, ты лежи, – махнул рукой Рикардо. – Ты отдыхай... я сам займусь. И распорядюсь, и падре позовем, и похороним... только запиши изнутри на всякий случай.

– На какой? – удивилась Мия.

– Вдруг это что-то или кто-то к тебе придет?

Мия фыркнула и покосилась на кинжал, который мирно себе лежал рядом с кроватью.

– Пусть приходит. Как ты думаешь, если у него есть когти, может, и шуба есть? Хочу меховой ковер на полу. И заниматься на нем любовью, с тобой...

Рикардо улыбнулся в ответ.

– Да, дорогая. Но изнутри запришь.

Мия пообещала. И не выдержала:

– Рик, милый, мне так неловко тебя утруждать...

– Ты что-то хотела?

После измены ему было чуточку не по себе, так, не сильно. Это ж не измена, это так... на полчаса. А так-то он Мие верен, душа-то не затронута, только то, что ниже пояса.

Но все равно чуточку неловко.

– Ты не мог бы распорядиться на кухне? Хочу травяной взвар и сладостей.

– О, это я сейчас, – улыбнулся Рик, окончательно выкидывая из головы все дурные мысли.

Анна там какая-то... подумаешь?!

Была – и нет! И похороним...

А вот насчет сладостей он первым делом распорядится. Пусть Мия кушает.

* * *

Замять смерть Анны стоило Рикардо десяти лоринов. Именно во столько семья оценила свою гулящую дочь.

И то сказать, шума ему не хотелось, когтей он ни у кого в замке не видел, а расследовать...

А как тут расследуешь?

Рикардо понимал, что последним, похоже, живой Анну видел именно он. Он – не убивал.

Но кто?!

На Мию он мог бы подумать, но когтей-то у нее нет! А ноготками так горло не порвешь. Даже не поцарапаешь... нет, это точно не она.

А кто?

А пес его знает!

Рикардо лишний раз уверился, что надо ехать в столицу. А остальное... какое – остальное?! Его ждут слава и богатство! Надо только поехать!

* * *

Мия тоже решила ехать в столицу.

Да, зимой. Вот погода устоится, и все будет хорошо, и они поедут.

А там...

Она обязательно заглянет в гости к Адриенне.

Хочет Рикардо карьеру при дворе? Отлично, он ее сделает! Мия ему поможет, и они поженятся. Что-то еще нужно для счастья?

Вот и она тоже думает, что нет. Остается только зимы дожждаться.

Глава 11

Адриенна

Эданна Франческа была великолепна в белом и алом.

Черные глаза горели, словно бриллианты. Золотые локоны, перевитые рубиновой нитью, струились по спине. Адриенна рядом с ней казалась одетой достаточно скромно.

Действительно, куда там!

Простой темно-зеленый бархат поверх кремового нижнего платья подчеркивал молочную белизну кожи, придавал зеленоватый оттенок глазам, но и только. Украшений Адриенна не носила.

Почти.

Свое «воронье» кольцо, которое так никто и не замечал, обручальное кольцо, кольцо с печатью – это всегда было на ней. Медный крестик? Вряд ли это можно считать украшением.

Серьги?

Сегодня на Адриенне были серьги с изумрудами. Крупные такие, старинные.

И – корона.

У матери Филиппо Четвертого, ее величества Альметты, своей короны не было. Но... она и не была коронована. Она просто была замужем за королем, который делил с ней постель, но не трон. А вот Адриенну как раз короновали.

Тонкий серебряный обруч со сложным орнаментом она носила, практически не снимая. Он не давил на виски, был легким и удобным. А еще придерживал прическу и не давал волосам лезть в глаза.

И статус, конечно... Она королева – или уже кто?

На корону эданна Франческа и глядела со сдерживаемым внутри гневом.

Да, корона...

Самое привлекательное в Филиппо, между нами-то говоря. Ну и самолюбие уязвленное тоже. Эданна Ческа годится только в любовницы. А в жены – Адриенна.

Проклятие?

А это вообще недостойные отговорки, вот! Это Филиппо Третий просто придумал... Ладно, в глубине души Франческа понимала, что никто и ничего не изобретал, но...

Обидно!

Просто обидно!

И даже сейчас Филиппо превозносил Адриенну, говоря, что она предложила, позволила, и вообще...

Она – позволила!

Да кто она такая?!

Убила бы! Своими руками разорвала, алая кровь прекрасно сочеталась бы с белым платьем и алым поясом Франчески...

Адриенна понимала, что ей бросают вызов. Просто наряд эданны уже сам по себе...

– Ваше величество! – склонилась любовница короля.

И что тут делать? Потребовать запретить ей коронные цвета? Но... в том-то и дело! Допустим, Адриенна запретит. А Франческа еще что-то придумает... запросто!

А потому...

– Ваше величество, посмотрите, как великолепно выглядит эданна Вилеци! – обратилась Адриенна к супругу. Филиппо закивал, и Адриенна расчетливо добавила: – Никогда бы не сказала, что эданна вдвое старше меня...

Ческа побелела от злости.

Ах ты... дрянь!

Почему-то намеки на возраст она воспринимала особенно остро. Филиппо по инерции продолжал кивать... ну, не сразу он сообразил. Бывает. А Адриенна не умолкала:

– Ваше величество, давайте попросим эданну появляться при дворе только в белом и алом! Вы посмотрите, как она чудесно выглядит!

– Эм-м-м...

– Я так и знала, что вы не против! Эданна Вилеци, озаботьтесь пошивом платьев нужного цвета. И извольте украшать своей персоной двор, мы так желаем, – распорядилась Адриенна.

Ческа заскрежетала зубами.

Правила приличия вязали ее по рукам и ногам. Посмей она сейчас рыкнуть, и Филиппо будет вынужден отлучить ее от двора. А с платьями...

Вызов королеве?

Был. И превратился в ее приказ. Причем...

Адриенна подозвала секретаря, стоящего неподалеку.

– Дан Гульельмо, подготовьте указ. Я хочу, чтобы эданна Вилецци, пребывая при дворе, носила или белое, или алое, или оба этих цвета вместе. И прикажите выдать ей ткани. Казна оплатит. Можете не благодарить, эданна.

– Ваше величество так добры, – выдавила из себя Франческа.

Филиппо погладил Адриенну по руке.

Он помнил скандал, который устроил ему отец. Одевать шляху в родовые цвета?! Наглость какая! Что она себе позволяет?! Не сметь! Не то...

Предупреждение Филиппо понял и принял к сведению, но сейчас-то... Адриенна молодец, она дала разрешение. И чего Ческа так глазами сверкает?

Ладно, он потом спросит, а сейчас надо открывать танцы...

Не бал, нет. Просто первый танец король и королева должны протанцевать вместе. Потом уж... как желает его величество. Но Филиппо милостиво разрешил Адриенне танцевать с кем она захочет.

Почему нет?

Он будет с Франческой, а супруга – сидеть и глядеть? Пусть тоже лучше потанцует, меньше проблем будет. И меньше слезки.

Так Адриенна и поступила. И второй танец Филиппо танцевал с эданной Франческой, не вынимая светло-голубых глаз из декольте дамы, а Адриенна – с кардиналом Санторо.

– Эданна Адриенна, вам не кажется, что родовые королевские цвета не для продажных девок?

Адриенна пожала плечами.

– Дан Санторо, что в этом такого? Я завела себе кота, и у него есть белый ошейник с рубинами. Если мой муж тоже завел себе... зверушку, пусть все видят, что это – его.

Кардинал от души рассмеялся.

– А если зверушка будет драть диваны и метить углы?

– То познакомится с карающим тапком, – серьезно ответила Адриенна. – Некоторых тварей распускать нельзя. Потом не утихомиришь.

Дан Санторо понимающе кивнул.

– Вы правы, эданна. Кстати, как поживает котик?

– Растет и пушится, – улыбнулась Адриенна.

Нурик оказался прекрасным компаньоном.

Он послушно спал на коленях у ее величества, если его клали на колени, и на подушке, если его перекладывали на подушку. Носился по устроенному для него лабиринту, послушно ловил бантик на веревочке, а когда Адриенна спала одна, приходил к ней на подушку. Уморительно укладывался на спину, раскидывал лапы и мурчал-мурчал-мурчал...

Под незатейливую кошачью песенку засыпалось практически мгновенно.

– Я бы сказал, что он намного симпатичнее... ехидны.

– Я не могу так сказать, ваше высокопреосвященство. Я не заводила ехидну.

– И черные локоны лично мне нравятся намного больше золотых.

– Вы исключение, дан Санторо.

– Нет. Я просто понимаю, что цвет волос... он преходящий. Рано или поздно все мы поседеем. Но душа... Или человек обладает живой душой, или он просто живет, без смысла и без цели.

– Без смысла? Без цели?

– Разве это смысл? Жить хорошо, есть сладко, спать мягко... эданна Адриенна, это желания животного. Ваш Нурик тоже этого хочет, разве нет?

– Да, пожалуй...

– Вот. А человеку свойственно куда-то стремиться, чего-то добиваться...

– Власти?

– Возможно, и власти. Власти, богатства, любви, следа в истории... да мало ли чего? Но это и отличает человека от животного.

– Я об этом не задумывалась.

– Человек обязан думать, что останется после него. Животному об этом думать не обязательно, у него есть хозяин... или хозяйка.

Адриенна проследила взгляд кардинала, брошенный на пару короля и Франчески.

– Дан Санторо, у вас очень сложная философия для такой, как я.

– Напротив, дана Адриенна. Я полагаю, именно вы и сможете меня понять. Вы, а не кто-то другой.

Адриенна посмотрела прямо в темные глаза кардинала.

– Ваше высокопреосвященство, я слишком глупа и юна. Для понимания.

Кардинал не обиделся и не разозлился. А просто улыбнулся в ответ.

– Нет, Адриенна. Вы слишком умны для понимания. Но мне это нравится. Мне это **ОЧЕНЬ** нравится.

Адриенна порадовалась, что танец закончился, и к супругу вернулась почти с облегчением. А кардинал тут же пригласил эданну Франческу, разумеется, с разрешения его величества.

Король разрешил, только вот не похоже, чтобы эданне этот танец доставил удовольствие. Какое-то лицо у нее было кисловатое...

Впрочем...

Надолго ли хватит внушения от кардинала?

Адриенна не знала, но подозревала, что нет. Скоро, уже очень скоро эданна Франческа начнет преподносить пакостные сюрпризы.

* * *

Во дворце веселились и танцевали. А в городе Альмонте за столом сидели двое.

Дан Рокко Вентурини и ньор Паскуале Лаццо.

И беседовали, не обращая внимания ни на какие сословные границы.

Дан, ньор...

Разве на это стоит обращать внимание умному человеку?

Вовсе даже нет!

Дан Рокко чуточку подкашливал. С тех пор как Адриенна уехала, он чувствовал себя не так хорошо. Но СибЛевран все равно влиял на мужчину.

Он рассчитывал прожить еще пару лет, а может, и побольше. И новых внуков увидеть.

Джачинта приехать на ярмарку не смогла, опять в тягости, а вот дан Каттанео приехал. И пасынка привез.

Анжело серьезно вытянулся, такой крепенький стал... и оружием ужасно гордится, отчим его сам учит, никому не доверяет. В том числе верхом ездить учит, и свой конь у него есть, правда, слишком смиренный, но дан Каттанео тут неумолим, на более норовистого коня Анжело может рассчитывать через пару лет. А пока пусть учится.

– Ее величество не писала?

– Пару раз присылала голубей. Я отчитываюсь каждый месяц, она пишет мне... но так, кратенько. Мы знали, что первое время так и будет, – взмахнул рукой дан Рокко. – Вам она не писала?

– Вы же знаете, что произошло у нас в семье...

– Знаю. Адриенна сказала, что ей наплевать.

Паскуале вскинул брови.

– Правда?

– Она сказала, что Мия была и остается ее подругой. И что бы ни случилось, всегда получит помощь и поддержку.

– Дана Адриенна – благородный человек.

– Она просто не верит, что все было именно так. Или знает что-то такое...

Паскуале вздохнул.

Может, и не стоило бы посвящать дана Рокко в семейную историю, но...

– Мы все любили Джакомо. Понимаете, дан, он был умным, обаятельным... да, не красавцем, но разве это важно? Я сестру любил и переживал, что и как с ней будет. Внешность, характер... так вот. С Джакомо она прожила счастливо. Единственное – Бог им детей не дал, но, когда Джакомо удочерил малышку Кати... я его начал уважать. И поступок Мии меня просто убил.

– Но? – подсказал дан Рокко.

– Но?

– Если вы так рассказываете, значит, оно было.

Паскуале только что руками развел. Дан Рокко не гадал, но угадал.

– Все правильно. Когда после смерти Джакомо мы начали разбираться в его делах... он не мог заработать столько, сколько было

у него на счетах.

– Но было ведь?

– Да. А еще мы поговорили с Джулией и Сереной, сестрами Мии. Со слугами и наставницей, с учителями...

– И они сказали вам нечто...

– Несоответствующее моему впечатлению. Да. Мия... не была девушкой. Как я понял, у Джакомо и Мии были общие дела. Да... подозреваю, что Джакомо был... сводником. Сутенером.

Паскуале смотрел в стол. Даже подумать о таком – и то было тяжело. А уж сказать...

Дан Рокко молча налил ему вина в кубок. Не размениваясь на пошлости вроде «бывает» или «держись». А то Лаццо сам не знает, а то он сам себе этого не говорил!

– Потом мы многое узнали о дане Бьяджи...

– Так... я о нем тоже кое-что знал.

– Как я понял, когда Джакомо торговал Мией, она терпела. Во многом ради младших. Чтобы у них был дом, семья, чтобы все было хорошо...

– Понимаю.

– А когда он решил выдать Серену замуж за подонка, который мучил бы девочку и убил за пару лет... Мия не смогла сдержаться.

– Вот оно даже как.

– Да, дан Вентурини. Именно так. И, это надо признавать, Мия была в своем праве. Она имела право на защиту, на помощь от своего дяди. А что вместо этого? Ею пользовались, потом решили убить ее сестру... Конечно, девочка не стала это терпеть.

– Я ее понимаю.

– Вот и я... тоже. Мы были слепы, словно кроты. Но... все выглядело так невинно! Так правильно!

– Зло так и должно выглядеть. Если сорняк не притворится цветком, его выколют.

Паскуале ненадолго закрыл лицо руками. И ведь было, было дома – и сидел он, и вопросы себе задавал.

Ну где?!

Где он допустил ошибку?!

Именно он, увы... Почему недоглядел, не подумал, не заинтересовался ни разу у Мии, как она живет... Нет, пару-то раз

спрашивал, но как у постороннего человека. А ведь мог бы...

И Мария, жена отца, себя поедом ела.

Когда она узнала, она неделю в постели пролежала, похудела, плакала и только повторяла: «Бедные мои девочки...» Хорошо еще, Серена и Джулия при ней были. Но так-то, если подумать?

Могли бы они с отцом не допустить? Предотвратить?

Могли.

А они просто обрадовались, что так повезло, что в семье прибиточек... вспомнить бы вовремя, что самое отъявленное зло выглядит святей святого!

Это не может зависеть от тебя?

Оставьте эти отговорки для слабых и глупых! А мужчина, если он, конечно, считает себя таковым, должен знать, что происходит в его семье. И отвечает он за всех своих родных!

Дан Вентурини молча ждал, пока Паскуале придет в себя. И только потом...

– У меня будет к вам просьба, Паскуале. Не обязательная, и на наши отношения она никак не повлияет.

– Но?

– Я бы хотел отдать вам в обучение одного парня.

Историю Марко дан Рокко рассказал без прикрас и жалости. Увы, надо думать, в кого ты влюбляешься! Паскуале от души посочувствовал парню.

– А давайте. И возьму, и научу всему, и вообще... не дам пропасть. Мое слово. Да и помощник мне нужен.

– Вот и хорошо. Спасибо тебе. А с ее величеством постепенно свяжемся... будет и вам прибыль, и СибЛеврану хорошо.

– Она так и не решила, кому отдать поместье?

– Пока нет.

– А отец?

– Дан Марк? Он не останется в СибЛевране. Ездит и ездит сейчас с Энрико Делука по стране. Тошно ему тут, плохо, больно.

– Да неужели?

– Увы, – вздохнул дан Рокко. – Сначала он женился... ладно, по любви, но осторожности они не проявили, и супруга умерла. Память о боли. Потом ладно, годы шли, он жил спокойно, а потом оказалось... Тут и Адриенна, и исчезновение его супруги, и предательство... он

ведь прекрасно понимает, что, женившись на этой придворной шлюхе, предал дочь. Ударил в спину. И она не простила. А если бы не я... если бы его величество не был бы так предусмотрителен, он просто погубил бы девочку.

Паскуале кивнул.

Видел он такое. Когда вторые супруг или супруга начинали гнобить детей от первого брака. И не всегда это заканчивалось хорошо, у знакомого сын убил молодую супругу. Да, вот так! Женился отец второй раз, а жена пасынка изводила, пакостничала, а уж когда в постель к мальчишке полезла, тут парень и не смог... оттолкнул ее, удрал, да вот беда – упала мерзавка неудачно. Головой о камин...

Отец потом волосы на себе рвал, недоглядел... больше жениться не хочет. Так что это еще не самое страшное.

А тут бы...

Эданна Сусанна развернулась бы, знал Паскуале таких гадких и пакостных баб. Эданна там, ньора... да хоть и кто! Одна сущность – гадины.

– Не известно о ней ничего?

– Как пропала, так и не находится. Бог милостив, и не разыщется. Мне кажется, дан Марк еще и потому по стране хочет поездить. Надеется ее где-то встретить...

– А делать-то он что будет, если встретит?

– Да кто ж его знает? То ли убьет, то ли в ноги упадет...

– Дурак.

– Оно так. Но любовь не спрашивает.

И с этим спорить было сложно.

Хотя дан Рокко сильно подозревал, что никто и никогда мерзавку не разыщет. И что Адриенна знает больше, чем говорит.

Но – молчал.

В некоторые тайны лезть не надо. И в выгребные ямы тоже. Меньше нанюхаешься.

– Да, любовь, – пробормотал Паскуале. И думал сейчас о своем. Они-то тоже... любили Катти, хотели, чтобы у нее все было хорошо... и не разглядели, как змея подползла.

Дан Рокко решительно перевел тему:

– Я позову Марко?

– Да, пожалуйста, – почти обрадовался дан Лаццо. Лучше о Марко, чем о любви, о прошлом... да и о будущем. Мия ведь не умерла. А вот что с ней, как...

Какой же скотиной себя Паскуале чувствовал! Кто бы знал!

* * *

Вошедший в комнату парень Паскуале понравился.

Высокий, стройный, волосы темные, глаза серые, улыбка такая... хорошая. Теплая, добрая.

– Здравствуйте, ньор Лаццо.

– Здравствуй, Марко.

Парень молчал, отдавая инициативу старшему, и Паскуале продолжил спрашивать:

– Говорят, ты хочешь поработать со мной?

– Если возьмете, ньор Лаццо.

– А у тебя самого душа к купеческим делам лежит? Ты как сам скажешь?

Паскуале развел руками.

– Я и не знаю, ньор Лаццо... я ведь никогда этим не занимался. Коней мы выращивали, и торговали ими, но... покупала всегда Адриенна, у нее чутье. А продавал дан Марк. Я к этому касательства не имел.

– Вот оно как... а почему попробовать хочешь?

– А как я могу сказать, нравится мне или нет? Попробовать надо. Не справлюсь, пойму, что душа не лежит, так чем другим займусь.

– Тоже верно. Что ж, возьму тебя в помощники, для начала будешь делать, что скажу, а там посмотрим.

– Спасибо, ньор Лаццо.

– Вещи у тебя с собой?

– Да, ньор. Я уже сказал, мама знает...

Дан Рокко кивнул.

Знает, а то как же! И радуется – сын при деле будет. А когда новые впечатления, когда новые люди... может, и получится клин клином выбить? Все ж с Адриенной у них любовь была односторонняя. Марко-то ее любил, а девушка его и не видела. Брат и брат.

– Тогда для начала сходи принеси нам с даном Рокко чего закусить. А то опьянеем.

– Хорошо, ньор Лаццо.

Марко ушел. Паскуале кивнул.

– Вроде как и хороший мальчик... Посмотрим. Попробуем.

Дан Рокко потихоньку выдохнул.

Ну вот. Мальчишку пристроили. А что в столице будет хоть один человек, безоговорочно преданный королеве...

Разве это плохо?

Пусть будет.

И он предложил поднять кубки за удачное начало работы. Чтобы Марко справился.

Паскуале не был против.

Итак – за удачу!

Лоренцо

– Я – беременна!

Динч смотрела на Лоренцо даже с каким-то торжествующим видом. А что б и не радоваться?

У нее будет ребенок от Лоренцо!

Про тот случай, в трактире, она и не думала и не гадала... и вообще...

Не было такого!

И ее там не было!

И вообще...

Она. Беременна. От Лоренцо!

Вот, задержка уже почти четыре дня...

Лоренцо потер лоб. Он пока еще себя плоховато чувствовал, и новость не вызвала у него никакого восторга.

– Хорошо. Ты уверяла, что детей не будет.

– Просчиталась. Так бывает, – сверкнула рыбьими глазами Динч.

– И чего ты от меня теперь хочешь?

Динч замялась.

Вот как-то не так оно шло! А где объятия? Где уверения, что ее будут любить? Что не бросят ребенка?

Как-то оно... с другой стороны, не все же сразу? Она помнит, кого звал в бреду Лоренцо Феретти!

Адр-риенна!

Гадина!!!

– Лоренцо, я понимаю, ты меня не любишь...

А вот кивать при этом было совершенно не обязательно. Но виду Динч не показала.

– Но ребенок должен знать своего отца... может, ты его усыновишь?

– Я могу дать ребенку свою фамилию, – задумался Лоренцо. – Но, Динч, я не хочу на тебе жениться. Не могу.

– Почему?

– Потому что я люблю другую.

– А если она тебя не любит? Если она уже замужем?

– При чем тут ее чувства? – искренне удивился Лоренцо. – Речь обо мне.

– Ну... а если она правда замужем?

– И что? Любить мне это не мешает!

– Почему бы тебе тогда не жениться? Если она о тебе забыла, то почему должен страдать ты? И твой ребенок тоже?

Динч была хорошим психологом, и ее слова попали аккурат в точку.

Лоренцо любил Адриенну. Но... а если она и правда замужем? Если он ей не нужен? Если... Что может быть гаже назойливого влюбленного?

Опять же, ребенок...

Лоренцо помнил обещания, которые давал себе. А тут получается, что он даже хуже своего отца? А что? Пьетро Феретти хотя бы женился на матери, и дети были рождены в законном браке. Лоренцо точно знал, что побочных детей у отца не было. Попросил узнать Джакомо.

Мало ли кто? Если у него действительно есть еще брат или сестра, они страдать не должны. Он бы постарался помочь...

Джакомо понял и успокоил. Как оказалось, ни братьев, ни сестер у Лоренцо Феретти нет. Пьетро был осторожен.

А он?

Расслабился? Поверил... или действительно несчастный случай?

– Я подумаю, – отделался «всеобъемлющим» выражением Лоренцо. И ушел из дома. Отправился на край села. Там было весьма удобное место, чтобы посидеть, подумать о жизни... Все правильно. На кладбище.

Удобно, тихо, спокойно, уютно... что еще надо-то? Лично ему – ничего. А покойники... да плевать! Мертвые – тихие. Не встанут, не вылезут, кусаться не начнут, лежат себе и лежат. И с советами не лезут.

А жаль, кстати говоря. Лоренцо не отказался бы от совета.

И кашель позади воспринял не со злостью, а скорее с любопытством.

– Зеки?

– Я, Энцо.

Бывший ланиста и бывший гладиатор давно уже обращались друг к другу просто по именам. Какая разница? Они и так друг друга уважают, кто-то сомневается?

– Ты сам пришел – или Динч послала?

– И то и другое. Она беспокоилась, но пришел я сам.

– Ага... и что скажешь? Ты же знаешь...

– Что она беременна? Знаю. Хорошо, что сейчас.

– Хорошо? – удивился Лоренцо.

– Да. Когда просохнут дороги и можно будет идти через горы, ребенку будет пять-шесть лун. Это не страшно. Она вполне сможет передвигаться. Ты же не хочешь оставаться здесь еще на год?

– Нет.

– А тащить младенца в горы?

– Нет.

– Бросить Динч здесь?

– Это подлость, – даже не заколебался Лоренцо. – Она мне поверила, помогла, а я поступлю как подонок? И так-то не знаю, что делать с ребенком...

– Ты ее очень любишь? Адриенну?

Лоренцо пожал плечами.

Любовь... что такое любовь? Он не знал. Может, это вроде прыща как-то проявляется? Или нет? На самом-то деле все просто.

– Я не смогу жить без нее.

– Даже если она с другим?

– С третьим, четвертым, пятым... мне все равно! Понимаешь? Мы как две половинки одного целого. И я точно знаю, что она испытывает то же самое.

– Даже так?

– Да.

Лоренцо был в этом уверен. Недаром же в мгновения между жизнью и смертью он чувствовал присутствие Адриенны! Ее руку, ее волю, ее силу. Именно она держала его над бездной.

Зеки-фрай задумался.

Он надеялся, что все не так серьезно. Но тут... да, Динч тут будет крайне сложно. А потому...

– Знаешь, Энцо, я бы на твоём месте подождал до Эрвлины. С любимыми решениями.

– Да?

– Конечно... подумай сам! Ты не знаешь, что с твоей любимой, ты не знаешь о своей семье, ты ничего не знаешь! Вообще! Может, и хороший выход – жениться на Динч, а может, и нет... Пока ты не знаешь исходных, ты не знаешь и последствий.

– Ты прав. – Лоренцо и сам так думал.

– Пообещай ей, что малыша усыновишь в любом случае.

– Это определено.

– Вот. Ей пока этого хватит. А потом... потом будет видно! Если твое сокровище замужем, то стоит и тебе жениться на Динч.

– Да?

– Конечно. Ты бы хотел, чтобы молодой и холостой красавец общался с твоей супругой?

– Нет, – честно сказал Лоренцо.

– Вот. А так ты женат – и нет проблем.

– А если Адриенна освободится?

– Тогда и будешь думать. Это все пока, сам понимаешь, вилами на воде писано. На ближайшее время – что?

– Что именно?

Зеки улыбнулся.

– Да вот то. Пообещай ей усыновить ребенка в любом случае, а о браке скажи, что подумаешь. Но в Эрвине.

Совет был признан толковым, и Лоренцо пожал руку друга.

– Спасибо.

– Я и о себе забочусь. Нам еще зиму тут переждать, через горы перейти... а хуже гневной бабы – только гневная и беременная.

– Тоже верно, – хмыкнул Лоренцо. – Ладно, пойду поговорю с ней...

* * *

Разговоры никак не помогли бы бедолаге, и Динч бы оторвала ему голову, но Зеки-фрай тоже провел с ней разъяснительную работу.

– Ты чего хотела-то?

– Свадьбу!

– Сразу?

– Он меня уже сколько времени знает...

– Вот! Пусть привыкает, что ты лучшая. А если его эта любовь замуж вышла... он пару раз упоминал, что та помолвлена... так вы и поженитесь.

– Он мог бы и сразу на мне жениться!

– Мог бы. Но мужчины такие странные. Нам еще и смазливое личико подавай... сама понимаешь.

Динч разревелась. Но Зеки-фрай был безжалостен. И резал поживому, как хороший лекарь гноящуюся ткань.

– Твое достоинство – ум. Вот и пользуйся им. Лоренцо должен понимать, что лучше тебя никого нет. А ты что устраиваешь? Скандалы, сцены... зачем? Если он и женится, то на любящей и заботливой матери своего ребенка. А не на скандальной дуре, которая говорила, что не забеременеет, кстати...

Динч прищурилась, но поругаться с Зеки-фраем было занятием бесполезным. Ланиста же, хоть и бывший! Он гладиаторов об колени ломал, что ему какая-то рабыня!

– Если ты умная, ты меня услышала. А если дура... чего я на тебя тут время тратить буду?

Поднялся и ушел.

Динч осталась одна.

Поревела в подушку. Повыла, покусала одеяло... сплюнула шерстяные нитки, которые мгновенно забились в щели между зубами, им страдания безразличны...

И неожиданно для себя успокоилась.
Ладно же! Подождем!
Ребенка Лоренцо признает в любом случае. А она...
Вы ей покажите сначала эту Адриенну. А потом... потом Лоренцо
поплачет на могилке стервы и женится на Динч! И только так!

Адриенна

– Ваше величество...
Вот честно!
Адриенна совершенно не нарочно!
Просто эданна Франческа так воняла лилиями, что желудок ее
величества взвыл что-то непечатное – и помчался прятаться. Куда-то в
живот.

А вот содержимое желудка фонтаном рванулось в обратную
сторону.

Эданна Франческа и мяукнуть не успела, как оказалась вместо
бело-алого в буро-серо-тошнотном. И – словно этого кошмара было
мало, Адриенну вывернуло и второй раз. Для разнообразия уже
желчью...

– Ох-х-х!

Кто знает, что бы сделала эданна Франческа, что бы сказал его
величество или, там, придворные, которые вдруг все и сразу
подавились воздухом... Такой твердый оказался, ну вот просто ужас
какой-то... вдохнули – и не туда пошел!

Ужас-ужас!

Первым опомнился дан Виталис, ему по должности положено.

– Ваше величество! Немедленно! Вам надо лечь, и я вас
обследую!

Адриенна жалобно застонала. Приступы продолжались, желудок
скручивали спазмы...

Следующей опомнилась эданна Франческа.

– Я... ты... вы...

Завизжать ей не дали. Эданна Чиприани была куда как крупнее
Франчески, поэтому королевскую любовницу она просто боком
отодвинула в сторону.

Душевно так.

Та отлетела к колонне, ахнула – и заткнулась. Колонна явно была покрепче эданны.

А Филиппо и сообразить ничего не успел. Рядом с ним материализовался Иларио Пинна. И тихо-тихо шепнул на ухо:

– А если ее величество отравили?

Этого оказалось более чем достаточно. Его величество мигом забыл про любовницу.

Его супруга... да ладно – супруга! Его надежда на продолжение династии! Вот ведь оно как!

Король самолично подхватил жену на руки и потащил в спальню.

Адриенна глухо стонала от боли, положив руку на желудок. Спазмы следовали один за другим, и такие болезненные... кошмар просто!

Эданна Сабина помчалась за своей госпожой. А тихая и незаметная дана Челия Санти направилась на кухню.

Есть такое незаменимое народное средство: клюквенный морс с долькой лимона. И ложечку меда. Получить все это на кухне было несложно, стоило только сказать, что для ее величества.

Слуги к королеве относились хорошо. Причем – все.

Вот король мог и капризничать, и ругаться, и увольнять. Королева же...

Ей можно было пожаловаться потихоньку, она выслушивала – и помогала. И дану Пинне тоже можно было много чего сказать. И благодарность от него была осязаемая.

Не то чтобы королеву любили и сразу-сразу, но на фоне короля и эданны Франчески... определенно, слугам Адриенна казалась намного лучше обоих капризников.

* * *

В покоях его величество сгрузил Адриенну на кровать и сел рядом, сжимая тонкую руку жены.

Дан Виталис принялся обследовать королеву, нажимая то тут, то там... получалось плохо.

Желудок болел, Адриенну скручивало рвотными спазмами... какие уж тут подробности? Дан Виталис растерялся, но в спальню без разрешения вошла одна из фрейлин. Да и какое тут разрешение?

Эданна Сабина тоже была рядом с Адриенной, помогала ей раздеться, вытирала пот со лба...

– Ваше величество... ну-ка!

Челия отодвинула эданну Сабину – и сунула в рот Адриенне ложечку с медом.

– Ой...

– Рассасывайте. Медленно.

Адриенна хотела сказать, что ее сейчас вырвет. И вообще...

Но...

Как-то оно так получилось, что мед начал рассасываться. И стало... хотя бы рвота прекратилась. Тошнота еще осталась, но желудок уже не пытался удрать в неизвестность.

– Вот так. Рассосали?

– Да, – вытащила ложку изо рта Адриенна.

– Тогда давайте я вам помогу... нет-нет, не вставайте. Я поддержу, а вы выпьете... ваше величество, – вспомнила про титулование Челия.

И неудивительно. Девчонка понимала: окажись она не права, ее пинком со двора выкинут. Личным. Королевским. Еще и родители потом голову оторвут. Но у нее восемь братьев и сестер. Все старше ее, кто женился, кто замуж вышел... Если это не беременность, Челия будет очень удивлена.

Напиток подействовал, смирив спазмы в животе, и Адриенна смогла расслабиться.

– Что это? Челия?

– Ваше величество, если помогло...

– Да. Мне легче, – прислушалась к себе Адриенна.

– Вы беременны.

– ЧТО?!

Филиппо чуть с кровати не рухнул.

Беременна? Его жена? А... а как?! Ей же еще... она же маленькая... она же может ребенка не выносить!

И вот это... этот приступ...

– Дана Санти? – строго поинтересовалась эданна Сабина. – Почему вы так считаете?

– У меня столько родных, эданна Чиприани... я такое видела у старшей сестры. И еще у кузины, и у жены брата... двух. Их просто скручивало на ранних сроках.

Дан Виталис с интересом поглядел на фрейлину.

Хм?

Положим, сейчас у большинства семьи немаленькие. И братьев-сестер хватает. Но чтобы вот так, запомнить, опознать, сообразить, как можно помочь...

Интересно.

– Дана Санти, вы им тоже этот напиток делали?

– Меня наш лекарь научил, – потупилась Челия. – Я понимаю, это не женское занятие, но мне нравилось ему помогать. Он старый был, вот и...

– Полагаю, всем надо выйти, – решил дан Виталис. – Я обследую королеву, и мы точно будем знать причину ее состояния.

Спорить не стал никто.

Адриенна расслабилась, закрыла глаза и терпела и пальцы лекаря, и его расспросы... да, крови прекратились. Да, грудь набухла. Да... вот, тошнит.

Дан Виталис размышлял не особенно долго. Вердикт был однозначным.

– Поздравляю, ваше величество.

И только тогда Адриенна заплакала.

* * *

В своих покоях плакала эданна Франческа.

Выла от гнева, кусала платок...

Это ж надо... ТАК!

Теперь ей век не отмыться... не от рвоты, она-то что! А вот что это было на завтраке, при всем дворе... над ней даже свиньи в свинарнике хохотать будут!

Конечно же, Адриенна нарочно!

А что – есть сомнения?

Еще как нарочно! Стерва!!!

Не может вынести, что Франческа умнее, красивее, и вообще... Франческу король любит, а с женой просто по обязанности!

Вот она и...

Нарочно, точно!

Разве кому-то может стать плохо от запаха ее духов? Да этот лилейный аромат столько стоит, вы бы знали! На цену одного небольшого флакончика год прожить можно!

Да, такого позора ей точно не забудут...

Теперь только один выход.

Ее величество должна умереть в родах. В идеале...

Надо навеститься к ведьме. Пусть поможет к этому идеалу приблизиться, и побыстрее...

* * *

– Ваше величество, поздравляю!

Кардинал Санторо ждал в приемной и, конечно, вошел сразу же, как только вышел с объявлением дан Виталис.

Фрейлины радостно пищали.

Адриенна лежала и думала, что она не хотела ведь говорить об этом. Вот не хотела...

Неприятно ей...

А что поделать? Такое не скроешь, нет, никак не скроешь...

– Благодарю, кардинал, – Филиппо Четвертый улыбался. – Помолитесь за нас.

– Разумеется, ваше величество.

– А можно я тоже помолюсь? Хочу в часовню! – Адриенна надула губки.

Филиппо вздохнул и покачал головой.

– Адриенна, нельзя.

– Почему?

– Вы себя плохо чувствуете. А если вдруг что-то? Кто вам поможет?

– Я могу взять с собой служанку. Или кого-то из фрейлин – пусть дежурят за дверью часовни, – не растерялась Адриенна.

– Все равно это слишком опасно.

– Меня просто стошнило. – Адриенна понимала, что чуточку надавить и можно, и нужно. И есть подозрение, что кардинал ее поддержит. А вот выбора у нее нет. Дай только слабину – и всю беременность она проведет лежа в кровати, обложенная подушками. – Эданна Франческа – милейшая женщина, но ее духи просто невыносимы. Особенно в таком количестве.

– Да... с количеством духов эданна действительно иногда не угадывает, – вздохнул кардинал. – Создается ощущение, что мы стоим в клумбе с лилиями.

– Причемдохлыми, – буркнула Адриенна.

И политыми старой кровью. Почему-то вот так ей казалось. Но кто там будет ее слушать? Точно не король.

Или?..

– Я запре... – начал было Филиппо и осекся.

А чего тут запрещать? Адриенна же не нарочно, просто так онаотреагировала. И, может быть, пахни Франческа не так сильно, Адриенну бы и не стошнило? Ему нравится, но беременные женщины... говорят, они сложные. И капризы у них есть. И вообще...

– Ладно. Я прикажу, чтобы эданна Франческа не пользовалась этими духами.

– Нет-нет, ваше величество! – Адриенна пришла в себя достаточно, чтобы понимать некие подводные течения. – Я не настаиваю. Пусть пользуется, но либо в меньших количествах, либо пусть будет осторожнее. И, умоляю, извинитесь перед ней за меня. Я не виновата, но... это очень неприятное происшествие.

Это еще мягко было сказано. Филиппо кивнул.

– Извинюсь. Адриенна, я уверен, эданна все поймет.

Ага, поймет она. Уже поняла. И что еще сделает? Уж точно ничего хорошего.

– Ваше величество, прошу вас... позвольте мне помолиться.

– Днем не получится? – жестко поинтересовался Филиппо.

– Я не знаю, почему так получается. Но ночью, когда кругом тишина и покой, моя душа может отрешаться от суетных мыслей, – сплела слова в заковыристую фразу Адриенна. – Днем я не могу так сосредоточиться на молитве, как требуется.

Филиппо задумался, как бы отказать поаккуратнее, но тут вмешался кардинал Санторо:

– Ваше величество, если ее величество желает... давайте пойдем навстречу?

– Это опасно!

– К примеру, четыре человека, в том числе и дан Виталис, будут ждать под дверью часовни. А ее величество пообещает не опускать засов...

– Если они пообещают без моей просьбы не входить.

– Если ваше величество пообещает давать о себе знать хотя бы раз в час.

– Зачем?

– Вдруг вам станет дурно?

Адриенна понимала, что о ней заботятся. Крыть было нечем. Но...

– Розарий^[13] занимает больше часа. Особенно если молиться, вкладывая свою душу в каждое слово.

Мужчины переглянулись.

– Или вы туда отправитесь не на всю ночь, к примеру? – предложил кардинал. – После вечерней молитвы и до первых петухов? К примеру?

Адриенна бросила взгляд на супруга. Тот выглядел сосредоточенным, бледно-голубые глаза словно бы еще больше выкатились наружу.

– Пожалуй, на это я могу пойти. – Филиппо понимал, что не дать супруге эту игрушку – получить скандал. Да и не золото она просит, не бриллианты... ночь в молитве!

В таком отказывать нельзя, его просто не поймут.

– Ваше величество! – Адриенна обрадовалась так искренне, что отказать стало и вовсе уж неудобно.

– С десяти вечера и до первых петухов. И четверо ждут под дверью.

– Благодарю! Сегодня? – засияла Адриенна.

– Завтра.

– Как прикажете, ваше величество.

– А сегодня полежите, отдохните и не вставайте. Дан Виталис так и распорядился, но я его еще сюда пришлю. – Филиппо поднялся и вышел вон.

– Утешать эданну Франческу, – меланхолично произнесла Адриенна.

Кардинал даже плечами не пожал. И что? Это и так всем понятно.

– Ваше величество, королю сейчас несладко придется.

– Он сам выбрал эту девку. И... иногда мне кажется, она пользуется лилиями, чтобы отбить запах тухлятины.

– Тухлятины, эданна Адриенна?

– Чем-то таким, гадким, от нее пахнет, – взмахнула рукой Адриенна. – Спасибо, кардинал. Вы меня просто спасли... Беременность – это прежде всего моя душа, мои мысли, а какое тут может быть спокойствие, если они не в порядке.

– Дети – это радость, ваше величество. Разве нет?

– Может быть. Но я-то могу умереть, – призналась Адриенна. – Вот просто – умереть.

– Умереть?

– Я слишком молода. В нашем роду женщины созревают поздно... Из-за раннего брака первая беременность моей матери закончилась выкидышем, а потом она умерла, рожая меня.

Кардинал искренне встревожился.

– Я сейчас пришлю сюда дана Виталиса. Ваше величество, умоляю вас не пренебрегать его советами.

– Обещаю, дан Санторо.

Кардинал вышел, почтительно поцеловав королевскую ладошку на прощание, а Адриенна подумала, что ей очень-очень нужно поговорить с Морганой.

Срочно!
ВАЖНО!!!

Вот как так?! Как могла наступить эта проклятая беременность, если Адриенна исправно пила лекарство?

С другой стороны, дан Виталис предупреждал, что полной гарантии нет. Но... тогда это может значить, что она созрела для деторождения?

Адриенна действительно была в определенном душевном хаосе. И ей очень требовались совет и помощь.

Мия

Девушка собиралась в столицу.

Своеобразно, надо сказать, собиралась. А что, зима, считай, наступила, через месяц можно ехать. А значит...

Надо тренироваться.

Вспоминать навыки, отработать несколько «типовых» лиц, случись что – и смотрит на тебя вовсе даже другой человек.

Я?

Да что вы!

Я не дана Феретти, я вовсе даже дана Белло...

Мия смотрела на себя в зеркало и лепила лицо, словно пластилин.

Губы – тоньше, брови выше... это – что?!

Ой...

На глазах у Мии, в зеркале, происходило нечто непонятное. Брови вместо того, чтобы стать угольно-черными и тоненькими, в ниточку, вдруг расползлись двумя гусеницами, едва не на половину лба.

– Ой, – еще раз повторила девушка. И быстро-быстро вернулась в свой родной облик.

Получилось, кстати, хуже и медленнее.

А ну-ка... нет, на лице Мия пробовать не стала. Вместо этого вытянула руку и принялась изменять ее. Добавила пигментных пятен, сверкнула когтями... вот на когтях все и закончилось.

Пятна еще как-то появились, хотя и норовили расползтись вовсе уж безобразно. А когда девушка выпустила когти, на нее такой приступ тошноты накатил... Пришлось срочно убрать их и сделать вид, что это даже вовсе не она.

Но что же происходит-то?!

Она теряет контроль над своим даром?

Или...

Дурой Мия не была, а потому припомнила еще одну причину. Которая очень даже легко может наступить, если ты живешь в одном доме с мужчиной и спишь с ним в одной постели. И вы в этой постели такое устраиваете, что уже два раза ножки подламывались.

Кстати – дубовые.

Из хорошего такого, крепкого резного дуба. Но вот... не выдержал.

Так что же... беременность?

Мия сосредоточилась и попробовала припомнить календарь. Выходило так, что рожать ей летом. Ну... тоже не страшно.

Или?..

Открывшаяся правда требовала серьезных размышлений.

К чести Мии, решение избавиться от малыша и жить как прежде ей даже в голову не пришло. Даже рядом не пролетело – с чего бы?

У нее есть свой дом, есть деньги... в самом худшем случае ей есть куда идти. Но еще неясно, что скажет Рикардо.

Мия лишний раз осмотрела себя, ощупала грудь... действительно, и увеличилась, и тянет, и вообще неприятно. А в остальном как?

Никак!

Если бы не метаморфозы, она бы и не задумалась. И, опять же, сама по себе она не меняется. Ни влево, ни вправо. Просто превращения у нее не получаются, или получаются не такими, или ей плохо...

А так – все в порядке.

Ладно!

Рикардо настроен на поездку в столицу. Может, там ему о беременности и сообщить?

Мия обдумала этот вариант и кивнула сама себе. А почему бы нет?

Да, Рикардо самый умный и замечательный, и любит она его ужасно, но... да, вот это – но! А если он не захочет Мию брать с собой в столицу?

Мия отлично понимала, что здоровьем ребенка Рикардо рисковать не станет. Он же умный, и хороший, и замечательный, и вообще...

Вообще – будет куча проблем!

Он захочет заключить брак, а ей нельзя. Она же умерла вроде как. Раньше она явилась бы в банк за наследством, а сейчас и этого не может.

Он захочет, чтобы Мия оставалась в деревне и не подвергала ребенка и себя опасности. Тоже наверняка...

А сам поедет в столицу?!

Один?!

Ничего не зная о тех нравах?!

Такого Мия допустить не могла! Нет-нет, ни в коем случае... решено! Она едет вместе с Рикардо! В столицу!

Там?

А что такого?

Будет она сидеть дома. Или сопровождать Рикардо, но чуточку в другом виде... ладно, пусть она не может полноценно менять внешность. Но грим-то никто не отменял! Тут подмазать, здесь подкрасить...

Рассказать Рикардо о своем прошлом?

Нет, Мия не была уверена, что это лучший вариант. А если он будет выяснять отношения с теми же Лаццо?

Или захочет добиться ее реабилитации?

Как бы... не то чтобы она против, но не стоит забывать, кто был ее первым мужчиной.

Вот именно.

Если Филиппо узнает ее... а ведь может. Или нет?

Лицо он тогда как раз видел недолго, она его меняла, и в маске была, но тело? Тело Мия не меняла, и приметы оставались теми же. Сам Рикардо рассказывал, что может отличить любую женщину... «Не ревнуй, детка, это еще до тебя было, настоящий мужчина знает тело своей женщины. Даже женщины на одну ночь».

А еще...

Страшновато.

Мия понимала, что она права. Что Джакомо сто раз заслужил смерть. Но... у нее-то тоже рыльце в пушку. Аккурат по самый хвост!

А если всплывут все ее дела? Если его величество распорядится ее казнить? Если... Таких «если» мно-ого набирается. И рисковать Мия не хотела совершенно.

Будь она в форме, она бы удрала от кого угодно, когда, куда угодно... это не важно! С ее талантами... да хоть на башню посадите! Сбежит!

А с беременностью, которая еще неизвестно как пойдет?

С ребенком? Которого так удобно отнять от матери и шантажировать? Или вообще убить – она же не знает точно, что понадобится... она ничего, вот вообще ничего не знает!

Рисковать малышом или малышкой? Никогда!

Оставить Рикардо и остаться в провинции? Ни за что!

Выход один.

Она едет в столицу, но будет очень, **ОЧЕНЬ** осторожна. Она умная, она со всем справится...

Рука Мии впервые легла на живот, погладила круговым движением... и показалось, что под чуткими пальцами, где-то там, в глубине, бьется, трепещет чужой пульс. Крохотное сердечко новой жизни.

Рано?

И что?

Она чувствует, а остальным и не важно...

Итак, план действий прост. Молчим и едем в столицу, а там, по дороге, разберемся!

Адриенна

– Ваше величество!

Франческа выглядела такой искренне влюбленной, что поверил бы и лично Господь Бог. Филиппо тоже не сомневался.

– Дорогая моя!

Ческа кинулась любовнику на шею, прижалась, заскользила руками.

– Я весь день о вас думала. И так тосковала... безумно!

– Иди ко мне.

– О да, да, ДА!!!

До кровати они все же добрались, но раздеваться Ческа не стала, да и зачем? Невелик труд – юбку поднять.

Потом они лежали рядом, успокаивая бешено бьющиеся сердца.

А потом Ческа высвободилась из-под любовника и, не спрашивая, налила ему в кубок вина.

– Ваше величество...

Его величество Филиппо Четвертый улыбнулся. Любовница преотлично знала его вкусы, так что кубок он осушил в два глотка.

– Иди ко мне...

Франческа и не протестовала. Тем более что...

Минута, две – и вот уже глаза короля закрываются, а голова неудержимо клонится набок.

Какое замечательное снотворное.

Прости, дорогой, но этой ночью мне не до тебя! Меня ждут в другом месте, а ты поспи!

Эданна Франческа торопилась на жертвоприношение.

* * *

Моргане и рассказывать ничего не потребовалось. Стоило только руку к кристаллу приложить.

– Ты беременна, – констатировала прабабка.

– Да.

Моргана прищурилась на правнучку.

– Не рано?

– Я пила противозачаточное средство, и оно должно было подействовать. Но... я не знаю, почему так получилось.

– Это уже не важно, – махнула рукой прабабка. – Теперь все равно только рожать.

Адриенна только вздохнула. И честно созналась:

– Бабушка, мне страшно.

– Роды?

– Да.

Моргана помолчала. А потом вздохнула.

– По-хорошему, у тебя проблем быть не должно. Кровь в тебе сильная, наследие ты приняла, долг тоже... корону мою носишь?

– Ношу.

Филиппо Четвертый на нее и внимания не обращал. Адриенна так поняла, что с ним в свое время поговорил отец. И тоже молчала – а что?

– Вот и не снимай.

– Даже спать в ней?

Моргана потерла лоб.

– Конечно, с клинком было бы еще лучше, но и так сойдет... ладно уж! Если будет очень-очень плохо – кровью на камень и зови меня. Я приду.

– Камень в диадеме?

– Или в кольце. Это часть меня... я почувствую.

Адриенна решила ненадолго отвлечься.

– Бабушка, а что случилось с твоим клинком?

– Я отдала его человеку, который защищал меня.

– Совсем отдала? Может, можно у потомков поинтересоваться?
Вдруг он лежит где-то?

Моргана качнула головой.

– Не совсем так. Я говорила, после смерти своего спутника я была в расстроенных чувствах. Я встретила твоего прадеда.

– Да...

– Мой спутник погиб, защищая меня.

– От кого? – искренне удивилась Адриенна. В ее понимании все ситуации с Морганой должны были решиться по одному и тому же принципу.

Сам напал?

Сам и спасайся!

– Ты считаешь, что на меня нет другой силы? Есть, можешь мне поверить.

– И какая? – насторожилась Адриенна.

– Сейчас этого уже нет, – махнула узкой кистью Моргана. – Наша сила природная, врожденная. А раньше, бывало, и продавали себя, свою душу за заемную силу. Вот с такими нам справиться было сложно.

– Разве? – Удивление Адриенны было ненаигранным.

– Конечно. Представь себе сильную ведьму, которая не просто дерется... она же еще и измененных творит себе под стать! Ты вот Леверранское чудовище помнишь?

Адриенна помнила.

– А если их штук двадцать?

– Ой...

Королеве такие слова говорить не подобает, но очень уж живенько Адриенна это представила. И так жить захотелось!

– Возможно, ваше чудовище как раз оттуда...

Адриенна и в душе не представляла откуда. Но была точно уверена: если у одного человека получилось нагадить – второй обязательно повторит!

Это секреты мастерства повторить сложно, гениальные изделия...

А если речь о какой пакости, тут человека просить и уговаривать не надо! Это он запросто!^[14]

– Это и сейчас возможно?

– Пакость возможна всегда. – Моргана грустно пожала плечами. – Если остались записи, если есть сейчас ведьмы, которые...

– Ой...

Второй «ой» вышел насыщеннее и разнообразнее. А потом Адриенна и рассказала про ведьму, которую лично похоронила и отпустила.

Что могла сказать на это Моргана? Ну, кроме...

– Дорогая внучка, голову в песок может прятать только страус.

– Почему?

– Потому что пинком ноги он убивает даже льва^[15].

– А...

– А ты не убьешь. Сколько ни пинайся.

– Бабушка!

– Ты сказала, от ведьмы что-то осталось? Записи?

– Да.

– Завтра же! Садись и читай!

– Хм...

– Ладно! Как только получится. И чтобы никто не видел и не слышал... поняла?

– Да.

Моргана погрозила правнучке пальцем.

– Ведьму я тогда убила. А мой спутник убил ее измененных. Это ведь тоже люди... были. Слияние с волком, с медведем, с тигром... жутковатые ритуалы... Он был смертельно ранен. И я похоронила его. А чтобы наша связь не оборвалась, оставила в его могиле свой клинок.

– Клинок?

– Ты никогда не задумывалась, что это за три камня? Черных?

– Нет. Опал, наверное?

Моргана хмыкнула.

– Пусть так все думают. Но на самом деле это три капли моей крови и силы. Больше я отдать не могла... погибла бы. Сначала был клинок, потом корона. И последнее – кольцо.

Адриенна кивнула.

– Я понимаю.

– А раз понимаешь... изучай. Если эта дрянь снова выберется... я ничего сделать не смогу. Да и ты... справишься ли с ведьмой?

– Вряд ли, – самокритично признала Адриенна.

– Читай, детка. А насчет беременности – не волнуйся. У тебя все будет хорошо.

– А самочувствие?

– Просто попроси, чтобы некоторые люди к тебе не подходили, только причину не озвучивай.

– Какую?

Моргана только головой покачала.

– Детка, ты сама – жизнь и свет своих земель. Ты носишь новую жизнь в себе. Так что у нас антагонист?

– Смерть...

– И плохо тебе станет в присутствии людей, которые убивают. Есть такие... Носители смерти.

– Палачи?

– Нет. И не воины. Для них это просто работа, – отмахнулась Моргана. – Это ремесло, как ткач, рыбак, огородник... это все одно и то же. А есть люди нездоровые, они наслаждаются чужой болью, ужасом, гибелью...

– Я подозревала, что с эданной Франческой не все так просто.

– Вполне вероятно, что она убивала.

– И от нее словно бы кровью пахнет.

Моргана развела руками.

– Придумай что-то такое, вроде реакции на духи, и не говори правду. Такие твари достаточно опасны.

Адриенна кивнула.

– Хорошо. Спасибо тебе, бабушка.

Когда она вернулась в часовню, там ничего не изменилось.

Внешне.

Но...

Почему-то Адриенне чуялся какой-то посторонний запах. Здесь был кто-то чужой?

Или нет?

В любом случае рассказать про Моргану она никогда не сможет. Так что – молчим и снова молчим...

Она была тут, молилась и никого не видела.

А на днях изучит записи старой ведьмы.

И что же такого натворила эданна Франческа, что на нее такая реакция? Адриенне оставалось только за голову хвататься. Вот почему,

почему это все сваливается ей на голову, когда она узнала о беременности? Ей бы сейчас сидеть, чепчики для ребенка шить... если со скуки не помрет. А она?

А вот!

Ее величеству предстояла куча дел. И Адриенна собиралась переделать их до родов. Чтоб всем неповадно было!

В конце концов, у королевы не только обязанности есть, но и права. Так что не обессудьте...

* * *

– Да пребудет с нами Сатана!

– Да смилостивится над нами Асмодей!

– Да дарует нам свое покровительство Белиал!

Совершенно обнаженная эданна Франческа обходила круг. И с каждым «да смилуется» опускала вниз копьё.

Ритуал был творчески доработан жрецом.

А как тут быть? Вот чисто поле, пентаграмма, люди связанные... как их убивать прикажете?

Поставить стоймя?

Так ведь не будут стоять, народ у нас несознательный, нипочем не посодействуют.

Привязать к столбам?

Тоже бы неплохо, но ведь столбы еще вкопать надо, потом выкопать... пентаграмму-то начертил – и порядок. А столбы – это долго, муторно и вообще слишком близко к столице.

Но тут выбора не было, эданна чуть ли не в истерике требовала провести ритуал НЕМЕДЛЕННО!!! И платить готова была сам-десять. Грех такую возможность упускать... понятно, деньги – они не лишние, особенно такие, неучтенные, да и эданну под контроль тоже взять можно... нет у нее такой суммы!

Снова побрякушками расплатится.

А это хорошо, король своей любовнице абы что не дарит, только дорогую и очень заметную ювелирку. Потом можно будет ее использовать.

А теперь о копьё.

Люди... хотя какие там люди? Бродяги, нищие, дрянь, отребье (мысль, что им тоже больно, жрецу не то что в голову не приходила – рядом не пролетала). Так вот. Они лежат. Это эданна должна к каждому наклоняться вдвое? Может, еще и это... обитателем речного дна?

И, опять же, неудобно.

А копье – подошел, не наклоняясь, ткнул в горло и пошел дальше. Надо просто не слишком тяжелое взять, лучше даже не копье, а дротик, из тех, что раньше метали.

Впрочем, размышления размышлениями, а ритуал шел своим чередом.

– Да умрет моя соперница! – почти истерически провизжала эданна Франческа. И вонзила копье в последнего человека. Последнюю жертву.

Жрец едва глаза не закатил – хорошо еще, отвращения на лице под маской не видно.

Ну какая ж дура!

Жуткая!

Вот только и дела у адских сил, с тобой разбираться. Конечно, есть много чего, и это все не так просто, но вот таким образом можно только казни добиться. Хотя...

Казнят – там и с чертями переведаешься. Запросто.

Ну что!

Теперь напоить ее вином с кровью и заканчивать ритуал.

Визг прорезал ночь.

– Взять! – рявкнул жрец, разворачиваясь в ту сторону, откуда донесся крик.

Орала девица лет семнадцати, такая... шлюховатого вида.

Что она тут делала ночью? Да кто ж ее знает... Расспрашивать? Стоило бы, но один из подручных так грубо схватил ее, что девка охнула и затихла. Оглушили?

Да, наверное...

– Последняя жертва! Посланная Сатаной! Прими же ее, господин!

Эданна Франческа дождалась, пока тело бросят в пентаграмму, и, рассмеявшись, занесла копье.

Вот так!

И пусть подохнет королева!

Родит своего ублюдка и подохнет! Сильнее желаний у Чески не было!

Жрец не знал, что за ним наблюдали внимательные глаза. А на сарай, видневшийся вдалеке, и вообще внимания не обратил. Он-то знал, что тут никто не живет...

* * *

Ньор Джеронимо Дикарло... хотя куда там ньор... пятнадцать лет, считай, сопля на побегушках, считал жизнь удавшейся.

Да и вообще замечательной!

Мало того что ему перепала пара рий, так еще Энрикетта Бальди согласилась прийти к нему на сеновал. А что? Он о-го-го чего может! Даже два раза уже... смог...

На полученные деньги он прикупил кувшин вина (кисловато, конечно, ну ничего), запасся яблоками в кладовой, купил у уличной торговли несколько сладких пирожков. Вот так...

Где встретиться?

Да рядышком же!

Тут, в пригороде, есть ферма. Правда, она заброшена с осени, хозяйка померла, хозяин все продал и уехал. А новый владелец пока еще тут не жил. Самое милое время воспользоваться сеновалом! Тихо, уютно, никто никому не помешает... почти никто. Когда неподалеку зажглись факелы, Джеронимо даже удивился. Но сообразил, что вряд ли ему будут рады.

Энрикетта опаздывала, и Джеронимо принялся наблюдать. Что дело нечисто, он понял быстро.

Когда чертили что-то на земле... тут не видно, мало ли чего?

А вот когда подвели опоенных чем-то людей и их там раскладывали, когда появилась старуха – на вид ну чистая ведьма, – мужик в маске козла с рогами... судя по оскалу, козел был плотоядный. Да и сопровождение – человек пять таких... мордovorотов. Такие прирежут, как скотину, им что свинью заколоть, что муху убить, что человека прихлопнуть – все едино.

Последняя женщина, правда, Джеронимо понравилась.

Такая... сисястая, фигуристая, волосы золотые, лицо...

Да, эданна Франческа уже давно не закрывала лицо. А зачем? Раз сошло, два... и на сотый сойдет!

Ан нет... на этот раз свидетель у черной мессы был. Даже два.

Сцену расправы с Энрикеттой Джеронимо наблюдал, засунув в рот яблоко. И укусив его что было силы.

А то ж!

Иначе бы точно выдал себя криком, стоном, шумом... Телом он словно закаменел, а вот голос...

Хотелось закричать, кинуться вниз... нельзя, нельзя... Вместо этого парень дождался, когда все закончилось и «козел» увел бабу, накинув на нее плащ.

Ведьма ушла сама, мужики пока остались, прибирать тела... это им еще на какое-то время. А Джеронимо тихо-тихо, змейкой, выскользнул из сарая. И помчался со всех ног.

К городским воротам.

Туда, где в караулке стоял сейчас на посту его дядя. Джеронимо-то был на побегушках у стражников, а освободится место – сам пойдет туда же...

Но сейчас ему было не до места.

Надо успеть.

Рассказать...

А еще на утреннюю службу успеть бы. Мерзость-то какая... может, лучше не в стражники, а в монастырь?

* * *

Когда Джеронимо с ошалевшими глазами забарабанил в калитку, его дядя, Лука Дикарло, сначала парня и не узнал. Белый весь, трясется... волосы – полуседые!

В пятнадцать-то лет!

Весь в сене, словно его черти по сеновалу мордой возили, глаза выпучены, руки трясутся...

Хорошо, в караулке вино было. Паршивое, но крепкое.

Зима уж, пока на посту стоишь – заледенеешь, а так пару глотков сделал – и жизнь всяко веселее.

Джеронимо хватил стакан, продышался – и заговорил. Тут уж и у Луки волосы дыбом встали. Если парень такое увидел...

Десятник долго не раздумывал. Отрядил гонца к старшему – и взял Джеронимо за плечо.

– Покажешь? Куда, что... пока эти твари не ушли?!

Джеронимо закивал. Да-да, он все покажет...

И шесть человек, вооруженных арбалетами, отправились в ночную темноту. Где-то там, не так далеко, были нелюди. И люди собирались на них поохотиться. Кстати, Лука тоже пошел с ними. Все ж его племянник... родная кровь.

Досталось парню.

* * *

Забегая вперед – охота не удалась.

Пентаграмму уже уничтожили, следы... так, кое-что осталось. Сатанисты рассчитывали, что через пару дней тут никто и ничего не заметит. Зима же... дождик пройдет, снегом метнет... ну и кто увидит, что здесь кровь пролилась?

Так что убрали не очень тщательно.

А вот тела сложили в телегу.

Их собирались продать лекарям.

Да, вот такой запредельный цинизм, не просто убить, но и после смерти не дать покоя... Даже если бы несчастных бродяг и Энрикетту скинули в канаву, их бы там нашли. Пусть похоронили бы в общей могиле – собственно, во рву для нищих, – но была бы служба. И молитва, и падре, и даже крест, хоть и один на всех. Но подручные жреца нашли себе заработок.

Они продавали тела лекарям, которые разрезали трупы и изучали, как устроен человек. Лекарю – польза, им – денежка, и неплохая, кстати говоря. Опять же, и никакого риска.

Так найдут – подумают, кто убил, зачем убил...

А с лекарского стола если что и выйдет... так скорее сто килограммов мясного фарша, чем человек. Да и расспросов никаких не будет. Так что... они договорились и по очереди возили тела к разным лекарям. А телега с телами... это шесть штук. И весят они прилично.

И след от колес был хорошо заметен на дороге, а догнать... чего там догонять?

Телега с телами и не успела уйти.

Сатанист попытался удрать, но шесть арбалетов сделали из него нечто вроде ежика. Хорошо, конечно, и по заслугам, но... допрашивать-то было некого!

Впрочем, стражников это не смутило.

Они погрузили в телегу седьмое тело – сатаниста, – опознали Энрикетту, которая крутилась при страже, даря многих своей благосклонностью в надежде на замужество, и отправились в город.

Да... их ждала нелегкая ночь и тяжелый день, но...

О таком надо было докладывать начальству. Опять же, могут и награду какую дать... это ж не их дело? И участок не их, пригород по другому ведомству, а они пошли и нашли...

Десятник схватился за голову.

Потом его жест повторили и комиссар, и куча разных чиновников, и градоправитель...

Но хватайся не хватайся... О таком надо докладывать. И незамедлительно. А то...

А то есть хороший шанс стать восьмым в той самой телеге, которая сейчас стояла рядом с караулкой как вещественное доказательство. Вот где жуть-то жуткая...

* * *

Завтрак при дворе – это целая церемония.

Кто и как сидит, что и за чем подавать... И – да! – их величества на завтраке обычно присутствуют. Правда, в этот раз вид у них был сонный, хотя и по разным причинам.

Филиппо себя плоховато чувствовал из-за снотворного.

Франческа, правда, убеждала его, что он весь в делах да еще перенервничал, вот его вчера и свалило... может, еще и вино не такое... бывает же неурожай! Даже у лучших виноградарей...

Адриенна чувствовала себя отвратительно по двум уважительным причинам.

Из-за беседы с Морганой она не выспалась. Да и... нельзя сказать, что прабабка ее обрадовала, скорее озадачила.

Ладно. Дневники ведьмы она прочитает, хотя и не слишком-то охота. Но если нет выбора?

А вот потом-то как?!

Ну и беременность тоже жизнь не улучшает. Есть, есть такие счастливые женщины, у которых все это проходит легко и приятно, которых не тошнит, которые работают до последнего дня, до родов, и рожают легко, и из роддома выходят – и снова в работу... Да при этом они еще ребенка кормят, и вообще... имя им – лошадь. Которая работала в деревне лучше всех, а старостой не стала. Увы^[16].

Адриенна к таким счастливицам не относилась.

Ее уже сейчас мучило, и она спасалась только лимонной водой. Дана Санти лично посоветовала рецепт. Адриенна поблагодарила ее, а дан Виталис...

Да, дан Виталис, вы знаете, заинтересовался. И королева была довольна. Челия ей нравилась, Бонифаций тоже заслуживал счастья... может, что и сложится? Уж точно он не попользуется девчонкой и не выкинет на улицу.

Куда бы еще эданну Франческу выкинуть?

Явилась, зараза, на завтрак, стоит тут, смотрит на Адриенну, словно солдат на вошь. Ладно-ладно, Адриенна еще поговорит с супругом.

Не пришлось.

В столовую вошел монах в рясе. Все замолчали.

Доминиканцев почему-то не любили... Почему?

Жить хотелось.

Именно этот орден был известен своей борьбой со всякой нечистью. В том числе с сатанистами, еретиками... Филиппо Третий не давал им воли, но...

– Ваше величество, сегодня под столицей произошло нечто ужасное, – тихо произнес монах. – Была проведена черная месса, убиты шесть человек. Мы требуем тщательного расследования.

Король отложил салфетку в сторону.

С одной стороны... Сейчас бы монаха в кабинет, там расспросить...

С другой... а какая разница? Лучше пусть узнают сейчас, чем разведут сплетни потом. Понятно, и так будут по углам шептаться, но...

Меньше тайн – меньше проблем. В данном случае это уж точно.

– Изложите обстоятельства, брат...

– Томазо.

– Брат Томазо.

– Под столицей была проведена черная месса. Призывали какую-то нечисть, принесли в жертву пятерых...

Кардинал Санторо принялся перебирать четки.

– Случайно им в руки попала шестая жертва, также убита. У мессы есть свидетель, который может опознать хотя бы нескольких участников.

– Предъявите, – попросил его величество.

И наткнулся на ледяной взгляд брата Томазо.

– Простите, ваше величество. Мы не пришли бы к вам с этим вопросом, но свидетель уверен, что в мессе участвовали люди высокородные. Мы предоставили ему свою защиту и не станем тащить беднягу ко двору, где ему может грозить опасность.

– Вы намекаете... – задохнулся от понимания Филиппо...

Обвел глазами придворных.

Кто-то смотрел прямо, кто-то опускал глаза, Ческа вообще блее мела... испугалась, бедненькая, едва на ногах стоит... она-то за городом живет! Как же ее напугали, ужас!

Надо перевезти ее поближе ко дворцу или вообще во дворец, Адриенна поймет...

Или...

Кто-то из высокородных, возможно, здесь присутствующих, балуется с черными мессами.

И это – страшно.

Сделать Филиппо мог только одно.

– Хорошо, брат Томазо. Я позволяю трем монахам вашего ордена пребывать при дворе и искать врага. Но помните, что в жизни и смерти волен только я. И без моего согласия...

Филиппо фразу многозначительно не закончил, но монаху и не надо было. Он поклонился в ответ.

– Ваше величество, мы благодарны вам за разрешение. Наш меч не покарает невиновных.

Филиппо кивнул в ответ.

И едва успел подхватить супругу.

Черные мессы оказались для Адриенны последней каплей ко всей чаше. Королева попросту упала в обморок.

Мия

Комар повертел в пальцах записочку.

Идти не хотелось. Да вообще... Огонек погас.

После смерти друга Комар ощущал себя так, словно ушла и часть его самого. Может, в чем-то и лучшая.

Джакомо был даном, но он был еще и очень хорошим человеком. Ярким, веселым, искренним, в чем-то циничным, в чем-то жестоким...

Комар видел друга именно с этой стороны. И не видел ничего страшного в том, чтобы отдать Серену Феретти замуж за дана Бьяджи. И не таких приговаривать приходилось, а кого и своими руками...

Чем эта конкретная девчонка хуже или лучше других? Тем, что за нее Змейка горой встала?

Ладно... она имела право. Это ее сестра, и Джакомо знал, на что идет... Только разве от этого меньше болеть будет?

Мужчина потер грудь... там, слева, болело, тоскливо ныло сердце, то заходило в бешеном переплясе, то успокаивалось...

Друга нет.

И Змейки нет.

И...

Что есть, так это тоска. Зеленая, злобная, горькая... может, поэтому Комар и не прогнал королевского слугу, когда тот явился на порог? Отлично знал, что не стоит с высокородными связываться, что можно головы не сносить, что Осьминог уже своей заплатил... но тут вроде как ничего серьезного и не нужно?

Последить за бабой, и все...

Последили.

А вот «все» получилось весьма и весьма заковыристым. Таким, что и сразу не расскажешь, и не подумаешь, и...

Вслух-то высказать можно. Только страшно. До крика, до истерики, до... до непредставимого. Ну есть же вещи, которые даже последнее отребье делать не будет! Вот самое последнее, какое есть...

Убьет, украдет, детей своих продаст, но вот это...

Никогда!

За такое не то что чистилище, за такое – АД.

А сердце мозжило и ныло...

Комар подумал несколько минут, а потом махнул рукой, достал из ящика стола свиток и решительно подвинул поближе чернильницу.

«Змейка!

Если ты читаешь эти строчки, значит, я мертв. Надеюсь, ты поставишь свечку за мою грешную душу...»

Сейчас он подробно опишет, что случилось, что происходило, расскажет все от и до. А потом...

Нет, он не полный дурак. И понимает, что рано или поздно Мия вернется в столицу. И придет... куда? Правильно, в единственное место, без которого она не обойдется.

В банк.

На всякий случай Комар сделает еще одну копию письма, оставит ее в доме Джакомо, в тайнике, о котором знали только они трое. Мия точно знала.

Комар был в курсе, потому что пришел в дом друга и увидел пустую нишу.

Реши Мия утопиться, она бы не стала забирать с собой деньги и драгоценности, это уж точно. Сестрам бы оставила. А она забрала.

Нехорошо, конечно, но до банковской тайны... да будет ли она когда-нибудь? Знают двое – уже знает и свинья, а тут знают вкладчик и банкир, значит, в курсе будет весь Эрвлин.

Итак, один свиток он оставит у Джакомо. Второй же...

У Мии есть ячейка в банке. Собственно, откуда он и знал, что девушка жива. Часть драгоценных камней, в которые обращал свои незаконные доходы Джакомо, нашлась в ее ячейке.

Банкир трясся, мялся, но посмотреть разрешил. Взять бы не разрешил ничего, это уж понятно. Но положить?

Просто письмо?

Позволит, никуда не денется. Сегодня Комар его оставит, а потом пойдет на встречу с осведомителем. Вот как хотите...
Сердце мозжит...

* * *

Восемью часами позже Комар понял, что сердце-то было умнее. И вовсе даже головой думать надо.

Но...

Было непоправимо поздно.

Кинжал?

Стилет?

Да что ты навоюешь той ерундой супротив волков? Здоровущих таких, размером с теленка в холке...

Лязгнули, смыкаясь, клыки, хрустнула кость... боль была такая, что кто-то другой тут же и выключился бы.

Комар был покрепче.

Еще один удар он нанести успел, прежде чем на его горле сомкнулись жуткие челюсти. Рванули, едва не оторвав самое голову...

Из его подручных спасся лишь один – вовремя успел удрать. Отходил по нужде, ну и... не вернулся. Нужду уже на ходу справлял, как большую, так и малую. Но – плевать ему было на все. И на изгаженные штаны в том числе.

Когда три волка – да, черных, страшных, с кроваво-красными глазами...

Не обычные то были волки.

Мужчина трясся, рассказывая. Что и понятно, потому что это были младшие братья того самого Леверранского чудовища. Но пока об этом еще никто не знал.

Даже трупа волка не осталось.

Следы лап припорошило снегом так, что не разобрать.

Свидетелей не было.

А кто там порвал, кого порвал...

Вот делать стражникам больше нечего, всякое ворье перебирать! Сдохли – и ладно, город чище будет. Так что убийство Комара осталось нераскрытым. Да и не интересовало оно никого.

Столица жила своей жизнью.

Письма в сейфе бланка и в тайнике Джакомо ждали своего адресата.

А волки...

Волки отправились к хозяину. И мертвое тело с собой уволокли. На это их разума более чем хватало. Если делать не полноценное чудовище, а просто увеличить, укрепить, ну и ума добавить...

Это Хозяину удалось.

И Стая ждала своего боя.

* * *

Мия смотрела в окно.

Падал снег, укрывал белым одеялом поля, засыпал следы, убаюкивал, укутывал землю...

Падал и падал, и снежинки летели и кружились, и мысли были почему-то невеселые.

Скоро Рождество.

Они будут отмечать его в Демарко, а потом поедут в столицу.

Что их там ждет?

Как все будет?

О чем она будет думать, глядя на снегопад в следующем году?

Она не знала... и медленно водила пальцем по ледяному стеклу.

Рикардо был чем-то занят, и Мия наслаждалась одиночеством. Она сидела и слушала тишину.

Да, тишину... и только под ее рукой глубоко внутри билось сердечко ребенка...

Я уже люблю тебя, малыш. У нас все будет хорошо.

Медленно и неотвратно падал первый снег.

notes

Примечания

1

Первые петухи поют около полуночи, вторые во втором часу ночи, третьи – в четыре часа утра (*прим. авт.*).

Удивляться не советую. Все объяснимо даже без мистики. Существует такая штука, как фоточувствительные чернила. Проявляются от солнца. В сокровищнице обычно окон нет, а вот в кабинете есть. И солнце. И ультрафиолет (*прим. авт.*).

Осадочные горные породы – та еще гадость. А там как раз пустыня рядом – самое их соседство (*прим. авт.*).

У той же Елизаветы I Тюдор было три тысячи платьев. И это не современные мини с разрезами, а полноценные наряды той эпохи. Так что гардеробная там была на зависть стадиону в Лужниках (*прим. авт.*).

Есть и самостоятельное женское имя Мия, и сокращение от Марии, Эмилии, Амалии – всех не перечислишь. Даже в Японии есть Мии (*прим. авт.*).

Бывали прозвища и похлеще: Темный, Косой, Железнобокий, Да-и-нет, Галантный Бодрячок, причем и на Руси и в Европе (*прим. авт.*).

Пятá клинка или рикассо (*итал.*) – незаточенная часть клинка, прилегающая к гарде или непосредственно к рукояти клинкового оружия (*прим. авт.*).

Реальный выверт средневековой мысли (*прим. авт.*).

Постельное белье в привычном нам виде появилось в Италии в V веке: простыни и наволочки на подушки. Пододеяльники тогда не шили, так что сменить белье было не слишком сложно. Кстати – из белой ткани, отсюда и название: белое, белье (*прим. авт.*).

Арабское «свет» (*прим. авт.*).

Между прочим, считалось, что женщина может зачать ребенка, только если получила удовольствие во время соития. Поэтому притянуть к ответственности подонков часто не представлялось возможным. Залетела? Она сама хотела... прелестная система, правда?
(Прим. авт.)

Вообще, сера горит, но при 360 °C на воздухе. Такое легко не обеспечить (*прим. авт.*).

Розарий – в католицизме цикл молитв, читаемых по четкам (*прим. авт.*).

Чисто для примера: кубок Ликурга. Повторить до сих пор не могут – не по зубам ученым. Зато прикидывают, как бы эти технологии да в военных целях (*прим. авт.*).

Голову в песок эти птички, кстати, не прячут. Просто распластываются по земле, как тряпка, если опасность. А насчет льва – чистая правда (*прим. авт.*).

Лично знаю такой пример. И токсикоз, и три работы, и кормление... Когда выхода нет, еще и не так раскорячишься (*прим. авт.*).